**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА**

АКАДЕМИЯ ГЕОПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ

ИСЛАМИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Москва 2001

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
АКАДЕМИЯ ГЕОПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ

ИСЛАМИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

(сборник статей)

Москва 2001

научное издание

ИСЛАМИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(сборник статей)
М., 2001 – 260 с.

Составитель сборника доктор геополитики, действительный член Академии геополитики и безопасности **М.Р.Арунова**

Подготовка к печати **В.В.Хуторская**

Сборник статей российских авторов посвящен исключительно актуальной и важной теме исламского экстремизма на Ближнем Востоке. На примере емкого фактологического материала рассматривается целый блок проблем, охватывающих как страновой, так и региональный и международный аспекты темы.

Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, а так же на лиц, интересующихся проблемами политики и религии в странах Востока.

ISBN 5-89394-058-X

ISBN 5-89394-058-X

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000

© Академия геополитики и безопасности, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

М.Р.Арунова
СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ 4
В.М.Ахмедов
ЛИВАНСКАЯ «ХЕЗБОЛЛА» КАК «ЦЕНТР СИЛЫ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ 11
В.Я.Белокреницкий
ПАКИСТАНСКИЙ ИСЛАМОРАДИКАЛИЗМ – ЭВОЛЮЦИЯ И СВЯЗЬ
С РЕГИОНАЛЬНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ 34
Ю.З.Григорьева
РЕСТАВРАЦИЯ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА:
ПРИЧИНЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 50
Д.А.Ильвовский
К ВОПРОСУ О БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ КОРНЯХ ИСЛАМСКОГО
ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА) 57
Н.Г.Киреев
БОРЬБА С ТЕРРОРОМ В ТУРЦИИ 72
Г.Г.Косач
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В ПАЛЕСТИНСКОМ КОНТЕКСТЕ: ДВИЖЕНИЕ ХАМАС 111
Р.Г.Ланда
ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В АЛЖИРЕ 146
З.Т.Набиев, М.Р.Арунова
ТАЛИБСКИЙ АФГАНИСТАН КАК ОПОРНАЯ БАЗА
МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА 158
О.В.Плешов
ПАКИСТАН НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ 170
К.И.Поляков
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ
В АРАБСКИХ СТРАНАХ 185
Е.Д.Пырлин
МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИКЕ США
НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XX ВЕКА 204
Ю.Н.Рахманинов
О ПРЕСЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА
КАК ОПАСНОГО ВЫЗОВА МИРУ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 215
В.С.Романов
ПАНИСЛАМИСТСКИЕ СТРУКТУРЫ:
МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ПРИЗЫВ К ДЖИХАДУ? 227
В.И.Сажин
ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ – ПОРОЖДЕНИЕ НАРКОБИЗНЕСА И ТЕРРОРИЗМА 234
А.Ю.Умнов
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ НА БЫВШЕМ СОВЕТСКОМ ЮГЕ. 242
Ф.Ж.Хасянов
«ИСЛАМСКАЯ УГРОЗА» ЗАПАДУ И МЕРЫ ПО ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ 248

М.Р.Арунова

СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Нынешняя ситуация в Афганистане, как представляется, во многом связана с обострением этнополитических процессов, начавшимся после падения режима Наджибуллы, установления власти моджахедов в форме Исламского Государства Афганистан (ИГА), а затем прихода талибов.

Как известно, страну населяют пуштуны, таджики, а также хазарейцы, узбеки, туркмены, чараймаки и представители других национальностей. Напомним, что исторически основателями афганской государственности были пуштуны. Именно из них, как правило, формировались правящая элита, высшее чиновничество, генералитет. Непуштуны, остро ощущая свое неравноправие, выступали против пуштунской гегемонии. Недовольство этим положением нередко проявлялось в вооруженных выступлениях, а с середины XX века стало выражаться путем создания оппозиционных властям политических группировок, защищающих интересы непуштунских этносов.

В годы гражданской войны, начавшейся фактически сразу после прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), этнодемографический и этнополитический баланс в афганском обществе оказался существенно нарушен. Во-первых, к моменту падения режима НДПА и провозглашения ИГА пуштуны уже не составляли большинства населения страны, что было связано с их многомиллионной эмиграцией[*].

[*] Важно отметить, что при общем относительном и абсолютном сокращении численности пуштунского населения в стране, претерпели изменения также и отношения между исторически соперничавшими двумя крупными племенными группами в составе пуштунского этноса – дуррани и гильзаями. В результате апрельского переворота 1978 г. структуры государственной власти оказались в руках преимущественно гильзайского руководства группировки «Хальк», что положило конец традиционному привилегированному положению дуррани, к которым принадлежала афганская королевская династия. Восстановить свое политическое доминирование даже среди пуштунов дуррани уже не смогли.

Во-вторых, в ходе войны резко выросло национальное самосознание непуштунских народностей, что позволило опиравшимся на них партиям и группировкам моджахедов укрепиться в политическом и военном отношениях. В государственных, особенно силовых, структурах кабульского режима непуштуны также постепенно заняли видное место. Например, таджикский элемент устойчиво преобладал в госаппарате и в вооруженных формированиях министерства госбезопасности. В этой среде все более крепло убеждение в недопустимости возврата к прежнему доминированию пуштунов. Межэтнические противоречия в центре и на местах приняли открытую форму в тот момент, когда началось стремительное размывание социально-политической опоры президента Наджибуллы.

По жесткой логике внутриполитической борьбы выступление против Наджибуллы объективно вело оппозиционеров внутри режима к блокированию с моджахедами, которое в условиях усиления межэтнических противоречий и осуществлялось прежде всего на этнической основе.

Именно этнический фактор определил ориентацию антинаджибовской оппозиции (преимущественно непуштунской по своему составу) на крупную организацию моджахедов – Исламское общество Афганистана (ИОА) во главе с Б.Раббани, опиравшуюся на таджиков, и ее ведущего полевого командира Ахмад Шаха Масуда.

Конфликт Наджибуллы с влиятельными непуштунскими военачальниками, укрепившимися на севере страны, населенном преимущественно таджиками и узбеками, стал непосредственной отправной точкой политического размежевания, приведшего в конечном счете к падению режима НДПА.

С победой в апреле 1992 г. моджахедов у власти оказалась непрочная коалиция в составе моджахедских партий (танзимов), состоявших из представителей разных этносов. Как в центре, так и на местах разгоралась ожесточенная борьба за власть, в которой этнический фактор играл далеко не последнюю роль. Положение осложнялось тем, что едва ли не за каждой из соперничавших партий, группировок и объединений стояли определенные внешние силы, в частности, поддерживаемый Вашингтоном Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, конкурировавшие за влияние в Афганистане и в регионе в целом.

С ликвидацией Республики Афганистан перестала функционировать та, пусть и весьма несовершенная и ограниченная, однако достаточно развитая система руководства страной и контроля за ходом дел на местах. Важно отметить и то, что за годы войны состав местных элит кардинально изменился. На первый план выдвинулась фигура полевого командира, который опирался на военную силу и вовсе не обязательно был выходцем из верхушки местного общества. Именно военные командиры различной национальной принадлежности, разных военно-политических ориентаций стали играть ведущую

роль на местах. Действуя параллельно и независимо друг от друга, они не были связаны отношениями управления-подчинения.

Таким образом, в тот момент, когда власть в регионах была чрезвычайно фрагментирована и не подчинялась центру, а братоубийственная война разгоралась с новой силой, на политической арене появилось Движение талибов (ДТ)*. Эта организация была создана спецслужбами Пакистана при активном участии праворадикальной партии «Джамаат-и ислами» и при разноплановой поддержке прежде всего со стороны США. Предполагалось, что талибы сумеют «навести порядок», восстановить традиционное доминирование пуштунов в общественно-политической жизни страны. Делался расчет и на то, что ДТ гарантирует приход к власти в Кабуле по меньшей мере дружественного, если не откровенно зависимого от Исламабада режима, что должно было, кроме прочего, обеспечить Пакистану «стратегическую глубину» и геополитическое преимущество, прежде всего в непростых отношениях с Индией, а также с Ираном. Не следует полностью исключать, что преследовались и другие, далеко идущие цели, в том числе создание афгано-пакистанской конфедерации, идея которой неоднократно обсуждалась еще в 50-70-х годах в Исламабаде и Вашингтоне.

Отряды талибов формировались вначале из числа афганских беженцев, получивших религиозное образование, а затем прошедших военную подготовку в специальных лагерях. Вскоре к ним примкнули пуштуны Пакистана. Они оснащались стрелковым и тяжелым оружием, имели самолеты и вертолеты.

Следует отметить, что движение талибов неоднородно. Помимо «твердолобых» исламистов, в нем немалую роль играют, условно говоря, «интеллектуалы», для которых исламский экстремизм – лишь средство в борьбе за власть, способ достижения тех или иных политических или экономических целей. Среди них, кстати, есть бывшие видные деятели прежнего режима – представители халькистского крыла НДПА.

В 1994 году отряды ДТ перешли афгано-пакистанскую границу, заняли Кандагар, а затем часть центральных и северных провинций страны. Лишь в сентябре 1996 года они сумели взять Кабул, а в 1998 году – овладеть значительной частью северных провинций Афганистана.

Реальный вооруженный отпор талибам осуществлял (и продолжает осуществлять) главным образом Объединенный фронт (ОФ) под руководством А.Ш.Масуда, являвшегося вице-президентом и министром обороны ИГА, к которому примкнули сохранившие боеспособность отряды других антиталибских группировок, в том числе и состоящие из пуштунов. Они более или менее прочно удерживали позиции

* Талиб – «ищущий знаний», учащийся, студент религиозного учебного заведения.

в провинциях Бадахшан, Тахар, Каписа, Парван, Баглан, Кундуз, Сари-Пуль. В сентябре 2000 года талибы, активно поддерживаемые пакистанскими воинскими частями и арабскими боевиками – сторонниками известного саудовского миллионера и международного террориста У.бен Ладена, нашедшего убежище в Афганистане, резко усилили военное давление на силы А.Ш.Масуда. Они сумели захватить ряд важных позиций в провинциях Тахар и Бадахшан и вышли на некоторых ее участках к афгано-таджикской границе.

Причины неудач ОФ в значительной мере кроются в противоречиях, раздирающих его как по этническим, так и по политическим интересам. Главный фактор – периодически обостряющийся конфликт между узбекскими военачальниками прежнего режима и таджикскими отрядами А.Ш.Масуда.

Захватив большую часть территории Афганистана, талибы не только не стабилизировали, но еще больше обострили военно-политическую обстановку в стране, гальванизировали межэтнические противоречия. Религиозная и политическая нетерпимость руководства ДТ, пуштунский национализм и экстремизм, геноцид в отношении шиитов-хазарейцев и других непуштунов, убийства инакомыслящих без суда и следствия, грубые нарушения гуманитарного права в целом, особенно в отношении женщин, казнь Наджибуллы, расстрел иранских дипломатов в Мазари-Шарифе, погромы в ооновских учреждениях в Афганистане – все это вызвало резко негативную реакцию в мире.

При этом следует отметить, что политический экстремизм и религиозная нетерпимость проповедующих воинствующий ваххабизм талибов, наркобизнес все больше приобретают трансграничный характер.

Помимо создания лагерей подготовки международных террористов (причем не только афганцев, но и граждан арабских стран, а также выходцев из Центральной Азии), руководство ДТ установило контакты и налаживает координацию действий с чеченскими бандформированиями, представителями радикального крыла таджикской оппозиции, с экстремистскими исламскими группировками, пытающимися действовать на территории Киргизии и Узбекистана. Есть сведения и о связях талибов с уйгурскими экстремистами Синьцзяня (КНР).

Предоставление убежища У.бен Ладену, постепенное превращение территории Афганистана в опорную базу международного терроризма, исламского экстремизма и наркобизнеса* дают основание говорить о том, что ДТ является серьезной угрозой региональному и международному миру и безопасности. В конце ноября 1999 г. в итоговом докладе Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН о положении в Афганистане Генеральный секретарь ООН подчерк-

* По данным экспертов ООН, производство афганского опиума-сырца в 1999 г. достигло 4,6 тыс.т (т.е. 75% объема его мирового производства), из которых 70% вывозится в Европу.

нул, что афганский конфликт достиг той точки, когда мировое сообщество уже не может игнорировать его последствия.

Отказ талибов изменить линию поведения, уклонение от конструктивных переговоров с правительством ИГА, нежелание принять предложения ООН, ОИК, «Группы соседей и друзей Афганистана» («Группа 6+2»)*, другие посреднические инициативы о политическом урегулировании путем создания широкопредставительного и многоэтнического правительства вынудили мировое сообщество пойти на применение адекватных мер в отношении ДТ.

15 октября 1999 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1267, которая содержит требование о выдаче У.бен Ладена и вводит международные санкции, включающие запрет на международные полеты самолетов афганской авиакомпании «Ариана» и замораживание зарубежных банковских счетов и денежных авуаров ДТ, за исключением случаев, связанных с оказанием гуманитарной и другой помощи.

Поскольку эти справедливые требования были полностью проигнорированы Кандагаром, мировое сообщество предприняло шаги по наращиванию мер воздействия на режим талибов. Совет Безопасности принял 19 декабря 2000 г. резолюцию 1333, которая вводит одностороннее военное эмбарго против ДТ. Это означает, что все государства должны препятствовать прямой или косвенной продаже талибам оружия и другого военного имущества, а также оказанию им консультативного содействия по военным вопросам.

К государствам, поддерживающим дипломатические отношения с талибами, обращен призыв сократить число и уровень сотрудников диппредставительств ДТ, ограничить их передвижение по территории страны. Другие зарубежные офисы и представительства ДТ, включая все отделения авиакомпании "Ариана", закрываются полностью. Замораживаются средства и иные финансовые активы У.бен Ладена.

В целях борьбы с использованием доходов от наркодеятельности для финансирования терроризма запрещаются поставки талибам

---

* «Группа 6+2» в составе граничащих с Афганистаном стран – Ирана, Пакистана, КНР, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана, а также России и США – была создана в 1997 г. по инициативе спецпосланника Генерального секретаря ООН Л.Брахими. Она выработала согласованные подходы к проблеме внутриафганского урегулирования, которые были зафиксированы в принятой в июле 1999 г. на выездном заседании группы в Ташкенте Декларации об основных принципах мирного урегулирования в Афганистане. Документ предусматривает урегулирование конфликта путем мирных переговоров, через создание на широкой основе многоэтнического и представительного правительства. Было решено не предоставлять военной поддержки ни одной из воюющих афганских сторон. К мировому сообществу был адресован призыв принять адекватные меры для предотвращения поставок оружия в Афганистан.

химических веществ, применяемых исключительно для производства наркотиков.

Вводится запрет на полеты иностранных самолетов на территорию Афганистана, контролируемую талибами, кроме как по отдельному разрешению Комитета по санкциям (под данный запрет не подпадают самолеты, перевозящие в Афганистан гуманитарные грузы).

Принятие резолюции 1333 подчеркивает международную изоляцию, в которой оказались талибы. В качестве государственной власти в Афганистане их признают, помимо Пакистана, лишь Саудовская Аравия и ОАЭ. Несмотря на серьезные усилия с целью добиться международного признания, ДТ не удается пока улучшить свой явно неблагоприятный имидж на международной арене.

Дальнейшее развитие событий в Афганистане предсказать весьма сложно. Оно может пойти по различным сценариям. Гипотетически талибы могут «дожать» «Северный альянс», установив контроль над всеми северными провинциями, включая Бадахшан. Однако в этом случае силы А.Ш.Масуда уйдут в труднодоступное Панджширское ущелье и прибегнут к тактике партизанской войны, которая может продолжаться многие годы. Разрозненные очаги сопротивления талибам сохранятся и в некоторых районах расселения хазарейцев, узбеков, туркмен, а также в отдельных местностях зоны пуштунских племен.

Длительная напряженность в ряде районов страны потребует от талибов постоянного отвлечения значительных сил и средств, которые у них и без того иссякают. Да и поддерживающий их Пакистан вряд ли сможет выдержать такую нагрузку без риска обострения собственного политического и экономического кризиса.

Не следует исключать возможности того, что правительственным силам ИГА удастся остановить продвижение ДТ и даже, используя неблагоприятные для талибов условия, восстановить и укрепить свои позиции на севере Афганистана. Если это произойдет, и военное противостояние зайдет в тупик, то вероятен раздел страны на «пуштунский юг» и «непуштунский север» или даже – в случае усиления внутренних разногласий в рядах антиталибского альянса – «ливанизация» Афганистана.

Подобное развитие событий может повлечь цепную реакцию геополитических изменений, последствия которых сегодня трудно прогнозировать. Так, по-разному могут складываться отношения Севера с пограничными государствами. Возникновение «пуштунского юга» может дать новый импульс идее «великого Пуштунистана», объединяющего населенные пуштунами афганские и пакистанские территории. Вот тогда в полной мере проявится фактор «талибанизации» самого Пакистана – процесса, который сегодня идет, но опасность которого Исламабадом явно недооценивается. Обострение межэтнических отношений в Пакистане, провоцируемое талибами, способно повлечь политический взрыв и привести к распаду страны. Такие пе-

ремены, безусловно, не оставят безучастной Индию. В этом случае и Иран не преминет воспользоваться ситуацией для укрепления своих позиций среди афганских шиитов-хазарейцев.

Все это, безусловно, приведет к дальнейшей эскалации напряженности в регионе Центральной и Южной Азии и Среднего Востока.

Следовательно, любые возможные варианты развития афганских событий по силовому сценарию несут серьезную угрозу стабильности и безопасности региона и мира в целом. Значит, особую важность приобретает активизация усилий мирового сообщества под эгидой ООН с целью склонить противоборствующие афганские стороны, прежде всего талибов, к прекращению кровопролития и возобновлению прямого конструктивного диалога для достижения компромиссных договоренностей о создании коалиционного правительства, которое смогло бы обеспечить соблюдение прав и интересов всех политических, религиозных и этнических сегментов афганского общества, создать предпосылки для прекращения гражданской войны и восстановления Афганистана в качестве единого, независимого и территориально целостного государства, живущего в мире со своими соседями.

В.М.Ахмедов

ЛИВАНСКАЯ «ХЕЗБОЛЛА» КАК «ЦЕНТР СИЛЫ» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

События последних лет в Алжире и Судане, на территории бывшего СССР (Дагестан и Ферганская долина), в некоторых других районах мира выявляют ряд важных тенденций в новейшей истории ислама, суть которых, на наш взгляд, можно трактовать как синхронную активизацию религиозно-политических движений определенной направленности в мусульманских ареалах от Марокко до Индонезии и от Судана до Татарстана. Конечно, было бы неверным и преждевременным говорить о том, что современные процессы в мире ислама вовсе лишены теологической глубины. Однако, как свидетельствуют многочисленные примеры из зарубежной и отечественной практики, новейшие общественно-политические течения, выступающие под флагом ислама, в меньшей степени тяготеют к религиозно-богословской сфере и области духовного самоуглубления веры, реализуясь, по большей части, в рамках идеологии и общественно-политической практики, что зачастую ведет к саморасширяющемуся экстремизму и насилию, религиозной нетерпимости и террору, в том числе и по отношению к своим же единоверцам, «неправедным» с точки зрения адептов этих течений, а так же инициирует подрывные действия в отношении существующих государственных институтов. Сохраняющаяся тупиковая ситуация в процессе ближневосточного урегулирования является еще одним важным стимулом к активизации исламистов, т. к. исламистская критика властей за их неспособность победить «маленький» Израиль в ходе последних арабо-израильских войн по-прежнему популярна среди рядовых мусульман. В этой связи в целом произраильская позиция США и в то же время их сотрудничество преимущественно с так называемыми умеренными арабскими режимами воспринимаются в исламистской среде крайне болезненно. Широко распространено мнение о том, что США умышленно, в интересах Израиля снижают военные возможности арабов. Нередко исламисты считают, что враждебные им режимы удерживают власть лишь благодаря помощи США и что именно это – главное препятствие для свержения таких режимов.

В последние десятилетия XX века терроризм и экстремизм оказались неразлучными спутниками государств Ближнего Востока и

существенно расширили рамки конфликтного потенциала региона, силовым полем которого в прошлом в массовом сознании были главным образом арабо-израильская вражда и противостояние двух мировых систем. Распад СССР и появление на юге нашей страны новых геополитических реалий, возникших в результате образования независимых государств Закавказья и Средней Азии, как бы расширили рамки региона Ближнего Востока непосредственно до границ России. Происходящие здесь процессы приобретают особо важное значение в свете российских интересов в южной зоне постсоветского пространства и обеспечения национальной безопасности РФ. Эти изменения обусловливают необходимость их тщательного и всестороннего изучения как на региональном уровне, так и на политическом поле каждой конкретной страны Ближнего Востока.

Одной из таких стран является Ливан, территория которого вот уже четверть века превращена в арену неутихающих клановых и этноконфессиональных столкновений, являющихся на деле отражением более глобального конфликта между арабами и Израилем. Основные фигуранты противостояния – Израиль, Сирия, другие арабские страны, а также Иран – последние 15 лет особенно активно используют для реализации своих политических целей различные военно-политические и религиозные организации Ливана.

Появление в Ливане религиозно-политических структур, выступающих за возврат к исламским нормам общественной жизни, произошло под влиянием ряда внутренних и внешних факторов, среди которых можно выделить группу причин (урбанизация, расширение сферы наемного труда, усиление политической активности новых городских слоев и т.п.), общую для стран Ближнего Востока, где в конце 70-х гг. произошло резкое усиление процесса политизации ислама. В отсутствие твердой государственной власти, разгула анархии и затяжном кризисе в блоке левых и патриотических сил часть ливанских мусульман, разочарованных в способности светских партий выработать эффективный план урегулирования внутриполитического кризиса, увидела путь решения существующих проблем в возврате к «истинному исламу». В наибольшей степени этот процесс затронул крупнейшую в стране шиитскую общину, которая всегда являлась малоимущей, угнетенной и политически пассивной. Впервые в истории общины в ней возникли религиозно-политические организации, выступившие за отмену конфессиональной системы государственного устройства, отводившей шиитам второстепенное положение в обществе и не соответствовавшей возросшим политическим амбициям шиитской буржуазии.

Мощным импульсом, способствовавшим радикализации ливанских шиитов, стала революция в Иране. Однако, если в других странах Ближнего и Среднего Востока исламская революция дала только толчок для активизации радикальных сил и движений, то в созда-

нии исламистских группировок в Ливане Тегеран принимал уже непосредственное участие, осуществляя на практике реализацию «экспорта исламской революции» и рассматривая Ливан в качестве плацдарма для расширения сферы своего влияния на другие арабские страны.

Свою ставку на Ливан исламские лидеры ИРИ сделали уже с начала 80-х годов. Воспользовавшись израильской оккупацией юга Ливана и войной 1982 года, Иран через территорию Сирии направил в страну около 3 тыс. бойцов из элитных подразделений «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР), в задачу которых входило оказание поддержки проиранскому шиитскому движению в Ливане. Стремясь реализовать идею создания здесь исламской республики по образу и подобию иранской, исламские руководители ИРИ отчетливо понимали, что достичь этого невозможно без установления их полного контроля над шиитской общиной страны и прежде всего над организацией «АМАЛЬ»*, которая к началу 80-х годов завоевала в этой общине прочные позиции. Ее руководитель Набих Берри заручился поддержкой со стороны Дамаска и не хотел терять своего влияния на шиитскую общину, переориентировавшись на интересы Ирана.

В этих условиях иранское руководство развернуло мощную пропагандистскую кампанию против Н.Берри и оказало большую финансовую и идеологическую помощь его заместителю Хусейну Мусави, выпускнику юридического факультета Тегеранского университета и ревностному сторонника идей аятоллы Хомейни. Летом 1982 г. под влиянием исламских руководителей ИРИ и, в частности, Монтазери, который считался духовным преемником Хомейни и в течение многих лет возглавлял Высший совет исламской революции (институт, занимавший особое место среди органов по реализации политики экспорта исламской революции), Х.Мусави обвинил Н.Берри в предательстве интересов ливанских шиитов, заявил о своем выходе из «АМАЛЬ» и, обосновавшись в Баальбеке вместе со своими сторонниками, создал новую шиитскую организацию «Амаль исламий», ставшую одним из главных инструментов иранской внешней политики в Ливане. Одновременно представитель «АМАЛЬ» в Тегеране шейх Ибрагим аль-Амин, несогласный с политикой Н.Берри, приступил к созданию ливанской «Хезболлы», при активном участии южно-ливанского шейха, духовного лидера организации Мухаммеда Хусейна Фадлаллы (род. в 1925 г. в г. Неджеф [Ирак]). В то время М.Фадлалла возглавлял две шиитские ассоциации «Братское семейство» и «Союз исламских студентов в Ливане».

Вообще, исторические корни ливанской «Хезболлы» уходят в Ирак, который в 50-70-е годы превратился в политический центр

---

* АМАЛЬ – арабская аббревиатура от Афвадж-Аль-мукаввама Аль-любнанийя (Полки ливанского сопротивления).

деятельности ливанских шиитов. В конце 60-х гг. в единственной в тот период шиитской организации «Партия призыва» («Ад-Даава») образовалось ливанское крыло, куда вошли современные лидеры «Хезболлы»: М.Фадлалла, С.Туфейли, Х.Курани. М.М. Шамсуддин, М.Садр*. Последний создал в 1974 г. в Ливане «Движение обездоленных», а в 1975 г. – вооруженное крыло этой организации, получившей впоследствии название «АМАЛЬ». К числу «даавистов» (сторонников «Партии призыва») принадлежали, по некоторым данным, также нынешний генеральный секретарь «Хезболлы» шейх Хасан Насралла, его заместитель Наим Касем, Мухаммад Язбек, Хусейн Хаура и ряд других руководителей организации. Начало их карьеры было связано с так называемой «баальбекской теологической школой», где активно преподавалось учение М.Садра. В начале 80-х годов эта группа, которую возглавлял тогда шейх Рахиб Харб (убит в 1984 г. в ходе боевых операций против израильских войск), пыталась самостоятельно организовать и возглавить борьбу с израильской оккупацией юга Ливана, но была отодвинута на задний план людьми, присланными из Тегерана.

Вот как говорит об истории создания своей организации Х.Насралла в одном из своих интервью в марте 1996 г. издающемуся в Лондоне арабскому еженедельнику «Аль-Васат»: «После того как израильские войска в Ливане усилили оккупационные действия и продвинулись в районы Халида и западного Бекаа, где действовали отряды «АМАЛЬ» и «Ад-Даава», стало очевидно, что для противодействия израильтянам нужны новые организационные формы и методы борьбы. Это стало причиной раскола «АМАЛЬ», часть членов которой вышла из организации. Члены «Ад-Даава» и других исламских организаций приняли решение о самороспуске. В этих условиях в июне 1982 г. на организационном съезде, в работе которого принимали участие представители из различных районов Ливана, было принято решение о создании новой организации «Хезболла». Одним из ее руководителей являлся Аббас Мусави. Боевой костяк составила исламская молодежная ячейка, которая в первые дни израильского нападения на Ливан приняла решение действовать как самостоятельная исламская группа в борьбе против израильских войск». Сам Х.Насралла, которому в то время было 22 года, не принимал участия в работе этой молодежной ячейки. По словам генсека, новая «Хезболла» была чисто внутриливанским образованием и в начале пользовалась поддержкой и помощью главным образом со стороны палестинцев и ливанских партий. «Что же касает-

* Муса Садр – имам ливанских шиитов, родственник по материнской линии аятоллы Хомейни, дядя нынешнего заместителя министра иностранных дел ИРИ Мухаммада Садра. Пропал, по некоторым данным, во время пребывания в Ливии в 1979 г.

ся помощи Ирана и Сирии, то она пришла позже», – утверждает Х.Насралла.

В 1985 г. на совещании проиранских экстремистских организаций в Иране лидеры «Хезболлы», «Амаль исламий» и других ливанских группировок приняли долгосрочные программные установки, суть которых сводилась к созданию в Ливане исламской республики по типу иранской, освобождению оккупированного юга Ливана, войне с Израилем вплоть до его полного уничтожения, борьбе с западным, прежде всего американским, влиянием в Ливане.

После вывода с большей части территории Ливана израильских войск в 1985 г. «Хезболла» при активной поддержке бойцов КСИР приступила к созданию собственных арсеналов оружия, а также смогла за сравнительно короткий срок мобилизовать под свои знамена значительное число новых членов, существенно расширив социальную базу поддержки организации в шиитской среде Ливана за счет денежных пожертвований, поставок местному населению продовольствия, медикаментов и т.п. Одновременно бойцам организации удалось закрепиться в шиитских общинах южных и западных районов Бейрута, а также на юге Ливана. По словам Х.Насраллы, через некоторое время после образования «Хезболлы» в «Амаль исламий» было принято решение о том, что члены этой организации действуют в рамках «Хезболлы». В тоже время и сама «Амаль исламий» сохранила за собой определенную политическую роль.

Укрепление «Хезболлы», особенно ее позиций в районах традиционного влияния «АМАЛЬ», привело вскоре к усилению соперничества двух организаций, которое во второй половине 80-х годов приняло форму ожесточенных вооруженных столкновений, наложившихся на обострение палестинских междоусобиц в Ливане.

К этому времени в руководстве ИРИ осознали, что намерение создать в Ливане исламскую республику сталкивается с большими трудностями как внутри страны, так и за ее пределами. Реакция большинства арабских государств на провозглашение исламской республики в Иране, а особенно на ряд аспектов ее внешней политики, в целом была негативной. Как серьезную угрозу своим международным и внутриполитическим интересам рассматривали страны региона, прежде всего Египет и Саудовская Аравия, настойчивые попытки Тегерана изображать исламскую республику как «абсолютную исламскую модель» и центр мирового ислама.

Стремление исламского руководства ИРИ, которое полностью не могло полагаться на деятельность проиранских группировок в Ливане, расширить свое прямое присутствие в этой стране за счет увеличения числа бойцов КСИР и их нелегальной переброски на юг Ливана и в Бейрут, а также неуклюжие попытки Тегерана нормализовать обстановку в Западном Бейруте в 1987 г. и сыграть роль «третейского судьи» в урегулировании палестинских разногласий, существенно

осложнили позиции ИРИ в самом Ливане, обострили отношения Тегерана с Организацией Освобождения Палестины (ООП) и Сирией. Последнее обстоятельство было весьма важным для Тегерана, поскольку САР была, пожалуй, единственной арабской страной, сохранившей нормальные отношения с Ираном в ходе ирано-иракской войны, которая уже сама по себе резко ограничила возможности ИРИ по экспорту исламской революции в соседние страны.

Прежде всего эта политика не встречала сколько-нибудь заметной поддержки широких слоев ливанского населения, в том числе большинства мусульман как суннитов, так и шиитов. Даже многие лидеры «Хезболлы», имевшей проиранский имидж, стремились сохранить независимость от ИРИ и подчеркивали ливанское начало своей организации. В этой связи в конце 1987 г. политические лидеры ИРИ вынуждены были переориентироваться и сделать ставку в руководстве «Хезболлы» на группу во главе с шейхом Субхи Туфейли, родом из деревни Бриталь (долина Бекаа), которого в Тегеране рассматривали как верного Ирану политического деятеля.

Однако только вмешательство Дамаска смогло остановить кровопролитные столкновения между «АМАЛЬ» и «Хезболлой», которые приняли особенно ожесточенный характер в 1988 году. Сирия фактически спасла «Хезболлу» от сокрушительного разгрома. Хотя «АМАЛЬ» и смогла существенно потеснить боевые формирования «Хезболлы» на юге Ливана, что привело на рубеже 1988-1989 гг. к резкому снижению активности боевых операций организации против израильской армии. В результате так называемых Таифских соглашений 1989 г. Сирии удалось не допустить разоружения «Хезболлы», оставив ее в качестве единственной ливанской организации с военной инфраструктурой, и таким образом получить реальную возможность осуществлять контроль за снабжением «Хезболлы» оружием. Достигнутые в январе 1989 г. между Дамаском и Тегераном «специальные соглашения» позволили «Хезболле» восстановить свою военную инфраструктуру и возобновить операции на юге Ливана, а также использовать для своих нужд базы в районах Бекаа, Баальбека, Наби Шит и Джантры.

В 1991 г. «Хезболла» превратилась в ведущую военную силу ливанского сопротивления, действующую на юге страны против Армии Южного Ливана (АЮЛ) и израильских войск. Когда в 1993 г. премьер-министр Ливана Р.Харири попытался поставить под контроль центральной власти ситуацию в районах к югу от реки Литани, его действия оказались заблокированы и не привели к конкретному результату.

«АМАЛЬ» в 1990 г. отмежевалась от террористической деятельности и стала политическим движением религиозного толка. Его лидер Н.Берри вновь вошел в состав ливанского правительства. И все же отрядам «АМАЛЬ» время от времени приходилось обозна-

чать свое участие в военных операциях против израильской армии, чтобы не потерять политическую поддержку внутри страны.

Тем не менее «АМАЛЬ» пользовалась бóльшей популярностью шиитского населения юга Ливана, поскольку движение имело более светский характер. К тому же многие не хотели оказаться в роли жертв ответных действий израильской армии. Анализ итогов известной операции Израиля на юге Ливана в 1996 г., получившей название «Гроздья гнева», показал, что около половины населения г. Кана – основной цели израильских бомбардировок – поддерживало «АМАЛЬ». Более репрезентативные опросы общественного мнения, проведенные среди ливанских шиитов в феврале 1999 г., продемонстрировали, что «Хезболла» имеет более прочные позиции в пригородах Бейрута, т.е. районах, удаленных от границ с израильской армией в зоне непосредственных боевых действий.

С начала 90-х годов «Хезболла» из чисто военной или полувоенной силы стала постепенно трансформироваться. Летом 1992 г. руководство ИРИ рекомендовало лидерам «Хезболлы» начать превращение этой организации из группировки откровенно экстремистского толка в активную политическую силу ливанского общества.

Лидеры организации заявили об ее отказе от диверсионно-террористических методов борьбы и несколько снизили уровень военной активности «Хезболлы» на юге Ливана. Внутри «Хезболлы» был достигнут компромисс между «умеренными» и «радикалами», установлено перемирие с «АМАЛЬ», и началась активная подготовка к парламентским выборам.

Осенью 1992 г. «Хезболла» получила 8 из 128 мест в ливанском парламенте, что позволило ей, блокируясь с другими депутатами-исламистами, иметь от 10 до 20% голосов и, таким образом, претендовать на роль одной из ведущих политических сил Ливана.

Происходящие изменения вызвали структурную реорганизацию внутри самой «Хезболлы» с целью быстрой и эффективной адаптации организации к новым политическим и экономическим условиям. Структура высших руководящих органов «Хезболлы»: Духовный лидер – Съезд – Консультативный Совет (КС) – Политбюро (ПБ) – Центральный исполнительный комитет (ЦИК) – в целом осталась неизмененной. На съезде «Хезболла» в апреле 1993 г. при выборах нового состава КС победу одержало «умеренно-прагматичное» крыло организации во главе с Х.Насраллой*, который был избран генеральным секретарем партии, его заместителем стал Наим Касем. Бывший генсек «Хезболлы» С.Туфейли, лидер «радикалов» не вошел даже в состав КС, а его сторонники – выходцы из Бекаа и северных районов лишились практически всех руководящих постов в

* Х.Насралла формально возглавил организацию в феврале 1992 г. после гибели А.Мусави во время налета ВВС Израиля на юг Ливана.

организации. Их места заняли выходцы с юга, представители южной шиитской общины Ливана. Новым в оргштатной структуре организации стало введение по должности в состав КС Хусейна Халиля – председателя ПБ, которое осуществляло повседневное руководство. Таким образом, внешний характер организации стал более политизированным.

Преобразования затронули и военные подразделения «Хезболлы». В 1992 г. ядро военного крыла «Хезболлы» было выделено в самостоятельную боевую структуру, формально не связанную с организацией. Таким образом, была достигнута цель сохранения военного крыла «Хезболлы» в качестве серьезного рычага воздействия на возможные изменения внутренней и внешней ситуации.

Больше известная под общим названием «Исламское сопротивление» (ИС), эта группа представляет собой хорошо организованную и глубоко законспирированную вооруженную структуру общей численностью от 300 до 500 высококвалифицированных профессиональных бойцов во главе с офицерами, прошедшими специальную подготовку в лагерях КСИР в Иране. Общая же численность членов «Хезболла» к середине 90-х годов составляла от 8 до 10 тысяч человек. Необходимо отметить, что ИС достаточно автономно в своих действиях, его связь с политическим руководством организации весьма условна и ограничена. Зачастую генсек «Хезболлы» узнает об акциях ИС постфактум и то не обо всех. В тоже время на протяжении двух последних десятилетий деятельность почти всех структур «Хезболлы» была подчинена военным задачам ИС. В первую очередь это относится к пропагандистскому подразделению «Хезболлы», в распоряжении которого имелись два сайта в Интернете, телевизионная станция «Аль-Манар», радиостанция «Ан-Нур», еженедельный журнал «Аль-Ахд», а также небольшая радиостанция «Саут аль-мустадафин», ведущая передачи на район Бекаа.

Характерно, что ни Иран, ни Сирия, ни, как отмечалось выше, политическое руководство «Хезболлы» не вмешивались в военное планирование ИС, командование которого самостоятельно принимало решения практически по всем операциям. Такая автономность командования ИС и высокая боеспособность его отрядов не дали возможности Тель-Авиву нейтрализовать деятельность «Хезболлы» в южном Ливане. Одну из наиболее серьезных попыток в этом плане предпринял в 1996 г. тогдашний премьер-министр Израиля Ш.Перес, санкционировавший проведение военной операции «Гроздья гнева». Однако эта 16-дневная операция израильской армии причинила значительный материальный ущерб ливанским деревням прифронтовой полосы и унесла жизни 170 мирных ливанцев, но не привела к ликвидации «Хезболлы». Самым памятным для израильского командования оказался 1997 г., в котором погибло около 40 израильских военнослужащих. Только с 1982 по 1985 гг. потери израильской

армии, по данным Х.Насраллы, который опирается на израильские источники, в результате военных операций организации составили больше всех вместе взятых израильских потерь за время предыдущих арабо-израильских войн.

Однако наибольшие опасения и возмущение израильтян и Запада, прежде всего США, вызывают имеющиеся, по их информации, факты применения бойцами ИС тактики взрывов израильских и американских объектов в Ливане с помощью боевиков-смертников. По оценке западных экспертов, такой вид терроризма существует несколько десятилетий. Уже в 80-х годах подобная тактика активно использовалась в Ливане (южные районы), Кувейте и Шри-Ланке, а в 90-х годах – Израиле (оккупированные территории), Индии, Панаме, Алжире, Пакистане, Афганистане, Хорватии, Турции, Танзании и Кении. Речь идет, в частности, о таких экстремистских организациях, как ХАМАС, «Хезболла», «Палестинский исламский джихад», «Джихад исламий», «Гамаа Исламийя», «Вооруженная исламская группа», «Тигры освобождения Тамил Илама», Рабочая партия Курдистана (РПК), «Аль-Каида» (У.бен Ладена) и ряде других группировок.

Одной из основных особенностей террористических групп, применяющих тактику боевиков-смертников, как указывают западные исследователи, является религиозная, националистическая или смешанная по мотивации природа акций. Так, поддерживающие свои религиозный статус организации ХАМАС и «Хезболла» одновременно выдвигают еще и этнонационалистические задачи.

По данным ряда западных источников, с 1980 по 2000 гг. «Хезболла» и ряд связанных с нею групп осуществили 52 теракта с участием боевиков-смертников в Ливане, в основном на юге, Кувейте и Аргентине, а ХАМАС и «Палестинский исламский джихад» – 30 – все на территории Израиля, главным образом в оккупированной Палестине. Примечательно, что данная статистика ни словом не упоминает о «Братьях-мусульманах», которые в начале 80-х годов совершили несколько подобных терактов в Сирии, в том числе против советских объектов. Очевидно, сказалось то обстоятельство, что в последние годы «братья» в основном отказались от диверсионно-террористической деятельности и стали активно сотрудничать или искать диалога с властями страны.

Как считают западные эксперты, к террористическим операциям с участием смертников привлекаются наравне с мужчинами и женщины. Хотя ислам и осуждает использование женщин в такой роли, в пяти подобных акциях, совершенных в Ливане (в указанный период), участвовали именно они.

Усиление борьбы правоохранительных органов разных стран с террористами-«камикадзе» в последнее время привело к некоторому снижению числа акций с использованием смертников благодаря более тщательному проведению мероприятий защитного и упреди-

тельного характера. Так, в подготовленном Госдепартаментом США ежегодном докладе «Особенности глобального терроризма в 1999 г.», в частности, указывается на существенное снижение активности экстремистских групп на Ближнем и Среднем Востоке.

В Египте, например, в 1995 г. не было зафиксировано ни одного теракта со смертельным исходом. Иордания, в свою очередь, скрупулезно выполняет все обязательства по ликвидации террористических групп на своей территории, о чем свидетельствуют, например, разгром иорданского отделения исламской экстремистской организации ХАМАС и арест членов боевой ячейки, связанной с организацией У.бен Ладена. Представители правительства Израиля официально и в частном порядке сообщили об укреплении сотрудничества с руководителями Палестинской национальной автономии (ПНА) по вопросам обеспечения безопасности.

Что касается Сирии, то Госдепартамент США готов рассмотреть вопрос об ее исключении из списка стран, поддерживающих международный терроризм, если она более активно включится в мирный процесс на Ближнем Востоке.

Однако западные аналитики настроены в целом пессимистично. Они считают, что в обозримом будущем акты с участием террористов-смертников в полную силу заявят о себе в Западной Европе и Северной Америке как результат нынешней тенденции к усилению миграции террористических групп из стран, раздираемых этническими и социальными конфликтами, образования крупных международных террористических структур.

«Хезболла» отрицает свою причастность к наиболее громким за последние два десятилетия террористическим акциям, в том числе с участием «камикадзе». Так, в одном из своих интервью еженедельнику «Аль-Васат» в марте 1996 г. генеральный секретарь «Хезболлы» Х.Насралла опроверг сведения о причастности его организации к взрывам французских казарм и американских морских пехотинцев в Бейруте в начале 80-х годов. По его словам, эти операции совершила «Джихад исламий» – организация, возникшая в ответ на израильское вторжение на юг Ливана в начале 80-х годов, никак не связанная с «Хезболлой», полностью от нее независимая и не подчиняющаяся ее решениям. Как отмечает Х.Насралла, организация на момент своего образования состояла в основном из молодых людей, имеющих свое собственное представление и понятие о формах и методах борьбы. Генсек «Хезболлы» также отрицает, что его организация в ходе своих боевых операций использует имя «Джихад исламий». «Хезболла» действует только на оккупированных территориях и на границах с Израилем. В этой связи Х.Насралла не признает какого-либо участия «Хезболлы» в событиях в Буэнос-Айресе. В тоже время генсек «Хезболлы» подчеркивает, что не может гарантировать, что в будущем его организация «ничего не совершит против Израиля за границей».

«Все зависит от того, как будут складываться отношения между организацией и Тель-Авивом.»

Необходимо отметить, что на начальном этапе в формировании «Хезболлы» активное участие действительно принимали многочисленные шиитские группировки, в том числе «Джихад исламий», «Организация революционной справедливости» и ряд других, от которых потом «Хезболла», очевидно, отмежевалась. С другой стороны, тот факт, что под маркой «Хезболлы» часто действуют различные шиитские экстремистские группировки, облегчает для организации работу на разных уровнях. «Хезболла» выступает одновременно как основная ливанская политическая партия, крупная шиитская общественная и гуманитарная организация, а также как военная сила. Она называет себя политической партией на службе 1,2 млн. ливанских шиитов, имеет 7 мест из 128 в ливанском парламенте*. В ее управлении находится 9 школ, 3 больницы, 13 стоматологических клиник. Организация оказывает финансовую помощь в восстановлении жилых домов и деловых центров, получивших повреждения в ходе боевых действий на юге Ливана, а также участвует в работах по восстановлению дорог и в других видах деятельности. Выступая в столь разных ипостасях, «Хезболла» имеет сотни и тысячи активистов и сторонников в Бекаа, Бейруте, на юге Ливана. Ее светская и религиозная деятельность составляет важную часть жизни шиитской общины Ливана и обеспечивает ей прочную и долговременную основу для мобилизации в свои ряды новых преданных членов и бойцов из числа местного населения. «Мы, как минимум, главная сила шиитской улицы…», – скромно говорит Х.Насралла. По его словам, около тысячи молодых людей составляют боевые отряды организации, участвующие в деятельности исламского сопротивления юга Ливана.

Отмеченные процессы трансформации затрагивали, как было показано выше, все важные аспекты жизнедеятельности «Хезболлы» и происходили на фоне неослабевающей борьбы за лидерство в шиитской общине Ливана, вызванной отчасти усилением разногласий между проиранскими и проливанскими направлениями в деятельности организации. В политическом руководстве «Хезболлы» стали постепенно преобладать ливанские шииты, что вызвало недовольство у бывших лидеров организации, прибывших в Ливан из Ирана в начале 80-х гг. Обострилось соперничество между различными поколениями шиитских религиозных деятелей – «старшим», получившим теологическую подготовку в Ираке, ориентировавшимся в политическом плане на шейха М.Фадлаллу, и «молодым», укре-

* В результате парламентских выборов в Ливане в августе-сентябре 2000 г. «Хезболла» получила 12 мест в парламенте.

пившимся в шиитской конфессии при поддержке Тегерана. В отношениях духовного наставника «Хезболлы» шейха М.Фадлаллы и его иранских «спонсоров» стало отмечаться некоторое охлаждение. Возможно, это было вызвано конъюнктурными соображениями, а возможно, связано со стремлением М.Фадлаллы проводить более независимый курс, интегрироваться в политическую жизнь Ливана, с тем чтобы его организацию не принимали за иранскую марионетку. Последнее обстоятельство было особенно важным в условиях крепнувшего противостояния радикальным и клерикальным кругам «Хезболлы» со стороны ливанского духовенства, связанного с «АМАЛЬ» и не ослабевающего соперничества за влияние в руководстве организации между С.Туфейли, пользовавшимся поддержкой в Бекаа, и Х.Насраллой, за которым стояли наиболее пострадавшие в результате военных действий шиитские общины юга Ливана.

Состоявшийся в июле 1995 г. очередной съезд «Хезболлы» сохранил контроль за руководством организации в руках Х.Насраллы и его сторонников. Х.Насралла был переизбран на пост генсека еще на 2 года. В тоже время, чтобы снизить напряженность в отношениях с С.Туфейли, его сторонники получили ряд должностей в среднем и высшем звеньях управления. Произошли определенные структурные преобразования в организации. Политбюро было преобразовано в Политический совет, ставший чисто представительным органом. Во главе его был поставлен депутат ливанского парламента от «Хезболлы» Мухаммад Раад. Один из ближайших сторонников Х.Насраллы, бывший руководитель ПБ Х.Халиль стал политическим советником генсека и одновременно куратором Политсовета.

Однако преодолеть существующие разногласия между С.Туфейли и руководством «Хезболлы» все же не удалось, и они вспыхнули с новой силой в канун парламентских выборов в Ливане 1996 г. Суть их сводилась к решению вопроса о выборе места, роли и политики «Хезболлы» в регионе вообще и прежде всего в Ливане. Руководство организации во главе с Х.Насраллой стремилось обеспечить «Хезболле» передовые позиции на ливанской политической арене и исламской, в частности, превратив организацию в решающий фактор политической жизни Ливана через активное участие в избирательной компании 1996 г. Одновременно предполагалось продолжить вооруженную борьбу с Израилем на юге Ливана. Группа С.Туфейли была более радикально настроена и оставалась на прежних позициях 1992 г., когда они бойкотировали выборы в парламент, т.к., с их точки зрения, это означало бы признание легитимности ливанского режима неисламского характера. «Общеизвестно, – заявил С.Туфейли в интервью журналу «Аль-Васат» в ноябре 1997 г., – что на протяжении последних пяти лет между мной и официальным руководством партии существуют разногласия по вопросу сближения с режимом…». Главной задачей организации, по мне-

нию С.Туфейли, было проведение военных операций против израильской армии и АЮЛ. В конечном итоге в 1997 г. С.Туфейли заявил о своем выходе из организации. Собрав несколько боевых отрядов, он реквизировал крупную партию оружия со складов организации в Баальбеке. После этого, обосновавшись в долине Бекаа, С.Туфейли объявил о создании из лояльных ему формирований (общей численностью около 5 тысяч человек) «обновленной организации», получившей название «Революция голодных», намереваясь контролировать населенные шиитами южные районы. Его поддержал влиятельный шейх Зухейр Канж, бывший председатель Ассамблеи мусульманских улемов, считающийся главным духовным лицом в южных пригородах Бейрута. Год спустя организация С.Туфейли была разгромлена ливанскими правительственными войсками, но ее уцелевшие силы остались в Бекаа под присмотром Сирии, перехватывая время от времени предназначенное для «Хезболлы» оружие и боеприпасы.

По оценке некоторых осведомленных лиц, разногласия в «Хезболле» между Х.Насраллой и С.Туфейли, если отбросить их внешнюю составляющую в лице Дамаска и Тегерана, не должны были бы носить столь антагонистического характера. Так, если группа Туфейли больше делает упор на боевые операции, то сторонники Насраллы наряду с вооруженной борьбой активно пользуются политическими методами внедрения в государственную структуру Ливана. Серьезные разногласия существуют в основном на теоретическом, теологическом уровнях. С.Туфейли, например, настроен более радикально в подходах к оценке будущего Израиля как государства, ливанского режима, перспектив развития мирного процесса на Ближнем Востоке.

Необходимо иметь в виду, что за последние два десятилетия шиитская буржуазия Ливана значительно окрепла и сегодня ведет активную борьбу за передел сложившихся зон финансово-экономического влияния, путей транспортировок и рынков сбыта товаров, в которой может с успехом использовать существующие в «Хезболле» разногласия для оказания выгодного ей воздействия на своих экономических конкурентов как из числа шиитов, так и представителей других конфессий, в обмен на предоставление «Хезболле» своей финансовой поддержки, необходимой организации для укрепления своей экономической и политической самостоятельности. Нельзя также забывать об интересах части сирийской и иранской бизнесэлит, проживающих или имеющих свои деловые интересы в Ливане.

Несомненно, что на характер и перспективы происходящих в ливанской «Хезболле» процессов трансформации заметный отпечаток накладывает политика Сирии и Ирана в регионе и в Ливане, в частности, а также постоянно ведущееся между Дамаском и Тегераном соперничество за влияние на эту организацию, которое зачастую принимает весьма острые и открытые формы. Иногда даже

сложно определить, кто именно, Дамаск или Тегеран, больше помогает и влияет на «Хезболлу».

Генсек «Хезболлы» Х.Насралла отмечает, что «…как исламское государство, «Хезболла» рассматривает Иран в качестве братской и дружественной страны, также как и Сирию и правящий там режим. В рамках этих дружеских и братских связей Иран и Сирия могут влиять на организацию, а могут и не влиять. Иран и Сирия оказывают влияние на наши решения с учетом предоставляемой нам помощи и поддержки». «…Сирия, – говорит Х.Насралла, – оказывала нам и другим отрядам сопротивления моральную, материальную и политическую поддержку. Конечно, Сирия не финансировала нас. Она поддерживала, способствовала и облегчала нашу деятельность. Сирийские войска на севере Ливана и в Бекаа служат своеобразной базой для передовых отрядов сопротивления. Наши братья в Иране также оказывают нам поддержку. Мы оттого не скрываем, а также не отрицаем тот факт, что получаем финансовую и политическую помощь из Ирана. Почему США ежегодно оказывают Израилю финансовую помощь в размере 3 млрд. долл. и не скрывают этого?».

«Сирия и Иран не могут заставить «Хезболлу» действовать вразрез планам самой организации», – утверждает Х.Насралла. «Они могут лишь спорить с нами и убеждать нас. Не следует искать во всех наших политических акциях руку Ирана. Мы – исламское движение в Ливане, часть ливанского народа. Мы очень уважаем ИРИ. Но наши решения – это наши решения. «Что же касается глобальных проблем стратегического характера,» – продолжает Х.Насралла, – «…то здесь речь идет уже о так называемом вали аль-амр». «Когда-то он находился в Неджефе (Ирак), в Куме (Иран), был даже во Франции, сейчас он находится в Тегеране», – отмечает генсек «Хезболлы».

Таким образом, Х.Насралла признает, что «Хезболла» получает помощь от Сирии и Ирана и, следовательно, испытывает на себе их влияние. В тоже время это влияние имеет ограниченный характер, особенно, если речь идет о повседневной деятельности организации. В вопросах исламской теории и практики роль Тегерана, несомненно, приоритетна.

Со своей стороны, некоторые западные исследователи и политологи не склонны преуменьшать роль Сирии в поддержке «Хезболлы». По некоторым данным, в начале 2000 г. при участии Ирана готовилось около 100-150 бойцов организации, в то время как Сирия и просирийские группы в Ливане играли куда более весомую роль в обеспечении поддержки «Хезболлы». Значительная часть финансовой помощи организации поступает от сирийского воинского контингента в Ливане, а также независимых доноров в Европе и США, ряда арабских государств. Часть оружия и военных инструкторов для «Хезболлы» обеспечивается непосредственно Дамаском. Сирия

рассматривает «Хезболлу» как эффективный инструмент давления на Израиль по проблеме возврата Голанских высот на выгодных сирийцам условиях, избегая при этом открытых вооруженных столкновений с израильской военной машиной, что, по мнению ряда сирийских военных экспертов, может грозить Дамаску в нынешних условиях вероятным военным поражением и повлечь за собой непредсказуемые внутриполитические последствия.

Некоторые даже полагают, что Дамаск использует организацию для того, чтобы продлить израильское военное присутствие в Ливане и таким образом оправдать сохранение там сирийского воинского контингента, а также обеспечить получение Дамаском арабской и исламской финансовой помощи. Очевидно, по этой причине Дамаск не торопится проводить мероприятия по разоружению «Хезболлы», стремясь укрепить свой контроль над военной структурой организации. В тоже время сирийцы активно ведут работу по разоружению других местных военизированных милиций. Дамаск также обеспечивает информационно-пропагандистскую поддержку «Хезболлы» с целью укрепления легитимного характера деятельности организации в Ливане, арабских странах и на международной арене.

С другой стороны, по сравнению с левого толка палестинскими организациями, чья лояльность и идеологическая близость Дамаску не вызывают сомнений, «Хезболла» всегда была «проблемной» организацией с точки зрения сирийского режима. В фундаментальных вопросах исламской веры и практики «Хезболла» находилась всегда ближе к Тегерану, а идеологическая ориентация организации весьма далека от идей непролетарского социализма сирийской БААС. К тому же задачи «Хезболлы» в Ливане не всегда совпадают с планами Дамаска в отношении этой страны и в регионе в целом. Сирии приходится пристально следить за тем, чтобы «Хезболла» в ходе своих операций против Израиля соблюдала установленные «правила игры», а также осуществлять постоянный мониторинг за деятельностью организации с тем, чтобы она не выходила за рамки сирийских интересов и политических планов в регионе. Так, когда в апреле 1999 г. Х.Насралла встретился с Башаром Асадом, который по поручению сирийского президента Хафеза Асада вел в сирийском руководстве «ливанское досье», и изложил ему свои планы относительно активизации военных операций организации против израильтян и поддерживаемой ими АЮЛ на юге Ливана, Башар не согласился с этими намерениями. При этом сирийцы, очевидно, исходили из чисто конъюнктурных политических интересов, учитывая неофициальную просьбу Вашингтона сдерживать активность «Хезболлы» накануне парламентских выборов в Израиле. Кроме того, в связи с намеченным на май 1999 г. визитом в Сирию иранского президента М.Хатами сирийцы, вероятно, решили продемонстрировать

иранскому президенту, что «Хезболла» подчиняется прежде всего Дамаску, хотя и пользуется финансовыми субсидиями Тегерана. Когда же Х.Насралла отказался следовать «инструкциям» Дамаска, сирийцы легко переориентировались на более лояльного С.Туфейли. Последний через подконтрольные ему формирования организации дал указания временно прекратить нападения на отряды АЮЛ и израильские патрули на юге Ливана.

«Хезболла» пытается уменьшить свою зависимость от Дамаска в поставках оружия и продовольствия из Ирака, значительная часть которого переправляется в Ливан через сирийскую территорию. Еще в конце 80-х – начале 90-х гг. «Хезболла» распространила свою деятельность на территорию Турции. Характерно, что этому способствовали сами турки, по-видимому недооценив организационные и военно-мобилизационные способности «Хезболлы». В начале 90-х годов по инициативе турецких властей, в частности губернатора провинции Батман, ряд боевых формирований «Хезболлы» было решено привлечь к военным действиям против РПК. Бойцов «Хезболлы» снабдили оружием и предоставили им значительную свободу действий в проведении военных операций против курдских повстанцев. В дальнейшем боевые отряды «Хезболлы» частично вышли из-под контроля турецких властей и стали действовать в качестве самостоятельной военной силы, в том числе в других районах на востоке Турции. Таким образом, «Хезболла» смогла не только укрепить позиции своего турецкого филиала, но и создать альтернативный канал переправки оружия и боеприпасов из Тегерана в Ливан. По некоторым данным, только в январе 1996 г. по этому маршруту прошло 6 транспортов с оружием для ливанской «Хезболлы»[*]. Тегеран в свою очередь стремился наладить прямое воздушное сообщение с Бейрутом для организации прямых поставок оружия для «Хезболлы» из Ирана. В то же время прибывающие в Дамаск иранские самолеты с грузом, предназначенным для бойцов КСИР в Баальбеке, как правило, не досматриваются сирийской таможенной службой.

Очевидно, что Иран традиционно играет основную роль в снабжении «Хезболлы» оружием и подготовке бойцов организации. Как и Сирия, Иран стремится сохранить влияние на «Хезболлу», чтобы использовать ее как инструмент воздействия на ситуацию в регионе.

Иранская помощь «Хезболле» отличается от сирийской большей глубиной. Иранская поддержка сильнее идеологизирована. Она базируется на общности шиитской доктрины, идеологических уста-

[*] В 1998-1999 гг. турецкая армия нанесла ряд мощных ударов по базам «Хезболлы» в Турции. Руководитель турецкого филиала организации Х.Велиоглу был убит, а ее деятельность фактически парализована.

новках, не допускающих признания факта существования израильского государства, и имеет глубокие исторические корни.

Несмотря на приход к власти в Иране нового президента М.Хатами, которого на Западе, прежде всего в Европе, характеризуют как умеренного прагматика в вопросах веры и идеологии и либерала-реформатора в сфере политики, поддержка Ираном «Хезболлы» не уменьшилась.

Как и прежде, Иран регулярно направляет в Сирию самолеты с грузом для «Хезболлы». По некоторым данным, на рубеже 1999-2000 гг. ежемесячно 4 самолета типа «Боинг-747» доставляли из Тегерана в Дамаск военные грузы для бойцов организации и КСИР в Ливане. В начале 2000 г. Иран поставил «Хезболле» партию новейшего противотанкового оружия. Что же касается стоимостного эквивалента помощи Тегерана «Хезболле», то данные о его размерах существенно разнятся и нередко смешиваются со сведениями о прямых финансовых переводах, поступающих для «Хезболлы». Так, по некоторым данным, ежегодная помощь Ирана «Хезболле» оценивается в 30 млн. долл. Другие же полагают, что Иран ежегодно оказывает «Хезболле» финансовую помощь в размере 65-100 млн. долл. Часть этих средств руководство организации направляет на строительство школ, больниц и жилых домов в шиитских районах Ливана. Такой разброс в данных возникает, возможно, потому, что достаточно сложно исчислить стоимость военных и гуманитарных грузов, получаемых «Хезболлой». Скорее всего, речь может идти о нескольких миллионах долларов в год безвозмездной иранской финансовой помощи «Хезболле». К тому же, как указывалось выше, «Хезболла» получает средства как по линии международных неправительственных исламских организаций, так и по линии частных лиц, действующих в Арабском мире и за его пределами.

Руководству «Хезболлы» приходится сегодня проявлять больше гибкости и осторожности в отношениях со своими финансовыми спонсорами, прежде всего Ираном, политика которого в отношении организации в значительной степени зависит от перипетий внутриполитической борьбы в Иране между «умеренным» крылом властной элиты во главе с М.Хатами и радикалами-клерикалами, группирующимися вокруг духовного лидера ИРИ аятоллы А.Хаменеи.

Так, в конце 1999 – начале 2000 гг. лидерам «Хезболлы» не удалось избежать напряженности в контактах с Хатами из-за его намерения сблизиться с Западом, прежде всего с США. Иранский президент, хотя и поддерживал военные операции «Хезболлы» на юге Ливана, но при этом достаточно ясно давал понять, что он не против заключения мира между Сирией, Ливаном и Израилем, что полностью противоречило идеологическим установкам организации. В этой связи в канун выборов в законодательное собрание ИРИ (меджлис) в феврале 2000 г. министр иностранных дел Ирана

К.Харази, чтобы успокоить радикально настроенные иранские круги, вынужден был заявить о поддержке Тегераном права «Хезболлы» проводить военные операции против израильтян, поскольку Израиль окончательно не «ушел» из Ливана.

Несмотря на «особый» характер отношений Сирии и Ирана, их сотрудничество в вопросах поддержки «Хезболлы», которое выражается, в частности, в регулярных совместных встречах с руководством организации высокопоставленных сирийских и иранских представителей, между двумя странами, как уже упоминалось, идет подчас весьма жесткое соперничество за доминирующий контроль над «Хезболлой», в основе которого лежат скрытые разногласия, коренящиеся в природе правящих в Дамаске и Тегеране режимов, подходах к мирному процессу в регионе, будущему Ливана и «Хезболлы», в частности.

В условиях непростой внутриполитической и экономической ситуации в Сирии и сложившегося к настоящему времени в регионе баланса политических и военных сил явно не в пользу Дамаска (над изменением которого сирийская дипломатия и лично Башар Асад активно работают в последнее время) новое сирийское руководство понимает, что дальнейший прогресс страны и будущее режима в значительной степени зависит от перспектив заключения мира с Израилем.

Со своей стороны, Тегеран, главным образом радикально настроенное иранское духовенство и тесно связанные с ним элементы политической и военной элиты ИРИ резко выступают против мирного процесса в регионе, полагая, что в случае мира между арабами и Израилем США и их союзники смогут таким образом воздействовать на Иран, что это окончательно подорвет властные позиции указанных кругов в стране.

Так, возобновившиеся и проходившие под эгидой американцев в США сирийско-израильские переговоры о мире в декабре 1999 – январе 2000 гг. вызвали определенные разногласия между Дамаском и Тегераном по вопросу о будущем мирного процесса в регионе вообще и перспективах юга Ливана и «Хезболлы», в частности. После окончания первого этапа сирийско-израильских переговоров и подключения к ним Ливана серьезную озабоченность иранского руководства, его радикального крыла стал вызывать тот факт, что Дамаск ради положительного для Сирии решения вопроса по Голанам (отвода израильских войск к границам 4 июня 1967 г.), и находясь под сильным давлением США и Израиля, может, как посчитали в Тегеране, «дрогнуть» и проявить «излишнюю» уступчивость в ответ на израильские и американские требования по мерам безопасности на юге Ливана, предусматривающие прежде всего разоружение «Хезболлы» и ее превращение в политическую партию. По-видимому, определенные опасения в Тегеране вызвало и то обстоятельство, что в связи с нездоровьем президента Хафеза Асада весь мониторинг переговорного процесса осуществлял его сын Башар, чей политический опыт в столь

сложных и деликатных вопросах, очевидно, не внушал достаточного доверия отдельным высокопоставленным представителям иранского духовенства. Намеченные на февраль 2000 г. выборы в иранский меджлис, вокруг которых развернулась острая внутриполитическая борьба, также заставляли иранских руководителей маневрировать и проявлять особую осторожность. Поэтому, если 20 декабря 1999 г. Иран официально поддержал предпринимаемые Дамаском усилия по возвращению оккупированных Голанских высот, то уже на следующий день было сделано другое официальное заявление МИД ИРИ, озвученное Рафсанджани, где, в частности, подчеркивалось, что отношения ИРИ с США не будут оставаться «замороженными» на долгое время, выражалось сомнение в том, что Сирия в одностороннем порядке вряд ли способна решить палестинскую проблему, а любое урегулирование без решения палестинского вопроса представляет собой мину замедленного действия под весь ближневосточный мирный процесс*. Таким образом, с одной стороны, Тегеран вроде бы признавал за Дамаском право добиваться возвращения утраченных территорий путем переговоров с Израилем, что являлось определенным новым элементом Иранской внешней политики, а с другой, – давал понять, что общая иранская позиция по БВУ, в том числе по «Хезболле», остается неизменной, и ИРИ не готова идти ни на какие уступки в принципиальных вопросах, в частности по «Хезболле». В Иране было объявлено, что президент М.Хатами примет участие в запланированной на 31 декабря 1999 г. антиизраильской демонстрации в Тегеране по случаю «дня Иерусалима», а духовный лидер Ирана А.Хаменеи в ходе пятничной проповеди в тот же день критиковал позицию Сирии на переговорах и выразил поддержку палестинцам. Для нормализации сирийско-иранских отношений в Дамаск был направлен заместитель министра иностранных дел ИРИ М.Садр, который вместе с новым послом ИРИ в САР Ахмадом Хасаном провел переговоры с Башаром Асадом с целью «согласования позиций двух стран» накануне намеченного на начало января 2000 г. нового раунда сирийско-израильских переговоров. А в Тегеране министр иностранных дел К.Харази заявил о том, что в январе 2000 г. Башар Асад посетит с официальным визитом Иран, как следовало полагать, для продолжения консультаций, только уже на более высоком уровне.

Как и в прежние годы (1997, 1996 и ранее), взаимопонимание между САР и ИРИ было восстановлено, и обе стороны вновь подтвердили «стратегический характер сирийско-иранского сотрудничества».

Действительно, «особый» характер сирийско-иранских отношений неоднократно подвергался многочисленным испытаниям, свя-

* К этому времени палестино-израильские переговоры зашли в тупик и были практически приостановлены.

занным как с процессом ближневосточного мирного урегулирования, так и перипетиями арабо-иранского соперничества в регионе, главным образом в Персидском Заливе. Как правило, сторонам удавалось достаточно успешно справляться с возникающими проблемами, оперативно устраняя их без лишнего шума по дипломатическим и иным закрытым каналам. Складывается впечатление, что в ближайшем будущем Сирия и Иран просто обречены на подобного рода сотрудничество, по крайней мере, до тех пор, пока сохраняются базовые опоры такого союза, важнейшими из которых являются израильская оккупация арабских территорий, перспективы создания палестинского государства, проблема юга Ливана, будущее радикальных исламских организаций в регионе, в том числе «Хезболлы».

Наличие в «Хезболле» различных группировок, ориентированных на Иран и Сирию, и их деление соответственно на более «радикальные» (С.Туфейли) и «умеренные» (Х.Насралла) имеют весьма условный характер, в том числе и с точки зрения влияния этих двух стран на организацию.

По оценке ряда арабских экспертов, Иран в одинаковой степени воздействует на обе группировки, используя для этого свою идеологическую близость с «Хезболлой», что позволяет Тегерану напрямую работать в режиме тесной координации со всем нынешним руководством «Хезболлы». Таким образом, любая группировка в организации, будучи несогласной в чем-либо с Ираном, вынуждена действовать и вести себя по отношению к Тегерану, даже в случае крайних разногласий, в легальных рамках «демократической оппозиции». Так, несмотря на крайне негативную реакцию в Тегеране в связи с раскольническими действиями С.Туфейли в 1997 г. и заявление иранского руководства о временном прекращении отношений с бывшим генсеком «Хезболлы», последний в интервью журналу «Аль-Васат» в ноябре 1997 г. охарактеризовал свои отношения с Тегераном как «обычные и нормальные». А также заявил, что «не имеет разногласий с официальным руководством «Хезболлы» по проблеме ливано-иранского сближения».

В последние годы влияние Сирии на все важные сферы жизни и деятельности «Хезболлы» значительно расширилось. В определенной мере это произошло благодаря координации Сирией своей политики в отношении «Хезболлы» с Ираном. Но главным образом потому, что Дамаск сумел убедительно доказать руководству «Хезболлы» и Тегерану, что сирийская территория является единственно надежным, безопасным и долговременным каналом переправки военных и гражданских грузов для организации, а действия ливанских властей в значительной степени зависят от воли Дамаска. По некоторым данным, в случае возникновения непреодолимых разногласий между Сирией и Ираном по поводу дальнейшей судьбы «Хезболлы» около 80% состава организации может сегодня встать на сторону Дамаска. Поэтому если Дамаск и Тегеран хотят сохра-

нить свой контроль над «Хезболлой» как единой и дееспособной организацией и использовать ее для решения своих задач в регионе, то они вынуждены, несмотря на любые имеющиеся у них разногласия, координировать свои действия в отношении «Хезболлы», прежде всего по вопросу о будущем этой организации.

После вывода израильских войск из южных районов Ливана перед «Хезболлой» вплотную встал вопрос о ее будущем статусе. С одной стороны, победа над израильской армией превратила «Хезболлу» в серьезный региональный фактор, способный сыграть активную роль (как позитивную, так и негативную) в развитии внутриполитической обстановки в Ливане и в регионе в целом. Об этом, в частности, может косвенно свидетельствовать тот факт, что в ходе своего ближневосточного турне в июне 2000 г. Генеральный секретарь ООН К.Анан встречался в Ливане с лидером «Хезболлы» Х.Насраллой, что было расценено некоторыми СМИ как фактическое признание международным сообществом легитимности деятельности «Хезболлы», по крайней мере как политической организации. С другой стороны, принятые в 1985 г. программные установки «Хезболлы» остаются неизменными. Сразу же после вывода израильских войск с юга Ливана генсек «Хезболлы» дал ясно понять, что организация продолжит боевые действия против израильских патрулей в спорных районах ливано-израильской границы (Аш-Шебаа). В ходе своего первого после вывода израильских войск визита в Иран генсек «Хезболлы» заявил, что организация продолжит вооруженную борьбу против Израиля до тех пор, пока хоть одна пядь ливанской территории остается неосвобожденной. Он также призвал Сирию, Иран и Ливан к более тесному сотрудничеству в борьбе против Израиля. По словам Х.Насраллы, Иран выступил против любых попыток разоружения «Хезболлы» после вывода израильских войск. Еще в марте 2000 г. министр иностранных дел ИРИ К.Харази дал ясно понять, что Иран не прекратит поддержку «Хезболлы» даже после заключения мира в регионе. А после встречи с Х.Насраллой в начале октября 2000 г. К.Харази заявил, что «вопрос о Иерусалиме заботит не только палестинцев, но и всех мусульман...». Как известно, «Хезболла» сыграла свою роль в событиях, начавшихся в Палестине после 28 сентября 2000 г. и поддержала так называемую вторую интифаду. Бойцы организации захватили и удерживают в качестве заложников четырех израильских военнослужащих.

В то же время «Хезболла» продемонстрировала, что при определенных условиях она может вести переговоры с Израилем. Так, в 1993 г. между «Хезболлой» и Израилем было достигнуто соглашение о взаимном ненападении на населенные пункты вокруг «израильской зоны безопасности». В течение 1999 г. «Хезболла» также участвовала в подобных переговорах. В июне 2000 г. Х.Насралла заявил, что «Хезболла» дает переговорщикам время

для отработки окончательного варианта вывода израильских войск с юга Ливана и будет атаковать израильские цели только в спорных районах.

Конечно, многое зависит от хода и результатов мирного процесса, который сегодня оказался в тупике, позиции Сирии, действий «Хезболлы», а также возможной реакции израильского военного командования на развитие ситуации.

По мнению начальника израильского Генштаба Ш.Мофаза и начальника израильской военной разведки А.Малка, современная линия обороны на ливанской границе, проект создания которой сегодня активно обсуждается в Израиле, может быть весьма дорогостоящей (около 500 млн. долл.), да к тому же малоэффективной (с военной точки зрения) без заключения соответствующих соглашений с Сирией и Ливаном о гарантиях подлинной безопасности в отношении «Хезболлы» и вооруженных палестинских формирований. В противном случае не исключено, что Израиль будет вынужден прибегнуть к тактике активной обороны и «массированных ответных ударов», что в равной степени может привести как к эскалации боевых действий на северных границах Израиля, так и вынудить Сирию оказать должное давление на «Хезболлу».

Президент САР Х.Асад считал в свое время оправданными и допустимыми серьезные военные потери в том случае, если в конечном итоге Сирия сумеет благодаря им добиться важных политических целей и вынудит Израиль уйти с Голанских высот. С приходом нового президента вероятность реакции Дамаска становится менее предсказуемой. В тоже время можно предположить, что до тех пор, пока Башар Асад окончательно не укрепит свои позиции внутри страны, он вряд ли предпримет что-либо, идущее вразрез тем задачам и целям, которые наметил его отец.

Оптимальным выходом из создавшейся ситуации могло бы стать заключение мира между Сирией и Израилем. Тем более, что основные параметры мирного соглашения уже достаточно глубоко проработаны обеими сторонами. В этом случае «Хезболле» придется существенно реформировать свою деятельность и заняться реальной политикой. Не исключено, что со временем какая-то часть «Исламского сопротивления» может трансформироваться в одну из политических структур «Хезболлы», если сама эта организация полностью откажется от вооруженной борьбы с Израилем.

Однако любое мирное соглашение между Дамаском и Тель-Авивом без учета интересов Бейрута, а, следовательно, решения вопроса о дальнейшем нахождении сирийских войск в Ливане, а в более широком смысле, будущей роли Сирии в этой стране способно лишь еще больше осложнить обстановку. Острые дискуссии вокруг этой проблемы вот уже третий месяц будоражат политическую жизнь в Ливане. И даже еще недавние политические соратники Дамаска те-

перь открыто заговорили о «подлинно независимом ливанском государстве». Несомненно, Башар Асад понимает, что вернув Сирии Голанские высоты (в границах 4 июля 1967 г.) через мирный договор с Израилем, он существенно упрочит свои властные позиции внутри страны и приобретет авторитет миротворца на международной арене. Однако маловероятно, что сирийский президент согласится на условия, дающие Сирии меньше того, что смог добиться Хафез Асад. Не совсем понятно также, как реально сможет Дамаск контролировать «Хезболлу», если он выведет все свои войска из этой страны, особенно в условиях эскалации напряженности в Палестине.

1. *Ramazani R.* Revolutionaly Iran: Challenge response in the Middle East. – L. 1987.

2. *Tuhery A.* Holy Terror. The Inside Story of Islamic Terrorism. – L. 1987.

3. US Department of State, “Patterns of Hobal Terrorism 1998” Washington YPO, april 1999.

4. Jane’s World. Armies, issue 1-2, 2000.

5. Intelligence News letter, № 358, 1999.

6. Jane’s Intelligence Review, june, 1998.

7. Там же, 1999-2000.

8. Там же, april, 2000.

9. Jane’s Defeuse Weekly, jannuary 6, 1999.

10. Там же, july 19, 2000.

11. The Washington Post, 20.01.1986.

12. Panorama, 26.04.1987.

13. Financial Times, may, 1987.

14. International Herald Tribune, february, 2000.

15. Le Moucle, may, 2000.

16. New York Times International, february, 2000.

17. Economist, july, 2000.

18. ABC News, may 21, 2000.

19. Reuters, feb. 14; may 19; may 21, 2000.

20. Аль-Васат (на араб. яз.), 13.03.1996, 18.03.1996. 8.07.1996, 17.11.1997.

21. Аль-Хаят (на араб. яз.), feb., 1997.

22. Arab News Network TV (на араб. яз.).

23. Radio Monte Carlo (на араб. яз.), 21 dec., 1999.

В.Я.Белокреницкий

ПАКИСТАНСКИЙ ИСЛАМОРАДИКАЛИЗМ – ЭВОЛЮЦИЯ И СВЯЗЬ С РЕГИОНАЛЬНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Пакистан ныне превратился в один из ведущих центров исламского радикализма и связанного с ним терроризма. Он принадлежит к числу крупнейших демографически (140 млн. человек) мусульманских государств. Согласно расчетам, численность пакистанского населения к середине XXI века может перевалить за 300 млн., и страна займет по этому показателю положение безусловного лидера в мусульманском мире[1]. К тому же в отличие от более населенной пока Индонезии Пакистан характеризует почти полная конфессиональная однородность (97% жителей – мусульмане), а также местоположение на восточном фланге сплошной полосы исламских государств, протянувшейся от запада Африки до центра Евразии.

Вместе с тем Пакистан не является центром арабского ислама и не может претендовать на статус флагмана исламского радикализма. Более того, культурно-политически он тяготеет к арабской родине ислама, а экономически зависим от Саудовской Аравии и ряда других государств Аравийского полуострова. Пакистан способен выполнять главным образом роль проводника исламского влияния. При выполнении такой функции в сфере его действия оказываются прежде всего соседние Индия (по преимуществу Кашмир) и Афганистан, а через последний также Центральная Азия. Кавказ (речь идет в основном о Северном Кавказе) географически далек от Пакистана. В то же время географический фактор в нынешнюю эпоху перестал быть решающим, и возможности влияния на ситуацию в той же Чечне у определенных пакистанских кругов, очевидно, имеются.

Прежде чем говорить об исламорадикализме в Пакистане на современном этапе, коснемся вопроса о его истоках. Сложившаяся в Пакистане после его образования в 1947 г. конфессиональная гомогенность создала благоприятный фон для усиления исламских основ народной культуры. В первые десятилетия существования в государстве и обществе господствовали иные настроения, навеянные идеями социального прогресса, борьбы с отсталостью, усилением военной и экономической мощи нации. Лишь во второй половине 60-х годов идеологическое влияние ислама возросло настолько, что с ним были вынуждены считаться даже радикально настроенные оппозиционные силы. Среди последних, отчасти вследствие твердой геополитиче-

ской ориентации правящих кругов на Запад, в 60-е годы получили распространение социалистические идеи и симпатии к КНР и СССР. Но и левая оппозиция, если она рассчитывала на поддержку широких масс, старалась сочетать социалистические призывы с исламскими. Так, ведущая политическая организация этого направления – созданная в 1967 г. З.А.Бхутто Партия пакистанского народа – выступала под лозунгами ислама, демократии и социализма.

Парадоксально, но правительство получившего прекрасное современное образование З.А.Бхутто в 1974-1977 г., стремясь перехватить инициативу у консервативно-религиозных сил, первым принимает ряд исламских мер, способствуя официальному «отлучению» от ислама «модернистской» секты ахмадийя. Принятая в 1973 г. конституция вводит парламентский режим, но одновременно с сохранением названия Исламская Республика Пакистан в ней четко и подробно прописаны роль и значение религии как символа и основы государственной власти[2].

Несмотря на все старания, Бхутто не удалось обмануть или «обойти с фланга» консервативно-исламистские круги. Он сам и его политика вызывали у них глубокое недоверие. Исламизация общества или, как иногда говорят, «реисламизация ислама» началась уже после отстранения Бхутто от власти военными в июле 1977 г., особенно вслед за его казнью в апреле 1979 г. Именно эта политика во многом определяет нынешнее состояние страны и объясняет роль, которую Пакистан играет в международном исламском движении.

Исламизация общества и деградация государства

Меры по исламизации, предпринятые военным режимом во главе с генералом М.Зия-уль-Хаком, затронули многие стороны государственной и общественной жизни. Они включают реформы в области судопроизводства (введение шариатских судов, исламских наказаний и правил ведения судебных дел), изменения в финансово-деловой практике (запрещение ростовщического процента и процента на капитал, учреждение исламских форм долевого участия и акционерно-партнерского сотрудничества), введение исламских налогов (закята и ушра) и создание государственной системы распределения собранных средств среди нуждающихся (мустазафин), исламское регламентирование государственной службы (перерывы на совершение намаза, особая форма одежды, контроль за соблюдением рамазана), включение курсов по теории ислама и исламо-пакистанской идеологии в качестве обязательных в программы высших учебных заведений[3].

Исламизация для военного режима была, безусловно, средством придания легитимности захвату власти. Вместе с тем, проводя ее, режим, без сомнения, опирался на господствующие у значительных групп населения настроения и ожидания. Разочарование в «исламо-социалистической» политике предшествующего правительства сде-

лало более популярными лозунги и программы радикально-исламистских партий. Ведущие позиции среди них имела основанная известным теоретиком фундаментализма А.А.Маудуди «Джамаат-и ислами» (далее – ДИ, в переводе – Исламское общество). По мнению С.В.Р.Насра, партия могла бы получить значительное количество мест на выборах, если бы те состоялись в 1977 или 1978 гг., как обещали захватившие власть военные. Но генералитет предпочел не выпускать бразды правления из рук, и ДИ, поддержавшая Зия-уль-Хака, в дальнейшем растеряла популярность, а с нею и шанс стать влиятельной парламентской силой[4].

Хотя на первый взгляд исламизация в мусульманской среде кажется нелогичной и излишней, она на деле оказывала реальное воздействие, заставляя даже представителей интеллигенции, многие из которых раньше сомневались в истине религиозных догм, а если верили, то стеснялись это демонстрировать, обращаться к углубленному осмыслению места религии в современной жизни и открыто заявлять о религиозных чувствах. Тем более, что усиление религиозности и подъем ислама оказались в центре всеобщего внимания в мире после победы исламистов в Иране в 1979 г.

Одним из следствий политики властей в 80-е годы, в частности, ее исламистского аспекта, стало снижение стандартов образования, в первую очередь высшего. Выделение недостаточных средств на социальную сферу, в том числе просвещение, – традиционно слабое место пакистанского государства, особенно заметное при сравнении с неизменно высоким уровнем ассигнований на военные цели (на образование в 70-е годы выделялось около 2% национального дохода, а на военные цели – 5%)[5].

В 80-е годы такое соотношение усугубилось из-за вовлеченности Пакистана в дела соседнего Афганистана и связанного с этим роста военных расходов (до 6-7% дохода). Последствия замедленного увеличения расходов на образование, не поспевавшего за стремительным (более 3% в год) ростом населения, наложились на процесс его исламизации. Распространению последнего способствовало сложившееся в предшествующий период преобладание в студенческих коллективах ведущих университетов страны организации «Ислами джамаат-и тулаба», молодежного звена ДИ.

Достаточно стабильный экономический рост в Пакистане в 80-е годы объяснялся главным образом крупными размерами внешней помощи со стороны Саудовской Аравии, США и Китая, а также ряда западноевропейских государств, Японии и даже Советского Союза, признававших первостепенное геополитическое значение страны в условиях афганской войны[6]. Однако использование помощи, а также распределение выделяемых находящимся на его территории афганским моджахедам финансовых средств, оружия, медикаментов, продовольствия и т.п. привело к резкому увеличению масштабов коррупп-

ции и хищений, разрастанию «теневой экономики», усилению бандитизма и терроризма.

Традиционная для Пакистана неэффективность системы налогообложения, усилившаяся при режиме Зия-уль-Хака, также способствовала накоплению в частных руках громадных для страны денежных и материальных средств. Государственный бюджет (расходная часть которого на треть оплачивалась в долг) по сравнению с суммарными размерами официального и теневого национального дохода снизился до 12-15%, что свидетельствовало об ослаблении возможностей государства и его ползучей деградации на фоне расширяющейся мощи различных частных групп[7].

Среди последних на видное место в 80-е годы вышла так называемая «пуштунская мафия», связанная с криминальным бизнесом (наркоторговлей, контрабандой) и войной в Афганистане. Идеологическим мотивом, или прикрытием, для нее служили ислам и лозунги джихада. Заинтересованная в пополнении своих рядов мафия обратила внимание на религиозное образование детей и подростков и вложила деньги в содержание частных медресе (дин-и мадарис). Постоянную финансовую поддержку религиозные школы получали также от других групп полулегального и нелегального бизнеса, а также из зарубежных исламских фондов, а политическую – от исламистских партий. Помимо ДИ, к их числу в Пакистане принадлежали прежде всего «Джамиат-и улама-и ислами» (ДУИ, Исламское сообщество улемов) и «Джамиат-и улама-и Пакистан» (ДУП, Сообщество улемов Пакистана). Рост религиозного частного образования в какой-то мере компенсировал отставание государственной системы начальной и средней школы, одновременно придавая массовому просвещению, особенно выходцев из бедных и социально приниженных слоев, традиционалистский, средневеково-исламский оттенок.

Исламизация и внутриисламский терроризм

Одним из долговременных последствий исламизации оказался рост противоречий между различными мусульманскими направлениями, течениями и сектами. Политика насаждения исламских законов и установлений, проводившаяся как режимом Зия-уль-Хака, погибшего в загадочной авиакатастрофе в августе 1988 г., так и в последующем, исходила из норм и традиций преобладающего в Пакистане суннизма и его ханафитской юридической интерпретации (фикха или мазхаба). Уже первые акты 1980 г. о государственной регламентации сборов закята и ушра вызвали недовольство среди шиитов, составляющих, по разным оценкам, от 15 до 25% пакистанского населения. Преобладающая их часть, шииты-имамиты джафаритского толка (религиозно-правовой школы) образовали крупную политическую организацию – «Техрик нифази фикх-и джафария» (Движение за соблюдение джафаритского права), которая тогда же провела серию массовых

акций протеста и добилась от правительства ряда уступок. Несмотря на декларированное властью желание учитывать различия между представителями разных религиозных направлений, толчок к размежеванию среди мусульман был дан и вылился в антагонизм, вражду и кровавые столкновения между экстремистскими группами суннитов и шиитов, в острые проявления межобщинного терроризма.

Глубине водораздела между ними способствовал, в числе прочих, такой внешний фактор, как успех исламистов-шиитов в Иране в ходе борьбы за свержение монархии. Популярность имама Хомейни в исламском мире во время и в первый период после революции сменилась настороженностью, когда выявились претензии нового иранского руководства возглавить «мировую» исламскую революцию, а Иран оказался в состоянии затяжной войны с Ираком, поддержанным многими арабскими странами. Однако среди большинства шиитов Пакистана авторитет Хомейни и в дальнейшем оставался незыблем. Публичное выражение ими таких чувств провоцировало озлобление мусульман-суннитов и содействовало углублению конфликта.

Существенное значение имел также экономико-социальный фон, на котором возник сектарианизм как явление (наподобие коммунализма), связанное с враждой религиозно-политических групп. Столкновения между суннитами и шиитами начались в середине 80-х годов в небольших городах центрального и южного Пенджаба. Эти части страны относятся к едва ли не самым отсталым, отличаясь широким распространением нищеты и бедности, безземелья и перенаселенности, отсутствием в городах промышленности и возможности найти работу[8].

В 1985 г. глава организации ДУИ в провинции Пенджаб Х.Н.Джангви основал общество (анджуман) «Сипах-и сахаба Пакистан» (ССП, Пакистанские воины-сподвижники Пророка), ставшее впоследствии известным как главная политическая сила экстремистски настроенных кругов суннитов-последователей школы деобанди (называется по имени духовной академии, дар-ул-улум, основанной в 1860-х гг. в г. Деобанд в Северной Индии, и отличается приверженностью «чистой», пуританской версии ислама). Распространение школы деобанди среди суннитов сельского и полугородского Пенджаба встретило сопротивление улемов другой школы – барелви. Это направление последователей североиндийского проповедника XIX в. А.Реза-хана Барелви пользовалось авторитетом у большинства жителей, освящая традиции народного, низового ислама (посещение гробниц святых, веру в их помощь и заступничество и т.п.)[9]. Соперничество двух школ время от времени приводило к стычкам и актам террора[10].

Особенность школы деобанди состоит в нетерпимости к иным течениям в исламе, в том числе к шиизму. Радикалы среди ее последователей считают шиитов еретиками и отступниками, относятся к ним как к неверным (кафирам). Вражда деобанди с шиитами в центральных и южных округах Пенджаба (Джанге, Льяхе, Музаффаргар-

хе, Бахавалпуре и др.) приобрела свойственный местной культуре характер кровной мести и вылилась в растянувшуюся на многие годы цепь террористических актов и ответных мер. Исполнительная власть (в частности, судебная ее ветвь) оказалась не способна справиться с разгулом террора на сектарианистской почве. Большинство возбужденных по фактам убийств дел не заканчивалось приговором, так как судьи опасались за свою жизнь.

Многолетние столкновения выявили основных участников. Со стороны суннитов-деобанди, помимо ССП, действовала его боевая организация «Лашкар-и Джангви» (воинство названо в честь убитого основателя ССП). У шиитов в Пенджабе активно действовала студенческая организация «Имамия стьюдентс организейшн» и группа «Сипах-и Мухаммад Пакистан» во главе с Г.Р.Накви.

Боевики не испытывали недостатка в оружии, ибо к середине-концу 80-х годов в стране накопилось большое его количество. Наиболее ходовым был автомат Калашникова разного изготовления – ввезенный из Афганистана советского производства, поставленный пакистанской армии – китайский, а также достаточно умело сделанный по этим образцам экземпляр местного производства, сосредоточенного в полосе независимых пуштунских племен[11].

Экстремизм и терроризм на экспорт – в Афганистан и Кашмир

Среди участников боевых формирований к концу 80-х годов появилось немало людей, прошедших боевое крещение в Афганистане. Горячее дыхание джихада, объявленного против присутствия там советских войск, ощущалось в Пенджабе, других провинциях Пакистана, а после вывода советской 40-й армии из Афганистана в 1989 г. оно перекинулось на индийский штат Джамму и Кашмир, где началась вооруженная борьба против индийских властей. На карте, таким образом, обозначилась полудуга исламоэкстремизма, своими концами на севере упирающаяся в Афганистан и Кашмир, а в средней своей части охватывающая Пакистан.

Такая геополитическая диспозиция в регионе сохранялась на протяжении всего последнего десятилетия XX века. Более того, она дополнилась северной полудугой радикального исламизма, опоясывающей ставшие самостоятельными в 1991 г. республики Центральной Азии.

Следует, впрочем, отметить, что проникновение туда агентов исламского экстремизма началось еще до распада Советского Союза и осуществлялось по разным каналам, в том числе при непосредственном участии и под руководством директората Межведомственной военной разведки (Inter Service Intelligence, ISI) Пакистана. О засылке на территорию Таджикистана и Узбекистана агентурно-диверсионных групп написал в своей книге, опубликованной в 1992 г., бывший зам. начальника директората отставной бригадир М. Юсуф[12]. Имеются и другие свидетельства работы пакистанских ведомств и

различных исламистских организаций, направленной на подрыв политической стабильности в тогдашней советской Средней Азии и пропаганду среди местного населения исламского радикализма[13].

Необходимо напомнить, что военное руководство Пакистана во главе с Зия-уль-Хаком, пытаясь на официальном уровне сохранить нормальные отношения с Москвой и продолжая использовать предлагаемую ей оттуда экономическую помощь, неофициально, что называется, про себя, лелеяло планы расширения зоны своего военно-стратегического контроля за счет Средней Азии. Отсюда появившаяся в конце 80-х годов концепция «стратегической глубины» пакистанской обороны, связанная с именем не только самого президента-генерала, но и таких его влиятельных сподвижников, как генерал М.Аслам-бег, возглавивший после гибели Зии штаб армии (т.е. ставший вместо него армейским главнокомандующим)[14].

Смелые планы у военной элиты появились после обозначившегося в середине 80-х годов перелома на афганском направлении. Пакистанские военные верхи полагали, что добились благоприятных результатов благодаря, в частности, опоре на афганских моджахедов, прежде всего из числа так называемых фундаменталистов, главной силой среди которых была организация «Хезб-и ислами» (Исламская партия) во главе с Г.Хекматьяром. Именно с нею наиболее тесно была связана пакистанская ДИ. В 70-х годах последняя, впрочем, поддерживала и другую идеологически сходную афганскую организацию «Джамиат-и ислами», возглавляемую Б.Раббани, будущим президентом исламского государства Афганистан[15].

Следует подчеркнуть, что основанная в 1941 г. в Индии реформаторско-фундаменталистская ДИ разделилась на несколько национальных партий, формально не связанных между собой. Они имеются, помимо Пакистана и Афганистана, в Индии, Бангладеш, на Шри-Ланке, в Англии и США[16]. Отдельно от индийской существует ДИ в Кашмире, возглавляемая с 60-х годов ветераном антииндийского движения С.А.Ш.Тилани[17]. Несмотря на отсутствие явных и признаваемых контактов, линии взаимодействия у «семьи ДИ» сохранялись. Между одними партиями они на том или ином этапе были более, а между другими – менее прочными. Идейный центр «семьи» находился в Пакистане (после переезда туда в 1948 г. А.А.Маудуди), а организационно-политически ее сила возросла за счет поддержки, со времен Зия-уль-Хака, пакистанской военно-бюрократической верхушкой.

Между тем победы афганских моджахедов оказались во многом призрачны. Первой неудачей явилась неспособность подорвать позиции режима М.Наджибуллы после вывода советских войск. Вместо нескольких месяцев жизни, которые предрекали этому режиму в начале 1989 г., он оставался хозяином положения в стране в течение трех лет. И на протяжении всего этого периода в лагере афганских

«борцов за веру» наблюдались раздоры и размежевания. Большинство руководителей джихада отказалось признать лидерство Г.Хекматьяра, которого активно поддерживали МВР Пакистана и фундаменталисты из ДИ.

Впрочем, главное внимание и тех и других было, вероятно, в это время отвлечено на события в Кашмире, где «запылал» другой конец упомянутой выше исламистской полудуги (хотя целиком лишь исламорадикализмом истоки и содержание кашмирского кризиса не исчерпываются). Туда по горным тропам перебрались многие участники афганского джихада. Они составили ядро наиболее агрессивно настроенных участников движения сопротивления властям, охватившего штат (в первую очередь Кашмирскую долину) с конца 1989 – начала 1990 гг. Часть боевиков, переместившихся из одной горячей точки в другую, составляли кашмирцы, получившие на предшествующем этапе «боевое крещение» в Афганистане[18].

Заметим, что с середины 80-х годов все более активную роль в афганском, а затем и кашмирском джихаде начинают играть выходцы с арабского Ближнего Востока, в их числе такая хорошо ныне известная фигура, как «главный мировой террорист» У.бен Ладен[19]. Это новое пополнение усугубило и без того сложную мозаику сил, выступавших под лозунгами радикального ислама на стыке регионов Южной и Центральной Азии.

Как известно, под воздействием благоприятных внешних обстоятельств различным группам моджахедов удалось в апреле 1992 г. войти в Кабул и провозгласить создание Исламского государства Афганистан. Но по существу, сразу после этого началась борьба между разными группировками в стане победителей. Исламские лозунги и идеология оказались недостаточны для их объединения.

Серьезную неудачу в 1992-1995 гг. потерпел реформаторский фундаментализм ДИ. Между двумя наиболее близкими к нему силами «Хезб-и ислами» Г.Хекматьяра и «Джамиат-ислами» Б.Раббани и Ш.А.Масуда развернулась главная борьба за власть. Пакистанское руководство, как и ДИ, которую к тому времени возглавлял К.Х.Ахмед (Маудуди умер в 1979 г., а его преемник М.Т.Мухаммед ушел в отставку в конце 80-х годов), сделало ставку на организацию Хекматьяра, где большинство составляли пуштуны. В афганской ДИ основную роль играли таджики, вынужденные искать контрпакистанскую внешнюю ориентацию. Она была ими найдена в лице Ирана, а также России и Индии, а в какой-то мере и США[20].

В Кашмире массовые выступления в 1993-1994 гг. были жестко подавлены силами индийского правопорядка. Под тяжестью этих ударов кашмирский радикал-фундаментализм разделился. Наряду с ДИ, которая заняла главные позиции в Беспартийной свободной конференции (All Parties Hurriyet Conference), там действовала не вошедшая в это объединение, но тесно связанная с ней «Хезб-уль-

муджахедин» (Партия борцов за веру), опиравшаяся к тому же на поддержку пакистанских военных и специальных служб. Еще более радикальные позиции занимала организация «Харкат-уль-ансар» (Движение сподвижников), возникшая в Пакистане с целью ведения афганского джихада радикально настроенными улемами-деобанди и переименованная после похищения и убийства пятерых европейцев в Кашмире в «Харкат-уль-муджахедин»[21].

Расколы и внутренние раздоры знаменовали собой кризисную ситуацию, во многом вызванную успешным отпором, который дали радикалам государства региона. К этому, несомненно, нужно добавить неудачу, постигшую исламизм в Центральной Азии, где в основной центр противостояния в 1992-1994 гг. превратился Таджикистан. Проигрыш исламской оппозиции в развернувшейся там гражданской войне в существенной мере объяснялся позицией, занятой Ираном, который к тому времени отошел от политики экспансионизма под флагом ислама и опасался укрепления в непосредственной от себя близости суннито-пуританского государства.

Неудача исламского фундаментализма в регионе напрямую связана и с ослаблением позиций Пакистана в международных делах вслед за потерей им в глазах Вашингтона функции главного плацдарма на афганском фронте холодной войны. Отказ США поддержать региональную игру Исламабада, связанную с разыгрыванием исламской и кашмирской карт, дал о себе знать уже в 1990 г. в решении о прекращении американской военно-экономической помощи. Последовавшее затем оскудение других источников льготного финансирования осложнило экономическую ситуацию в стране и затормозило реализацию программ осовременивания инфраструктуры и промышленности. К прогрессирующей деградации государства, начавшейся в 80-х годах, добавилась стагнация, отягощенная возрастающими масштабами коррупции и воровства, контрабанды и наркоторговли[22]. К этому надо добавить социальные последствия ослабления Пакистана – расширение ареала остающихся за границами контроля и влияния государства секторов хозяйственной и культурно-просветительской деятельности.

Исламский неофундаментализм и «длинная тень» террора

Потери и неудачи, понесенные в первой половине 90-х годов фундаментализмом в Афганистане и Кашмире, послужили побудительным мотивом для перестройки рядов исламистов в Пакистане. Ведущее место среди них постепенно заняло направление, представленное упомянутой выше школой улемов-деобанди и партией «Джамиат-и улама-и ислам». Вплоть до 1993 г. оно находилось на вторых ролях, но после прихода к власти во второй раз правительства во главе с Б.Бхутто связи этой партии с правящей элитой упрочились и она оттеснила с занимаемых позиций «Джамиат-и ислами».

Учение улемов-деобанди делает акцент на шариате, следовании исламским законам. При этом вопрос об исламском государстве, на котором сосредоточивалось внимание теоретиков «классического» фундаментализма, таких как А.А.Маудуди, отступает на задний план[23]. Важно отметить при этом, что стремление утвердить шариат как главный и единственный закон принадлежит к радикалистской интерпретации ислама в сочетании с приверженностью идеям джихада[24].

Исторически сложилось так, что партия улемов-деобанди располагает наибольшим влиянием в пуштунских районах Пакистана в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП), примыкающей к ней с запада и северо-запада горной местности по границе с Афганистаном, а также северных округах провинции Белуджистан. Именно в этой зоне, образующей полукольцо вдоль афганских границ расположились возникшие с рубежа 70-80-х годов лагеря афганских беженцев. В них переселились сотни тысяч репатриантов, главным образом пуштунов, с юга и юго-востока Афганистана. Ввиду более благоприятных условий, в Белуджистане концентрировалась пропорционально бóльшая часть стационарных лагерей беженцев. Удаленность южных районов от основных театров военных действий приводила к оседанию в белуджистанских лагерях семей с детьми. Гуманитарная помощь международных организаций вкупе с деятельностью различных исламских благотворительных фондов позволила развернуть здесь сеть школ, приобретших вследствие особенностей традиционной культуры, а также и геополитических факторов почти исключительно религиозный характер. Выгодная исходная позиция позволила улемам школы деобанди взять, по существу, под свой контроль сеть дин-и мадраса, возникших в лагерях и близлежащих селениях.

Рост потребностей в учителях привел к увеличению масштабов высшего религиозного образования. Другой причиной этого стала политика пакистанского военного режима по поощрению исламизации системы народного просвещения. Существенную роль, помимо выше отмеченных мер, предпринятых властями в этом направлении, сыграло решение о приравнивании диплома об окончании духовной академии к университетскому. С начала 80-х годов начался бурный рост числа религиозных школ и академий. В результате число школ (дин-и мадраса) к 1997 г., по официальным данным, выросло до 5,5 тыс., а, по неофициальным подсчетам, к концу 90-х годов достигло 12 тыс.[25]

Значение крупных и авторитетных центров приобрели духовные академии в пуштунских районах, ранее никогда не отличавшиеся высокими стандартами образования, в том числе религиозного. Известность получили дар-ул-улум хаккания в Акорахаттаке, а также ряд заведений в заселенных по преимуществу пуштунами районах Карачи (Бинори-таун и др.)[26].

Сложившаяся в 80-90-х годах на северо-западе Пакистана и в других его регионах пирамида религиозного образования включала как начальный, так и средний уровень. Выпускники дин-и мадраса, без исключения мальчики, покидали стены учебных заведений в возрасте 14-16 лет и были готовы, как правило, к служению лишь одному главному делу – делу Аллаха. Цель подготовки учеников-талибов к участию в джихаде, как мирным путем, с помощью проповеди и молитвы, так и военным, не знающей пощады борьбой с неверными, развязыванием террора и совершением диверсий привела к включению в программы некоторых учебных заведений, особенно полного цикла (от начальной до верхней ступени), военных дисциплин. Кроме того, сеть небольших медресе долгое время существовала и на юге Афганистана, будучи связанной не с патронируемой афганским государством системой религиозного образования, а с сетью учебных религиозных заведений Пакистана, наиболее мощная из которых принадлежала ДУИ. В годы джихада многие из этих афганских медресе превратились в учебно-военные базы[27]. Так возникла широкая (по обе стороны от границы) зона подготовки молодых афганских борцов за веру, талибов.

Отряды движения «Талибан», неожиданно появившиеся как бы «из ничего» осенью 1994 г., состояли в основном, хотя и не исключительно, из учеников религиозных школ. Лидеры движения, установившего контроль сначала за югом, потом западом страны, а в сентябре 1996 г. и над ее столицей Кабулом, принадлежали к числу опытных моджахедов, прошедших также подготовку в духовных академиях школы деобанди. В идеологическом плане талибов можно отнести к неофундаменталистам[28]. Главная их цель – утверждение шариата в качестве не только основного, но и единственного закона. Внешние условия, к каковым относится государственная структура, играют при этом второстепенную роль. В отличие от фундаменталистов предшествующей волны у себя на родине (моджахедов) и в Пакистане, а также и в Иране, Алжире и Судане они менее ориентированы на создание сильного исламского национального государства. Сформированная талибами в Афганистане политическая система отличается легкостью и гибкостью и хорошо, по мнению О.Руа, приспособлена к условиям сельского общества, раздробленного на кланово-племенные сегменты. Справедливо замечая, что с реальными проблемами власть талибов сталкивается в крупных городах, он по этой причине отказывается, во-первых, видеть большие перспективы у исламизма новой волны, а во-вторых, полагает, что не следует опасаться распространения движения талибов вовне, ибо оно «афганское, пуштунское и трайбалистское»[29].

Представляется, однако, что такой взгляд более или менее оправдан, если рассматривать движение «Талибан» изолированно, не принимая во внимание его тесную связь с пакистанским исламорадикализмом и, более широко, с общими веяниями в исламском ми-

ре, усиливающими привлекательность религии в городах и у среднего городского класса.

Свидетельством последнего может служить достигнутый в последние десятилетия успех ряда интернациональных движений по распространению и пропаганде ислама (сети исламского прозелитизма, дава'а). К наиболее заметным результатам привела деятельность одной из них – «Таблиги джамаат» или «Джамаат-и таблиги» (Общество призыва или наставления). Основанное еще в 80-х годах XIX в. в Северной Индии движение получило свою современную форму в 40-х годах XX столетия. Центр его до сих пор находится в Дели, но наибольшим числом последователей оно располагает в Пакистане. На ежегодные собрания (иджтима), происходящие обычно в ноябре, собирается от 1, 5 до 2 млн. человек, делая их самыми массовыми после хаджа сходами мусульман[30]. В отличие от исламистских партий «Таблиги» декларирует отстранение от политики. Главная задача движения – внутреннее обновление мусульман, духовное очищение на путях лучшего понимания ислама. Формально – это организация религиозного просвещения, где нет приема в члены и обязательных взносов, но активисты называются «работниками» и определенная их часть занимается миссионерской деятельностью. «Таблиги» посылает миссии в различные страны и части света – в Африку, Америку и Австралию. Большое значение в 90-х годах она стала придавать пропаганде идей исламского возрождения в Центральной Азии, на Кавказе и в мусульманских районах России.

При всем уважении, которое вызывают сами по себе религиозные чувства и духовные искания (последнее, заметим, ныне принадлежит к распространенным не только в Пакистане и мусульманском мире явлениям), граница между исламскими политическими и неполитическими движениями на деле оказывается размыта. Есть сведения, что сети «Таблиги» использовались для вербовки молодых мусульман из арабских и африканских стран и их переправки для ведения джихада в Афганистане и Кашмире[31]. Не исключено, что вместе или под маской миссионеров из этой организации в Центральную Азию и на Северный Кавказ также попадают группы экстремистов. Во всяком случае, руководство Узбекистана одно время прямо обвиняло эту организацию в подрывной деятельности[32].

Соперничество улемов, принадлежащих к школам барелви и деобанди, приводившее к столкновениям еще в 80-х годах, обострилось в середине-второй половине следующего десятилетия. Но наиболее ожесточенными в последний период были кровавые разборки между деобанди и шиитами. Первый их пик пришелся на зиму 1994-1995 гг., второй – на 1997 и 1998 гг.[33]

В 90-е годы активизировались, кроме того, группы пакистанских исламистов-суннитов, причисляемые к ваххабитам или неоваххабитам. Генетически связанные с исламо-пуританскими движениями, за-

родившимися в Индии в 20-50-х годах XIX века, современные ваххабиты Пакистана группируются вокруг «Джамиат-и ахл-и хадис» (Сообщество людей хадиса), «Джамиат-и улама-и ахл-и хадис» (Сообщество улемов людей хадиса) и ряда других организаций. Наиболее влиятельной среди них стала организация «Дават-вал-иршад» (Призыв и наставление, или духовное наставление; полное название – Марказ (центр) или идара-(институт) уд-дават-вал-иршад). Основанная несколькими преподавателями инженерно-технологического университета Лахора, она имеет известный религиозно-просветительский центр в г. Муридке, но ведет и политическую агитацию и способна мобилизовать под свои знамена сотни тысяч сторонников. Ее военизированное крыло «Лашкар-и тойба» (Воинство чистых) активно проявило себя в период последнего обострения кризиса в Кашмире. «Лашкар» широко занимается обучением боевиков для подрывных действий, располагает для этого рядом баз подготовки и использует военные лагеря экстремистов (в том числе У.бен Ладена) на контролируемой талибами территории Афганистана. Военизированное «братство» поддерживает тесные контакты с экстремистской «Харкат-уль-муджахедин», о которой уже шла речь выше[34].

Нити от этих организаций, а также от «материнских» политических партий, очевидно, тянутся и за пределы Южноазиатского региона. Их союз с талибами (ваххабитско-талибский альянс, по выражению А.А.Игнатенко) делает пакистанский радикализм опасным для Центральной Азии (особенно Узбекистана и Таджикистана) и Северного Кавказа[35].

Следует отметить, что несмотря на потерю монопольного лидерства среди исламистов, фундаменталистская ДИ сохраняет прочные позиции в их общем ряду. Ее высший руководитель (амир ала) пуштун К.Х.Ахмед приобрел за последние годы черты харизматического лидера, столь необходимые в Пакистане для успеха в рассчитанной на массовую поддержку политической борьбе. Симпатии ДИ в афганском противостоянии после самоустранения Хекматьяра отданы талибам. ДИ, в частности, согласилась с их позицией по «признанию» самопровозглашенной Ичкерии и не скрывала контактов с ее представителями.

В задачи данной статьи не входит рассмотрение конкретных случаев взаимосвязи между активностью радикально-исламистских сил и вспышкой антироссийского сепаратизма в Чечне[36]. В средствах массовой информации широко обсуждалась моральная поддержка, оказанная талибами чеченским радикалам, и высказывались предположения об иного рода помощи. Освещение в печати получило и трехнедельное пребывание в Пакистане З.Яндарбиева («посла Ичкерии» в Афганистане), прерванное, впрочем, официальными властями. Нет сомнения, что у чеченских сепаратистов, особенно радикально настроенных, установились контакты с пакистанскими единомышленниками. Вместе с тем первостепенными для последних остаются гео-

графически более близкие цели – Кашмир и Афганистан, а главной задачей – дальнейшая исламизация своей страны.

[1] Population (in thousands) for the countries of the world: 2050. Medium variant projection<http://www.popin.org/pop1998/3htm>; USA Bureau of Census. International Data Base<http://www.ccensus.gov./cvi-bin/ipc/idbsum>.

[2] В конституции ислам провозглашается государственной религией, приводятся исламские принципы обоснования и реализации власти. Статья 31, посвященная исламскому образу жизни, вменяет государству в обязанность создание условий, обеспечивающих мусульманам страны возможность строить жизнь в соответствии с фундаментальными принципами и канонами ислама. Статья 40 обязывает государство укреплять связи с мусульманским миром, а часть IX посвящена мерам по приведению всех законов в вид, не противоречащий предписаниям ислама, как они изложены в Коране и Сунне – Constitution of the Islamic Republic of Pakistan – The Gazette of Pakistan. Islamabad. April, 12. 1973; см., также: *Ганковский Ю.В., Москаленко В.Н.* Три конституции Пакистана. – М, 1975.

[3] Подробнее см., напр.: *Плешов О.В.* Ислам и демократия. Опыт Пакистана. – М.: Институт востоковедения, 1996. – С. 63-138; *Weissed A.M.* Islamic Reassertion in Pakistan. – Syracuse, Syracuse University Press. – 1986. – С. 59-78, 79-96.

[4] *Nasr S.V.R.* Democracy and Islamic Revivalism // Political Science Quarterly. – 1995. – Vol. 110. – № 2. С. 277.

[5] *Burki S.H.* Pakistan under Bhutto 1971-77. – L, Macmillan, 1980. – С. 126; Economic Survey 1985-86. Government of Pakistan. – Islamabad, 1986, Statistical Annexure. – С. 21, 170; World Armament and Disarmaments. SIPRI. – N.Y.: Oxford University Press, 1985. – С. 239.

[6] Согласно пакистанским данным, Москва в 80-е годы выделила в долг Исламабаду 423 млн. долл. – Pakistan Statistical Yearbook 1997. – Islamabad, 1997 – Цит. по: *Яковлев Ю.Д.* Особенности экономического развития и внешнеэкономические связи Пакистана в 90-е годы. – М., рукоп. канд. дисс. – С. 108.

[7] Расчеты по: Economic Survey 1984-85. Government of Pakistan. – Islamabad, 1985. – С. 123.

[8] Детальный анализ истоков и подробности начальной фазы суннито-шиитских столкновений содержались в докладе М.Абу-Захаба на конференции в Париже в июне 1998 г., посвященной 50-летию Пакистана.

[9] Улемам деобанди и барелви посвящена значительная по объему литература. Коротко о них см., в частности: Энциклопедия Пакистана. – М, Фундамента-пресс, 1998. – С. 102, 103.

[10] Viewpoint, 3.09.1987, с. 17.

[11] О центре производства самодельного оружия в местечке Дарраадамхель в районе расселения племени африди см: *Пахомов Е.* Зона племен // Итоги. М. – 9 мая 2000. – С. 40-43; также: Newsline, March 2000. – С. 68-72.

[12] *Brig.M.Yousaf* and *Major M.Adkin.* The Bear Trap. Afghanistan's Untold Story. Lahore and London. Jang Publishers, 1992, Chapter Twelve.

[13] Известно, что в Исламабаде в 1990 г. находилась группа таджиков из организации «Нихзат-и ислами», которые проходили подготовку в «Джамаат-и ислами» – *Nasr S.V.R.* Democracy and Islamic Revivalism, с. 266; см. также: Newsline, Karachi, February 1995, с. 25-26.

[14] Пост главнокомандующего родами войск упразднил *З.А.Бхутто* в 1972 г. О взглядах М.Аслам-бега см.: New Horizon. The Muslim World Review. – L., 1989. – February, № 356. – С. 3-4.

[15] По некоторым сведениям, Хекматьяр, Раббани и близкий к последнему будущий полевой командир и военный министр, лидер «Северного альянса» Масуд А.Ш. в 70-х годах нашли политическое убежище в Пакистане и секретно прошли там специальную военную подготовку – *Davis A.* How the Taliban became a military force– in W.Maley ed. Fundamentalism Reborn? // Afghanistan and the Taliban. Lahore, Vanguard Books, 1998. – С. 44.

[16] Nasr S.V.R. Democracy and Islamic Revivalosm, p. 265.

[17] *Baker W.W.* Kashmir. Happy Valley, Valley of Death. – Las Vegas: Defenders Publucations, 1994. – С. 71-72.

[18] По словам известного американского историка-политолога С.С.Харрисона, генерал М.Аслам-бег, только что вышедший в отставку, в ноябре 1991 г. с гордостью рассказывал ему в Женеве, что начиная с 1986 г. «тысячи кашмирцев», обученных МВР Пакистана засылались в Афганистан, а с 1989 г. они вернулись в Кашмир для борьбы уже там – *Harrison S.S.* South Asia and the US // Current History. – March 1992. – Vol. 91. – № 563. – С. 98.

[19] *Roy O.* Has Islamism a future in Afghanistan-in W.Maley ed. Fundamentalism Reborn? // Afghanistan and the Taliban. – Lahore, 1998. – С. 201-202.

[20] Правительство Б.Раббани и поддерживающие его группировки «стратегически», с точки зрения международной ориентации, оставались достаточно лояльны Западу, а их внутренняя линия в отличие от политики талибов не вызывала там раздражения.

[21] *Joshi M.* Islamic Reformism and Militancy in India // ISIM Newsletter. – Leiden, October 1998. – № 1. – С. 22. Основатель организации, М.Иршад из Фейсалабада, погиб в середине 80-х годов в Афганистане. После этого организация раскололась на две во главе с К.С.Ахтаром и Ф.Р.Халилом. В 1993 г. они объединились, но ненадолго. Ахтар принимал активное участие в исламистском заговоре части военных против правительства Б.Бхутто осенью 1995 г., но не был арестован (Newsline, March 2000, с. 68-72; Newsline, June 2000, с. 36-37).

[22] По официальным подсчетам, относящимся к концу десятилетия, размеры «теневой» (уходящей от уплаты налогов и неподконтрольной государству) экономики превысили 50% «законной», а по данным Всемирного банка, обороты «черных» денег (с учетом доходов от торговли наркотиками) составили 70% пакистанского ВВП.

[23] Надо отметить, что они при этом опираются на традиции школы деобанди, представители которой боролись за превращение колониальной Индии в «дар уль-аман», т.е. страну мира, где мусульмане свободны будут

следовать только и исключительно законам шариата – об этом см: *Alavi H.* Ethnicity, Muslim Society, and Pakistan Ideology, с. 29-30.

[24] О такой, салафитской, трактовке джихада см: *Игнатенко А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 8 (2). – С. 115-126.

[25] Энциклопедия Пакистана, с. 109; Dawn, Karachi, July 28, 2000<http://www. dawn. com>

[26] О деятельности академии хаккания, где обучение проходили несколько выходцев из стран Центральной Азии, см: *Пахомов Е.* Вся власть студентам // Итоги. – 19 июня 2000. – С. 44. Материалы о религиозных школах и академиях публикуются на страницах различных пакистанских периодических изданий, см., напр., выходящий в Карачи авторитетный журнал «Ньюслайн» за февраль 1995 г. и июнь 2000 г. Заметим, кстати, что за последние четверть века Карачи превратился в город с наиболее крупным пуштунским населением, превышающим, очевидно, 1,5 млн. человек.

[27] *Roy O.* Has Islamism a future in Afghanistan? с. 205.

[28] *Roy O.* Has Islamism, с. 207-208. Предлагая новый термин, известный французский специалист подчеркивает укорененность «нового фундаментализма» в культурно более исконном, традиционном исламе и полагает, что идеология «Талибан» весьма характерна для нынешнего состояния мусульманского мира («саудовская модель преобладает над иранской»).

[29] *Roy O.* Has Islamism, p. 211.

[30] *Haroon A.* Prophetic Times // Newsline. – February 1998. – С. 28-31.

[31] Доклад М.К.Замана на вышеупомянутой конференции в Париже.

[32] *Милославский Г.В.* Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран // Ислам и политика. – М.: Ин-т востоковедения, 2001. – С. 80.

[33] Ганковский Ю. Пакистан. Суннито-шиитское противостояние // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 1. – С. 35-36; Pakistan Political Perspective. Islamabad, December 1997, с. 40-42; March 1998, с. 41-42.

[34] Лидер одной из двух организаций под названием «Харкат ульмуджахедин» Ф.Р.Халил особенно непримиримо настроен против Индии (Newsline, Karachi, February 2000, с. 29-30).

[35] *Игнатенко А.А.* Самоопределение исламского мира // Ислам и политика. – М., 2001. – С. 13-18.

А.Рашид сходным образом трактует опасность, представляемую талибами, которых идейно и организационно поддерживают пакистанские радикалы, прежде всего из ДУИ, а материально – ваххабитские, как он пишет, структуры Саудовской Аравии и некоторых других арабских государств (Rashid A. The Taliban: Exporting Extremism // Foreign Affairs. – Nov. -Dec. 1999. – Vol. 78. – № 6. – С. 27).

[36] О такого рода взаимосвязи писала пакистанская периодика –см., напр: Newsline. February 1995, с. 24-25, а также Newsline, February 2000, с. 31-33.

Ю.З.Григорьева

РЕСТАВРАЦИЯ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА: ПРИЧИНЫ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Закат второго тысячелетия по христианскому летоисчислению был отмечен появлением нового исторического феномена, который часто называют «ренессансом», или возрождением, ислама в качестве мировой религии. Свидетельства этого феномена, включающие распространение исламского терроризма, часто отождествляются с ранним исламом – исламом арабских завоевателей, покорявших Европу средневековья огнем и мечом. При этом часто забываются жестокие страницы из истории христианства (в том числе крестовые походы и инквизиция), и идиллически мирная и человеколюбивая христианская вера противопоставляется бесчеловечному и кровожадному исламу[1].

Правомерно ли такое противопоставление, на фоне которого даже активное строительство мечетей на Северном Кавказе можно отнести к потенциальной террористической угрозе[2].

Известно, что в условиях массового распространения течений крайнего ислама, таких как ваххабизм, мечети действительно часто служат центрами террористической пропаганды, – что и наблюдалось в России в районах, инфицированных ваххабизмом. Но также известно, что крайнему исламизму нередко противостоит традиционный ислам, влияние которого, как справедливо считают некоторые эксперты, не до конца было оценено и использовано российской стороной в чеченском конфликте[3].

Однако, как показывает опыт стран Ближнего Востока и Северной Африки, имеются и реальные предпосылки для отождествления ислама с терроризмом – в большей степени, чем какой-либо другой конфессии. Этому способствует особая сохранившаяся черта ислама, подобная которой была изжита христианством в эпоху реформации в XVI-XVII веках: в нем и поныне «нет деления на религиозную и светскую жизнь»[4]. Арабский Халифат раннего средневековья был государством «рыцарей» мусульманской веры. Поэтому, согласно Корану, во главе государства должен находиться религиозный лидер, а самым справедливым судом является суд шариата.

Именно эта, достаточно архаичная, сторона мусульманского вероучения постоянно используется исламскими экстремистами. Благодаря ей политические цели легко замаскировать под религиозные,

эксплуатируя религиозный энтузиазм малообразованной части населения. Во время исламской революции в Иране (1979 г.), по словам очевидца, общество почти сразу же начало быстро «раскалываться на хомейнистов и антихомейнистов»: на сторонников и противников ригористического исламского правления. Хомейнисты превратили в центры политической и религиозной работы бесчисленные мечети, немедля приступили к созданию исламских комитетов и Корпуса стражей исламской революции. Имам Хомейни декларировал: «Ислам – политическая религия, обладающая властью. В исламе не меньше политических предписаний, чем религиозных»[5].

После смерти аятоллы Хомейни и появления нового религиозного лидера (Хатами), придерживающегося более умеренной трактовки Корана, страна постепенно начала эволюцию к «либерализации» ислама, оставаясь исламской по форме управления. В настоящее время призыв к сотрудничеству мировых конфессий на Ближнем Востока исходит от Ирана.

Новейшая история Ирана является показательной. Особенности мусульманского вероучения способствуют тому, что при определенном сочетании социальных и исторических факторов в стране грань между «крайним» и традиционным исламом может исчезнуть, а это поведет за собой реставрацию исламского по форме государства. Учитывая, что радикальное крыло исламских партий сохраняется практически во всех странах, где ведущей религией является ислам[6], это создает мощную потенциальную угрозу.

Данной угрозы в настоящее время пытаются избежать постсоветские республики Средней Азии. Как образец при этом ими часто рассматривается Турция. Эта страна считается достаточно успешным примером трансформации религиозного исламского государства в светское.

Однако и здесь проблема исламского экстремизма далека от решения. Как обычно, экстремизм ассоциирует себя с определенными политическими целями, близкими части населения. В случае Турции – это пантюркизм, или возрождение Великого Турана на территориях, заселенных тюркоязычными коренными народами[7]. Во время существования СССР в стране проводились «ежегодные недели солидарности с турками, порабощенными коммунистической империей», в которых, в том числе, «участвовали крупнейшие организации северокавказской диаспоры»[8]. Под давлением движений политического ислама в Турции была разрешена деятельность исламских банков[9].

Однако головокружительный успех радикальной исламской Партии Благоденствия, во главе с Эрбаканом, на местных, а затем парламентских выборах в Турции в середине 1990-х годов нельзя было бы объяснить только наличием соответствующей «идеологической подкладки». Идеи панисламизма и пантюркизма активно проповедовались в стране и раньше, несмотря на светский характер управле-

ния. Ренессанс агрессивного исламизма, по общему признанию экспертов, *всегда* совпадает с быстрой пауперизацией и обнищанием населения. Они служат главным фактором вовлечения масс в исламское фундаменталистское движение, так как ортодоксальный ислам проповедует отказ от излишеств и затрату части доходов (десятины) на благотворительность и помощь беднякам.

Пауперизация значительной или основной части населения была подоплекой резкого увеличения влияния крайних исламистов и фундаменталистов в Турции, Иране, Алжире и – самый экстремальный пример последнего времени – в Афганистане. Акции заинтересованных государств по созданию движения «Талибан»[9] не могли бы рассчитывать на успех при отсутствии данного социально-экономического фактора.

В то же время самый яркий контраст с названными странами представляет собой родина ваххабизма – Саудовская Аравия. Несмотря на то, что ваххабизм как религиозная доктрина является здесь официальной государственной идеологией, материальный уровень жизни населения не допускает его перерождения в массовое фундаменталистское движение агрессивного характера.

Фактически та же закономерность проявилась на Северном Кавказе в конце 1980-х – 1990-е гг.[10]

Ренессанс агрессивного фундаментализма повлек за собой такие «малоприятные» для международного сообщества последствия, как неконтролируемость создаваемой фундаменталистами террористической инфраструктуры и «негасимость» разожженного в маргинальных слоях религиозного фанатизма в течение длительного времени. После долгого периода эксплуатации «исламского фактора» в геополитических целях на Ближнем Востоке это было осознано в США[11]. Выпестованное как антитеза советскому и российскому влиянию движение «Талибан» стало «наводить ужас не только на своих противников, но и на своих союзников»[12].

Ужас наводят и готовность оказывать поддержку всем без исключения агрессивным исламистским движениям, и желание самостоятельно действовать на международной арене, и благожелательное отношение к террористам, независимо от их «послужного списка» (типичный пример – предоставление талибами прибежища для Усамы бен Ладена).

Но, помимо терроризма, катастрофическим последствием реставрации экстремистского ислама является распространение наркотиков. В сущности, это парадоксально, так как противоречит строгому отношению этой религии к их употреблению. Но предписания игнорируются там, где наркооборот служит единственным надежным источником доходов. Обещания талибов прекратить производство наркотиков в действительности обернулись превращением Афганистана в главный мировой «наркоцех», производящий 4,6 тыс. т опиума-сырца в год.

Независимо от предписаний ислама распространение крайних форм исламизма в настоящее время совпадает с географией расширения наркобизнеса. Значительным маршрутом транспортировки наркотиков в Европу является Турция. С присоединением Косова к «исламскому поясу» движение наркотиков из Средней Азии и Афганистана открыло новые пути. Этим во многом объясняется ужесточение позиции Запада по отношению к фундаментализму и двойственное отношение Европы к операции, инициированной США на Балканах.

В данном контексте вовлечение территорий на Кавказе в зону влияния исламских фундаменталистов представляет особую угрозу и для стран Запада, и для стран Востока, и для Средней Азии. Однако обратимость этого процесса подрывается тремя трудно преодолимыми факторами:

– Во-первых, это рельеф и режим границ с Азербайджаном и Грузией – фактическая открытость больших участков не позволяет эффективно блокировать поставку боеприпасов и продовольствия в зону конфликта. Это подтверждают заявления С.Радуева (после ареста) о том, что для того, чтобы перекрыть границу с Грузией и Азербайджаном, «там нужно задействовать всю стотысячную группировку войск», и что «в Чечню можно провезти все, что угодно»[13].

– Во-вторых, это отсутствие инструментов международного права для разрешения таких исторически обусловленных конфликтов, как с Чечней. В одних случаях колониальное завоевание и предшествующая фактическая независимость в прошлом завершились обретением народами государственной независимости (распад империи Австро-Венгрии, распад колониальной системы после Второй мировой войны, распад Югославии в постсоветскую эпоху). В других – инкорпорированность имеющих независимое прошлое территорий базируется на более высоком статусе по сравнению с другими территориями (перераспределение разнообразных полномочий) и экономической заинтересованности (Шотландия в Великобритании, Страна басков и другие исторические провинции в Испании)[14]. Но в то время как принцип территориальной целостности государств является общепризнанным, такого же общепризнанного механизма урегулирования подобных конфликтов не существует, и любые предложения по Чечне – от максимальной деволюции (перепоручения полномочий)[15] до введения федерального управления, или, наоборот, выведения из состава РФ и обустройства непроницаемой границы[16], – нельзя ни обосновать, ни опровергнуть, ссылаясь на международное право.

– Третьим, возможно самым трудным препятствием является глубокий социально-экономический кризис и криминализация территории.

Меры по социально-экономической стабилизации, разработанные в ведомстве представителя президента в Южном (бывшем Севе-

рокавказском) федеральном округе В.Казанцева, действительно являются «фронтом борьбы с терроризмом»[17].

Однако ситуацию на Северном Кавказе невозможно существенно улучшить, не выделяя средства «на восстановление» Чечни. Предыдущий опыт их разворовывания удерживает федеральный центр от больших трансфертов в Чечню (кроме выплат пенсий и пособий)[18]. Будучи оправданным с точки зрения предшествующего негативного опыта, это промедление сохраняет конфликт на стадии максимальной напряженности и тем самым подпитывает террористические тенденции в регионе. Ведь повсеместно главным средством воздействия на масштабы внутреннего терроризма служит улучшение социально-экономической обстановки[19].

Для России пока остаются открытыми важные вопросы не только внутренней, но и внешней политики, связанные с международным исламским экстремизмом. Охлаждение отношений РФ с арабскими странами в постперестроечный период часто воспринимается как серьезная внешнеполитическая ошибка[20]. В то же время культивирование международного терроризма именно в этом геополитическом ареале реально создает существенную угрозу международной безопасности.

Чем ниже материальный уровень жизни большинства населения в государстве, где мусульманство является господствующей религией, тем выше риск нахождения у власти экстремистских сил. С другой стороны, ни одному богатому арабскому государству не удалось обуздать радикальных исламистов на собственной территории (поэтому иногда высказывается точка зрения, что агрессивные зарубежные акции экстремистов поддерживаются и направляются в нужное русло с целью отвести опасность для собственной страны).

В силу этих особенностей прогнозируемое через несколько лет появление мощных межконтинентальных баллистических ракет в Иране, как и непрекращающиеся работы по созданию ядерного арсенала в Ираке создают реальную дилемму в отношениях с этими странами – и для России, и для бывшего главного геополитического соперника в регионе – США.

[1] Например, епископ Константин, ректор Санкт-Петербургской духовной академии, в одном из интервью высказался так: «Не нужно говорить, что сейчас ислам стал более агрессивным, чем сто, двести и тем более пятьсот лет назад. Но раньше исламские народы... уважали русских за их религиозные идеалы». По мнению священнослужителя, «восточные» зверства против иноверцев «поощряются» исламом, и «ислам зародился много позже других мировых религий как религия агрессии» (Независимая газета. 27 июля 2000).

[2] Как, например, это и было сделано в фильме «Кавказский полумесяц» Е.Масюк. РТР. 17 октября 2000 г.

[3] См., например, интервью доцента Военного университета Минобороны РФ Ю.Носкова «Должен ли Трошев принять ислам» (Новая газета. 27 ноября – 3 декабря 2000).

[4] «У исламистов всего мира, даже там, где ислам является государственной религией, есть мечта о создании идеального исламского государства... Это своего рода исламский протестантизм» (Там же).

[5] Леонид Шебаршин, резидент в Иране в 1979-1983 гг.: «Шах бежал. Да здравствует аятолла!» (Общая газета. 30 ноября – 6 декабря 2000).

[6] См., например, Democracy, War and Peace in the Middle East, ed. Carnham A. Fesslern. – Bloomington, Indianapolis, 1995, и др.

[7] Основателями пантюркизма был кемалист Зия Гекальп (1876-1924) и его последователи. За включение *всех* тюркоязычных народов в состав нового великого Турана в настоящее время выступают крайние пантюркисты (которые «превзошли своего учителя»). Тот факт, что в учебнике по истории Турции, выпущенном в 1976 г., вся территория от Анатолии до Средней Азии и Синьцзяна, за исключением Армении, была включена в зону проживания турецкого этноса по состоянию на 1963 г., заставляет убедиться, что идеи пантюркизма не утратили в Турции привлекательности. (Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. – М.1992. – С. 130).

[8] Как писал корреспондент ТАСС А.Еровченков, длительное время работавший в Турции, в постсоветский период «о порабощенных турках перестала заводиться речь», «а вот о солидарности с тюркоязычными народами республик бывшего СССР и кавказцами, главным образом, мусульманами» стали «говорить повсюду» (Еровченков А. Кавказский синдром в Турции // Компас № 3, ИТАР-ТАСС, 1 февраля 1996)

[9] Об этом см., например: Красильников Р. Пиррова победа Вашингтона // Независимое военное обозрение. – 2000. – № 44.

[10] Уже накануне распада СССР Чечня (как и Дагестан) представляла собой очаг социально-экономического неблагополучия, самой высокой безработицы и самого низкого уровня грамотности среди северокавказских республик. Компактное проживание этноса, малочисленность русского населения в республике, историческая подоплека противостояния России в XIX веке и передача федеральных складов с вооружением (соглашение с Дудаевым 1994 г.) способствовали началу вооруженной конфронтации. Однако в отличие от соседнего Дагестана традиции ортодоксального ислама не были сильны в Чечне и в XIX веке, – ислам пришел сюда в форме суфийского сектантства и мюридизма (проповеди джихада против России). За годы советской власти и без того достаточно слабые корни исламского вероисповедания в Чечне были подорваны. Поэтому можно полагать, что агрессивный ваххабизм в Чечне в настоящее время имеет исключительно социально-экономическую основу, используя которую некоторые арабские государства направляют свои усилия на реализацию геополитических интересов с целью дестабилизации ситуации в конкурентном нефтеносном регионе.

[11] См., например, интервью Новой газете Ю.Бодянского (директора Антитеррористического центра). 27 сентября – 3 октября 1999 г.

[12] Максим Старосельский: «Талибы: современный Афганистан ни от кого не зависит, именно поэтому он и опасен» (Версия. 10-16 октября 2000).

[13] Интервью, «Информация к размышлению» (НТВ. 29 ноября 2000 г.).

[14] Поэтому заявление В.Путина в выступлении на заседании МО о том, что «формальный статус ЧР «не так важен», и операция в Чечне – это «не рецидив имперской политики», не звучит неожиданно. Он обозначил две цели контртеррористической операции:

– чтобы территория Чечни не могла быть использована никакими силами как плацдарм для нападения на РФ;

– чтобы эта территория не использовалась для радикализации российского населения – имелись в виду межэтнические конфликты (ОРТ. «Время». 20 ноября 2000 г.).

[15] В.Лукин, экс-председатель Комитета по международным делам в ГД, интервью программе «Лицом к лицу» (радио «Свобода». 22 августа 2000 г.).

[16] См. интервью с Гавриилом Поповым (Московский комсомолец. 23 августа 2000 г.).

[17] Калашникова Марина. Пятилетний план Казанцева // Независимая газета. 3 ноября 2000. В программу социально-экономического развития ЮФО в 2001-2005 гг. входит, в том числе, контроль над использованием госимущества – там, где госсобственность составляет более 10% – это около 2 тыс. предприятий в округе.

[18] См. интервью с Б.Гантамировым (Версия. 7-13 ноября 2000).

[19] Другим важным инструментом было бы совершенствование национальной политики, инициированное на федеральном уровне, что снизило бы проявления национализма, в том числе и со стороны служащих силовых структур в районе конфликта.

[20] См., например: Шевченко М. Самоустранение России // Независимое военное обозрение. – 2000. – № 42.

Д.А.Ильвовский

К ВОПРОСУ О БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ КОРНЯХ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)

В последние 15-20 лет происходит заметное усиление воздействия религиозного фактора на внутри- и внешнеполитическую ситуацию в районах традиционного распространения ислама. И хотя указанный фактор проявляется по-разному в различных странах и различных социальных группах, практическими повсеместными формами самореализации современного политического ислама являются: рост и развитие исламского фундаментализма[1]; активизация традиционных легитимизированных исламских институтов; все более активное использование исламской риторики, лозунгов, некоторых юридических мусульманских норм в практике правящих режимов наряду с целенаправленной пропагандой, подчеркивающей исламский (или по крайней мере не антиисламский) характер данных режимов; усиливающаяся сенсетивность широких кругов населения к религиозному воздействию, отражающая латентные кризисные процессы в этих обществах.

К числу важных индикаторов вышеупомянутого процесса относится также и неуклонное увеличение числа исламских государств в мире, как тех, где имеет место едва ли не тотальная исламизация, так и пороговых стран. К числу первых сегодня относятся Иран, Саудовская Аравия, Судан, Афганистан; к иным – Пакистан, Бангладеш, Алжир, Египет, Палестина. Весьма вероятно, что в категорию пороговых в ближайшие 5-7 лет перейдет еще не менее десятка стран.

Во всех государствах Центральной Азии в настоящее время у власти стоят светские режимы; несмотря на преобладание мусульманского населения, эти страны исламскими не являются и в большинстве своем не станут таковыми ни в краткосрочной, ни в среднесрочной перспективе. Тем не менее особенности региональной политической культуры, равно как и специфика политических процессов в последние годы заставляют нас допускать и возможность ускоренной исламизации применительно к двум из пяти государств Центральной Азии: Таджикистану и Узбекистану. Что касается Таджикистана, то здесь сохраняется вероятность в среднесрочной (или даже краткосрочной) перспективе прихода к власти исламской оппозиции. В Узбекистане более вероятна исламизация сверху, что при сохранении светского режима может означать ход развития по пакистанской мо-

дели. При этом не подлежит сомнению, что при всей опасности для региона в целом необратимой исламизации Таджикистана, реализация аналогичного сценария в Узбекистане (прежде всего в силу уникальности политического и стратегического статуса данного государства в регионе) приведет к катастрофическим последствиям.

Следует признать, что в 90-е годы отношения властей Узбекистана с исламизированной частью общества характерны прежде всего отсутствием какой-либо стратегической линии и одновременно крайней непоследовательностью. Все эти годы здесь постоянно бросались от излишне жестких запретительных мер к столь же мало продуманным словесным дифирамбам, воспевающим всевозможные исламские традиции и различных средневековых деятелей ислама. В результате был создан внутренне крайне противоречивый образ «светского государства», духовными отцами которого провозглашались отнюдь не светские авторитеты имам аль-Бухари, имам ат-Термизи, ходжа Ахмад Яссави и Бахауддин Накшбанд. «Традиционной мусульманской страной» называется государство, где все мечети (будь то проправительственные или полуоппозиционные) равно подвергаются постоянным репрессиям, а безболезненно и сколь угодно часто публично ссылаться на Аллаха может себе позволить лишь президент, партийное (а следовательно, «безбожное» в глазах правоверных) прошлое которого нисколько не мешает ему претендовать на исключительное право выбора того «истинного ислама», который единственно допустим в Узбекистане. Традиционное преобладание в обществе умеренных (в сравнении с Таджикистаном или странами Ближнего Востока) религиозных понятий, по крайней мере до конца 1997 г., позволяло более или менее безболезненно состыковывать все эти едва ли совместимые установки. В последние два года это стало уже крайне сложно. Своими неуклюжими, а часто просто безграмотными действиями власти спровоцировали уже плохо контролируемый рост религиозного недовольства с явственно обозначившейся фундаменталистской (и даже экстремистской) составляющей. Могла оказаться весьма продуктивной высказанная еще в 1996 г. идея опереться в борьбе с исламским экстремизмом на квартальную общину и суфийские братства; тем не менее у руководства страны не хватило гибкости и последовательности для того, чтобы разумную идею довести до логического конца. Пропагандистский же крен в сторону ислама во многих регионах был воспринят как руководство к действию: в 1995-1997 годах на фоне продолжающихся арестов экстремистов при поддержке местных хокимов строятся и строятся новые мечети, резко возрастает число всевозможных исламских кружков, кое-где мечети вновь (как и в начале 90-х годов) уже начинают подменять школы, службы социального обеспечения и т.п.

К настоящему времени все более очевидным становится фактический провал политики узбекских властей по исламскому вектору.

Столкнувшись еще в конце 1991 г. с попыткой исламистов получить контроль над Наманганом и другими городами Ферганской долины (где проживает более трети населения страны), власти за девять прошедших лет не только не ликвидировали исламскую угрозу, но и своими непродуманными действиями резко осложнили и без того непростую ситуацию. События в долине (и в 1991-1992 гг. и в декабре 1997 г.), а особенно волнообразные попытки прорывов на территорию РУ боевиков Исламского движения Узбекистана (в 1999-2000 гг.), которые власти пытались отнести то на счет местных уголовников, то международного терроризма, на самом деле имеют прежде всего глубокие внутренние корни. Укреплению влияния «ваххабизма»[2] с его идеями «мусульманской справедливости» немало способствует и резкое ухудшение социально-экономического положения населения, рост безработицы среди молодежи, снижение уровня образования и государственной социальной поддержки. Важно и то, что исламские силы намного оперативнее реагируют на сложившуюся обстановку. Опираясь на уже имеющиеся финансовые средства (аккумулированы за счет связей с мафиозно-клановыми структурами в результате собственной коммерческой деятельности и поступлений из-за границы, в основном из Саудовской Аравии), мечети фундаменталистской направленности трудоустраивают безработную молодежь, материально поддерживают нуждающихся (деньгами, чаще продуктами). Распределение помощи при этом, как правило, приурочивают к тем или иным мусульманским праздникам или же выдают ее после совместного пятничного моления. Нежелание властей гласно признать тяжелое материальное положение собственного населения, а соответственно и непринятие необходимых безотлагательных мер лишь усугубляет ситуацию.

Уже с конца 1997 г., и в особенности после известных событий в Намангане и Андижане, власти спешно отказываются от всех форм заигрывания с исламом и, едва ли не находясь в состоянии паники, идут на столь непродуманные действия, что в результате порождают недовольство весьма широких слоев населения, которые отнюдь не отличаются фундаменталистскими настроениями, но и не желают расставаться с определенной нейтральной исламской атрибутикой. Речь идет о запрете использования мегафонов для призыва на молитву, насильственном бритье бород, воспрещении женщинам закрывать лица и даже носить традиционные головные платки. Тревожным сигналом становятся факты еще недавно невозможного в столице Узбекистана открытого сопротивления властям сторонников преследуемых имамов-хатыбов. В целом, как показали события последних трех лет, исламскую угрозу режиму не удалось не только ликвидировать, но и даже эффективно локализовать: нестабильность по религиозному вектору, ранее географически привязанная исключительно к Ферганской долине, сегодня отмечается также в Ташкенте, Ташкентской области и Хорезме.

Все вышеприведенные обстоятельства создают исключительно благоприятный фон для неуклонного усиления внешнего дестабилизирующего воздействия исламизма, исходящего прежде всего из ряда государств Ближнего и Среднего Востока. Речь при этом идет как о целенаправленной политике официальных и полуофициальных структур этих стран, так и о достаточно сложных взаимосвязях между узбекскими радикальными группировками и их всевозможными индивидуальными и коллективными покровителями на Ближнем Востоке. При этом следует еще раз подчеркнуть, что автор ни в коей мере не ставит под сомнение тезис об изначально автохтонном характере узбекского фундаментализма[3].

Здесь необходимо, в частности, учитывать то обстоятельство, что значительная часть афганской и саудовской узбекской диаспоры – это выходцы из Ферганской долины, бежавшие оттуда в 20 – 30-е годы в результате подавления важнейшего в Туркестане очага басмаческого сопротивления. В Ферганской долине у них остались многочисленные родственники, часто являющиеся представителями неофициального духовенства. Потому не было ничего удивительного в том, что в начале 90-х годов именно неофициальные мечети стали получать мощную финансовую подпитку из Саудовской Аравии. И хотя СНБ и МВД совместными усилиями удалось к 1993-1994 гг. заблокировать основные каналы поступления подобной помощи, полностью перекрыть их они так и не смогли. Сегодня и деньги, и литература поступают прежде всего через Ошскую и Джалалабадскую области Кыргызстана. Размер помощи колеблется от 1 до 30-50 тыс. долл.[4] Всевозможные исламские издания (чаще всего на арабском или русском языках) включают в себя как переизданные труды теоретиков исламского фундаментализма (прежде всего Сейида Кутба и Абу аль-Ааля аль-Маудуди), выпущенные на Ближнем Востоке, так и различные просветительские брошюры. Религиозная литература попадает сюда и благодаря многочисленным российским исламским обществам и организациям. Как минимум, до 1994 г. в основном в Андижане, Намангане и Коканде по приглашению местных авторитетных имамов соборных мечетей (Абдовали Мирзоева, Умар-хона и Мухаммада Раджаба) регулярно выступали с циклами проповедей на арабском языке полулегально приезжавшие в Узбекистан последователи ассоциации «Братья-мусульмане» и «Партии исламского освобождения» – саудовцы, египтяне, иорданцы и палестинцы, преимущественно с паспортами граждан ОАЭ или Саудовской Аравии.

До 1996-1997 гг. в РУ активно действовали частные благотворительные фонды из Саудовской Аравии, принадлежавшие Файзулле и Абдукадыру Маргилани, а также Абдухаким-кары. Фонды имели официальные офисы в Фергане, Маргилане, Ташкенте, спонсировали строительство и реконструкцию мечетей, финансировали кружки по изучению арабского языка, Корана и тафсира. По неподтвержденным данным, отсюда также выделялись неподотчетные средства ряду оп-

позиционных имамов, в частности, имаму-хатыбу ташкентской соборной мечети «Тохтабай» Обидхон-кары Назарову[5]. Последний никогда не делал секрета из своей приверженности идеям Сейида Кутба, изложенным в его работе «Маалим фи-т-Тарик» («Вехи пути»). Это евангелие от радикального фундаментализма проповедовалось Назаровым и обсуждалось в его беседах с учениками. Неудивительно, что после истечения сроков действия виз братьев Маргилани и Абдухакима-кары, визы не были продлены властями, а в результате и деятельность соответствующих фондов в Узбекистане была прекращена. Одновременно с конца 1997 г. МИД РУ отдал распоряжение консульствам не выдавать въездных виз этническим узбекам, являющимся гражданами Саудовской Аравии, Турции, Пакистана, Афганистана и Ирана. Причиной запрета стала информация о связях ближневосточных узбеков с «ваххабитами» из Ферганской долины и фактах регулярного сбора денег для лидера Исламского движения Узбекистана Тахира Юлдашева. Впрочем, ожидаемой реакцией на визовые ограничения стала организация новых нелегальных каналов въезда этих людей в страну. Например, в Ташкенте еще в 1999 г. имелись неофициально купленные саудовцами квартиры, на которые в сопровождении местных жителей доставлялись из Казахстана граждане Саудовской Аравии, не имевшие въездных виз в Узбекистан.

* * *

В настоящее время едва ли не самой болезненной проблемой для властей Узбекистана остается деятельность двух крупнейших радикальных организаций, наиболее тесно связанных с исламским «зарубежьем» – «Исламского движения Узбекистана» и «Хизб ат-Тахрир».

«Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) первоначально сформировалось на базе сплотившихся вокруг Джумабая Ходжаева (Намангани) и Тахира Юлдашева бывших активистов наманганского движения «Адолят» (узбекская вариация «стражей исламской революции» конца 80-х – начала 90-х годов), которые, спасаясь от преследований властей, были вынуждены в 1992-1993 гг. либо уйти в подполье, либо эмигрировать вслед за своими лидерами. Мелкие разрозненные группировки в конечном счете оформились в движение и приобрели громадный боевой опыт в рядах Объединенной таджикской оппозиции (ОТО). В ходе совместной борьбы Джума Намангани сумел завоевать поддержку главкома вооруженных сил ОТО Мирзо Зиеева, фактически став его правой рукой. Численность ИДУ быстро растет и на сегодня составляет уже не менее 4-5 тыс. бойцов, отличающихся высокой боеспособностью и дисциплиной. Намангани по-прежнему пользуется покровительством М.Зиеева (на сегодня министра по чрезвычайным ситуациям в правительстве РТ), обеспечивающего своего ученика всем

необходимым на территории Таджикистана (вооружением, обмундированием, доступом к бывшим базам и тренировочным лагерям ОТО)[6].

Тахир Юлдашев, являющийся политическим лидером ИДУ, последние годы в основном развивал международную активность, устанавливая (и весьма успешно) связи в Афганистане, Пакистане, Иране, Саудовской Аравии, Турции, в ряде других стран. С 1999 г. ИДУ при личной поддержке муллы Омара и Усамы бен Ладена получает постоянный доступ к четырем военно-тренировочным лагерям в районе Кабула (в Карге и Ришхуре – около 400 человек), а самое главное: в их полное распоряжение передается большая часть инфраструктуры в районе Мазари-Шарифа (казармы, полигоны, пакгаузы), ранее до июля 1998 г. принадлежавшей армии узбекского генерала Достума. Под Мазари на сегодня сосредоточено около 2 тыс. боевиков ИДУ. Еще около 550 человек проходят боевую подготовку в провинциях Кундуз (300) и Тахар (250). Не менее 200 бойцов Намангани непосредственно участвуют в боевых действиях в составе боевых подразделений Талибан. За боевую подготовку и тыловое обеспечение ИДУ в Афганистане прямую ответственность несет находящаяся под контролем У.бен Ладена 55-я бригада армии талибов.

Очередным свидетельством особого расположения и покровительства со стороны руководства ДТ стало недавнее (в конце 2000 года) решение муллы Омара о выдаче Т.Юлдашеву «гостевого» афганского удостоверения личности за номером два (аналогичное удостоверение № 1 было ранее выдано У.бен Ладену), позволяющего свободно перемещаться по всему Афганистану, равно как и Пакистану, где (в Пешаваре) находится одна из резиденций Т.Юлдашева.

Несомненным успехом Т.Юлдашева стало также установление дружеских отношений с родным братом короля Саудовской Аравии Талялем бен Абдель Азизом, который стал его покровителем и едва ли не крупнейшим спонсором (только в 1998 году он якобы предоставил Тахиру до 15 млн. долл.).

Беспрецедентная поддержка, которой пользуется ИДУ в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Саудовской Аравии, не должна, тем не менее, вводить нас в заблуждение: возникновение, укрепление и дальнейший рост ИДУ стали возможны прежде всего благодаря провальной социально-экономической и «антиисламской» политике руководства Узбекистана.

Партия исламского освобождения – «Хизб ат-Тахрир» (ПИО). Создана по образу и подобию известной группировки, образованной в 1952 г. шейхом Таки ад-Дином ан-Набахани из Наблуса на территории Восточного Иерусалима. Целью ПИО было провозглашено создание на всей территории Палестины Арабского государства, основанного на шариате. До 1967 г. ПИО была единственной исламской группировкой на Западном берегу, которая проявляла готовность вести борьбу с Израилем, а ее влияние превосходило

влияние «Братьев-мусульман». В 1967 г. руководство ПИО приняло решение прекратить свою деятельность на оккупированных территориях; ее отдельные формирования переместились в Ирак, Кувейт, Ливан, Сирию, Египет и Иорданию. В отличие от «Братьев-мусульман», которые в целом призывали к постепенной исламизации и шариатизации, ради чего допускали использование различных средств, среди которых насилие, тем не менее, не занимало первое место, ан-Набахани именно в скорейшем захвате власти и уничтожении господствующей верхушки видел единственно возможное средство для последующего введения шариата сверху. Его последователи неоднократно оказывались причастны к попыткам государственных переворотов в Иордании, Сирии, Ираке и Египте. На сегодня группировки этого типа сохраняются (на нелегальном положении) в ряде стран Ближнего Востока.

Согласно имеющейся информации, ячейки узбекской ПИО появились в РУ еще в 1993-1994 гг. До настоящего времени ее активисты занимались исключительно пропагандистской работой и вербовкой новых членов организации, воздерживаясь от прямого противостояния властям, к которому, как они полагали, были еще не готовы. Массовые аресты тахрировцев в 1998 г. заставили последних объявить режиму своего рода «листовочную войну». Материалы судебных процессов, равно как и анализ содержания листовок, позволяет совершенно однозначно говорить о неавтохтонном происхождении узбекской «Хизб ат-Тахрир» – как в финансовом, так и в идейном смысле. Вполне в духе небезызвестного ученика ан-Набахани Салиха Сиррийи, предпринявшего в 1974 г. неудачную попытку государственного переворота в Египте, узбекские тахрировцы разделяют одну очень простую идею – лишь правитель, лишь он один, а никак не общество, погряз в неверии. Устранение же правителя-кяфира сделает шариатизацию свершившимся фактом.

Навязчивые же формулировки о «еврейском враге мусульман» и «еврейском правителе-кяфире» однозначно выдают внерегиональное (скорее всего арабо-палестинское) происхождение по крайней мере распространяющихся в Узбекистане листовок. В этой связи следует заметить, что в Узбекистане антисемитские лозунги не имели и не имеют какой-либо существенной массовой поддержки, более того: скорее вызывают отторжение. Так что в данном случае арабские спонсоры, очевидно, просчитались[7].

Как представляется, в отличие от Исламского движения Узбекистана узбекская «Хизб ат-Тахрир» являет собой очевидный пример подрывного внешнего влияния и какой-либо существенной поддержкой населения не пользуется.

* * *

В целом в 1990-е годы внешнее влияние (как прямое, так и косвенное) на динамику развития исламского спектра политической

культуры Узбекистана имело в значительной мере пакистано-афганское, иранское, саудовское и турецкое происхождение.

ПАКИСТАН. Пакистанское руководство традиционно рассматривает Узбекистан прежде всего в качестве необходимого элемента выгодного Пакистану варианта политической стабилизации в Афганистане. Существует также и возможность того, что Узбекистан может в среднесрочной перспективе взять на вооружение пакистанскую модель государственного развития (роль ислама - значительная на бытовом уровне, но в государственном управлении имеющая демонстрационный характер). Важными тактическими соображениями для Пакистана остаются расчет на получение дополнительного голоса (Узбекистана) в свою поддержку при решении «Кашмирской проблемы», а также в целях укрепления своих позиций в ОЭС и в регионе в целом. Существенное негативное воздействие на состояние и развитие двусторонних отношений оказала, во-первых, деятельность пакистанских спецслужб в Узбекистане, во-вторых, налаженные контакты пакистанских религиозных организаций (прежде всего «Джамаат-э-ислами») с узбекской исламской оппозицией, а также вскрывшиеся в конце 1997 г. факты подготовки боевиков узбекской исламской оппозиции на территории Пакистана.

По крайней мере, по состоянию на начало 1998 г. узбекские спецслужбы располагали достоверной информацией о регулярной «спецподготовке» (идеологической и/или боевой) узбекских исламских экстремистов на территории Пакистана. Первоначальное обучение (преимущественно выходцев из Ферганской долины) проходило в соответствующих мусульманских центрах (в частности: в медресе «Джума аль-Санифия» в г.Исламабад и «Табон» в г.Мардон, а также в центре «Даъват таблиг» в г.Рейванд провинции Лахор) в районе Пешавара при содействии таких организаций, как «Хезби Харакати Джихад», «Даъват Уль-Иршад» и «Общества улемов Пакистана». Затем в течение 6-7 месяцев следовала террористическая спецподготовка в лагерях близ Пешавара (район Арбат Роуд и в кишлаках Джалхоза, Шамшату и Окупи Хатта) или на подконтрольных талибам территориях Афганистана. Уже обученные боевики затем возвращались по нелегальным маршрутам через Таджикистан и Киргизию в Узбекистан. По очевидно завышенным данным СНБ РУ, в 1998 г. в этих подпольных учебных центрах на территории Пакистана проходило подготовку до 400 человек – выходцев из Центральной Азии, прежде всего из Таджикистана (большинство) и Узбекистана. Предание гласности этих сведений сопровождалось направлением в феврале 1998 г. официальной ноты протеста МИД РУ правительству Пакистана и привело к очередному обострению в двусторонних отношениях. Вместе с тем ситуация со спецподготовкой граждан Узбекистана, судя по всему, осталась прежней.

ИРАН. Отношения между двумя государствами в течение всего периода их существования можно охарактеризовать как натянутые и недружественные. Тон во многом был задан неоднократными жесткими высказываниями президента И.Каримова относительно неприем-

лемости иранской модели и вмешательства Ирана во внутренние дела ряда стран Центральной Азии[8]. Со своей стороны, и руководство ИРИ поспешило занести Узбекистан в число исламских государств, которые уже в силу преобладающей культурно-религиозной традиции были как бы предназначены находиться в сфере иранского влияния. Раздражение, с одной стороны, и разочарование, с другой, лишь усугубили взаимное отчуждение.

В свое время ряд аналитиков предсказывал «эффективное иранское вмешательство» в зоне Ферганской долины. Здесь, действительно, в конце 1991 – начале 1992 гг. предпринимались попытки высадки «десантов» иранских проповедников. Последние, однако, натолкнулись не только на противодействие узбекских силовых структур, но и на нежелание местного ислама перенимать чуждые шиитские стандарты. При всем том, что долинные фундаменталисты (тот же Т.Юлдашев) регулярно взаимодействуют с иранцами и даже получают от них определенную финансовую подпитку, на сегодня говорить о существенном иранском влиянии в Узбекистане и даже в Ферганской долине мы оснований не имеем.

Особое место в двусторонних отношениях принадлежит этнополитическому и этноконфессиональному фактору. Известно, что на территории Ирана сколько-нибудь численно значимая община этнических узбеков отсутствует. Согласно последней общесоюзной переписи населения 1989 года, число официально зарегистрированных персов (или ирони) в Узбекистане не превышало 28 тыс. человек. Самая крупная персидская община численностью 19459 человек была зарегистрирована в Самаркандской области. Вместе с тем данные полевых исследований автора позволяют приблизительно оценить в 100 тыс. человек общину ирони в городе Самарканде и в 70-80 тыс. в Бухарской области соответственно. С учетом Самаркандской области, а также небольших иранских общин в других районах Узбекистана можно говорить о 200-250 тыс. узбекских персов[9]. Самостоятельное значение имеет шиитская самоидентификация узбекских ирони, закрепляющая их обособленный статус. При этом в рамках данной самоидентификации одновременно оказываются закрепленными и многочисленные этноконфессиональные предрассудки и обиды. Так, персы-шииты жалуются на невозможность полноценно отметить центральные в шиизме дни поминовения имама Хусейна (или Ашура): их вынужденно отмечают лишь в стенах мечетей, не проводя траурных шествий по улицам городов[10]. Это малозначимое – на первый взгляд – обстоятельство следует, тем не менее, также принимать в расчет в качестве потенциально взрывоопасного фактора, который может проявиться при соответствующей внутриполитической дестабилизации в Узбекистане и одновременной активизации внешнего исламского (иранского) фактора.

Резко возросшая во всем мире политическая роль мечетей (особенно шиитских) в мусульманском обществе заставляет учитывать и

этот фактор. Так, в Самарканде из общего числа 13 пятничных мечетей 3 являются шиитскими. В Бухаре к шиитским относится 1 из 11 городских пятничных мечетей (во всей Бухарской области насчитывается 5 шиитских мечетей). Кроме того, этнические персы возглавляют обе суннитские пятничные мечети Ферганы и одну суннитскую мечеть в Маргилане. Такая картина складывается на фоне пока еще практически полной политической инертности персов-шиитов Узбекистана. Но не стоит забывать, история изобилует примерами внезапной и непредсказуемой политической активизации еще недавно пассивных мусульманских общин.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ. Как известно, основы современной саудовской политики в отношении стран Центральной Азии были намечены еще в 1992 г. в традиционном обращении короля Фахда к паломникам, в котором, в частности, говорилось о стремлении руководства Саудовской Аравии «помочь народам Центральной Азии возродиться и стать новым фактором строительства мусульманского мира». В Эр-Рияде, очевидно, рассчитывали на постепенное включение центральноазиатских республик в сферу своего влияния, что могло бы позволить упрочить позиции Саудовской Аравии в региональной конкурентной борьбе с Турцией и Ираном, получить дополнительные козыри в рамках ОИК, а также усилить просаудовский блок мусульманских государств в ООН и других международных организациях.

Узбекистан, со своей стороны, рассчитывал как на получение крупномасштабной финансово-экономической помощи, так и на авторитет уникального религиозно-политического статуса королевства, чья поддержка могла бы укрепить позиции Узбекистана в международном мусульманском сообществе и, что не менее важно, помочь получить выход на мощные исламские экономические институты типа ИБР. После короткого, но многообещающего старта узбекско-саудовские отношения пережили период длительного застоя и даже напряженности, которую в целом не удалось преодолеть и сегодня.

Особое беспокойство властей РУ – по крайней мере, в начале 1990-х годов - подпитывали факты финансирования узбеками-саудийцами строительства и реконструкции «долинных» мечетей, равно как и не до конца подтвержденный факт финансовой поддержки отдельных политизированных исламских групп, возникавших с конца 80-х годов при соборных мечетях Ферганской долины[11]. Свою позитивную роль все же сыграло обращение (пусть и запоздалое) одного из членов королевского семейства к представителям саудовской узбекской общины[12] с просьбой несколько умерить свой родственный и религиозный пыл. Во всяком случае, на сегодня подобной проблемы в двусторонних отношениях, похоже, более не существует. Судя по всему, определенную роль в узбекско-саудовских отношениях может сыграть и общий антииранский настрой руководства обеих стран. Саудовцы – по крайней мере уже с середины 1990-х гг. – в своих контактах с узбеками са-

мым активным образом эксплуатировали тему общности «антифундаменталистских» (читай «антииранских») установок.

ТУРЦИЯ. Многообещающий старт узбекско-турецких отношений в 1991-1993 гг. уступает место двум сменяющим друг друга периодам охлаждения (в 1994-1995 гг. и 1996-1997 гг.[13]), которое не вполне преодолено и до сих пор. Как известно, руководство Турции поспешило занести Узбекистан в список тюркоязычных государств, которые уже в силу преобладающей этнокультурной и религиозной традиции были как бы предназначены к тому, чтобы находиться в сфере турецкого влияния, что не позволило вовремя увидеть временный и условный характер протурецкой ориентации[14] Узбекистана, равно как и предотвратить весьма серьезный всплеск раздражения со стороны Ташкента. Лишь к настоящему времени в позициях обеих сторон постепенное преобладание получают более прагматические подходы. В течение всех 90-х годов в политических кругах Узбекистана, России, стран СНГ, Западной Европы и США господствует почти однозначное восприятие Турции как единственно возможного и достаточно эффективного противовеса исламскому влиянию Ирана на постсоветском мусульманском пространстве. Уже в силу данного обстоятельства узбекско-турецкое сближение рассматривалось как исключительно позитивный фактор и всецело поддерживалось мировым сообществом.

Общеизвестно, что Турция в 1990-е годы (особенно при президенте Т.Озале) активно использует лозунги пантюркизма и одновременно настойчиво, начиная еще с Анкарской встречи глав государств тюркоязычных стран (30-31 октября 1992 года), поднимает вопрос о наличии общей исламской угрозы, исходящей прежде всего от Ирана. Вместе с тем и сама Турция выступает в роли канала определенного исламского влияния на Узбекистан. Прежде всего речь идет о суфийском ордене Накшбандийя, наиболее авторитетном и многочисленном суфийском братстве, как в Турции, так и в Узбекистане. Немалое значение имела и принадлежность к накшбанди и покойного президента Турции Т.Озала. Последний, будучи сторонником в целом максимально интенсивного турецкого идеолого-политического воздействия на постсоветском мусульманском пространстве, особо покровительствовал суфиям. Визиты последних, сопряженные с соответствующей финансовой и организационной помощью, становятся относительно регулярными. Предпочтение при этом отдается Бухарской и Самаркандской областям. В апреле 1993 года в рамках своего официального визита в Узбекистан Тургут Озал лично посещает главную святыню накшбандийя мавзолей Бахауддина Накшбанда и одноименную пятничную мечеть (Бухарская область), на нужды которой он делает взнос в 40 тыс. долл.

Со второй половины 1993 года миссионерскую деятельность в Ташкенте, Самарканде, Бухаре и Ургенче разворачивает и радикальная турецкая религиозная секта «Нурджу», основанная Саиди Нурси. Известно, что немалая часть узбекских студентов и офицеров узбекской армии, направленных в Турцию на обучение и переподготовку, подвергались массированной обработке со стороны турецких спец-

служб. При этом, однако, и сами спецслужбы активно использовали в своей работе элементы религиозной пропаганды; кроме того, на приезжих из Узбекистана немалое влияние оказывали и всевозможные исламские партии и общества, в том числе и антиправительственные. В целом следует отметить, что уровень религиозной свободы в Турции несравнимо выше, чем в Узбекистане, что, принимая во внимание также существенное укрепление позиций турецких исламистов, может в будущем изменить до сих пор светский характер турецкого воздействия на Узбекистан и другие мусульманские республики СНГ.

* * *

1. Узбекистан в настоящее время переживает переходный период, в рамках которого значительно возрастает как уровень непредсказуемости, так и уровень нестабильности. В связи с этим в течение ближайших 5-7 лет у оппозиции (в данном случае исламской) мог бы появиться шанс на получение, как минимум, стабильного легального статуса. Не исключена и возможность регионализации Узбекистана вплоть до фактической автономизации всей или большей части территории Ферганской долины. Фактическое, или тем более юридическое, отделение долины представляется все же малореальным.

2. Можно видеть, что уже с первых дней независимости Узбекистан избирает не просто светский путь развития, но и берет курс на суровое подавление любых политических и даже неполитических проявлений исламского происхождения. Жесткие меры властей чаще всего стимулируют и соответствующую экстремизацию даже изначально умеренных группировок.

3. Углубление социально-экономического кризиса при традиционно избыточном демографическом давлении не оставляет руководству РУ времени для неспешной продуманной коррекции своей стратегии и тактики на исламском направлении. К тому же «ведущие» исламистов силовики явно не в состоянии отойти от многократно опробованных и явно малоэффективных жестких силовых методов. По-прежнему проблемой остается и нехватка серьезных аналитиков, способных предложить элементы альтернативной государственной политики в сфере религии.

4. В сложившихся условиях внешний фактор, изначально имевший явно маргинальное значение, если и не становится определяющим, то оказывает все возрастающее влияние на внутриполитическую ситуацию в Узбекистане. Каналы и формы этого влияния будут в первую очередь зависеть от состояния узбекско-таджикских отношений, а также вероятных сценариев дальнейшего развития афганского конфликта. При условии стабилизации по таджикскому и афганскому вектору снизится и роль прочих региональных факторов (пакистанского, иранского и саудовского).

5. Крайняя неразвитость гражданского общества не позволяет рассчитывать и на «естественную сопротивляемость» населения страны привносимым извне, и в целом нехарактерным для Центральной Азии элементам религиозной нетерпимости.

6. То обстоятельство, что большинство непосредственных и близких соседей Узбекистана (включая Россию) крайне заинтересованы в недопущении неконтролируемой исламизации в РУ, казалось бы, должно иметь устойчивый стабилизирующий эффект. Отчасти это действительно так. Тем не менее, в отношениях с соседними государствами Узбекистан последние годы демонстрирует не больше последовательности и гибкости, чем на внутриисламском направлении. Достаточно указать на конфликтную напряженность практически по всему периметру собственных границ, совершенно нелогичный (с точки зрения национальных интересов РУ) выход из Договора о коллективной безопасности (в 1999 г.), многолетнюю демонстративную натянутость в отношениях с Россией (единственным реальным союзником в борьбе с внешней и внутренней исламской угрозой), весьма двойственную и недальновидную политику по афганскому вектору и многое другое.

7. Продолжающийся процесс интеграции Узбекистана (равно как и остальных мусульманских республик бывшего СССР) во все еще мало освоенное ими исламское геополитическое пространство требует от руководства страны крайней осмотрительности и гибкости как при проведении собственной внешней политики, так и при поиске наиболее адекватных форм реагирования на факты прямого и косвенного вмешательства во внутренние дела РУ со стороны мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока.

[1] Автор полагает возможным определить исламский фундаментализм в качестве относительно самостоятельного течения исламской общественной мысли, изначально развивавшегося в рамках ортодоксальной исламской традиции и обращенного к идеальному прошлому ради построения идеального будущего общества. Последнее мыслится возможным при соблюдении следующих требований: (1) *возврат к первоначальным основам и заповедям ислама*, очищение его от всех позднейших ересей и искажений, дабы установить с точностью, что в действительности говорили и делали пророк и его сподвижники, и применить это с максимальной тщательностью в условиях сегодняшнего дня; (2) построение политической системы общества в рамках концепций хакимийи (т.е. замены всевластия людей всевластием Аллаха) и халифата; (3) регуляция внутриэкономической жизни на базе теорий исламской экономики; (4) организация судебно-правовой системы в рамках шариатских установлений; при этом *отправление правосудия обычно рассматривается в качестве приоритетного элемента государственной структуры в сравнении с законодательной и исполнительной властью;* (5) *создание обстановки всеобщего контроля и самоконтроля за нравственностью*. Фундаментализм, как течение, не отличается единством и представлен формально противостоящими друг другу умеренными

и радикальными организациями, разделяет которые прежде всего отношение к проблемам такфира (обвинения в неверии – всего общества, правящего режима, правителя или отдельного мусульманина) и введения шариата. Умеренные выступают категорически против такфира, радикалы – столь же категорически за. И те, и другие высказываются за введение шариата как основного и единственного закона общества. Однако первые не настаивают на его немедленном принятии и отстаивают легальный парламентский путь шариатизации. Вторые же требуют как можно более быстрого введения шариата и применения силы против тех, кто препятствует этому.

[2] Данный термин (о некорректности которого специалисты уже неоднократно писали) используется в статье лишь в качестве иллюстрации к официальной позиции руководства Узбекистана.

[3] Своего рода неофундаменталистское течение в Узбекистане формируется в Ферганской долине еще с конца 70-х годов усилиями маргиланского духовного авторитета Хокима-кары и двух его учеников – Рахматуллы Уламы и Абдовали Мирзоева.

[4] Только сейчас выясняются истинные масштабы внешних финансовых вливаний в те или иные мечети фундаменталистской ориентации. Например, в 1993 году имамом кокандской соборной мечети "Джами" Мухаммадом Раджабом по документам было получено 50 тыс. долл. от некоего саудовского бизнесмена; примерно такие же суммы поступили от неких арабских гостей в главную городскую мечеть Андижана и в главную областную наманганскую мечеть. При этом речь идет только о выявленных разовых пожертвованиях.

[5] Арестован (по другой версии: бежал в Киргизию, откуда выехал затем на Ближний Восток) в 1998 г. по обвинению в антигосударственной деятельности.

[6] Здесь следует учитывать все еще громадный нерастраченный деструктивный потенциал, накопленный обеими сторонами в таджикском конфликте. При этом один из возможных вариантов дальнейшего развития событий подразумевает необходимость перевода негативных эмоций на любого «внешнего врага таджикской нации». Эту роль с равным успехом могут занять как талибы в Афганистане, так и соседний Узбекистан, к которому в силу целого комплекса причин и таджикское правительство, и таджикская оппозиция испытывают давнюю, глубокую и небеспочвенную неприязнь. Существует соблазн поспособствовать дестабилизации ситуации в соседней стране, которая столь часто вмешивалась во внутритаджикские дела и подчас жестко и демонстративно пользовалась зависимостью Таджикистана. Ради того, чтобы сцементировать межтаджикское согласие, обе стороны, весьма вероятно, будут и далее закрывать глаза на пребывание на таджикской территории оппозиционных исламских группировок из Узбекистана и не препятствовать их переходам узбекско-таджикской границы.

[7] Кроме того, подобные пассажи вызывают равно недоумение и раздражение в традиционном узбекском обществе, где обычно во всех подробностях осведомлены об этническом происхождении любых ведущих политиков страны. Что касается И.Каримова, то президент РУ – наполовину узбек, наполовину – таджик.

[8] Тема, требующая отдельного рассмотрения, – это обозначившееся еще в начале 1990-х годов стремление Узбекистана закрепить за собой в глазах мирового сообщества статус едва ли не главного гаранта (со всеми вытекающими отсюда возможными политическими и финансовыми последствиями) по поддержанию региональной стабильности и противодействию агрессивному исламскому фундаментализму, источник которого, как это озвучивалось руководством РУ, располагался в Тегеране.

[9] Расхождение с официальной статистикой обусловлено многолетней традицией добровольно-принудительной ассимиляции (и соответствующей регистрации) персидских, таджикских, киргизских и ряда других общин.

[10] Данное обстоятельство в значительной степени связано с событиями 1916 года, когда подобное шествие в Бухаре привело к кровавым столкновениям между шиитами и суннитами.

[11] В течение всего 1991 г. и первой половины 1992 г. при участии и финансовой помощи прежде всего саудовских узбеков начали создаваться различные совместные предприятия, развернулись строительные и реставрационные работы в мечетях (2 из 9 пятничных мечетей в Андижане, обе действующие пятничные мечети в Фергане, 3 из 7 мечетей в Коканде, одна из 9 мечетей в Намангане, 5 из 11 мечетей в Маргилане, 7 из 74 пятничных мечетей в Ташкенте). Одновременно происходило (и довольно часто) переименование соответствующих мечетей на арабский лад. Претерпели изменения и программы обучения в медресе. В начале 1992 г. даже предпринимались попытки под видом туристов направить на территорию Ферганской долины целые автобусные «десанты» проповедников. Эти попытки закончились неудачей после того, как произошли столкновения с ляскарами (боевиками) из проправительственных мечетей, повлекшие за собой вмешательство официальных властей и их соответствующие запретительные меры.

[12] По оценкам западных специалистов, численность саудовских этнических узбеков составляет от 500 до 700 тыс. чел.

[13] Речь идет о периоде нахождения у власти коалиционного правительства во главе с лидером исламской Партии благоденствия Н.Эрбаканом. В руководстве РУ, похоже, более чем всерьез восприняли некоторые панисламистские лозунги Эрбакана, усмотрев в них угрозу возможного турецкого вмешательства в столь болезненную для Узбекистана внутреннюю исламскую сферу. Турецкое посольство в Ташкенте, и ранее бывшее в зоне особого внимания спецслужб РУ, отныне попадает под приоритетный специальный контроль наряду с пакистанцами и иранцами.

[14] Речь, в частности, идет о том, что в 90-е гг. на уровне реальной стратегии руководство РУ сделало ставку на одновременное использование элементов китайской и турецкой моделей развития. В первом случае речь шла об экономических реформах, которые не просто предшествуют политическим, но даже протекают на фоне авторитарной стагнации в политической области. Из турецкой же модели была прежде всего взята идея отделения религии от государства, до некоторой степени – концепция отца нации

(Турция периода Ататюрка), и, наконец, – попытка интегрировать мусульманскую страну в немусульманское геополитическое пространство.

Н.Г.Киреев

БОРЬБА С ТЕРРОРОМ В ТУРЦИИ

Обновление антитеррористического законодательства. Понятие «терроризм» утвердилось в современном турецком уголовном праве с принятием в 1991 г. З*акона* о *борьбе с терроризмом,* до этого времени использовалась различная терминология, имеющая в виду прежде всего уголовную антигосударственную, подрывную деятельность (включая вооруженную, идеологическую и т.п.). Безусловно, турецкие концепции пресечения такого рода преступлений имеют свою специфику, они исторически формировались под воздействием множества факторов, оценка которых требует отдельного исследования. При этом здесь очевидно сохранение давно изжитых Европой остатков средневековых норм наказания, известных своей жестокостью и безапелляционностью. Суровость наказания за антигосударственные преступления, за подрывную деятельность правящая элита империи, а затем республиканская элита оправдывали тем, что в годы окончательного развала османского государства, т.е. в первые два десятилетия XX века в Европе стал весьма популярным тезис о незаконности, временности пребывания турок в Европе и даже в Малой Азии.

Турецкие авторы, прежде всего историки, и сейчас возвращаются к этой болезненной в прошлом для них теме, определяя положение Турции на Балканах, в целом в Восточном Средиземноморье как состояние осажденной крепости. Например, известный турецкий социолог и историк Джахит Танйол в своей книге об Ататюрке пишет: «Как и у всех просвещенных людей Османской империи, и у него (Ататюрка) было стремление обосновать анатолийский тюркизм, закрепить на «стройном [историческом] фундаменте право на анатолийскую территорию». Это стремление, поясняет автор, было вызвано «страхом, что после потерь империей европейских территорий таким же образом будет разделена и Анатолия». Именно на это был направлен Севрский мирный договор, навязанный султану в августе 1920 г. Танйол напоминает, что такие действия Антанты объяснялись уверенностью, что «турки – это варвары, захватившие чужие земли; убежденность Запада в том, что после изгнания турок из Румелии их необходимо изгнать из Анатолии, оставалась неизменной со времен крестовых походов… Первоначально Мустафа Кемаль был объявлен разбойником, а сам кемализм - разбоем»[1].

С того времени прошло много лет, Турция стала верным союзником западных стран в военном блоке НАТО, однако и сейчас менталитет «народа, окруженного врагами», сохраняется у части турецкой элиты, поддерживается и используется в общественном сознании для оправдания сохранения остатков полицейского режима в стране и состояния напряженности в отношениях с соседями. И поныне некоторые специалисты современного уголовного права Турции считают, что их страна «обречена географически на то, чтобы быть целью терроризма»; эта деятельность осуществляется с первых дней республики, пережившей много «страшных событий и горького опыта». Законодательная, причем чрезвычайно жесткая, борьба с антигосударственной деятельностью нашла отражение в ряде статей *Уголовного кодекса Турецкой Республики*, принятого еще в марте 1926 г. и использовавшего в качестве образца итальянский закон 1889 г., так называемый *«Закон Занарделли»*. Так, первоначальный вариант статьи 141 УК предусматривал уголовное наказание за недонесение властям полученных кем-либо сведений о готовящемся преступлении против государства; вариант же следующей, 142-й статьи – уголовное наказание за действия, подрывающие нейтралитет Турции.

Принятие Италией нового уголовного кодекса в 1930 г. повлекло за собой изменения и в турецком УК – в июне 1936 г. статья 141 была направлена уже конкретно против тех лиц и организаций, кто «путем насилия»: стремился «ликвидировать какой-либо социальный слой»; «установить господство одного социального слоя над другими»; «ликвидировать существующий в стране экономический или общественный строй». Речь шла также и о намерении «установить личную либо групповую власть, противоречащую республиканским и демократическим принципам». В зависимости от степени участия в заговоре обвиняемые приговаривались к тюремному заключению на срок от 8 до 15 лет. Для заговорщиков, занимавших государственные должности, устанавливалась смертная казнь. Дополняющая ее статья 142 определяла уголовное наказание за пропаганду действий, перечисленных в статье 141. Позже, в 1951 г. уточнение «путем насилия» было изъято из упомянутых статей.

Что касается статьи 163 УК об использовании религии в качестве инструмента подрывной деятельности против государства, она своим источником имела турецкий Закон об измене родине, принятый 29 апреля 1920 г. на заре деятельности кемалистской власти (по счету это был второй закон, принятый в Анкаре ВНСТ). Лишь после 1949 г. эта статья подверглась некоторым изменениям, сохраняя свою основную предназначенность – запрещать использование в Турции религии в политических и личных целях. В первом ее абзаце говорилось: «Всякий, кто учреждает, организует общество, либо руководит обществом, целью которого является даже частичное внедрение в социальную, экономическую, политическую, правовую основы госу-

дарства религиозных принципов и убеждений, противоречащих принципу светскости, подлежит уголовному наказанию сроком от восьми до пятнадцати лет». Всякий, кто входит в такого рода общества или способствует вступлению в них, подлежит осуждению на срок от 5 до 12 лет. В следующем абзаце определялось уголовное наказание на срок от 5 до 10 лет за пропаганду в любой форме, осуществляемую с вышеуказанной целью, а также «ради достижения политической цели, либо обеспечения политических выгод путем использования религии или религиозных чувств либо предметов культа». Та же пропаганда с эксплуатацией религиозных чувств, предметов культа и религиозных книг для достижения «личного влияния или личных интересов» наказывалась тюремным заключением от 2 до 5 лет. В том случае, когда все перечисленные виды уголовной деятельности осуществлялись в государственных учреждениях, сроки наказания в отношении служащих увеличивались на 1/3.

Оценивая предназначенность модификаций указанных статей УК, турецкие комментаторы отмечают постепенное ужесточение на протяжении республиканской истории страны наказаний за перечисленные в них действия (т.е. антитеррористические), подчеркивая, что необходимо было «воспрепятствовать действиям организаций, стремящихся к насильственной ликвидации государства».[2].

История республики свидетельствует, что коммунистическое движение, против которого прежде всего были направлены ст.141 и 142, расценивалось долгое время как главная опасность для кемалистского и посткемалистского режимов, и власть не церемонилась ни с компартией, загоняя ее в подполье, ни с ее лидерами, осуждая их на десятилетия тюремного заключения либо принуждая покидать страну. Как уже отмечено, в ряде случаев допускалась и смертная казнь (в Турции она исполняется через повешение). Вместе с тем такого наказания не избежали и некоторые министры, даже премьер-министр (А. Мендерес, 1961 г.), а также военные (Т.Айдемир, 1964 г.). Столь же настойчиво применялась и статья 163[3]. Жесткая политика властей в отношении исламистов принесла свои плоды: легальный ислам был взят под контроль государством, народный ислам, сохранившись на бытовом уровне, частично ушел в подполье и таким образом был лишен возможности расширять свою деятельность не только из-за угрозы уголовного преследования, но и под воздействием изменений, происходящих в общественном сознании, распространения светской культуры и образования. В годы кемалистского режима последним крупным выступлением исламистов (по нынешним меркам – вооруженный террор) стал мятеж в Менемене в декабре 1930 г. Его возглавил шейх ордена накшбанди дервиш Мехмед, призвавший верующих «спасти священную веру ислама и восстановить шариат». При его личном участии была организована кровавая расправа над учителем начальной школы Кубилаем, призванным на сборы как

офицер запаса. Очевидцы события утверждают, что шейх отсек голову раненого офицера и публично испил кровь гяура, а голову насадил на палку. После подавления мятежа по приговору военно-полевого суда было казнено 28 зачинщиков[4].

Многие видные религиозные деятели Турции (даже основатель влиятельного ныне ордена – Саид и Нурси) провели долгие годы в тюрьмах и ссылках – за деятельность, направленную на свержение конституционного строя и стремление установить в стране шариатский режим. Исследователи религиозной проблемы в стране отмечают, что после правительственных мер в отношении исламистской деятельности «штаб-квартиры» некоторых религиозных орденов и общин вынуждены были покинуть Турцию. Так, руководство ордена *бекташей* перебралось в Албанию, что способствовало распространению в этой стране бекташского течения мусульманства. Последователи учения мевлеви обосновались в Сирии, сторонники орденов накшбанди, кадири и кюбреви оказались в Туркестане, часть идеологов народного ислама пыталась найти убежище в Боснии и Герцеговине. Как видим, оценки турецких авторов терроризма имеют в виду политическую деятельность (сопровождающуюся к тому же идеологической и вооруженной борьбой), направленную на насильственное свержение существующего режима. Конец холодной войны, ликвидация угрозы коммунизма, требования Запада либерализировать уголовное право привели к тому, что принятый 12 апреля 1991 г. *закон* № 3713 своей отдельной статьей отменил упоминавшиеся выше статьи УК - 141, 142 и 163, имея в виду, что новые, отвечающие требованиям времени антитеррористические положения отныне представлены в этом специальном законе. Одновременно новый закон содержит и отсылки к ряду статей УК, которые касаются преступлений, напрямую или косвенно имеющих отношение к тому определению террора, которое сформулировано в законе. Такого рода уточнения и отсылки свидетельствуют о полном единстве двух нормативных актов. Это подтверждается еще и тем, что в новом законе не повторены виды и сроки наказания за террористическую деятельность, если они уже приведены в текстах УК и других законов. Этот новый закон так и был назван – *Закон о борьбе с террором* (ЗБТ)[5].

В его 1-й статье впервые для ныне действующего турецкого законодательства сформулировано понятие террора: «Террором являются совершаемые членами какой-либо организации либо отдельными лицами различные действия, имеющие целью путем давления, принуждения, насилия и жестокости, запугивания и угроз изменить характер Турецкой Республики и провозглашенный в ее конституции политический, правовой, социальный, светский, экономический строй; разрушить нерушимое единство государства, страны и нации; поставить под угрозу само существование Турецкого государства и Рес-

публики, ослабить, либо разрушить, либо захватить власть в государстве; ликвидировать фундаментальные права и свободы; разрушить внутреннюю и внешнюю безопасность государства, общественный порядок и благополучие нации». Статья уточняет, что под организацией подразумевается группа из двух и более лиц, объединенных одной целью. Это понятие аналогично тому, которое применяется в УК и других законах. Статья 2 ЗБТ определяет как «террористическое» любое из тех преступлений, которые перечислены в статье 1, исполнители же этих преступлений именуются террористами, а организации – террористическими[6].

Статья 3 перечисляет те статьи УК (их 10), по которым выносимое обвинение считается обвинением непосредственно и безусловно в терроризме (terör suçları). Первой в этом перечне стоит статья 125, сохраняющая свою нынешнюю форму после изменений, внесенных в УК еще в 1936 г.: «Тот, кто предоставляет территорию государства полностью или частично в распоряжение иностранного государства, либо ограничивает суверенитет государства, либо разрушает его единство; кто действует таким образом, чтобы часть находящейся во владении государства территории вывести из под государственного контроля, приговаривается к смертной казни». Также с 1936 г. сохраняется модификация статьи 131, согласно которой к длительным срокам тюремного заключения приговариваются лица, приведшие в полную или неполную негодность принадлежащие армии имущество, суда, самолеты, другой транспорт, склады, дороги и т.п. К террористическим актам относит статья и всякого рода диверсии в пользу противника в условиях начавшейся или ожидаемой войны – за эти действия выносится смертный приговор.

Ст.146, как можно судить по комментариям, не подвергалась модификации со времени принятия УК в 1926 г. (об этом, кстати, свидетельствует частично сохраненная с тех времен терминология). «Подлежат осуждению на смертную казнь лица, стремящиеся силой изменить, пересмотреть или упразднить, полностью или частично, Основной Закон (Teşkilat-ı Esasıye) Турецкой Республики либо принудить к молчанию или воспрепятствовать деятельности Великого Национального Собрания Турции, учрежденного в соответствии с этим Законом.» Статья перечисляет различные формы подстрекательства к упомянутым насильственным действиям, к беспорядкам – письменные, печатные, речи перед публикой, которые требуют либо смертной казни, либо тюремного заключения сроком от 5 до 15 лет. Равным образом по статье 147 подлежат осуждению на смертную казнь лица, насильно препятствующие деятельности правительства (Icra Vekilleri). Статья 148 сохраняет свой вид с 1936 года, она предусматривает тюремное заключение от 3 до 6 лет для лиц, которые «без согласования с правительством вербуют турецких граждан для деятельности в интересах иностранных служб либо снабжают их оружием».

Ст.149 УК сохраняется в редакции 1938 г. Она устанавливает уголовное наказание в виде тюремного заключения сроком не менее 20 лет за поддержку вооруженного восстания населения против правительства путем применения оружия, а также наркотического, удушающего или горючего газа и взрывчатых веществ; равным образом за поддержку кровопролития в ряде регионов Турции путем поставок оружия воюющим сторонам. «Если благодаря такой поддержке возникло восстание либо сражение, виновники этого либо те, кто руководит восставшими, приговариваются к смертной казни». Рядовые участники этих преступлений приговариваются к тюремному заключению на срок не менее 6 лет. По статье 156 участники заговора против президента страны подлежат наказанию в зависимости от степени вины либо в виде смертной казни, либо в виде пожизненного заключения.

Статья 168 УК сегодня действует в редакции 1983 г. (последний год военного режима после переворота 1980 г.), она устанавливает, что лица, создающие вооруженные группы с целью совершения преступлений, перечисленных в статьях 125, 131, 146, 147, 149, и 156 УК, либо руководящие или командующие такими группами, подлежат тюремному заключению на срок не менее 15 лет. Рядовые участники таких групп осуждаются на сроки от 10 до 15 лет.

Последняя статья УК, отнесенная к разряду антитеррористических, – 172-я. Она также имеет новую редакцию 1936 г. Согласно этой статье (за некоторыми исключениями), в тех случаях, когда в публичных местах население открыто поощряется к применению одного из преступлений, перечисленных в ст.125, 131, 146, 147, 149, 156, наказание варьируется в сроках либо от 3 до 5 лет (по ст.125,131 и 156), либо от 2 до 4 лет (ст.146, 147, 149), а также в размерах денежных штрафов[7].

Следующая статья 4 ЗБТ называет те положения УК, уголовные преступления по которым могут по каждому конкретному случаю, по их признакам и целям квалифицироваться как преступления террористические (terör amacı ile işlenilen suçlar), т.е. в тех целях, которые перечислены в ст.1. В случае квалификации уголовного преступления по этим статьям как террористического разбирательство будет проходить, согласно ЗБТ, в судах госбезопасности. Среди этих статей УК – ст. 145 (о преступлениях против флага), ст.150 и 151 (о беспорядках, в том числе с применением оружия), ст.152, 153, 154, 155 (о преступлениях, связанных с военной службой и военным имуществом, действиями вооруженных сил и т.п.), ст.157 (связана с покушением на президента страны), ст. 169 (о содействии или соучастии в некоторых уголовных преступлениях, не упомянутых в ст.64 и 65 УК).

Как очевидно, в новом законе не повторены виды и сроки наказания за террористическую деятельность, если они уже приведены в текстах УК и других законов. Перечислены, и это уже отмечено, лишь номера статей либо их отдельных абзацев, если речь идет о терро-

ризме. Об этом специально напоминается в статье 5 ЗБТ, которая посвящена увеличению наказания. В ней также содержится чрезвычайно важная оговорка, которая в принципе расширяет или скорее конкретизирует понятие терроризма не только как преступление против государства, но и против личности (şahsi hürriyeti bağlayıcı cezalar). Так, констатируется, что наказания по упомянутым выше статьям УК в том случае, если они квалифицируются как преступления против личной свободы, а также размеры штрафов увеличиваются вдвое. Вместе с тем наказания за преступления против свободы личности не могут превышать 36 лет тюрьмы строгого заключения, 25 лет обычного и 10 лет тюрьмы без изоляции.

Статья 6 ЗБТ подробно перечисляет ограничения для тех СМИ, которые информируют общественность о событиях и лицах, имеющих отношение к террористическим актам и их расследованию. Перечислены крупные размеры денежных штрафов за информацию, наносящую вред расследованию, а также ведущим его лицам, свидетелям и т.п. Также эта статья закона определяет, что «за публикацию, выпуск передач, содержащих заявления либо декларации террористических организаций, устанавливается денежный штраф в размере от пяти до десяти миллионов лир» (по среднегодовому курсу 1991 г. = примерно от 1,2 тыс. долл. до 2,5 тыс. долл.). Перечислены и другие виды крупных штрафов на СМИ по целому ряду поводов, например в связи с информацией о терроризме, в частности штрафы по Закону о печати. Примечание к этой статье свидетельствует о попытках законодателей вносить, очевидно, под давлением тех или иных кругов общества, различные коррективы в эту статью.

Статья 7 ЗБТ свидетельствует, что новый закон не ограничился отнесением определенных статей (таких, как уже отмечалось, 21 статья) действующего Уголовного кодекса к антитеррористическим). Подтверждая, что все эти статьи сохраняют силу, статья допускает увеличение по ним сроков тюремного заключения – например, для активистов террористических организаций с 5 до 10 лет, для вступивших рядовых членов – с 3 до 5 лет. Соответственно увеличены и денежные штрафы. Лица, занимающиеся пособничеством террористам, пропагандой в их пользу, дополнительно получают сроки от одного до пяти лет тюрьмы, при этом увеличены и суммы штрафов. Если такого рода пособничество осуществляется какими-либо обществами, фондами, политическими партиями, рабочими и профессиональными организациями, а также их филиалами – в процессе их текущей деятельности, а также с использованием их помещений – зданий, столовых, кабинетов, а также различных пристроек или учебных классов, сроки наказания удваиваются. Если установлено, что общество, фонд, профсоюз оказывают поддержку террору, они по решению суда подлежат закрытию. Вновь, со ссылкой на Закон о печати, подчеркивается, что в аналогичных случаях на СМИ налагается

огромный штраф, половину его выплачивает лично владелец или директор этого СМИ, они также могут быть осуждены на тюремное заключение сроком от 6 месяцев до одного года.

Статья 8 ЗБТ посвящена наказанию за пропаганду против «неделимости государства» ('devletin bölünmezliği aleyhine propaganda'). Она сформулирована следующим образом: «Не могут проводиться письменная и устная пропаганда, направленная на разрушение неразрывного единства Государства Турецкая Республика с его страной и нацией, а также митинги и демонстрации. Участники этих действий подлежат тюремному заключению на срок от одного до трех лет и штрафу от 100 млн. до 300 млн. лир» (т.е. от 25 тыс. до 75 тыс. долл.). Что же касается такой пропаганды против неделимости государства, иными словами, пропаганды сепаратизма через СМИ, за это установлен денежный штраф не менее 100 млн. лир (25 тыс. долл.), причем половина его выплачивается владельцем или директором, которые к тому же могут быть осуждены на тюремное заключение сроком от 6 месяцев до 2 лет. Если речь идет об изданных работах и опубликованных выпусках, помимо периодики, ответственные за эти публикации и выпуски подлежат тюремному заключению на срок от 6 месяцев до 2 лет, а также крупным денежным штрафам. В тех случаях, когда в этих действиях участвуют радио и телевидение, вещающие их станции прекращают свои передачи на срок от одного до 15 дней. В конце этой статьи в принципе оговаривается, что если все перечисленные в ней преступления осуществляются с участием «массовых средств информации», установленная мера наказания автоматически увеличивается на одну треть. Подробный комментарий к этой статье свидетельствует, что она также подвергалась изменениям в соответствии с решениями Конституционного суда; последний вариант был узаконен 27 октября 1995 г.

Что касается судебной инстанции, ответственной за ведение дел, связанных с терроризмом, то, согласно ст. 9, ею являются Суды государственной безопасности (Devlet Güvenlik Mahkemeleri). Основными законами, регулирующими эти процедуры, являются данный закон № 3713, а также закон № 2845 о создании и деятельности Судов государственной безопасности. Важно еще раз отметить, что ряд статей ЗБТ уже через год после его принятия был изменен, а некоторые (например, ст. 10 – о представительстве адвокатов обвиняемого и ст. 11 – о срочной, не позднее 15 дней, передаче дела в суд) отменены главным образом Конституционным судом. Ст. 12, допускающая привлечение в качестве свидетелей полицейских, содержала отмененное затем примечание о том, что в случае такого участия полиции заседание должно носить закрытый характер. Согласно ст. 13, вынесенные по терроризму наказания не могут быть заменены денежным штрафом. Исключения составляют наказания по ст. 8. Защите интересов осведомителей посвящена ст. 14, условиям исполнения нака-

зания за терроризм – ст. 16, 17, 18, поощрению и защите участников поиска и задержания – ст. 19-22 и т.п. Как уже выше сказано, ст. 23 отменила некоторые статьи УК и положения других законов. Последние две статьи ЗБТ – 24 и 25 – устанавливают, что закон вступает в силу с момента публикации, т.е. с 12 апреля 1991 г. и что ответственной инстанцией за его выполнение является Совет министров.

Борьба с курдским сепаратизмом. Кто же, по мнению турецких правоведов, те враги светского, республиканского общества и государства, которые своими действиями вынуждают сохранять суровые положения уголовного и антитеррористического законодательства даже в ожидании властной элитой страны принятия ее в «самый демократический клуб в мире» – ЕС? Во всех законодательных актах и правительственных документах, решениях Совета национальной безопасности (СНБ) последнего времени, заявлениях Генштаба от имени Турецких Вооруженных Сил (ТВС) террористическая деятельность, как мы видим, сводится прежде всего к сепаратизму (фактически лишь курдскому) и антигосударственным выступлениям реакционных кругов, прежде всего исламистов, объединяемых понятием *иртиджа.* Власти в последнее время начали даже утверждать, что отныне иртиджа – главная опасность для государства, что сепаратистское курдское движение разгромлено, а его лидер с согласия парламента приговорен к смертной казни (которая, судя по всему, из-за давления Запада не будет приведена в исполнение; идут разговоры и об отмене смертной казни). Обсуждается уже вопрос о постепенном расформировании сил охраны (коруджу), численность которых составляет 75 тыс. человек[8].

Однако если посмотреть заявления военных, а также весьма скупые и осторожные газетные репортажи из регионов Юго-Востока страны, и поныне любые курдские требования по признанию их даже элементарных этнокультурных прав именуются сепаратизмом, расцениваются правящей элитой как опасность, не менее серьезная, нежели иртиджа. Там, где не хватает аргументов для обвинений лидеров иртиджа, исламистов в антигосударственной деятельности на ниве шариата, приводится и такой тезис – для обвинения их уже на ниве сепаратизма: исламистам важно одно – чтобы жители Турции считали себя мусульманами, а называть себя курдом или турком – это воля каждого, ислам не знает этнических и расовых различий. В то же время вторая ныне по числу мест в парламенте Партия националистического движения (ПНД) постоянно, как и военные, заявляет по поводу политической ситуации в стране: главное – это «оберегать территориальную целостность и неделимость страны». В обществе формируется мнение, что признавать этнические различия означает давать повод для распространения в стране сепаратистских настроений. В Протоколе о создании в мае 1999 г. тремя партиями правительственной коалиции имеется следующий абзац: «С одной сторо-

ны, со всей решительностью будет продолжена активная и успешная борьба сил безопасности против сепаратистских течений и всех видов террора до их окончательной ликвидации; с другой, – будут приняты всевозможные меры – экономические, социальные, образовательные и информационные – чтобы лишить террор его внешних и внутренних источников существования»[9].

В турецких СМИ признается, что после ареста и осуждения Оджалана «размах террора заметно сократился, однако полностью не прекратился». Своего часа «за пределами границы ожидают 4 500 вооруженных террористов, до 500 человек скрываются в горах в Турции»[10]. Генеральный штаб распространил заявление об «успешном завершении» борьбы с ПКК и организовал для СМИ поездку по ряду провинций – Элязыг, Тунджели, Бингель и Муш. В распространенной армией по этому поводу среди журналистов брошюре отмечается, что «успешно завершена» продолжавшаяся с 1984 г. вооруженная борьба ТВС против ПКК, стремящейся «нарушить национальное единство и территориальную целостность, разрушить режим светского и демократического государства»[11].

Как проходило замирение в ранее мятежных районах Юго-Востока страны, скупо, по причине жесткой цензуры и опасений наказания все по тому же ЗБТ, повествует корреспондент *Сабах в* провинции Тунджели. Городок Хозат – в 60 км от Тунджели. Гражданское население – 4 тыс. человек. Здесь размещена 51-я бригада внутренней безопасности численностью 4 тыс. человек, с учетом семей это число превышает численность всего местного гражданского населения. Уже 2-3 года здесь нет перестрелок, нет и работы. Муниципалитет не платит своим работникам жалование. Построен торговый центр, но лавки в нем пустуют. Все держится на бригаде, не будь ее – наступит голод. Абдуллаху Чокйигиту - 65 лет, он перебрался из деревни в 6 км отсюда, после того как ее и другие деревни разрушили в целях лишения повстанцев крова. Хочет вернуться к развалинам деревни, но власти не дают разрешения[12].

В другом репортаже об этой же поездке журналистов она охарактеризована как «стерильная поездка, исключающая возможность продолжительного общения». Подчеркивается вездесущая деятельность там армии, будь то футбольный матч или свадьба, работа с детьми и школьниками или прививки. То же и с хозяйственными работами – электроснабжение, водоснабжение и т.п. организует армия. В официальных беседах с журналистами наиболее часто употребляемые слова – «поддержка народа», «вместе с народом», «для народа», однако очевидно, что «дистанция между населением и военными остается». В частных беседах молодые офицеры признавали важность прав человека, демократии, но решительно утверждали, что нужно делать то, что требуется самой Турции. Спустя 144 года после начала реформ танзимата вновь происходит то же самое. «Обогаще-

ние евреев, возникновение проблемы меньшинств – это итоги танзимата. Иностранцы требуют того, что вновь приведет к гражданской войне…» Офицеры считают, что никто не хочет вступать в ЕС, что следует заняться внутренними делами. США и Германия учат правам человека, а разве не в Германии убито 40 членов *Байдер Майнхоф*[13]?

Проводится кампания по привлечению капиталовложений в регион. В СМИ распространяются призывы к молодым предпринимателям обратить внимание на регион: «террор кончился, займемся делом». Предпринимательские союзы и общества проводят в Диярбакыре конференции по поводу снижения безработицы, созданию рабочих мест[14]. Реже в СМИ приводится другая информация – о том, что вооруженная борьба курдов здесь, в Тунджели продолжается. Так, 27 августа 2000 г. в районе Кугу Дереси была выявлена группа боевиков ПКК, против них проведена военная операция, причем с привлечением ВВС. Было убито сначала 6 боевиков, бой продолжался долго, затем было убито еще 3 боевика. В операции участвовало до 10 тыс. военных. Кроме того, по данным вали района чрезвычайного положения, в горах Икияка, ильче Шемдинли (Хаккари) произошла стычка с ПКК, убито 7 боевиков[15].

О том, что атмосфера тотальной подозрительности в связи с курдским сепаратизмом сохраняется, пишет в упомянутом номере журнала «Актюэль» писатель Ахмет Алтан. Сравнивая турецкие органы безопасности с инопланетянами в фильмах-боевиках, в существование которых никто не верит, пока сам от них не пострадает, автор пишет, что разведорганы турецкого Генштаба через определенные СМИ распространили слухи о «связях некоторых политиков, деловых людей и писателей (включая автора) с курдской организацией ПКК», причем высказано пожелание «начать юридические действия» в отношении этих людей. Он сообщает, что ожидал либо начала этих юридических действий, либо немедленного опровержения этой информации Генштабом, однако этого не произошло, более того, ни одна газета, ни один телеканал не коснулись этой темы. «Никто, кроме меня, пишет Алтан, не видел инопланетян». Между тем, считает автор, в том же контексте прошло сообщение о признаниях некоего члена ПКК, в результате давно известный и авторитетный журналист Али Бирand был вынужден оставить работу, а председатель общества прав человека Турции стал жертвой кровавой расправы. Однако все – и Генштаб, и СМИ – молчат. Выводы автора – либо инопланетян нет, либо «молчание свидетельствует, что инопланетяне давно всех прибрали к рукам»[16].

Шариат – угроза светскому режиму. После окончания холодной войны, распада мировой системы социализма для многих сторонников секуляризма стало очевидным, что реальными идеологическими противниками для нынешнего государства являются наследники тех, кто расправился в 1930 г. с учителем – гяуром Кубилаем. Даже

левое движение, ранее считавшееся «главной опасностью для центральной власти», утратило это свойство и «на его место претендует политический ислам»[17]. В 90-е годы радикальные исламисты в Турции открыто заговорили о шариатской альтернативе существующему светскому режиму. Как очевидно, долгий конфликт между секуляризмом и исламизмом не завершился полной победой кемалистской идеологии. Более того, пройдя этапы существенных метаморфоз, политический ислам обрел новый облик, новую силу и влияние в обществе. Давно легализована деятельность исламистов в рамках политической партии, в 1995 г. она стала первой по числу мест в меджлисе. Не менее влиятельным фронтом противостояния исламизма светскому режиму вновь, как в первые годы республики, стали мусульманские ордена, общества, группы и их финансовые фонды, с успехом возродившие и обновившие практику прежних вакуфов. Они легализованы, в их распоряжении – тысячи мечетей, земельные участки, приюты, интернаты, школы. Некоторые турецкие авторы даже уверены, что «запрещенные в 1925 г. тарикаты сегодня переживают золотой век; их члены активны на всех уровнях политической жизни – в партиях, в правительстве, в общественных службах, в кругах интеллектуалов, а также в мире предпринимателей и финансистов»[18].

Стремительно, особенно на протяжении 90-х годов в условиях глобализации и распространения новейшей информационной технологии обрели небывалую силу и влияние происламские холдинги, активно действующие не только в промышленности и торговле, но и в информационно-пропагандистском бизнесе. Все эти явления переросли национальные границы, олицетворяют, по сути, единый радикальный исламизм от Европы до Афганистана и Пакистана.

Конгломерат мусульманского капитала и джемаата в области информации, так сказать, в индустрии пропаганды и агитации на исходе 90-х годов в Турции особенно активен, он имеет в своем распоряжении новейшие средства полиграфии, издательского дела, активно использует такие достижения глобализации, как созданное турецкими (и не только турецкими) спутниками связи, системой Интернет всемирное единое информационное пространство, экономическую и финансово-кредитную интеграцию. По данным на 1994 г., мусульманский издательский сектор Турции насчитывал 200 издательств, выпускал более 600 журналов, его ежедневный газетный тираж достигал миллиона экземпляров, на своих витринах сектор сумел продемонстрировать более 6 тыс. книг различной тематики. Определяя основные внешние источники финансовой поддержки исламского движения в Турции, Фаик Булут выделяет прежде всего организацию под названием «Рабытат-уль Алем-уль Ислами» (Единство мира Ислама) – «детище саудовско-американской компании Арамко». Эту организа-

цию автор считает одной из опор на Ближнем Востоке «ислама по-американски и капитализма под паранджой»[19].

В тех же целях активно используется радио– и телевещание, столь же широко прибегающее к системе спутниковой связи, одновременно пропагандирующее концепцию унификации тюркских языков на базе турецкого. Высший совет по радио и телевидению сообщил, что с 1994 г. до последнего времени на уровне национальных, региональных и местных передач подвергнуты санкциям 75 передач за пропаганду иртиджа и 67 – сепаратизма. 23 радиостанции по этим причинам периодически закрывались. На ТВ за насаждение исламизма чаще всего наказывались каналы «Саманйолу» и № 7. Газета «Джумхуриет» приводит пример, как по «Михр-ТВ» один из ведущих, Искендер Эвренесоглу в мантии и чалме грозит в своей программе адом тем, кто не вступает в тарикаты, утверждая также, что обязательно грядет последняя мировая война между сторонниками Аллаха и его врагами, причем победителями станут сторонники Аллаха. Недавние землетрясения в Турции оцениваются как наказание за преследование сторонников Аллаха. По другому каналу осуждается отказ от прежнего обычая устраивать брак заочно, с помощью свахи. Стремление к предварительному знакомству, общению именуется блудом[20].

В 1996-1997 гг. во время пребывания исламистской партии во главе с Эрбаканом в правительстве на ключевых постах, включая пост премьера, единый фронт сторонников шариата заявил о себе наиболее жестко и требовательно. Руководство Рефах в этот период предприняло шаги, которые затем были оценены Конституционным судом как несовместимые с режимом светской власти. Заполучив в свои руки государственные механизмы управления религиозной деятельностью в стране, инициируя происламскую активность в среде офицерства[21], опираясь на состоятельные религиозные ордена и общины и социально зависимую от них разросшуюся паству, включая учащуюся бедноту, исламисты сочли свой успех на выборах историческим шансом для реванша шариата в Турции. Несомненно, сказалась и слабость гражданской власти, растерянность светской элиты перед «победным шествием» исламистов. Сыграло роль и то обстоятельство, что западные страны и прежде всего США в своих требованиях демократизации турецкого общества предусматривали и модель мягкого ислама, которая, как некоторым представлялось, начала реализовываться в стране Эрбаканом. Турецкие критики американского вмешательства в дела Турции обвиняют специалистов США по исламу в намерении постоянно прилаживать к турецкой действительности очередную исламскую модель. «Одно время США расценивали исламские и тюркские народы в СССР как средство расчленения *«советской империи».* Эта тема открыто обсуждалась и расписывалась в информационных бюро и университетах»[22]. После выхода из-под контроля модели по Эрбакану начались разговоры об «исламской

власти, признающей светскость». В связи с этим оживились визиты лидеров уже новой *Фазилет* (сменившей *Рефах*) в США[23].

Сторонники светскости называют эти метаморфозы капитуляцией перед активистами политического ислама, по их мнению, на исходе XX века от принципов кемалистской секуляризации мало что осталось. Причем большинство активистов иртиджа до поры до времени предпочитает бороться с секуляризмом не в открытую, а на мирном идеологическом поле, апеллирует к демократическим свободам, правам человека и т.п., изощренно прикрывая свои антигосударственные акции чистой верой, религией.

Светские партии в погоне за голосами избирателей-верующих идут на гласное и негласное сотрудничество с исламистами, во имя получения правительственных постов готовы даже делить с ними власть на самом высоком уровне – так, как это произошло в 1996 г. с Т.Чиллер, когда она согласилась войти в коалиционное правительство совместно с Рефах. С особой готовностью исламистам прощаются их грехи, когда они активизируются в странах, где представлено мусульманское меньшинство, например на Балканах, или в новых постсоветских государствах исламской и тюркской культуры.

Что касается времени пребывания исламистов у власти (1996/1997 гг.), сопровождавшегося открытыми выступлениями сторонников радикального ислама, даже массовым митингом в Стамбуле, на сей раз правовые органы обратились к положениям конституции, закону о партиях, уголовному законодательству. 21 мая 1997 г. главный прокурор Кассационного суда Турции В.Саваш обратился с иском в Конституционный суд с требованием закрыть партию Рефах - главного участника правительственной коалиции. В предъявленном иске речь не шла об этой партии как террористической организации; утверждалось, что партия Рефах нарушает абзац 4 статьи 68 конституции страны, в котором устанавливается, что «деятельность партии, определяемая ее уставом и программами, не может противоречить принципу независимости государства, нерушимого единства страны и народа, не может нарушать права человека, основы равенства и правового государства, национального суверенитета, демократии и светскости, не может насаждать и поощрять диктатуру класса либо группы».

В опубликованном в виде брошюры иске более чем на ста страницах излагались многочисленные нарушения Эрбаканом и другими лидерами партии законодательства страны во время их пребывания в правительстве, работы в парламенте в качестве депутатов. Например, в 1994 г. депутат Рефах Ризе Шевки Йылмаз утверждал: «Мы обязательно предъявим счет тем, кто отвернулся от порядка, предусмотренного Кораном, от тех, кто остается бесстрастным, когда позорят Аллаха». Депутат Рефах от Шанлыурфа в 1996 г. заявлял: «Я безусловный последователь шариата и хочу его осуществления». Эрбакан утверждал: «Почему я должен жить по меркам других?..

Свобода выбора правопорядка неотделима от свободы веры». Эти и подобные им другие многочисленные апелляции к шариату, подчеркивается в документе, противоречат конституции: «Согласно шариату, божьи законы превыше всех других. Согласно конституции Турецкой Республики, превыше всего – сама конституция и все законы… По законам шариата все мусульмане обязаны положения Корана утверждать как в своей личной жизни, так и в жизни общества». Демократия, отмечается в иске, это полная свобода выбора в отношении веры, исламисты же утверждают, что «демократия – это режим безбожия»; также открыто утверждается, что женщина перед мужчиной - личность второго сорта. «Очевидна решимость исламистов-политиков отстаивать шариат в закоснелом виде. Они совершенно не желают дискуссировать о том, соответствуют либо нет положения шариата в Коране требованиям современности». В заключении подчеркивалось, что «ни разу за всю историю Турецкой Республики она не сталкивалась с такой опасностью реакции, как теперь»[24]. Летом 1997 г. правительство Эрбакана ушло в отставку, его сменило светское правительство во главе с лидером Партии отечества М.Йылмазом.

Вердикт Конституционным судом был вынесен 22 февраля 1998 года, принятое им постановление о закрытии ПБ вступило в силу. Н.Эрбакан и еще пять руководителей партии были лишены депутатской неприкосновенности, самому лидеру к тому же было запрещено заниматься политической деятельностью и создавать политическую партию. На 329 страницах постановления можно было найти немало положений, аргументирующих закрытие Рефах. Утверждалось, что Н.Эрбакан «безусловно в течение 28 лет остается последователем шариата», что он «призывал к строю, основанному на религии», что партии «не могут стремиться к учреждению государственного строя, порождающего религиозный раскол.., не могут опираться на религии, секты и учения…»[25]. Анкарский суд госбезопасности (Devlet Güvenlik mahkemesi - DGM) начал судебное расследование в отношении нескольких лиц из числа бывших членов Рефах и ее руководителей, в том числе Эрбакана, в связи с деятельностью молодежной исламистской организации – *Милли генчлик вакфы*. Для некоторых из них, для Эрбакана предусматривается смертная казнь, согласно ст. 146 УК. В обвинительном заключении требуется также закрыть исламистский фонд *Милли герюш вакфы* и МЮСИАД - Общество предпринимателей-мусульман.

Те исламисты-политики, бывшие члены запрещенной Рефах, которые не были привлечены к ответственности за антиконституционную деятельность, а также почти все депутаты от этой партии тотчас учредили ее наследницу – Партию добродетели (Фазилет), причем как признает ее руководитель Реджаи Кутан, Эрбакан продолжает выполнять роль негласного лидера созданной партии. Надо сказать, и против этой наследницы Рефах также уже начато судебное рассле-

дование по поводу ее антиконституционной деятельности. Такое внимание судебных органов заставляет активистов Фазилет осторожнее относиться к своим лозунгам и декларациям, даже пытаться выдвигать из своей среды людей, более лояльных к светскому режиму. Происходит это, разумеется, в обстановке острой внутрипартийной борьбы. По последним данным, обновление руководства партии в 1999 г. происходило за счет выдвижения так называемых новаторов, обновителей («ениликчилер»), противостоящих ныне традиционалистам («геленекчилер»)[26]. О сути начавшегося противостояния журналист Али Байрамоглу пишет: «Ныне руководство Фазилет – главной оппозиционной партии – не переставая говорит о необходимости демократии, защите прав человека, а внутри партии душит демократию, считает излишним наличие различных мнений, даже право высказаться, даже вздохнуть; создает нервозную обстановку»[27]. Поведение руководства партии – традиционалистов – понять легко хотя бы уже потому, что обновители требуют от них отчета о том, куда уходят деньги, поступившие от казначейства по линии финансовой поддержки партий[28].

Итоги парламентских выборов 18 апреля 1999 г. свидетельствовали, что острота политического кризиса, вызванного исламистами в 1996/1997 году, миновала; возникшее в связи с этим глубокое противостояние в обществе, обнародование негативных фактов, касающихся и Рефах, и религиозных орденов, подтверждавших стремление исламистских радикалов подорвать светский режим в стране, – все это заметно сказалось на итогах выборов. Как признавалось в одном турецком журнале, «нашему обществу не слишком улыбалась атмосфера политической дестабилизации, угрожавшей уже самому режиму – оно уже достаточно натерпелось от всего этого»[29]. Фазилет как исламистская партия утратила свое лидерство в меджлисе, получив 15,4% голосов, и оказалась на третьем месте по числу мест. В то же время, не став участником первой после выборов правительственной коалиции, Фазилет на самом рубеже двух тысячелетий оказалась главной оппозиционной партией страны.

Хотя, как сказано, итоги выборов 1999 г. несколько сняли остроту конфликта между исламистами и светским большинством общества, это противостояние сохраняется, поскольку сохраняются и его социальные корни, и огромные финансовые источники влияния исламистских радикалов, и живы их политические амбиции. Левая печать, например, считает, что убийство уже после выборов двух активных сторонников демократии, светскости, Шюкрю Демиркюрека, члена общества идей кемализма, и известного публициста Ахмеда Танера Кышлалы – дело рук террористического крыла исламистов. Поэтому и после выборов начальник Генштаба Х.Кыврыкоглу заявил, что «процесс, начатый 28 февраля 1997 года (т.е. против политического ислама), не завершен, не все принятые тогда важные решения стали

законами»[30]. Известный ученый-богослов, профессор Стамбульского университета Яшар Нури Озтюрк писал в преддверии 2000 г.: «Вот уже годы я продолжаю утверждать: в новом столетии самым горьким огорчением для нашей страны и нашего народа будет такая ситуация, при которой как бы не замечают тех, кто своим первобытным средневековым мстительным мировоззрением обкрадывает нашу религию, становится в позу адвоката Аллаха. Это большой грех, это сегодня самый опасный творимый в Турции грех… Народ должен на деле выступить против тех, кто эксплуатирует религию, кто под религиозным обличьем нарушает права человека. Нужно не охать, а разоблачать, осуждать, противодействовать.»[31]

Турецкие исламисты в Западной Европе. Публикуемая в турецких СМИ информация свидетельствует, что уголовное преследование исламистов в стране вынуждает их усиливать свою партийную пропаганду и агитацию в среде сохраняющего прочные связи с родиной турецкого населения стран Западной Европы, прежде всего в Германии. Активно используются здесь и фактор недосягаемости, нераспространяемости турецкого уголовного права, и наличие либеральных режимов в западных странах, вынужденных все более учитывать мнение увеличивающегося электората турецкого и исламского происхождения. По мнению некоторых турецких обозревателей, прибывшие ранее на заработки в Европу турки в большинстве случаев, заработав на жизнь, «на покупку двух-трех денюмов земли, трактора или дома, либо чтобы начать небольшое дело», первоначально предполагали вернуться спустя два-три года на родину. Однако теперь, «осуществив эти мечты», они возвращаться в Турцию не намерены. Между тем, согласно статистике ЕС, из каждых родившихся в середине 90-х гг. в Германии 79 106 детей 43 921 ребенок – турок. Если начать считать, основываясь на таких цифрах, писал из Франкфурта Т.Хаджыкадироглу, в 2212 г. турецкое население Германии составит 556 млн., а немецкое – 555 млн. Треть турок в Германии – это молодежь до 17 лет, что свидетельствует о «чрезвычайно динамичной структуре турецкого населения Германии»[32].

Турецкие исламисты, иртиджа надеются использовать складывающуюся демографическую ситуацию в своих целях. Давно переселившийся в Германию публицист Метин Гюр, последовательный сторонник поиска путей интеграции германских турок в европейскую культурную среду, в своей книге «Шариат и Рефах», опубликованной в октябре 1997 г., писал: «Начиная с 80-х гг. исламистские течения Турции получают быстрое распространение в среде турецких рабочих и в их семьях в Германии и Европе». В одном из разделов книги, названном «Станут ли немцы мусульманами?», он приводит высказывания некоторых турецких исламистов о том, что так оно и будет, Германия станет мусульманской страной, причем это предсказание было сделано давным-давно, еще при жизни пророка[33]. Безусловно,

такого рода пассажи провоцируют конфликты межэтнического характера. Автор пишет – если ранее немецкий народ сохранял романтическое и толерантное отношение к исламу, то сегодня все изменилось. Одна из причин, возможно, главная – отсутствие достаточной информации об этой религии и об обязанностях ислама; сказывается также и негативная информация по этой теме. «Другой фактор – враждебное отношение некоторых мусульманских групп к германскому обществу. Любой хозяин дома не сможет долго терпеть, когда его гость постоянно его поносит, а такое явление, к сожалению, имеет место. Например, если некоторые мусульманские организации во время демонстраций в своих листовках и на плакатах открыто объявляют немецкому народу гражданскую войну, такие действия не вызывают радости. Истина и в том еще, что многие германские рабочие в условиях критической ситуации на внутреннем рынке видят в турецких рабочих своих конкурентов…»[34].

Из всех исламистских общин в Германии наибольшим влиянием пользуется контролируемая сначала Рефах и затем Фазилет организация «*Национальный взгляд. Европейское отделение*». Это признают все исследователи политического ислама Турции. Вместе с тем среди проиранских религиозных групп заметную активность в Европе и прежде всего в Германии проявляют сторонники Дж.Каплана, исповедующие иранскую модель шариата. Проиранскую деятельность Дж.Каплана продолжил после его смерти М.Каплан, его сын. Организация «Сторонники Каплана» в 75-летие Турецкой республики готовила террористические акты, призывала турок к восстанию против властей Турции. Германские власти не стали выдавать М.Каплана Турции, поскольку в стране его ждала смертная казнь[35].

Деструктивные шариатские претензии политического ислама в Турции – одна из истинных причин того, что Турцию не принимают в ЕС, хотя об этом европейские политики говорят весьма скупо, в отличие от местных националистов-радикалов. На это обращают внимание и турецкие авторы: «Таким образом, культурное соответствие стало основным условием приема Турции в ряды европейцев. С.Хантингтон в своей статье «Конфликт цивилизаций», опубликованной в 1993 г., пишет, что Турцию отличает «синдром расколотой страны»… По мнению этого автора, турецкой культуре не свойственны принципы Запада, напротив, она им противостоит на уровне элиты, проявляет себя, как негативная сила, отличаясь от западной своей сутью – исламской культурой[36].

Свой анализ деятельности турецких исламистов в Европе упомянутый нами М.Гюр продолжил и в 2000 году в турецкой газете «Джумхуриет» под характерным заголовком «Шариатские гнезда в Европе». Он пишет из Кельна все о той же исламской организации, с центром в Кельне, несколько обновившей свое название на «*Исламское общество. Национальный взгляд*» (İslam Toplumu Milli Görüş –

İTMG). Автор считает, что она имеет в 252 городах Европы, главным образом в Германии, лагеря и школы, в них 14 тысячам учащихся преподается шариат. В некоторых преподавательских центрах, изучающих Коран и политический ислам, уроки дают депутаты ВНСТ от Фазилет. Это обучение в Европе проходит в рамках программы «Просвещение», такого рода программы в Европе как сугубо гуманитарные обычно щедро финансируются. 26 школ ведут занятия в 29 крупных германских городах – таких, как Кельн, Гамбург, Мюнхен, Штутгарт, Берлин, Бремен, Ганновер, Дюссельдорф. İTMG проводит специальные кампании с тем, чтобы собрать в этих центрах детей и молодых людей «для промывания мозгов и последующей замены этими молодыми кадрами состарившиеся кадры общин». Кампанию поддерживают турецкие газеты «Милли газете» и «Акит» с помощью специальных выпусков для Германии. В «Милли газете» от 9 июня 2000 г. можно прочесть следующее: «Открыт для девочек во Франкфурте курс исламских наук с преподаванием в течение 4 лет в конце каждой недели и в летние каникулы с 30 июня по 30 июля. Под наблюдением опытных преподавателей – мужчин и женщин — будут представлены курсы по религии, науке, социологии и культуре. Количество учащихся ограничено 56 лицами, рекомендуем зарегистрироваться своевременно. Условия зачисления: возраст 9-16 лет, стоимость курса – 450 марок. Иметь при себе подушку, постельное белье, тапочки, личные вещи, Коран, письменные принадлежности».

В другом номере той же газеты приводится приглашение отделения İTMG в Ревенсбурге, Швабия, на курсы с общежитием для девочек с 30 июля 2000 г. по 1 сентября 2000 г. Преподавание на таких курсах прямо или косвенно поддерживается такими, например, исламистскими холдингами, как «Организе», «Деха», «Апиташ», «Османлы», «Сез-Па», «Бююк Груп» и «Бююк Сельчуклу». Уроки ведутся отставными ходжа, ранее работавшими в системах Управления по делам религии и Министерства просвещения Турции. Во главе персонала Центра просвещения и культуры İTMG в Брауншвейге стоит бывший муфтий и бывший преподаватель курсов имамов-хатипов Осман Фехми Дурсуноглу. В преподавании курсов, «промывании мозгов» принимали участие депутаты от Фазилет Ясин Хатипоглу и Лютфю Доган, а также один из активистов закрытой Рефах.

Этот Центр в Брауншвейге – крупнейшее представительство в Германии от İTMG, ежегодно on привлекает 247 человек различных возрастов. Из 14 тысяч учащихся под эгидой İTMG на летних, с интернатом, курсах при мечетях и в стационарных центрах в Германии, Австрии, Голландии, Бельгии, Дании, Швейцарии, Франции и Швеции более 6 тысяч – юноши. Один из преподавателей на летних курсах сообщил автору, что наряду с уроками религии преподается и политический ислам: «В Германии в течение 30 лет преподавался политический ислам. С того момента, как возникло течение *Национальный взгляд*, про-

поведуемый им ислам таковым не является. Они эксплуатируют чувства людей, выгребают деньги из их карманов. В этих лагерях готовят людей так, чтобы они оставались зависимыми от организации. Они манипулируют детскими мозгами, говорят о религии, а сеют неверие: молятся на Эрбакана, говорят о мире, а готовят детей воевать, относятся недоброжелательно к тем, кто не думает так, как они».

Германское правительство начало следить за организацией Национальный взгляд, за ее усилением в Европе, увеличением числа ее сторонников за счет безработной неприкаянной молодежи; власть причисляет ее к течениям, наносящим ущерб демократической системе. В докладе за 1999 г., подготовленном управлением по охране конституции земли Северный Рейн – Вестфалия отмечается особая активность среди исламских течений турецкого происхождения последователей Каплана и организации «Национальный взгляд». При этом подчеркивается следующее: «İTMG (т.е. «Национальный взгляд») – это организация сторонников закрытой в Турции исламистской партии Рефах и ее наследницы партии Фазилет. Численность членов İTMG в земле Северный Рейн-Вестфалия – 7 500 человек. 22 мая 1999 г. на ежегодном собрании этой организации в Кельне на стадионе Мюнгенсдорфер присутствовало 35 тыс. человек, прибывших из всей Германии и из Европы. На собрании ее молодежной организации в Европе 16 октября в Дюссельдорфе участвовало 6 тысяч. Присутствовал и прибывший из Турции представитель Фазилет. Согласно годовому отчету İTMG, число ее организаций в Европе – 1091, число отделений – 2 137. Руководящий состав – всего 17 841 человек, а всего членов и руководителей – 83 868 человек[37].

Судебное преследование общины Фетхуллаха Гюлена. Этой религиозной общине – одной из самых влиятельных последователей Сайда Нурси, *нурджистов*, а главное – ее лидеру Фетхуллаху Гюлену уделялось в Турции во второй половине 90-х годов наибольшее внимание. Левоцентристская общественность, некоторые СМИ («Джумхуриет», «Радикал» и др.), а также представители военного руководства в СНБ приводили доказательства мирной, но весьма активной прошариатской деятельности общины, которую, кстати, поддерживают США как представляющую *мягкий ислам. В* этих кругах общественности критикуется позиция гражданских властей, лидеров политических партий (Т.Чиллер, Б.Эджевит) за их толерантное отношение к названной личности и его сподвижникам. Высказывались требования привлечь его к суду, тем более что в СНБ накопилось солидное досье на эту общину.

После нескольких неудачных попыток осенью 2000 г. наконец удалось добиться начала судебного расследования деятельности Ф.Гюлена. Так, сенсацией на праздничном приеме 30 августа 2000 г. стало требование начальника Генштаба генерала Кыврыкоглу начать суд над Ф.Гюленом и таким образом выполнить давние решения СНБ

по поводу иртиджа, известные в Турции как решения 28 февраля 1997 г. Отмечая проникновение реакции, иртиджа во все властные структуры, он утверждал, что затягивание судебными органами упомянутого расследования поощряет проникновение иртиджа и в эти органы: «Реакционные группы проникли во все инстанции, включая и судебные органы…» На августовском заседании Высшего военного совета, сообщил генерал, принято очередное решение об отчислении из армии офицеров, причем из 46 человек 11 уволены за связи с организацией Гюлена и другими нурджистскими группами. Среди отчисленных есть и те, кто связан с Национальным взглядом и сулейманистами[38]. На следующий день после заявления генерала прокурор суда госбезопасности Н.М.Юксель представил в этот суд обвинительное заключение на 79 страницах в отношении Ф.Гюлена. Правда, обвинение было заочным, поскольку к этому времени обвиняемый уже полтора года находился на лечении в США.

В обвинении утверждалось, что Гюлен «при участии хорошо подготовленных и обученных в принадлежащих ему школах, интернатах и на курсах кадров намеревался отвергнуть принципы Ататюрка и ликвидировать светскую республику, чтобы создать государство, опирающееся на шариат». В обвинении подчеркнута политика «безмолвного и глубокого проникновения» группы Гюлена в Турецкие Вооруженные Силы. Применяемая группой в отношении армии политика «притворного доброжелательства» оценивается как намерение в пику ТВС усилить полицию – с тем, чтобы в случае необходимости использовать ее против тех же ТВС. Организация Гюлена «стала самой сильной реакционной структурой в Турции».

В обвинении с привлечением видеокассет приводятся данные по истории *нурджизма*, сведения о школах в тюркских республиках Средней Азии, проникновении в военный лицей Мальтепе. Отмечаются успехи группы Гюлена в кадрах госучреждений, в том числе органах образования и безопасности. Источниками, обеспечивающими влияние общины, стали созданная Гюленом «империя крупного капитала и постепенно возросшая в последние годы политическая поддержка, достигавшая подчас масштабов помощи»… «В то время как финансовая империя снабжала деньгами все связанные с группой школы, интернаты, учебные курсы и другие подобные организации, благодаря политической поддержке обеспечивалось проникновение ее в кадры госучреждений, причем преодолевались все препятствия». Проникая в ТВС, «Гюлен одновременно зачислял детей офицеров и младших офицеров в свои школы и затем старался направить их в военные училища… В отношении ТВС демонстрировалась доброжелательность, в то же время укреплялось влияние в полиции, чтобы использовать ее в случае необходимости как противовес армии». Группа Гюлена контролировала в целом 88 фондов (вакуфов), 20 обществ, 128 частных школ, 218 фирм, 129 учебных курсов, нема-

ло интернатов для учащихся, а также 17 печатных органов (включая издания на английском языке), газету с тиражом 250 тыс. экземпляров, телестанцию, две радиостанции с вещанием на всю страну, финансовую организацию с беспроцентным кредитованием, страховое общество.

С 1992 г. группа открыла в 35 странах 6 университетов и вузов, 236 лицеев, 2 начальных школы, 8 центров изучения иностранного языка и компьютера, 6 курсов подготовки к университету, 21 интернат. Цель создания школ за рубежом – готовить кадры администраторов для данного государства, обеспечить в будущем их симпатии к Турции, в которой к тому времени будет создано исламское государство. Отмечается в обвинении, что единственным препятствием перед группой Гюлена в исполнении этих планов были ТВС; планировалось, что за 10 лет сторонники Гюлена станут хозяевами положения и в армии.

В обвинении в скрытой форме критикуется премьер-министр Б.Эджевит, подчеркивается, что «тарикатские школы стали в последнее время модой, между тем подготавливаемые в них кадры ориентируемы на учреждение власти политического ислама, и те, кто поддерживает тарикатские школы, не могут считаться кемалистами»… В заключительной части обвинения утверждалось, что за деятельность по созданию организации, имеющей целью изменение светского режима государства на религиозный, согласно первому абзацу пункта 1 статьи 7 Закона о борьбе с террором, Ф.Гюлен подлежит тюремному заключению на срок от 5 до 10 лет.

Излагая содержание иска, «Джумхуриет» представила и другую информацию, напомнив, что группа Гюлена обладает немалой недвижимостью, аренда за которую приносит большую прибыль. Например, связанный с группой фонд *Акязылы вакфы* в 23 вилаетах владеет жильем, лавками, бюро, школами, магазинами, учебными аудиториями, общежитиями. Чтобы финансировать свою сеть обучения, Гюлен собирает ежемесячный и годовой взнос от своих сторонников и организаций. Так, чтобы профинансировать школы в Казахстане, его сторонники собрали в Денизли 1 млн. долл. Таким же образом он действует в Афьоне, Малатье, Кайсери и Измире. От его школ за рубежом поступают большие доходы, среди финансовых источников также упоминаются *Ышык сигорта, Асья финанс,* поступают отчисления и от деловых людей, состоящих в таких обществах, как *Иш хаяты даянышма дернеги, Генч ишадамлыры дернеги*.

Все в том же номере «Джумхуриет» Хикмет Четимкая в заметке «Почему убежал религиозный барон?» приводит заявление адвоката Ф.Гюлена о том, что «не имея возможности пользоваться по состоянию здоровья самолетом, Фетхуллах Гюлен не вернется из США в Турцию». Автор заметки пишет, что «отставной проповедник» находится в США более полутора лет; его вывез один из министров от

Демократической левой партии, возглавляемой Б.Эджевитом, по визе со сроком действия 10 лет. «Получая в Турции поддержку гражданских политиков, Гюлен одновременно устанавливает очень тесные связи в США с некоторыми лицами – врагами Турецкой Республики, к тому же разъезжающими под видом журналистов… Не сидят сложа руки и мюриды – переводят экономические инвестиции в США, получают большую поддержку от своих сторонников, особенно тех, которые находятся в республиках Центральной Азии».

Х.Четинкая убежден, что гражданская власть по-прежнему флиртует с исламистами: «Премьер-министр продолжает оберегать религиозного барона Ф.Гюлена; госминистр от ДЛП Х.Озкан сдувает пылинки с нурджистов: М.Йылмаз на похоронах главы *ордена сулеймани-стов* К.Качара стоит в одном ряду с лидером Фазилет Р.Кутаном». По мнению Четинкая, более половины депутатов парламента связаны с шейхами тарикатов. «Нурджисты, сулейманисты, последователи накшбанди – в ВНСТ в большинстве. Как же может через него пройти закон об иртиджа и сепаратизме? Реакционные группы преобладают повсюду – от прокуратуры до школ, от полиции до учреждений здравоохранения. Премьер-министр Б.Эджевит даже не считает нужным заглянуть в досье Фетхуллаха Гюлена, подготовленное для него вот уже год назад органами разведки… Наконец-то прокурор анкарского суда госбезопасности обратился с иском об осуждении на 10 лет Ф.Гюлена. Религиозный барон в трудном положении… Прекратятся развлечения на озере Абант в Болу, недельные турне в Москву под предлогом посещения школ»[39].

Тема зарубежных школ Гюлена весьма активно обсуждена в некоторых турецких газетах в связи с началом судебного расследования его деятельности. По поводу этих учебных заведений, преимущественно в странах СНГ, один из руководящих чиновников министерства просвещения заявил, что они «находятся в ведении соответствующих государств, мы можем начать действовать только по итогам судебных разбирательств». В «Джумхуриет» высказано мнение и о том, что «школы Фетхуллаха за границей стали причиной ухудшения отношений Турции особенно с Узбекистаном; правительство этой страны закрыло все школы, открытые как Ираном, так и Ф.Гюленом. Турецкий атташе по образованию выслан из этой страны, узбекские студенты отозваны из Турции». Отмечается также, что и религиозные кадры в школах Гюлена, и преподаватели религии от Минпроса преподносят Ататюрка как атеиста; такая ситуация вызвала сильное беспокойство особенно в Азербайджане. Приводятся и такие данные: в 13 официальных школах, открытых Турцией в тюркских республиках, «господствует Гюлен». Библиотеки этих, казалось бы, официальных школ заполняются книгами, осуждающими светскость и Ататюрка, а также произведениями Гюлена по нурджизму. Со ссылками на досье по Гюлену отмечается, что он, уделяя главное внимание республикам Центральной Азии,

«стремится расширить там зону влияния США; после распада СССР его община стала влиятельной и организованной силой»[40].

Объявление группы Ф.Гюлена «самой опасной реакционной организацией» вызвало отклик в МИДе. Министр Исмаил Джем заявил, что проблема школ за границей не относится к компетенции МИД, это – сфера интересов других ведомств; вместе с тем в газетной информации напоминается, что на недавней встрече 22-23 июня И.Джема с турецкими послами в странах Центральной Азии и Кавказа состоялся обмен мнениями о том, что «распространение и утверждение турецкого имиджа с его качествами высшего образования полезно»[41].

Упомянутые меры турецких судебных инстанций в отношении Ф.Гюлена не остались незамеченными в США. В одной из своих постоянных рубрик «Джумхуриет» сообщила, что в ежегодном докладе «Свобода религии - 2000», представленном от госдепартамента Мадлен Олбрайт, упоминаются и Н.Эрбакан, и Ф.Гюлен, и другие. О Фетхуллахе Гюлене в докладе сказано, что он является «исламским лидером» и сейчас продолжает лечение в США, что обвинения в его адрес должны быть доказаны, министр юстиции не основывается на доказательствах…[42] В самой Турции много вопросов по поводу оценки деятельности Гюлена журналисты задают Эджевиту, одновременно высказывая и свои оценки этой деятельности. Так, Мерич Велидеоглу пишет по поводу реплики Эджевита о том, что жизнь не одномерна, она многомерна: «Не хочет ли сказать Эджевит, что светскость – не единственная форма жития?». «Мы с очевидностью убедились, что к формуле светскость, уважающая верующих, с прошлого года стали приспосабливать новую мерку… Но правильно ли искать признаки мистицизма у Ф.Гюлена? Есть книги Ф.Гюлена, есть целый склад его кассет, однако вряд ли в них можно обнаружить даже малейшие свидетельства безмерной любви к человеку, к природе. Разве не вчера еще мы слушали его нравоучения с экранов ТВ? В многочасовых беседах разве услышали мы хотя бы одну фразу относительно духовной жизни человека, о человеческой любви ко всему миру…»[43] Проблемы «школ Гюлена» коснулся и президент Турции Ахмет Неждет Сезер, когда рассказывал о своей недавней поездке по тюркским республикам. Он напомнил о кризисе между Турцией и Узбекистаном из-за этих школ, сообщив, что предложил «вместо действующих сейчас там школ открыть школы от имени турецкого государства. Такое предложение встречено положительно». Однако сопровождавший президента в поездке госминистр Абдулхалюк Чай утверждал, что «речь не идет о категорическом желании президента закрыть упомянутые школы»[44].

Вооруженные террористические организации исламистов. Наиболее распознаваема и официально объявлена властями терроризмом деятельность тех исламистских групп, которые сосредотачивают свою подрывную в отношении государства активность на под-

польной, вооруженной борьбе. Постоянное внимание в этой связи органов безопасности издавна привлекает турецкая ветвь проиранской исламистской организации «Хезболла»[45]. В 90-е годы информация о ее активистах в некоторых провинциях страны, о создании школ, а также летних лагерей с военной подготовкой и организацией стрельбищ часто появляется в турецких СМИ. Сообщалось, что в учебный курс входило изучение произведений иранских религиозных деятелей, включая имама Хомейни[46]. Например, одна из таких групп в составе 15 человек была арестована в 1995 году в городке Дюздже, 5 человек оказались членами Рефах, некоторые члены группы имели постоянные связи с Ираном. В ходе судебных разбирательств подтверждалось, что приверженцы «Хезболлы» в Турции стремятся к ликвидации существующего светского режима, созданию в курдских районах на шиитской основе и по иранской модели исламского курдского государства[47].

Организация заявляла о себе и позже – в 1998 году в связи с событиями в Батмане и Солхане. Привлечение сторонников обеспечивается через местные мечети. Там же, в мечетях осуществляется религиозное обучение. Местами встреч являлись и издательские общества. Учреждались для привлечения учащихся учебные курсы на уровне среднего и даже высшего образования[48]. В 1999 г. силы безопасности в Диярбакыре после ознакомления с некоторыми захваченными у «Хезболлы» документами установили, что эта шариатская террористическая организация стремится обосноваться также в Анкаре, Стамбуле, Измире, Конье и Адане.[49] В конце 90-х гг., судя по информации в турецких СМИ, активнее всего ведет себя эта организация в провинции Диярбакыр. В числе задержанных упоминаются «интеллектуалы», компьютерные операторы, учителя, студенты университетов, перечисляются также виды захваченного оружия, валюта, компьютерное оборудование, дискеты, литература. Приводятся случаи нападений на солдат, жандармов, гражданских служащих. Также продолжается следствие по делу арестованных в различных районах страны некоторых руководителей этой организации. Они обвиняются в подготовке заговора против конституционного режима и создания Исламского государства на принципах шариата, в убийстве 23 государственных служащих. Прокуроры, согласно ст. 146 УК, требуют для большинства смертной казни, для нескольких, согласно ст. 168, – от 12 лет 6 месяцев до 15 лет тюремного заключения[50]. Суды госбезопасности занимаются также разбирательством деятельности «Хезболлах» в ильче Тарсус провинции Ичель, здесь в предоставлении помощи и ночлега членам «Хезболлы» обвиняются 9 человек: 8 из них грозит по 3 года 9 месяцев тюремного заключения, одному – 2 года 6 месяцев. 11 членов этой террористической организации арестованы в ильче Сапанджа (Сакарья)[51].

Целый ряд террористических организаций действует в Турции как ветви арабских вооруженных групп. Так, по обвинению в создании в Турции террористической организации «*Хизб-ут Тахрир*», членстве в ней, налаживании ее деятельности и оказании содействия 4 подсудимых приговорены анкарским судом госбезопасности к тюремному заключению на срок 4 года 2 месяца, 19 подсудимых – к 2 годам 6 месяцам, а также крупным денежным штрафам[52]. Арестованный во время одной из последних операций сил безопасности Рюштю Айтуфан, член организации «Борцы за Иерусалим» («*Кудюс савашчылар*») обвиняется прокурором суда госбезопасности Х.Келешом в убийстве Ахмеда Танера Кышлалы. Прокурор требует для него смертную казнь, для четырех других сообщников – тюремное заключение до 5 лет за помощь организации и предоставление ее членам крова[53].

Завершен судебный процесс над членами «*Ислами харекет оргютю*» - террористической организации в Турции, замешанной в убийстве журналиста Четина Эмеча и других актах террора. Вынесен один смертный приговор – Ирфану Чагырыджы, четыре приговора – о пожизненном заключении, 12 приговоров о тюремном заключении по 12 лет 9 месяцев тюрьмы, высказаны обвинения в адрес Ирана в том, что он косвенно участвовал в создании и деятельности этой организации. Процесс продолжался 7 лет. Основные обвинения – это «антизаконная вооруженная террористическая организация, задачей которой является свержение в Турции светского конституционного режима и создание вместо него теократического режима на основе шариата». Отмечено в решении, что Чагырыджы создал вместе со своими сторонниками в 1983 г. общество «Хезболла», в котором являлся «главным эмиром». Впоследствии, в 1992 г. он и его ближайшие сообщники присоединились к «Ислами харекет оргютю». Отмечается также, что члены организации «проходили в Иране политическое и военное обучение» и очевидно, что «деятельность организации поддерживается оружием и деньгами»[54].

После продолжительного разбирательства суд государственной безопасности Анкары определил, что массовое убийство в Сивасе 2 июля 1993 г. (погибло 37 человек) «было направлено на ликвидацию республики». При этом подчеркивается, что действия обвиняемых были устремлены на то, чтобы опорочить взгляды и действия известного писателя-сатирика Азиза Несина, «ликвидировать важнейшие принципы конституционного режима – республиканизм и светскость». Перед этим событием и вслед за ним неизвестными лицами были распространены листовки, в которых напоминалось, что Азиз Несин опубликовал в газете «Айдынлык» некоторые отрывки из книги Салмана Рюшдю «Стихи дьявола», которые порочат ислам и Пророка. В листовках утверждалось также, что верующие должны сражаться с друзьями дьявола. В постановлении суда по поводу этих событий в

отеле «Мадымак» в Сивасе отмечается, что «когда гибли в огне 35 человек, обвиняемые не чувствовали ни малейшего сожаления. Несмотря на крики о помощи, силы безопасности и пожарные не только не помогли горящим людям, но даже воспрепятствовали попыткам их спасти. На предсмертные крики сгорающих в огне людей никто и бровью не повел, умирающим отвечали шариатскими лозунгами, с удовольствием за ними наблюдали. Такого еще не было в турецко-исламской истории». 33 обвиняемых были приговорены к смертной казни, согласно ст. 146 УК. Судебный процесс по этому сивасскому делу начался 21 октября 1993 г. и продолжался 6 лет 7 месяцев и 26 дней, он прерывался, затягивался, лишь после третьего расследования постановление суда госбезопасности Анкары было принято[55].

«Идеалисты», «серые волки» и Партия националистического движения. Освещение проблемы терроризма в Турции будет неполным, если не сказать о террористической деятельности организаций радикального национализма. Оценка этого явления в современной Турции не была сделана ранее, даже при Ататюрке, и сейчас не является такой же однозначной, как в случаях с радикальным исламизмом. Власти за всю историю республики в очень редких случаях были готовы оценить радикальный тюркизм, пантюркизм, туранизм как террористическое движение, угрожающее государству. Представляющая в последние десятилетия это движение Партия националистического движения (ПНД), ее лидер Альпарслан Тюркеш, «Турецкие очаги», «клубы идеалистов», «серые волки» и др. организации подобного типа долгое время были надежной опорой власти против левого движения, против курдов и других нацменьшинств в стране, на «должном» уровне поддерживали накал антисоветской деятельности в годы второй мировой войны и после, в годы холодной войны. В настоящее время они готовы пропагандировать туранистские идеи среди тюркских мусульман в России, навязывать антируссизм светским режимам и элите новых государств Центральной Азии.

Не вдаваясь в подробности весьма богатой событиями, но лишь частично и редко приоткрываемой истории всех этих движений, здесь уместно осветить, бесспорно, самую яркую страницу послевоенной истории экстремистского национализма в Турции – заговор против конституционной власти во второй половине 70-х годов, остановленный военным режимом 1980 г. Террористический, даже фашистский характер заговорщической деятельности ПНД и ее организаций в эти годы, вплоть до военного переворота 1980 г. оспаривается разве только самими идеологами этого движения. В левоцентристских публикациях речь неизменно идет о «фашистском терроре, ядром которого была политическая партия»[56]. В вышедшем в 1981 г. (в условиях военного режима с его строгой цензурой) ежегоднике-альманахе на английском языке сообщалось, что «Партия националистического движения в глазах многих является неофашистской политической

организацией, хотя ее лидер А.Тюркеш яростно это отрицает. ПНД подозревается в широком участии в террористической активности перед 12 сентября. Молодые боевики, именуемые «серыми волками», симпатизируют этой партии, ее взглядам. Они были антикоммунистической грозой в университетских городках, городских кварталах, замешаны в убийствах таких лиц, как журналист Абди Ипекчи, адвокат Доган Оз…» Альманах тогда, по горячим следам расследований деятельности этих организаций констатировал, что «конкистадорская ностальгия ПНД в современных политических условиях сходна с идеологией пантюркизма и национализма»[57].

Похожая оценка содержится и в американском справочном издании: «Большинство склонных к насилию правых групп относится, прямо или косвенно, очевидно, к Тюркешу и ПНД. Наиболее организованные из них, «серые волки», были вооружены и регулярно прибегали к тактике террора». После установления военного режима «Тюркеш и около 600 его соратников из ПНД были обвинены в совершении террористических действий или соучастии в них. Некоторые из них были повешены»[58]. Можно напомнить читателю, что именно в годы разгула террора ПНД во главе с Тюркешем (также и партия Эрбакана) входила в состав двух коалиционных правительств Демиреля (март 1975 - июнь 1977 годов и июль 1977 - январь 1978 годов).

После прихода к власти военной хунты прокуратура Анкары подготовила на сотнях страниц Обвинительное заключение по поводу деятельности ПНД и организаций «идеалистов» («улькюджю»). В этом документе отмечалось, что партия, находясь в правительственной коалиции, готовила заговор с целью установления фашистской диктатуры во главе с А.Тюркешем по типу фашистских диктатур в Испании, Италии и Германии. На день выступления военных 12 сентября 1980 г. тюркешисты контролировали 1700 легальных обществ «идеалистов», насчитывающих 200 тыс. членов, имели около миллиона сторонников. В распоряжении ПНД находились военизированные лагеря для подготовки террористов и штурмовиков, склады оружия, радиостанции. «После захвата власти, используя тотальные методы подавления, ПНД предполагала создать национал-социалистическую, т.е. фашистскую диктатуру. Следующим шагом должно было быть превращение этой диктатуры в «государство Туран» с объединением всех тюрок и мусульман мира на одной территории под лозунгом «Одна нация, одно государство»[59].

Турецкая публицистика 80-90-х годов накопила обильные материалы расследований судов госбезопасности и СМИ относительно террористической деятельности упомянутых организаций, неизменно подчеркивая широкое участие в терроре молодежи. Так, в переизданной в 1996 г. брошюре «Признание» излагалась одиссея одного из «идеалистов» – Омера Танлака. В предисловии издателя подчеркивалось, что этому террористу-убийце всего девятнадцать лет. «Он

рассказывает, как потерял человеческий облик, как участвовал в преступлениях, пытках, массовых убийствах, как проникло в его душу, его разум бессердечие… Сотни молодых людей убивают, бросают бомбы. Большинству из них нет еще и восемнадцати лет… Эти юноши бросали семьи, школы. Иного пути перед собой, кроме убийств, они не знали». Если даже они и хотели уйти от участия в преступлениях, у них не было возможности. Сообщишь властям – люди в полиции донесут ПНД. Приходится возвращаться в партию… Она предстает перед всеми преступной вместе со своим генеральным секретариатом и руководством молодежными отделениями. Из материалов книги явствует, что Омер Танлак, будучи учащимся лицея, вступил в Анкаре в одну из местных организаций *Ülkü Ocağı* в 1975 г. с тем, чтобы, «как обещают очаги идеалистов, раздавить коммунизм, покончить с ним в Турции». В те годы его организация увеличилась стремительно – с 25 до 250 человек. Инструкции в устном виде поступали от молодежного отделения ПНД, оружие перед началом акции раздавалось руководителем местной организации. Часть денег поступала из ежемесячных сборов по торговым местам. Эти же люди от ПНД представляли партию как наблюдатели на выборах, охраняли урны для голосования[60].

Мустафа Балбай пишет о левацкой анархии перед 12 сентября. К лозунгу прошлого «изменить мир» было добавлено «любой ценой». «Их целью было срочно, пока они молоды, решить все проблемы Турции и всего мира, а главное – поддержать борющихся за свои права рабочих; во многих выступлениях рабочих они были впереди… Для них смерть означала бессмертие. Погибло 5 тысяч молодых людей. Учиться было необязательно, главное – действовать, осуществить революцию, чтобы всеми богатствами мог пользоваться народ, и только после этого придет учеба. У них были противники, которые выступали с лозунгами – «либо мы заставим их замолчать, либо они будут блевать кровью». Эти молодые люди также верили, что такими действиями они демонстрируют любовь к родине. Их непререкаемый долг – очистить страну от революционеров… Волны холодной войны, захлестнувшие мир, отозвались в Турции кровью, расколом, страданиями»[61].

Не без связи с итогами выборов 1999 г. и небывалого успеха на них ПНД турецкие СМИ вернулись к описанному выше недавнему прошлому этой партии и ее «спутников», воспользовавшись круглой годовщиной – 20-летием упомянутого военного переворота. Эту годовщину дружно отметили все, напомнив нынешней молодежи, молодому электорату, как действовали не только леваки, но и ПНД, «серые волки» и «идеалисты» в те несколько лет террора. Эти воспоминания воспроизводят действительно кровавую картину, в них достается и военной хунте. Председатель Союза коллегий адвокатов Турции Эральп Озген утверждает, что приказы главы хунты генерала К.Эврена о расстрелах полностью противоречат праву. Если сведе-

ния о таком преступлении поступали, следовало задерживать подозреваемых и передавать прокурору. Единолично приказывать убивать, расстреливать – такое возможно только при средневековой власти, а не в правовом государстве. Председатель Вакуфа прав человека Турции Яауз Онен пишет, что «пока не будет проведено судебное расследование режима 12 сентября, пока его инициаторы не предстанут перед прокурором, демократизация невозможна… Поэтому Турции необходимо очиститься от остатков авторитаризма и милитаризма, ей, подобно Испании, следует пройти процесс очистки от всех органов и институтов, свойственных фашистским режимам. Как и в Италии, надо выявлять гладиаторов и избавляться от них. До сих пор наши гладиаторы бродят по телеэкранам, а их следует судить, как Пиночета». Председатель Вакуфа Общества прав человека Турции Невзат Хельваджы напоминает, что «наказания определяли не органы правосудия, а хунта в составе 5 человек. Это в полном смысле фашистский подход. События в нацистской Германии носили аналогичный характер»[62].

Высказываются обвинения в адрес некоторых генералов за их сотрудничество с правыми экстремистами. Хикмет Четинкая задает вопрос: «Существовала ли в Турецких вооруженных силах связанная с А.Тюркешем хунта, действовавшая против «хунты 12 сентября»? Он приводит свидетельства того, что некоторые генералы от хунты, например Реджеп Эргун, «оберегали банды «идеалистов», были на стороне Тюркеша и его сподвижников, в оппозиции к Кенану Эврену.» Названный генерал занимал важные посты в органах безопасности, обстановку перед военным переворотом 12 сентября оценивал иначе, нежели Кенан Эврен. Одним из его коллег по работе, советником по правовым вопросам в органах безопасности был родственник А.Тюркеша. Позднее Р.Эргун был избран депутатом от АНАП, одно время работал консультантом при аппарате президента Тургута Озала[63]. О том, что заодно с тюркешистами были и некоторые полицейские, явствует из протоколов допросов участников левацких выступлений. Так, Огузхан Мюфтюоглу, подозреваемый в участии в левацких вооруженных акциях, свидетельствует об учиненных над ним сторонниками ПНД – полицейскими допросах под пытками. Они готовили протоколы его допросов, часами обливали ледяной водой под сильным давлением, били ногами или палкой до потери сознания, превратили свою жертву в инвалида[64]. Айдын Энгин сравнивает события 12 сентября с переворотом Пиночета в Чили. «Тысячи и тысячи интеллектуалов, прогрессивных деятелей, патриотов были задержаны, подверглись пыткам, остались изувеченными… Те, кто обагрил свои руки кровью в событиях, предшествовавших 12 сентября, кто породил обстановку гражданской войны, понесли легкое наказание, а совсем юным мальчикам были вынесены и исполнены смертные приговоры. 9 лет Турция истекала кровью»[65]. Генеральный председатель Обще-

ства прав человека Турции Хюсню Ондюль напоминает, что дело не ограничилось тогда роспуском парламента, отменой конституции, закрытием партий, арестом их имущества. Было задержано 650 тыс. человек, 1 683 тыс. занесено в полицейскую картотеку, привлечено к суду 230 тыс. человек. Смертные приговоры были вынесены 517 чел., из них повешено 50 осужденных. По статьям 141, 142 и 163 УК подвергнуты суду 71 тыс. человек, 388 тыс. были лишены загранпаспортов, 30 тыс. уволено с работы, 14 тыс. лишены гражданства, 30 тыс. покинули страну как политэмигранты, 300 человек погибли при невыясненных обстоятельствах. Документально подтверждена смерть от пыток 171 человека. Была приостановлена деятельность 23 677 обществ, уволено 3 854 учителя, 120 преподавателей университетов, 47 судей; 400 журналистов осуждены в целом на 4 тыс. лет тюрьмы, 3 журналиста застрелены[66].

Период официального осуждения в Турции правого терроризма завершился с наступлением 90-х годов и распадом СССР, когда Турцию охватила эйфория «братания» с только что возникшими новыми государствами Кавказа и Центральной Азии. Началось стремительное возрождение ПНД, «серых волков», «очагов идеализма». Выступив 12 декабря 1991 г. на заседании парламента, Тюркеш призвал «откликнуться на критическое состояние турецких республик Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Киргизстана и Туркменистана». Напомнив присутствующим, как упрекали его прежде «в шовинизме и мечтательности», он заявил, что отныне, при единстве 200 млн. турок в мире, «туранизм уже не фантазия, а реальность»[67].

В интервью газете «Хюрриет» 12 января 1992 г. 75-летний Тюркеш так ответил на вопрос корреспондента – начинается ли после распада СССР золотой век туранизма: «До золотого века еще далеко, сделан лишь небольшой шаг, правда, вселяющий надежду. Естественно, они ждут, что Турция возглавит это движение. Однако я не считаю, что турецкие власти и интеллектуалы подготовлены к тому, чтобы взять на себя это руководство. Мы от принципа туранизма никогда не отказывались, даже на суде, находясь в тюрьме. Сейчас этот принцип воспринимают многие, что нас радует»[68]. Когда в августе 1994 г. делегация Рефах посетила Юго-восток Турции, ее глава, Ш.Казан, «пришел в ужас» от увиденного там. «Спецкоманды серых волков не скрывали, кто они. Некоторые отряды используют их приветствия. Что это – госохрана или пропаганда партии? Они опасны, я все это расскажу в парламенте»[69]. Если судить по появлению «серых волков» в Азербайджане, куда часто наведывался в те годы Тюркеш, и в Чечне, то очевидно, что они не отказались от идеи объединения «внешних турок», в том числе тех, кто живет в России и в других странах[70]. На парламентских выборах 1995 г. ПНД получила 2,3 млн. голосов (8%), едва не преодолев барьер, позволивший бы ей стать

парламентской партией. Тюркеш отметил это, призвал не преуменьшать такой факт[71].

Соответственно восстанавливали свои ряды и очаги идеалистов. Возобновивший свою деятельность журнал «Очаг идеала» из номера в номер на внутренней обложке публиковал патриотические призывы – «от имени вождя» («Başbug'dan»), скончавшегося 4 апреля 1997 г.: «Действуй, турок, пора проснуться! У тебя не осталось Румелии, мадьярских земель, Сирии и Ирака, нет Палестины, Египта, Триполитании, нет и Туниса с Алжиром, нет Крыма и Кавказа. Осталась лишь последняя частица родины! Действуй, как Бозкурт («серый волк»), берись за дело, трудись, пусть возродятся прежние времена. Вновь разверни навстречу горизонту победоносные славные знамена. Великая Турция – превыше всего. Да возвысится наша славная Турция!»[72]

Свидетельством забвения и реабилитации турецким обществом правого террора конца 70-х годов стал сенсационный успех ПНД в 1999 г. – завоевание второго места в новом турецком парламенте (18% голосов), участие в качестве второй партии в коалиционном правительстве, сформированном в мае 1999 г. по итогам выборов. Объясняя этот успех ПНД, турецкий публицист Э.Айдын писал: «Продемонстрировав в недавнем прошлом свою полезность на антикоммунистической основе, ПНД на сей раз обеспечила свой рост благодаря той позиции, которую она заняла в отношении курдского вопроса. На этом фундаменте она обновила свои отношения с государством, обеспечила быстрый рост и правовую базу. С начала курдской войны государственная политика выполняла функцию поддержки и укрепления ПНД… Все агрессивные акции ее членов, включая линчевание, поддерживались полицией и СМИ и преподносились как реакция народа… На рост влияния ПНД в большой мере сказались и внешнеполитические предпочтения последнего периода. Перед нами стремление в эти последние 10 лет вступить на проимпериалистический путь, обеспечить себе зону влияния от Адриатики до Китайской Стены. Кемалистская концепция мир в стране, мир в мире положена на полку; расширяя связи с НАТО, Турция начала проводить политику более активного вмешательства на Ближнем Востоке, Кавказе и Балканах»[73].

Войдя в состав правительства, ПНД получила дополнительные возможности восстановления своего политического влияния в стране, особенно в молодежной среде. Сообщается, например, о расширении системы студенческих общежитий для приверженцев «идеализма» – по подобию «тарикатских» общежитий. Они доступны всем, кто заявляет: «Я турок и мусульманин» [74]. В печати приводятся заявления лидеров партии о готовности ее поддержать вступление Турции в ЕС лишь в том случае, если Запад не будет навязывать Турции свой вариант решения курдского вопроса. Так, зам. председателя парламентской группы ПНД Омер Изги заявил, что если ЕС станет причиной раздела страны, нарушения единства государства и сплоченно-

сти родины, невозможно будет вступить в эту организацию. «Если мой народ на Юго-востоке должен получать свои права так, как требует ЕС, смысл моей деятельности пропадает… Если ЕС будет указывать, что делать и что не делать, обойдемся без них». Он также недоволен требованием ЕС отменить смертную казнь Оджалану и его соратникам: «В таком случае ЕС пусть нас не принимает»[75]. Такая позиция вызывает критику третьего участника правительственной коалиции. Месут Йылмаз заявляет, что ПНД пора менять свое мировоззрение. Чтобы быть принятыми в ЕС, надо отменить чрезвычайные меры. «Все едины в том, что необходимо сохранять территориальную целостность и неделимость страны. Но некоторые партии считают, что не следует предпринимать какие-либо демократические шаги до тех пор, пока полностью не ликвидирована угроза иртиджа и сепаратизма. Однако можно сделать много и без уступок в отношении единства страны и принципов республики[76].» Заметным успехом партии можно считать избрание в октябре 2000 г., правда, после 3 туров голосования, на пост председателя меджлиса от ПНД упомянутого Омера Изги. Это произошло при поддержке Б.Эджевита и его партии.

Лидер партии Д.Бахчели заявляет о поиске ею новой цивилизационной стратегии для страны, способной на принципах «синтезирования турецко-исламской культуры» обеспечить преодоление отставания Турции от развитых государств. Первое условие осознания такой стратегии – «понять нынешнее время», второе – «понять себя». «Мир создает связи глобального масштаба, прежние культура и цивилизация оказались на таком отрезке истории, который сегодня ориентирован на принципы масштабного и нового сотрудничества и солидарности… Не утонуть в водовороте глобализации, остаться независимым от связей, провозглашаемых актерами глобализации…»[77]

Отношение к международному терроризму. Четко квалифицируя в своих законах, кто экстремист и террорист в Турции, власти страны, общественность не столь категоричны при оценке террористических выступлений и движений в отношении граждан и имущества других стран по сравнению с тем, когда эти акты происходят на территории Турции. Всем памятны действия властей Турции после того, как 15 октября 1970 г. террористы отец и сын Бразинкасы угнали в эту страну самолет АН-24 с 46 пассажирами, убив при этом бортпроводницу Надю Курченко. Турция отказалась выдать СССР террористов, и они смогли переехать в США[78]. Как можно предполагать, в глазах турок террористы выглядели тогда диссидентами, борцами с советским режимом.

Спустя много лет, уже после холодной войны, столь же легко отделались террористы, захватившие в январе 1996 г. турецкий паром «Евразья», курсировавший по маршруту Сочи – Трабзон. Они явно были восприняты в Турции как борцы за свободу Чечни, их террористические действия так и не были оценены по нормам турецкого ан-

титеррористического законодательства. Столь двойственное отношение к террористическим актам, кем бы они ни совершались, находит свое отражение в публикациях некоторых турецких СМИ. Так, Дженгиз Джандар пишет в «*Сабах*» о том, что ранее Турция не могла открыто выступать против политики российских властей в Чечне. «Представлялось, что открой она рот, сразу возникнет вопрос о курдах и получится, что Россию приглашают поддержать ПКК». Однако, по мнению автора, ситуация изменилась, отныне нет необходимости турецкой стороне вести себя таким образом, поэтому подписание в Москве Эджевитом в ноябре 1999 г. соглашения с Россией о сотрудничестве в борьбе с терроризмом является ошибкой. Во-первых, выбрано неудачно время – Россия в связи с положением в Чечне «находится под давлением Запада, прежде всего США, а сохраняющая важные стратегические позиции в Евразии Турция ищет сотрудничества с Россией. Здесь нет никакой логики». Во-вторых, считает автор, «ПКК нейтрализована в военном смысле, она полностью изменила свою риторику и отказалась от террора». И в-третьих, «пойти на такое сотрудничество – значит косвенно согласиться с утверждениями России о том, что она борется с терроризмом в Чеченистане».

Автор утверждает, что многие территории бывшей Османской империи, в том числе и Косово, и Чеченистан, имеют особую значимость для Турции. «Они сохраняют с ними исторические и культурные, включая религиозные, связи, причем такие, которые невозможно разорвать, ибо та человеческая общность, которую мы называем турецкой нацией, сформировалась за счет мусульманских общин Османской империи и соседних с ней земель. В турецкой нации замешаны албанские, греческие, черкесские, чеченские, боснякские и т.п. элементы»[79]. Повторяя слово в слово заявления чеченских сепаратистов, автор пишет, что «кровавая агрессия России против Чеченистана весьма далека от того, что именуется борьбой с террором. Нет ни одного доказательства того, что террористические акты в Москве и Санкт-Петербурге имеют отношение к Чеченистану. Высказываются подозрения, что эти действия организованы русскими спецслужбами. Очевидно, что нападение России на Чеченистан связано с восстановлением русского влияния на Кавказе. Это влияние преследует цели перерезать энергетические пути, связывающие Турцию с Центральной Азией. Если даже Турция бросится в объятия России во имя борьбы с терроризмом, Россия не откажется от своей стратегической задачи – ослабить Турцию. Пришла пора заново определить угрозу в контексте роли Турции в XXI веке, о чем говорил Клинтон. Стало очевидным, что действующая несколько лет концепция внутренней угрозы ошибочна, за указанное время в Турции установился мир, и Турция ныне в состоянии играть роль, ожидаемую от нее в XXI веке»[80].

Разумеется, при такой оценке ситуации на Северном Кавказе любое сепаратистское выступление в российских республиках (с их широкими правами) против центральной власти турецкими СМИ будет расцениваться как «освободительное движение»; в то же время борьба курдов даже не за независимость, а за культурную автономию, под пером таких турецких журналистов будет выглядеть как сепаратизм и, следовательно, – терроризм. Кстати, обвинение в сепаратизме может быть выдвинуто турецкими властями и в отношении выходцев с Кавказа, как только последние потребуют признания за ними прав культурной автономии в каком-нибудь регионе самой Турции. Эти представители кавказских народов, находясь в Турции, мечтают о том дне, когда в этой стране будет признаваться «не только турецкая национальность, но и на равных правах будут признаны права других народов; наиболее полезной для Турции будет полностью открытая миру демократическая система, основанная на правах человека»[81]. События последнего времени показывают, как к диссидентам относятся в Турции и к террористам в Узбекистане.

По информации «Независимой газеты», Прокуратура Республики Узбекистан представила Верховному суду страны обвинительные материалы по событиям, касающимся террористических нападений в ряде районов Узбекистана в 2000 г. боевиками *Исламского движения Узбекистана* (ИДУ). Представлены материалы и по покушению на президента Каримова 16 февраля 1999 г. Обвинения касаются 12 заговорщиков по ряду статей УК республики - умышленное убийство, терроризм, возбуждение национальной, расовой или религиозной розни, посягательство на жизнь президента Республики Узбекистан, заговор с целью захвата власти, диверсия, разбой, организация преступного сообщества, угон транспортных средств. Большинство из главных обвиняемых остаются на свободе, скрываются от суда, установили контакты с международными террористами Усамой бен Ладеном и Хаттабом, организовывают на территории Афганистана полевые лагеря для уголовных элементов, бежавших из Узбекистана. Руководимые этими преступниками банды в Узбекистане в течение 1993-1999 гг. «совершили десятки убийств, разбойных нападений и других особо тяжких преступлений. Любопытно отметить, что руководитель ИДУ Тахир Юлдашев, правая его рука, «отличающийся невероятной жестокостью» Джумбай Ходжиев (Намангани) и Салай Мадаминов (Мухаммад Солих) свободно проживали некоторое время в Турции[82]. Более того, о визите Мухаммада Солиха в стамбульский Фонд исследований по тюркскому миру и о «полезной беседе» там сообщал турецкий журнал[83]. Очевидно, что по итогам поездки президента Турции Сезера по странам Центральной Азии достигнута договоренность о пресечении такого рода деятельности в этих странах. Во всяком случае, публично объявлено, что в Ташкенте подписано

соглашение с президентом Исламом Каримовым о борьбе с терроризмом и наркотиками[84].

Подводя итоги, прежде всего следует отметить, что менталитет осажденной крепости времен национально-освободительного движения и первых лет республики в определенной мере и сегодня сохраняется в турецком уголовном праве. Суровость законов, жесткость противостояния власти и радикальной оппозиции - все это позволяет понять многое в общественно-политической жизни страны, частые аресты там, бегство деятелей культуры в Европу; осознать, что в целом авторитарный, если не полицейский режим еще сохраняется в стране. Даже непрофессиональным, невооруженным взглядом видно, что и Закон о терроре, и Уголовный кодекс можно толковать достаточно вольно и широко, активно применять их и к СМИ, что обеспечивает сохранение завесы «тайны» над такими, например, событиями, как борьба с курдским сепаратизмом. В обществе и во власти и сегодня, как и 80 лет назад, существует убежденность в том, что необходимо и поныне сохранять такую форму общественного договора, который предусматривает наличие авторитарной власти с прямым либо опосредованным участием военной верхушки, иначе Турция пропадет, будет уничтожена и внутренними, и внешними врагами. При этом властная элита убеждена, что такой настрой – не помеха европеизации, вступлению Турции в ЕС.

Также очевидно, что преследуя подчас и лидеров, и сами организации исламистов и пантюркистов как террористов, покушающихся на конституционный строй либо осуществляющих убийства своих сограждан – политических оппонентов, власть и общество не считает их некими изгоями, которым не место в руководстве страны, в вооруженных силах, науке, культуре. Наоборот, лидеры этих группировок не перестают составлять влиятельную часть правящей элиты, периодически входят во власть, являются посланниками Турции на ниве культуры и духовной жизни за рубежом. Последний пример – турецкий электорат поддержал ПНД, которая не предпринимала каких-либо решительных и демонстративных шагов по очищению своих рядов от террористов, сохраняла Тюркеша в качестве своего лидера до последних дней его жизни. Эрбакан после всех обвинений в его адрес, преследований, запретов остается значительной политической фигурой, активно влияющей на деятельность Фазилет. И наконец, последнее. В турецком общественном мнении остаются двойные стандарты определения международного терроризма. Тех, кого это мнение считает «своими», идейно близкими борцами за независимость, пусть с применением любых средств, не осуждают как террористов. Другие же, в самой Турции, наоборот, являются террористами и сепаратистами по определению – только потому, что они требуют признать за ними те же права, которыми пользуются сами турки – право на свой язык, свою культуру.

[1] Tanyol, Cahit. Atatürk ve Halkçılık. – Ankara, 1984. – С. 143, 144.

[2] Pınar, İbrahim. Terörle mücadele ve ilgili mevzuat Ankara, Seçkin yayınevi 1997. – С. 48-51.

[3] *Отмененные ныне статьи 141, 142, 163 комментируются по изданию:* Kani Ekşioğlu. Son değişiklik ve notlarla sözlüklü Türk Ceza Yasası. – İstanbul: Yasa yayınlan, 1984. – С. 66-69, 77-78.

[4] *Кондакчян Р.П.* Турция: внутренняя политика и ислам. – Ереван, 1983. – С. 80.

[5] Предлагаемый читателю комментарий этого закона подготовлен нами по изданию, опубликованному в октябре 1997 г.: İbrahim Pınar. Terörle Mücadele ve İlgili Mevzuat 3-ncü baski Ankara, Seçkin yayınevi, Ekim 1997. – С. 9-30. О дальнейших модификациях закона, если они и были, автор сведениями не располагает. При уточнении модифицированных статей Уголовного кодекса автор использовал его текст, опубликованный в издании: Polis vazife ve seiahiyet Kanunu. Türk ceza Kanunu. Ceza muhakemeleri usulü Kanunu. Cezaların infazı hakkında Kanun. Terörle mücadele Kanunu. Emniyet teşkilat Kanunu. Ankara, Aikım yayınevi 1997 (Текст УК – с. 1-313). Далее ссылки в тексте на эти две публикации: PVSK, с..; Pınar, I. с…

[6] Pınar, I. с. 9.

[7] PVSK; Pınar, I, с. 9-38.

[8] Hürriyet, 27.12.1999.

[9] http://www.tbmm.gov.tr/ambar/KP57.htm.

[10] Milliyet, 13.10.2000.

[11] Sabah, 13.10.2000.

[12] Там же.

[13] Aktüel, № 484, 26.10.2000, с. 59-62.

[14] Sabah,26.W.2000.

[15] Radikal, 31.08.2000.

[16] Aktüel, № 484, 26.10.2000. – С. 12-13.

[17] Cumhuriyet, 19.04.1997.

[18] Cizre, Ümit. Muktedirlerin Siyaseti. Merkez Sağ-Ordu-İslamcılık. – İstanbul, 1999. – С. 107.

[19] Bulut Faik. Tarikat Sermayesinin Yükselişi. 2 bas. – Ankara, 1997. – С 261, 262, 266-277.

[20] Cumhuriyet, 11.09.2000.

[21] После переворота 1980 г. по состоянию на декабрь 1991 г. из армии было уволено за связи со сторонниками шариата 653 офицера и унтер-офицера. Güleçyüz, Kazım. Ordu ve demokrasi. – İstanbul, 1996. – С. 71. Эти увольнения приняли еще больший размах в середине 90-х годов.

[22] Tuşalp Erbil. Şeriatı beklerken. – İstanbul: Papirus, 1996. – С. 402.

[23] Cumhuriyet, 15.11.1999.

[24] Savaş, Vural. Refah Partisı İddianamesi ve Mütalaası. İstanbul, Fast yayıncılık, Ağustos 1997. – С. 9, 20, 24, 33, 43, 44, 50.

[25] Türkiye, 16.03.1990.

[26] Milliyet, 21.05.1999.
[27] Yeni Binyıl, 26.10.2000.
[28] Sabah, 26.10.2000.
[29] Finans Dünyası, Mayıs, 1999. – С. 16.
[30] Milliyet, 25.09.1999.
[31] Hürriyet, 27.12.1999.
[32] Dünya, 13.01.1996.
[33] Gür, Metin. Şeriat ve Refah. – İstanbul: Çağdaş yayınları, 1997. – С. 7, 9, 10.
[34] Там же, с. 247.
[35] Ближний Восток: проблемы региональной безопасности. – М., 2000. – С. 72-73.
[36] Cızre, Ümit. Muktedirlerin Siyaseti… с. 120, 121.
[37] Cumhuriyet, 3.09.2000.
[38] Radikal, 31.08.2000.
[39] Cumhuriyet, 1.09.2000.
[40] Cumhuriyet, 3.09.2000.
[41] Там же.
[42] Cumhuriyet, 8.09.2000
[43] Там же.
[44] Radikal, 25.10.2000.
[45] Подробные сведения см. Bulut, Faik. Ordu ve Din. – İstanbul, 1995. – С. 338-395.
[46] Cumhuriyet, 17.09.1995; Yeni Yüzyıl, 19.04.1995.
[47] Cumhuriyet, 16.09.1995.
[48] Yeni Yüzyıl, 20.04.1998.
[49] Cumhuriyet, 28.05.1999.
[50] Cumhuriyet, 8.09.2000, 12.09.2000; Sabah, 13.10.2000.
[51] Cumhuriyet, 8.09.2000; 10.09.2000.
[52] Milliyet, 29.08.2000.
[53] Sabah, 13.10.2000.
[54] Milliyet, 31.08.2000.
[55] Cumhuriyet, 8.09.2000.
[56] Tuşalp, Erbil. Cumhuriyetin öyküsü. Bin belge. – Ankara, 1987. – С. 290.
[57] Turkey 1981 Almanac. – Ankara, 1981. – С. 129, 130.
[58] Turkey. A country Study. 4-th edition. – Wash., 1988. – С. 80, 82.
[59] *Аксененко А.Г.* Борьба политических партий Турции за влияние на молодежь. 1920-1980. – М.: Наука, 1986. – С. 85-86.
[60] Tanlak, Ömer. İtiraf. Eski Ülkücü MHP'yi anlatıyor. 2-nci baskı. – İstanbul: Kaynak yayınları, 1996. – С. 9,10, 13-15.
[61] Cumhuriyet. 12.09.2000.
[62] Cumhuriyet, 14.09.2000.
[63] Там же.

[64] Küçük. Yalçın. Türkiye üzerine tezler. III. – İstanbul: Tekin yayınevı, 1986. – C. 445.

[65] Cumhuriyet, 14.09.2000

[66] Cumhuriyet, 12.09.2000.

[67] Poulton, Hugh. Top Hat, Grey Wolf, and Crescent. – N.Y. 1997. – C. 149-150.

[68] Akman Nuriye. Mebus burcu. – İstanbul: Dünya yayınları, 1999. – C. 88.

[69] Milliyet. 27.07.1996.

[70] Dünya, 10.10.1994.

[71] Dünya, 22.01.1996.

[72] Ülkü Ocağı Dergısı. Yıl 4. Sayı 43. – Kasım, 1997. – C. 2.

[73] Aydın, Erdoğan. Kabustan demokrasiye. Milliyetçilik, Şeriat ve Alevilik. – İstanbul, 1999. – C. 21-23.

[74] Cumhuriyet, 10.09.2000.

[75] Cumhuriyet, 8.09.2000.

[76] Radikal, 25.10.2000.

[77] Cumhuriyet, 11.09.2000.

[78] Время МН, 14.10.2000.

[79] Как видно, некоторые турецкие националисты никак не разберутся со своим происхождением и сферами особых интересов. Если они «по крови» тюрки – жители мифического Великого Турана, то при чем здесь албанцы, греки, черкесы, чеченцы, босняки. Если же перечисленные народы имеют прямое отношение к происхождению турецкой нации, то тогда какое отношение имеют современные турки к узбекам, казахам и другим тюркам? Вспоминаются слова одного персонажа из «Мертвых душ» Н.В.Гоголя: «Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону; весь этот лес, который вон синеет, и все что за лесом, все это мое».

[80] Sabah, 23.11.1999.

[81] Türkiye Çerkeslerinde Sosyo-kültürel Değişme. – Ankara: Kaf-Der, 1996. – C. 16.

[82] Независимая газета, 31.10.2000.

[83] Türk Dünyası Tarih dergisi. Mayıs 199. – C. 3.

[84] Маяк, 17, 18.10.2000.

Г.Г.Косач

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ В ПАЛЕСТИНСКОМ КОНТЕКСТЕ: ДВИЖЕНИЕ ХАМАС

В начале октября 2000 г. оба региона Палестинской автономии – сектор Газа и Западный берег реки Иордан – вновь стали ареной кровавых столкновений между их жителями и вооруженными силами Израиля. Гибли люди, которые еще накануне очередной вспышки насилия и вызванной ею взаимной ненависти, казалось бы, были готовы окончательно принять идею палестино-израильского урегулирования. Интифада мечети аль-Акса (*интифадат аль-Акса*), формальным поводом которой становилось посещение в конце сентября лидером блока израильских правых партий Ликуд А.Шароном Храмовой горы в Иерусалиме, сегодня - реальность. Ее инициаторы открыто говорили, что очередное выступление палестинцев продолжает традицию первой интифады времени конца 80-х – начала 90-х гг., потому что задачи, стоявшие тогда перед ее участниками, не были решены.

Сторонники идеи религиозной интеграции в арабском мире приветствовали новую интифаду: «Спасибо, Шарон! Осквернение мечети аль-Акса и все, что за этим последовало, вернуло нас истории. История же была вновь возвращена ее подлинным властителям и творцам!». Они говорили своим палестинским единомышленникам, что вновь наступает время «освободителя Иерусалима Салаха ад-Дина аль-Айюби», и сравнивали ХАМАС[1] с армией воевавшего с крестоносцами великого мусульманского полководца. Но речь шла и о большем, – А.Шарона благодарили за то, что «осквернение аль-Акса … вернуло этому месту значение первой мусульманской *каблы*[2], с которой ассоциируют себя миллионы людей, живущих в столицах, обычных городах и деревнях». Благодаря этому израильскому политику арабский мир, наконец-то, получал «стимул к самообъединению», – этим стимулом был гнев граждан стран, входящих в это региональное сообщество[3]. Под сомнение ставились представлявшиеся уже необратимыми результаты арабо-израильского мирного процесса[4]. На Ближнем Востоке призывали к конфронтации на межгосударственном уровне, сопровождаемой неизбежными в этом случае актами террора и слепой вражды.

Руководители ХАМАС – крупнейшего палестинского интегристского движения были не менее откровенны. Они заявляли, что видят свою задачу в том, чтобы создать на территории автономии «ситуа-

цию невозвращения» к положению, существовавшему до начала интифады мечети аль-Акса, когда национальная политическая элита, представленная руководством автономии, правящим там движением ФАТХ[5], а ранее Организацией освобождения Палестины (ООП), предала интересы собственного народа, начав процесс нормализации отношений с Израилем. Путь к созданию «ситуации невозвращения» должен был, по мнению ХАМАС, проходить через «эскалацию вооруженных операций, для проведения которых уже возникла благоприятная обстановка». Руководители движения подчеркивали, что их «выбор всегда заключался в том, чтобы содействовать усилению актов сопротивления, и прежде всего сейчас, когда приблизился этап окончательного урегулирования». Для этого движения «путь вооруженной борьбы – единственный способ возвращения оккупированных территорий», а «партизанские методы сопротивления… – наиболее приемлемый метод противостояния израильтянам»[6]. Воскрешалась не только лексика времени, представлявшегося ушедшим в прошлое, но и методы действия, - среди них вновь, в первую очередь террор, – к которому уже, как это выглядело еще недавно, не могло быть возврата. Источником и этой лексики, и соответствующих ей методов действия становилась традиционная политическая культура. Она же вырастала из практики патриархального социума, процесс модернизации которого осуществлялся в условиях национальной катастрофы.

Используя дестабилизацию обстановки, ХАМАС отвергал возможность прихода к каким-либо формам политического консенсуса. Он стремился занять ведущее место в процессе формирования национальной государственности, превратив своих соперников в сателлитов. Призывая нанести удар по Израилю и действуя в этом направлении, ХАМАС обращался к, видимо, наиболее адекватному инструменту противостояния палестинской администрации, действительно понятному и приемлемому для социума, который был ареной его деятельности. Это относилось и к линии его союзников в арабских странах.

1. ХАМАС: история становления и политическая платформа

В начале августа 1977 г. представителям израильской администрации в секторе Газа было вручено прошение о регистрации Мусульманской ассоциации (*Аль-Муджаммаа аль-ислямия*)[7]. Прошение определяло цели ее деятельности, заключавшиеся в том, что Ассоциация стремилась содействовать перестройке сфер образования, здравоохранения, благотворительности и улучшению условий жизни населения в духе нравственных идеалов ислама.

Эта просьба не вызвала сколь-либо существенных возражений. Деятельность созданного еще в конце 40-х гг. (когда сектор Газа перешел под контроль египетских властей) местного отделения движения «Братья-мусульмане» была, по сути дела, легальна с тех пор, как в июне 1967 г. этот регион был оккупирован израильскими вооруженными сила-

ми. Прагматические соображения политики заставляли новую администрацию видеть в мусульманском движении орудие противостояния влиянию объединенных в ООП групп национального действия.

В отличие от них Ассоциация апеллировала не к палестинской идентичности, а к абстрактной мусульманской нации. Эта нация должна была положить в основу своей жизнедеятельности фиксируемые Кораном нормы шариата, а не уже выработанные к тому времени ООП документы строительства государства. Наконец, мусульманские активисты Газы говорили о *«внутреннем джихаде»,* имея в виду восстановление подвергшихся забвению норм религиозной жизни, что и стало причиной возникновения в пределах «исторической Палестины» еврейского государства, а, в дальнейшем, оккупации им населенных мусульманами территорий. Мысль о *«внешнем джихаде»,* – против Израиля, легитимировавшая существование ООП в эпоху ее создания и в течение длительного периода ее существования, в момент регистрации Ассоциации отбрасывалась. Конечно, эта форма борьбы могла бы стать реальностью, но только в отдаленной перспективе, после всеобъемлющего возвращения *мусульманской нации* к шариату.

Противостояние между Ассоциацией и националистами возникало, однако, не в 70-е годы и не развивалось лишь в сфере теории. Это противостояние было частью пройденного сторонниками политического ислама исторического пути. Начатые Г.А. Насером в 1954 г. репрессии против действовавшего в секторе Газа (как и в Египте) движения «Братья-мусульмане», поддержанные палестинскими националистами, привели к тому, что в середине 60-х годов его местное отделение распалось. Но, одновременно, оно обрело собственных мучеников и героев, тех, кто подвергался арестам, преследованиям и заключению в концентрационных лагерях. Среди них – шейх Ахмед Ясин.

Мусульманская ассоциация, конечно же, отталкивалась от доказательств неэффективности действий националистов, казавшихся неопровержимыми тем, к кому обращались ее активисты. Доводами была сама реальность арабо-израильского противостояния, руководимого лидерами «героической» эпохи борьбы за «арабское единство» (Г.А.Насер был среди них ведущей фигурой). Этим лидерам не только не удалось ослабить еврейское государство, но они не смогли и остановить процесс расширения контролируемой Израилем территории. В 1956 г. сектор Газа был впервые оккупирован израильской армией. Но куда как более существенными становились последствия сокрушительного поражения арабских государств в войне 1967 г. На этот раз Израиль устанавливал свой контроль как над всей территорией «исторической Палестины», включая сектор Газа и аннексированные в конце 40-х гг. Иорданией Восточный Иерусалим и Западный берег р. Иордан, так и над сирийскими Голанскими высотами и египетским Синаем. Светский национализм как инструмент арабского национального возрождения, процесс эволюции которого жестко де-

терминировался необходимостью противостояния «сионистскому образованию в сердце арабской нации», демонстрировал свою ограниченность и несостоятельность.

Круг сторонников Ассоциации неуклонно расширялся. Ими становились жители лагерей беженцев на территории сектора Газа. Она укрепляла свое влияние в местной женской и студенческой среде. Наконец, в этот круг входили представители предпринимательской страты, крестьяне и рабочие, включая и тех из них, кто был занят на израильских предприятиях. В течение 1967-1986 гг. число мечетей в секторе Газа едва ли не удвоилось (с 77 до 150)[8]. Мусульманская ассоциация превращалась в ведущее общественно-политическое движение этого региона и переносила свою деятельность на Западный берег. Она уже могла бросить вызов не только ООП, базовой основой деятельности которой все еще оставалась внешняя по отношению к палестинским территориям среда диаспоры, но и влиятельным в течение всего периода 70-80-х гг. на Западном берегу (в определенной мере и в секторе Газа) и активно стремившимся к контактам с Организацией освобождения Палестины коммунистам. Израильские власти поощряли развитие Ассоциации.

Начало первой интифады в секторе Газа и на Западном берегу – 1987 г. меняло форму противостояния светским националистам. Ею становился «внешний джихад» – действия против Израиля. На основе Мусульманской ассоциации возникал ХАМАС – Движение исламского сопротивления – и его военизированное крыло «Изз ад-Дин аль-Кассам», названное именем героического для палестинцев политического и религиозного деятеля, погибшего в середине 30-х гг. в ходе вооруженного джихада против *ишува*[9]. Лидером ХАМАС становился шейх А.Ясин. Окружавший его еще с эпохи насеровских преследований «Братьев-мусульман» ореол героизма закреплялся арестом 1989 г. На этот раз его тюремщиками были израильтяне.

ХАМАС выходил на авансцену палестинской политической жизни, предлагая, как это казалось на первый взгляд, принципиально иное, чем ООП, видение будущего палестинского социума. Контуры этого видения, терминологически религиозного, демонстрировала выдвинутая этим движением в августе 1988 г. Исламская хартия – альтернатива Палестинской национальной хартии – основного документа его оппонента в эпоху 60-80-х гг.[10]

Палестина в пределах ее «исторических» границ – «от реки до моря»[11] – провозглашалась «вакфом» – исламской собственностью, «врученной будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня». Эта постановка вопроса предполагала, что, с точки зрения мусульманского права, какие-либо компромиссы в отношении палестинской территории недопустимы и незаконны. ХАМАС выступал как часть «всемирного движения» адептов политического ислама и, одновременно, как один из «отрядов движения «Братьев-мусульман» в Палестине»,

борющийся за «освобождение каждой пяди ее земли». Каждый мусульманин был обязан выполнить свой «священный долг» и не допустить успеха начинаний врагов мусульманской нации, плетущих заговоры, направленные на изменение статуса «исламской Палестины». Любая форма политического решения палестино-израильского конфликта исключалась, поскольку это «противоречило духу ислама». Инструментом решения конфликта мог стать только джихад с широким кругом его участников, прежде всего, палестинцев, поддерживаемых арабским региональным сообществом и мусульманским миром. Действия участников этого джихада должны были координироваться лозунгом «Аллах – это цель. Пророк – пример. Коран – конституция, джихад – путь, а смерть ради Аллаха – самое возвышенное стремление».

Тем не менее, значение жестко расставленных в Исламской хартии религиозных акцентов не могло ни преуменьшаться, ни преувеличиваться. Но в любом случае, эти акценты были обращены к той группе национального социума, которая уже в то время определялась палестинской политической речью как *муватынун* – жителям сектора Газа и Западного берега. Естественно, что в этой среде степень сохранения традиционных основ жизни, включая и религиозные нормы, была выше, чем среди палестинцев диаспоры. Более того, израильская оккупация, хотя и содействовавшая трансформации хозяйственных ориентации и социальной структуры муватынун, не меняла главного - их внутренней консолидации, выступавшей в качестве инструмента противостояния враждебной внешней силе. В списке приоритетов и предпочтений этой среды ислам едва ли мог занимать последнюю строку. Исследования палестинских социологов, отмечающих «центральную роль религии в определении ценностных установок палестинского общества»[12], подтверждали это.

Провозглашая себя действующим в Палестине отрядом движения «Братья-мусульмане», заявляя о том, что он борется за освобождение «каждой пяди ее земли», ХАМАС расставался с абстракцией мусульманской нации времени Мусульманской ассоциации. Он подчеркивал свой статус палестинской организационной структуры, возникавшей в пределах национальной территории и там же действовавшей. Исторические истоки его становления не были, в этой связи, сколь-либо принципиальны потому, что ни одна из действовавших в палестинской среде (как на оккупированных Западном берегу и в секторе Газа, так и за их пределами) организаций не могла с достаточным на то основанием выступать в роли идеологически, а часто и организационно автохтонной.

В момент формирования движения ФАТХ – несущей конструкции Организации освобождения Палестины – его основатели, среди которых был и Я.Арафат, находились в орбите влияния насеровской модели «арабского единства». Основными союзниками ФАТХ по ООП были выходцы из рядов Движения арабских националистов, сторонники близкой

к насеровской и баасистской общеарабской идеологии, стремившиеся соединить ее с марксистской доктриной – Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) и Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП). В рядах этой же широкой коалиции политических сил, а также примыкавших к ним общественных объединений и военных формирований находились организации, представлявшие две ветви панарабского баасизма – просирийская САИКА и патронируемый Ираком Фронт арабского освобождения. Наконец, только в 1982 г. возникла самостоятельная Палестинская компартия (ныне Партия народа), генетически связанная с коммунистической традицией времени между двумя мировыми войнами, привнесенной в подмандатную Палестину еврейскими переселенцами, и действовавшая после 1948 г. как составная часть коммунистической организации Иордании[13]. В свою очередь, широкое использование ХАМАС (как и ранее Мусульманской ассоциацией) окрашенной в религиозные тона лексики было, по сути дела, понятно. Он последовательно искал свое место в уже сложившейся иерархии национальных политических структур и лежавших в основе их деятельности идейных воззрений, занимая там ту нишу, которая в силу инерционной традиции, унаследованной входящими в ООП партиями и движениями от эпохи собственного становления, ими не использовалась.

Появление ХАМАС на политической арене сектора Газа и Западного берега и обнародование им Исламской хартии происходило в то время, когда ООП первоначально медленно, но, тем не менее, последовательно начинала движение в направлении радикального изменения основ собственной деятельности. Провозглашенная в ноябре 1988 г. XIX (чрезвычайной) сессией Палестинского национального совета Декларация независимости Государства Палестина, поддержанная не только ФАТХ, но и ДФОП, и коммунистами, становилась тому едва ли не наиболее весомым подтверждением в силу содержавшихся в ней принципиально новых поворотов темы «национального дела»[14]. Важнейшим из них становился панегирик в честь «великой, расширяющейся всенародной интифады». Отныне в ней, как подчеркивала Декларация, «воплощалась палестинская революция». Впервые в своей истории ООП провозглашала муватынун, а не диаспору, не только ведущим элементом структурирования национального социума, но и основным полем своей деятельности: «героизм участников интифады» позволял руководству ООП провозгласить «создание Государства Палестина на палестинской земле». Ради этого ООП признавала принятую в 1947 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюцию № 181 о разделе Палестины на «арабское и еврейское государства». Иными словами, палестинское руководство заявляло, что национальное государство оформит свои институты только в пределах части территории «исторической Палестины» и станет соседом Израиля. Акцент, поставленный на величии интифады, означал, что территория этого государства включит в себя лишь сектор Газа и Западный берег.

Кристаллизация точки зрения ООП достигла апогея во время ближневосточной мирной конференции, открывшейся в 1991 г. в Мадриде, когда представители палестинской и израильской сторон начали диалог по вопросам взаимного признания. 13 сентября 1993 г. Израиль и ООП подписали Декларацию о принципах, провозглашавшую их совместное желание «положить конец десятилетиям конфронтации и борьбы и достичь взаимного признания законных политических прав»[15]. В палестино-израильских отношениях наступало время «исторического примирения», путь к которому пролегал через создание «палестинского переходного самоуправления» (автономии – *Г.К.)* на Западном берегу и в секторе Газа. В мае 1994 г. лидер Исполкома ООП (одновременно и лидер ФАТХ) Я.Арафат переехал в Газу.

Эпоха первой интифады, позволившая ХАМАС играть одну из ведущих ролей в руководстве движением муватынун, заставляла его рассматривать национальное сообщество обоих палестинских регионов в качестве основного объекта приложения своих сил[16]. Усилиями собственных активистов ему удалось создать в то время разветвленную систему мобилизации жителей сектора Газа и Западного берега на решение задач противостояния израильской оккупационной администрации. Но инициированный ООП процесс нормализации палестино-израильских отношений корректировал то положение, которое представлялось ХАМАС естественным. Это движение не могло более играть существенную роль в национальном сообществе обоих палестинских регионов. И для этого были свои причины. В их числе и то, что уже к моменту начала первой интифады ООП была «единственным законным представителем арабского народа Палестины», добившимся признания арабского мира и международного сообщества. Она располагала поддержкой нефтедобывающих арабских государств зоны Персидского залива и Аравийского полуострова, становившихся ее основными финансовыми донорами[17]. Новый курс ООП был успешным и в силу внутрипалестинских обстоятельств.

События, связанные с массовыми выступлениями населения обоих палестинских регионов в конце 80-х – начале 90-х гг., создали миф о «жертвенном героизме» народа, содействовавшем становлению предпосылок его государственности. Этот миф был необходим как ООП, легитимировавшей, обращаясь к нему, изменения в сфере своей политики, так и ХАМАС, чье руководство утверждало, что цели интифады были преданы, поскольку «палестинский народ никому не вручал мандата на заключение подписанных в Осло соглашений»[18]. Слова одного из лидеров палестинского исламского движения доказывали, что все тот же миф лежит в основе претензий интегристов на ведущее положение в социуме муватынун. Но верил ли в него этот социум?

Данные проводившихся в 1995 г. Центром палестинских исследований в Наблусе (Center for Palestine Research and Studies) опросов общественного мнения показывали, что оценка респондентами собы-

тий конца 80-х – начала 90-х гг. была, по сути дела, негативной. Но речь шла не только и не столько об израильских репрессиях в отношении опрошенных (36% из их числа подвергались избиениям, оскорблениям, тюремному заключению или домашнему аресту). Вопрос касался и значительно более принципиальных последствий интифады для общества сектора Газа и Западного берега. 71% всех респондентов заявил, что итогом противостояния израильтянам стало «отдаление от религии». Не менее высоко было и число тех, кто считал, что интифада содействовала более широкому распространению безработицы (70% всех опрошенных), актов насилия со стороны участников волнений против своих соотечественников (68%). Для 62% всех участников опросов прямую ответственность за это насилие несли отказывавшиеся подчиняться родителям и в целом взрослым подростки, в среде которых все более распространялось употребление наркотиков. Проблема молодежной наркомании как итога эпохи первой интифады оказывалась важной для 64% всех опрошенных[19].

Общество стремилось к тому, чтобы в нем стал бы вновь «слышен голос Бога». Эта проблема была приоритетной для 80% всех опрошенных. Оно нуждалось в рабочих местах, дающих возможность поддерживать относительно достойный образ жизни (69% респондентов). И оно же, наконец, взывало к «безопасности и порядку», – эта задача была важнейшей для 66% всех участников опроса. Иными словами, интифада наносила социуму серьезную травму. Она разрушала основы его патриархального бытия (что никогда не было задачей израильской администрации). Лишь так, по сути дела, можно было оценивать то, что в центре общественного внимания оказывались вопросы пренебрежения религиозными нормами, подростковой преступности и отсутствия безопасности. Более того, все та же интифада обрекала членов этого социума, тесно связанных с израильской экономикой, на безработицу, итогом которой становилась моральная и физическая деградация их и членов их семей. Поддержка большинством населения обоих регионов нового курса ООП была в то время естественна и закономерна. В свою очередь, стремление общества избавиться от последствий травмы эпохи интифады столь же естественно и закономерно оттесняло ХАМАС от завоеванных им ранее позиций.

Предпринятая 18 ноября 1994 г. попытка его сторонников использовать силу против руководства автономии (кровавое столкновение между палестинской полицией и верующими, молившимися в мечети «Палестина» города Газа) закончилась беспрецедентными репрессиями против активистов политического ислама. На этот раз их осуществляли не израильские оккупанты, а палестинская власть. ХАМАС превращался в группу контрэлитарного действия, но возможности его влияния на палестинское общество вовсе не были исчерпанными. Проведенный в июне 1995 г. Иерусалимским центром информации и коммуникаций (Jerusalem Media & Communication Center) опрос общественно-

го мнения показывал, что если Я.Арафату доверяло 39,4% опрошенных на Западном берегу и в секторе Газа, то лидер ХАМАС шейх А.Ясин занимал в списке предпочтений палестинцев второе место (почти 11%). В свою очередь, ФАТХ лидировал среди действующих в среде муватынун политических образований: 46,6% всех респондентов заявили о своем доверии этому движению. Однако ХАМАС следовал непосредственно за этой организацией – 18,2%[20].

Но, быть может, в этой связи более важным моментом была не степень поддержки людьми того или иного политического лидера или партийного движения, а их ощущение возникавшей вокруг них ситуации. Отвечая на вопрос о том, «смогла ли интифада решить стоявшие перед ней задачи», участники уже приводившегося опроса Центра палестинских исследований в своем большинстве (40% респондентов Западного берега и 83% – сектора Газа) говорили «нет». Только 22% среди них считали, что эти задачи были осуществлены. Конечно, давая негативный или позитивный ответ на поставленный вопрос, респонденты не сталкивались с необходимостью определения того, какой смысл вкладывался в выражение «задачи интифады». Если понимать его как «создание палестинского государства», то оно не было создано. Напротив, время, прошедшее после окончания интифады, доказывало участникам опроса, что путь к обретению государства еще слишком долог. Если же считать, что задачей восстания было заключение мира с Израилем и признание еврейского государства, то эта задача была, конечно же, решена. Но могло ли палестинское общество, включая и социум Западного берега и сектора Газа, в течение десятилетий культивировавшее в себе воспоминания о катастрофе 1948 г., считать этот итог событий реальной задачей интифады?

Респонденты Центра в Наблусе говорили, вместе с тем, что события конца 80-х – начала 90-х гг. «придали остроту внутренним проблемам общества» (49% опрошенных на Западном берегу и 32% в секторе Газа), подчеркивая при этом, что эти проблемы далеки от того, чтобы ими занималась вновь создаваемая администрация автономии[21]. Вокруг них возникал вакуум, и они не видели реальной возможности выхода из него, хотя власть говорила им о мире как предпосылке созидания национальной государственности и о том, что национальная цель в конце концов становилась объектом действительной реализации. Однако на самом деле многие жители автономии чувствовали себя преданными. Интифада оказывалась нужной не ее участникам, а элите, политически поддерживаемой Израилем и экономически – Западом и нефтедобывающими странами Залива[22]. Это ощущение, вытекавшее из реальностей периода становления государственности, превращалось в фактор доверия жителей автономии к ХАМАС.

Ситуация, складывавшаяся в сообществе муватынун в течение всего времени 90-х гг., демонстрировала тесную зависимость между влиянием ХАМАС и воздействием на эволюцию палестино-израиль-

ского мирного процесса (и как производного от него – становления палестинской государственности) политики израильских властей и палестинского руководства. Репрессии против сторонников политического ислама ни в коей мере не прекращали их деятельности, и это происходило потому, что формирование «национальной власти»[23], призванной изменить положение населения сектора Газа и Западного берега, во многом не оправдывало возлагавшихся на власть надежд. Конечно же, действия израильских властей содействовали развитию такого рода тенденций. Сельское население обоих палестинских регионов продолжало испытывать огромное давление со стороны военных властей и официальных структур Израиля, продолжавших оправдывавшийся соображениями безопасности курс на сохранение выведенных из-под юрисдикции властей автономии еврейских поселений. Периодическое блокирование территории этих регионов израильской армией оказывало воздействие, в первую очередь, на палестинских рабочих, подавляющая часть которых связана с израильским рынком труда. И уж, конечно же, изменение ситуации не приносило сколь-либо значимых выгод жителям лагерей беженцев, продолжавшим выживать благодаря помощи международных организаций и благотворительности израильских левых. Более того, начавшийся мирный процесс оказывался на самом деле замедленным, его участники даже не предполагали, что в обозримой перспективе ими будут решены вопросы полномасштабного вывода армии Израиля с территории автономии, передачи палестинским властям Восточного Иерусалима, возвращения беженцев и, наконец, провозглашения палестинской государственности.

Но, однако, причина сохранения влияния ХАМАС в среде муватынун крылась, в первую очередь, в действиях вновь возникшей палестинской администрации в зонах, выведенных из-под израильского военного контроля. Значительную долю противников нормализации палестино-израильских отношений составляла молодежь в целом, и особенно группы получивших образование палестинцев. Начало создания национальной государственности не приводило к радикальному изменению положения в этой среде. Молодежь, прежде всего образованная, оставалась невостребованной. Ее ожидала участь рабочих на израильских предприятиях или эмиграция. Но вопрос не ограничивался только этим.

Палестинские национальные институты формировались, в первую очередь и в основном, за счет выходцев из эмигрантской среды и тех, кто демонстрировал лояльность «национальной власти». Становление этих институтов испытывало воздействие клановой структуры сообщества «муватынун». В процессе их создания руководство автономии устанавливало тесные отношения с авторитетными в секторе Газа и на Западном берегу семьями земельной знати и торговых предпринимателей (последние часто принадлежали к хри-

стианскому меньшинству). Возникавшая представленная «неонотаблями»[24] политическая система сужала казавшиеся в эпоху первой интифады неограниченными процессы социальной мобильности. Оттесняемые от власти общественные группы становились опорой сторонников политического ислама, превращавших неудачи процесса нормализации в основной инструмент собственной легитимации.

Став контрэлитарной силой, ХАМАС стремился добиться ведущего положения в рамках сообщества муватынун, используя, в первую очередь, уже известную его потенциальным сторонникам риторику соперника. Речь шла, конечно, о том времени деятельности ООП, который предшествовал принятию Декларации независимости Государства Палестина и, разумеется, началу процесса прямого палестино-израильского диалога. По сути дела, ХАМАС во многом повторял недавний дискурс Организации освобождения Палестины, но делал это ради того и так, чтобы подчеркнуть, что его соперник, продвигаясь к политической гегемонии на территории автономии, последовательно отходит от ранее выдвигавшихся им и понятных обществу целей и задач борьбы. Иными словами, риторика самого ХАМАС представала как «возвращение» к уже отброшенным ООП (и прежде всего ФАТХ) положениям ее собственной идеологии. Одновременно, семантически окрашивая эти положения в религиозные тона, ХАМАС не только доказывал, что они все еще сохраняли свою актуальность, но и подчеркивал их едва ли не экзистенциальный характер.

«Историческая Палестина», тот самый мусульманский вакф в границах «от реки до моря», была не только аналогом такого же, по сути дела, мифического пространства, которое в Палестинской национальной хартии квалифицировалось как «нерасчленимое территориальное единство в границах времени британского мандата»[25]. «Мусульманская Палестина» приобретала «сверхъестественное и мистическое измерение», где всегда происходило «столкновение цивилизаций». Речь более не шла о развивающемся на ее территории «политическом конфликте», но о конфликте между мусульманами и «мировым злом», а «существование Израиля в ее пределах» было воплощением «схемы господства и проникновения» этого «зла» в мир ислама[26]. В свою очередь, требование ООП о превращении Иерусалима в столицу Палестины в рамках дискурса ХАМАС становилось «тестом», доказывающим «идейное превосходство» ислама над иными религиозными доктринами. Одновременно выраженная в Палестинской национальной хартии мысль о появившейся благодаря Палестине «палестинской личности» (*«аш-шахсыйя аль-филистынийя»*) не была только параллелью идеи ХАМАС о неразрывности, определенной Божественным провидением, связи между Палестиной и мусульманами. Задача «освобождения Палестины», ставившаяся Национальной хартией, для ХАМАС становилась средством достижения более высокой цели – «возрождения мира ислама» на основе «под-

линных ценностей» этой религии. ХАМАС значительно расширял круг своих сторонников, – если в случае ООП им был арабский мир, то для ее противника им становился мир ислама, всего лишь частью которого выступало арабское региональное сообщество. Руководству автономии говорили, обращаясь к тексту Исламской хартии, что ХАМАС готов перейти под его полный контроль тогда, когда оно начнет рассматривать ислам «как путь, определяющий жизнь»[27].

Дискурс ХАМАС был важен, по меньшей мере, с точки зрения двух наиболее принципиальных его аспектов. Во-первых, он представлял своим сподвижникам неопровержимую, далекую от каких-либо рациональных объяснений и не допускающую дискуссий мифологию. Эта мифология была, вместе с тем, действенной, когда требовалось доказать факты предательского оппортунизма палестинского руководства и поддерживающих его групп политического действия. Более того, эта мифология отнюдь не была рассчитана только на безусловных сторонников политического ислама. В сферу ее влияния оказывались втянутыми люди «улицы», формально поддерживающие ФАТХ или другие лояльные Я.Арафату организации ООП. Сегодняшние палестинские исследователи отмечают, что «мирный процесс способствовал возникновению в рядах ФАТХ беспрецедентной по сравнению с прошлым и жесткой борьбы». И в этой связи они подчеркивают: «В силу того, что это движение всегда предпочитало строить себя на основе принципа личной лояльности, а не создания жесткой иерархической структуры, вновь начавшийся этап его деятельности несет в себе более серьезные, чем это было раньше, возможности возникновения политической борьбы между сторонниками различных групп интересов. Эта борьба еще переживет этап будущей эскалации»[28]. Созданная первой интифадой ситуация широкой социальной мобильности ни в коей мере не сопровождалась столь же широким вовлечением нынешних сторонников ФАТХ (в равной мере и приверженцев его союзников) в создаваемые в автономии структуры власти и, разумеется, не привела к коренному изменению статуса и материального положения большинства из них. События второй интифады становились тому очевидным доказательством.

Во-вторых, этот дискурс вновь воскрешал и легитимировал, но уже с помощью апелляции к Божественному праву, культивировавшуюся ранее ООП идеологию *«возмездия и возвращения»*. Но если прежде ее базой были лагеря беженцев в арабских странах, диаспора, то отныне ею становились муватынун в границах национальной территории. Они обретали реального врага – тесно связанных с Израилем национальных «ренегатов», представленных администрацией автономии. Лидеры ХАМАС утверждали, что «палестинская власть подчинена израильской политике и лишь вводит в заблуждение палестинский народ»[29]. Создаваемая же ею политическая система, формирование которой игнорирует принципы ислама, «преступна», по-

скольку «лишь ислам – путь арабских и мусульманских обществ к их подлинному спасению и возрождению». Эта система, по их мнению, становилась «преступна вдвойне», - отвергая религиозные основы построения государственности, «национальная власть» становилась «псевдонациональной и просионистской»[30].

Цитируемые слова были открытым призывом к выступлению против тех, кто возглавлял автономию. В этот раз они произносились перед участниками научной конференции. Но сколь же яркими, полными еще более четких призывов к ликвидации «пособников мирового зла» – Израиля и его палестинских «сторонников» – были проповеди в палестинских мечетях, произносимые все теми же религиозными деятелями. Об их воздействии на слушателей уже не приходится говорить. Это воздействие, естественно, не могли изменить какие-либо рассуждения о сложности положения администрации Палестинской автономии, о том, что она выступала в роли реального участника развивающегося политического процесса, а ХАМАС был всего лишь оппозицией. Итогом произносившихся его руководителями слов, становившихся практикой действия действительно обездоленных и униженных людей, были террор, насилие и кровь. Но слова апеллировали к Божественному откровению, своим отблеском освящавшему действия. Так было в годы первой интифады. Так происходит и в ходе интифады мечети аль-Акса.

2. ХАМАС: попытка создания портрета сторонника движения

Как создать этот портрет? Видимо, для этого стоит учесть многие факторы, среди которых, несомненно, степень религиозности, уровень образования и доходов, обладание информацией о проходящих на Ближнем Востоке и в мире процессах, пол и, наконец, возраст. Но в любом случае, этот портрет может стать действительно убедительным, если он будет сопоставлен с портретом того, кто выступает в роли противника политического ислама. Активист ФАТХ должен стать для этого наиболее подходящей кандидатурой. Впрочем, в определенной мере (в силу сегодняшней маргинальности их положения) речь может идти и о приверженцах других палестинских партий.

Степень религиозности мусульманина обычно определяется тем, насколько строго он соблюдает традицию обязательных ежедневных молитв и поста в месяц рамадан. Среди сторонников ХАМАС 83% респондентов заявили, что они «молятся постоянно»[31], а 97% «всегда соблюдают пост». Но в группе сторонников ФАТХ «постоянно молятся» 56% опрошенных, а 90% - «всегда соблюдают пост». Одновременно 45% сторонников левых (Партия народа и ФИДА[32] – вышедшая из ДФОП фракция во главе с Я.Абд Раббо, ставшим политическим советником Я.Арафата) соблюдают все ежедневные молитвы, а 74% среди них постятся. Если «верующими» назвали себя 59% респон-

дентов группы поддерживающих ХАМАС, то для приверженцев ФАТХ и левых эти показатели составляют соответственно 38 и 26%[33].

Обычно связываемые с религией представления традиционного патриархального общества не могут быть проигнорированы при анализе политических предпочтений палестинцев. В какой степени, в частности, это касается их представлений о социальной роли женщины и ее участии в проходящем в автономии политическом процессе?

Так, 48% сторонников ХАМАС «полностью согласны» с традицией «пребывания женщины в доме» или, иными словами, с идеей отказа женщины от работы за его пределами. Однако 60% симпатизирующих ХАМАС заявили о своей безусловной поддержке права женщины на развод, 96% в их среде считали необходимым содействовать созданию условий, обеспечивающих равноправие женщины и мужчины, 60% приветствовали присутствие женщин в парламенте. Наконец, 54% членов этой группы были сторонниками «пересмотра мусульманского законодательства, касающегося женщин».

Тем не менее, здесь принципиальна и точка зрения сторонников ФАТХ: 33% среди них не были согласны с тем, что женщины имеют право работать за пределами дома. При этом 64% респондентов этой группы считали, что женщина имеет право на развод, а 95% выступали за равноправие женщины с мужчиной. Одновременно 79% приверженцев ФАТХ поддерживали присутствие женщин в парламенте, а идея пересмотра религиозного законодательства в отношении женщин поддерживалась 66% респондентов.

Не менее важным было и отношение сторонников ХАМАС и ФАТХ к наиболее ярким нормам шариата. Так, 72% членов первой группы выступали за обязательное введение хиджаба (чадры – *Г.К.),* но для сторонников ФАТХ этот показатель составлял 46%. Далее, 87% сторонников ХАМАС считали необходимым отрубать руку вору. Эта норма пользовалась поддержкой 78% приверженцев ФАТХ. Наряду с этим 67% последователей политического ислама считали, что их интересам в наибольшей степени отвечает государство, основанное на принципах «исламского халифата», а в группе сторонников ФАТХ этой же идее политического устройства симпатизировали 37% участников опроса. Наконец, 86% сторонников ХАМАС заявили о своей поддержке лозунга «ислам – это решение» *(«аль-ислам хувва аль-халль»).* Но и 60% последователей ФАТХ согласились с этим лозунгом.

Возникала во многом парадоксальная ситуация. Политические предпочтения людей, конечно же, недостаточно коррелировались с их религиозными воззрениями и социальными установками. Разумеется, для сторонников ХАМАС показатель религиозности был более существенен, чем для их оппонентов. В равной мере это относилось и к их позиции по комплексу вопросов, связанных с женской эмансипацией, нормами уголовного права и государственного устройства. Тем не менее, стоило бы предположить, что отсутствие жесткой связи

между прокламируемыми теми или иными группами респондентов политическими убеждениями и их жизненными ориентирами доказывало лишь, что речь идет о достаточно однородном с точки зрения уровня его внутреннего размежевания сообществе. Но более существенно и другое обстоятельство, – в рамках этого сообщества все более активизируются те его страты, которые еще вчера оказывались вне сферы широкого участия в политике. ХАМАС, апеллируя к религиозной риторике, предоставлял им реальную возможность вступить в развивающийся процесс становления и национального социума, и национального политического пространства.

Но тем не менее, важны и другие факторы, которые могут воздействовать на политический выбор жителя Западного берега и сектора Газа. Среди них уровень образования и материальное положение.

Конечно же, уровень образования оказывал влияние на степень религиозности муватынун. Данные Центра палестинских исследований в Наблусе показывали, что среди сторонников ХАМАС доля неграмотных выше (43%), чем ФАТХ (39,2%). Поддержка интегристов имеет тенденцию к понижению в зависимости от роста уровня образования респондентов. Среди выпускников средних школ ХАМАС поддерживало 26,1% (ФАТХ – 42,9%), а лиц с университетским образованием соответственно 29,3% и 41,3%. При этом качество образования также становилось фактором, оказывающим влияние на политический выбор респондентов. Сторонники ХАМАС были более значительны среди выпускников школ, финансируемых Ближневосточным агентством ООН помощи палестинским беженцам (31,9%), чем государственных (26,3%) или частных (14,3%) школ. Однако степень поддержки выпускниками тех же школ ФАТХ (41,2%, 45,1% и 39,6% соответственно) был также показателен.

Конечно, профессия респондентов становилась фактором, оказывающим свое воздействие на их политические предпочтения. Студенты, крестьяне и домашние хозяйки были теми группами, представители которых в немалой степени симпатизировали ХАМАС (34,1%, 33,3% и 34% соответственно). Но не менее значительное число членов этих профессиональных страт поддерживало ФАТХ (38,8%, 36,1% и 48,8%). В свою очередь, доля поддержки ХАМАС среди рабочих составляла 28,5% (48,4% – ФАТХ), государственных служащих – 23,2% (ФАТХ – 50,5%), торговцев – 16,9% (44,4% для ФАТХ), ремесленников – 26,4% (его противник – 51%) и лиц технических профессий -14,9% (ФАТХ – 36,3%). Но, вопреки ожиданиям, симпатии к ХАМАС падали в среде безработных, составив лишь 21,7% (55,2% сторонников ФАТХ), и отсутствовали среди пенсионеров (соперника интегристов в рядах этой группы поддерживали 31,8% опрошенных). Принципиально и другое, – в среде жителей лагерей для беженцев на территории Западного берега и сектора Газа ХАМАС симпатизировали 27,7% (ФАТХ – 42,2%). В группе тех, кто не является беженцами, доля поддержки ХАМАС достигала 28,4%, а ФАТХ – 44,3%.

Уровень доходов опрошенных отнюдь не всегда был жестко привязан к их политической ориентации. В среде тех респондентов, ежемесячный доход которых был ниже 300 иорданских динаров[34], ХАМАС симпатизировали только 29,8% опрошенных[35], а ФАТХ – 45,4%. В группе респондентов, уровень доходов которых колебался между 300 и 600 динарами, эта доля падала, составляя 25,8% для ХАМАС и 41,9% для ФАТХ. В свою очередь, число сторонников ХАМАС становилось значительнее среди тех, кто имел доходы от 600 до 900 динаров – 33,4% (32,8% для ФАТХ), но вновь уменьшалось в группе имеющих доходы свыше 900 динаров – 16,5% (доля симпатизирующих ФАТХ среди них составляла 38,9%).

Обладание информацией о событиях на Ближнем Востоке и в мире все также недостаточно соотносилось с политическими пристрастиями палестинцев. Если ХАМАС поддерживали 38,5% никогда не слушавших радио и 34,7% никогда не читавших газет, то ФАТХ соответственно 29,6% и 37,1%. В свою очередь, среди приверженцев интегристов 29,4% слушали радио «один-два раза в неделю» (39,4 среди сторонников ФАТХ) и 27% «два-три раза в неделю читали газеты» (для ФАТХ 47,4%). Наконец, 24,6% среди них «слушали радио больше трех раз» (ФАТХ – 51,3%) и 23,5% «от четырех до семи раз читали газеты» (доля противника ХАМАС составляла 43%).

Сторонники ХАМАС присутствовали как среди жителей городов (24,5%), так и деревень (31,3%) и лагерей беженцев (32,8%). В свою очередь, для ФАТХ эти данные составляли соответственно 40, 47 и 40%. Интегристов поддерживало не менее 24,6% опрошенных мужчин (ФАТХ – 47,8%) и не менее 31,6% женщин (ФАТХ – 39,2%). Наконец, присутствие ХАМАС было заметно во всех возрастных группах муватынун, колеблясь от 31,4% в группе 18-22 лет до 27% в группе свыше 50 лет. Для ФАТХ эти данные составляли соответственно 44% и 30%.

Конечно же, эти данные относительны и, порой, отрывочны. А создаваемый на их основе портрет сторонника ХАМАС не будет идентичен портрету того, кто симпатизирует ФАТХ. Но, тем не менее, говорить о приверженце ХАМАС как о выходце только из низших слоев населения, отдавшем себя служению бесплодному идеалу, абсолютном ретрограде или безответственном юноше ни в коей мере не приходится. Более того, по многим своим параметрам портрет приверженца ХАМАС имеет тенденцию приближаться к образу активиста ФАТХ. И этому, видимо, есть логичное объяснение.

Сторонник ХАМАС – это житель, прежде всего, сектора Газа (30,7% его жителей поддерживали это движение) и в меньшей степени – Западного берега (26,8%). Приверженцами ФАТХ в секторе Газа были 42,3% и на Западном берегу 43,9% всех опрошенных. Но география распределения сторонников ХАМАС и ФАТХ в каждом из регионов имела свои особенности.

Сторонники ХАМАС были влиятельны в городе Газа (37,5% всех местных респондентов), опережая здесь приверженцев ФАТХ (36%). Степень поддержки интегристов была существенна на севере сектора Газа (35,9%), где расположены города Хан-Юнис и Рафах, но здесь были значительны и те, кто симпатизировал ФАТХ (49,2%). По мере же продвижения к югу этого региона рейтинг ХАМАС понижался и, напротив, влияние ФАТХ росло. Для районов центральной зоны сектора эти показатели составляли соответственно 29,3 и 41,8%, а для районов южной – 13,9 и 50,5%.

В городах Западного берега регионы влияния ХАМАС и ФАТХ также различались. Если в Тулькараме и Дженине рейтинг ХАМАС составлял соответственно 37,7 и 30,8% (для ФАТХ эти показатели равнялись 40,2 и 51,2%), то в Хевроне – 29% (42,5% для ФАТХ), Вифлееме – 25,5% (30%), Наблусе – 24,8% (54%), Рамалле – 21,8% (40,8%), Восточном Иерусалиме *(Аль-Кудс)* – 18,1% (40%) и Иерихоне – 16,2% (59,9%). При этом относительно низкие показатели влияния ФАТХ, как и ХАМАС, в частности, в Вифлееме, Рамалле или Восточном Иерусалиме компенсировались за счет роста в этих городах числа сторонников Партии народа и ФИДА. Число приверженцев ХАМАС было значительно в лагерях беженцев (32,8% всех опрошенных резидентов этих лагерей) и в селах (31,3%). Но рейтинг ФАТХ составлял там соответственно 40 и 47%. В поселках городского типа степень влияния ХАМАС и ФАТХ приближалась соответственно к 20,5 и 50,1%, а в городах – к 24,5 и 40%.

Очевидно, что географическое распределение зон влияния ХАМАС в границах обоих палестинских регионов лишь опосредовано связано с его, казалось бы, основными причинами (наличие, например, в том или ином районе еврейских поселений). Значительная доля приверженцев ФАТХ в Газе и на севере сектора, как, впрочем, и преимущественное влияние правящей в автономии партийной группы в Наблусе и Хевроне, а также в целом незначительное присутствие ХАМАС в Восточном Иерусалиме только подтверждают это. Вместе с тем ХАМАС отнюдь не может рассматриваться как движение, поддерживаемое в основном жителями лагерей беженцев, сел или поселков городского типа. Их население в большей мере симпатизирует ФАТХ. Иными словами, организационные структуры палестинских интегристов – феномен городов, к которым лишь примыкают сельские жители. Это демонстрирует снижение симпатий к ним в сельских и полукочевых районах центральной и южной зон сектора Газа, где отсутствуют городские поселения.

В свою очередь, степень влияния ХАМАС недостаточно коррелируется и с экономическим состоянием того или иного района в пределах обоих регионов автономии – Западного берега и сектора Газа. Можно было бы предположить, что высокий уровень симпатий к этому движению в Тулькараме и Дженине определяется их статусом зон

хозяйственной депрессивности, однако там значительна поддержка, оказываемая ФАТХ. Но рейтинг ХАМАС высок в тех районах Западного берега, которые ни в коей мере не могут рассматриваться как зоны экономического упадка или стагнации. Это – Хеврон, Вифлеем и Наблус с их развитой системой ремесленного и промышленного производства, а также индустрией туризма. В определенной мере ХАМАС влиятелен и в Рамалле, где в настоящее время находятся основные государственные институты автономии, а сам город переживает эпоху бурного развития. Но это не характерно для Восточного Иерусалима, где почти исчезли местные ремесла, невысока коммерческая активность (опирающаяся на товары израильского производства), а туристический бизнес (испытывающий негативное воздействие политических событий) полностью контролируется фирмами, действующими в еврейском Западном Иерусалиме. В городе, где расположены важные мусульманские святыни – мечеть аль-Акса и мечеть Скалы, уровень симпатий к ХАМАС ощутимо низок.

Становление палестинской государственности сопровождается сегодня и становлением национального политического пространства. Это пространство формируется, прежде всего, за счет порой радикального пересмотра соотношения сил между действующими в обоих регионах старыми и новыми семейными кланами, ведущими жестокую борьбу за свое включение в иерархию влияния в рамках государственного аппарата. В конечном итоге, в условиях, когда этот процесс находится только на своем начальном этапе, речь идет о том, какая региональная группировка муватынун окажется в центре и формируемого национального политического пространства, и, соответственно, государства. При этом новые, ранее минимально учитывавшиеся в местной политике центры влияния, наиболее ярким примером которых становится Газа, Дженин и Тулькарам, стремятся оттеснить прежде значимые города (в первую очередь Восточный Иерусалим) и связанные с ними региональные клановые группы. В этой связи особенно показателен пример Вифлеема – географически пригорода Иерусалима – с его все еще значительным христианским населением. Впрочем, уровень поддержки ХАМАС в палестино-христианской среде составляет в целом 8,8% (в палестино-мусульманской – 29%).

ХАМАС, сферой действия которого всегда была среда муватынун, выступает как один из наиболее ярких выразителей тенденции формирования нового национального политического пространства. Его противостояние ФАТХ в первую очередь регионально, а сторонник местного интегризма - это, в частности, выходец из прежде политически непрестижного региона, стремящийся наиболее радикальным способом добиться изменения статусного состояния и этого региона, и, естественно, собственного. Иные штрихи портрета сторонника ХАМАС лишь соотносятся с этой основной его чертой.

Ради этого сторонники ХАМАС становятся последовательными и решительными сторонниками демократических ценностей. Данные Центра палестинских исследований в Наблусе являются тому едва ли не наиболее ярким подтверждением. Так, 81% всех сторонников ХАМАС выступает в качестве активных поборников политического плюрализма (в случае ФАТХ – 70%). В равной мере это относится и к идее «свободных и честных выборов» в органы исполнительной власти автономии – 95% респондентов-приверженцев ХАМАС (92% – ФАТХ). В этой связи возникает, однако, серьезный вопрос, связанный с тем, насколько жестко рядовые сторонники ХАМАС следуют провозглашаемым их организацией задачам.

Формально сторонники ХАМАС более пессимистично, чем их оппоненты из числа приверженцев ФАТХ, оценивают возможности политического урегулирования палестино-израильского конфликта. Данные Центра палестинских исследований в Наблусе лишь подтверждают это. Если 32% его респондентов, представляющих правящее в Палестинской автономии движение, считают, что «палестино-израильское сосуществование возможно», то в среде их политических конкурентов эта доля значительно ниже – 13%. Если 91% опрошенных, симпатизирующих движению ФАТХ, поддерживают палестино-израильские переговоры, то в группе тех, кто стоит на стороне ХАМАС, это число составляет только 50%. В свою очередь, идее «поддержки вооруженных акций против израильских гражданских лиц» симпатизирует 12% сторонников ФАТХ, а ХАМАС – 32%. В равной мере это относится и к идее «поддержки вооруженных акций против израильских военных объектов» – соответственно 63 и 79%.

Идентичные подходы к вопросу об отношении приверженцев обеих организаций зафиксированы и Иерусалимским центром информации и коммуникаций в ходе проведенного им в феврале 1996 г. опроса. Его цель заключалась также и в выяснении отношения палестинского общественного мнения к требованию израильской стороны о внесении изменений в текст Палестинской национальной хартии как одном из условий урегулирования двусторонних отношений. Если в группе сторонников ФАТХ доля согласившихся с этим требованием составляла 7,7% (не согласившихся – 22,4%), то в группе симпатизирующих ХАМАС – 4,9% (не согласившихся – 45,8%). Наряду с этим в обеих группах опрошенных число сторонников внесения изменений в этот важнейший документ ООП при условии «создания независимого палестинского государства» составляло соответственно 58,3 и 34,7%[36].

Итоги проведенного все тем же Иерусалимским центром в начале марта 1996 г. опроса жителей Восточного Иерусалима в связи с произошедшими в то время вооруженными акциями ХАМАС в Тель-Авиве были (несмотря на ограниченный характер опроса) не менее интересны. Почти 65% респондентов осудили эту акцию и чуть более 5% поддержали. При этом ее осудили более 60% сторонников ФАТХ и

24% приверженцев ХАМАС, 60,5% опрошенных согласились с мыслью о том, что подобные операции «не будут содействовать решению задачи создания независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме». Среди симпатизирующих ФАТХ с ней солидаризировалось 54,3% респондентов, ХАМАС – 18,3%. Наконец, отвечая на вопрос о том, «должны ли израильтяне вести прямые переговоры с ХАМАС, вести ли их через палестинскую администрацию или не вступать с ним ни в какие формы диалога», практически никто из участников опроса не выбрал третий вариант ответа. Их подавляющее большинство (55,1%) считало, что эти переговоры следует вести «через палестинскую администрацию». Эта мысль поддерживалась всеми приверженцами ФАТХ и почти 40% сторонников ХАМАС. В свою очередь, 18,6% последователей политического ислама предполагали, что Израиль может вступить в прямой диалог с ХАМАС[37].

Восточный Иерусалим в период до начала интифады мечети аль-Акса не мог, конечно же, рассматриваться в качестве сферы безусловного влияния ХАМАС. Но, тем не менее, данные, свидетельствующие о значительном разбросе мнений проживающих в нем сторонников этой организации в отношении действий, предпринятых ее членами на территории Израиля, говорят о многом на фоне итогов более масштабных опросов общественного мнения в среде муватынун. И, быть может, наиболее важным выводом из них становится предположение о том, что точка зрения сторонников ХАМАС в отношении его подходов к Израилю, а также палестино-израильскому урегулированию далеко не в полной мере соответствует положениям Исламской хартии. Факторы реальной жизни становятся для них порой куда весомее, чем идея джихада или восстановления Палестины как неотчуждаемого мусульманского вакфа.

Но речь идет и о реальных процессах созидания палестинской государственности. И здесь поставленный выше вопрос становится еще более принципиальным.

20 января 1996 г. на территории палестинской автономии были проведены первые выборы ее президента (главы автономии) и депутатов Палестинского законодательного совета (парламента). Как президентские, так и парламентские выборы были альтернативными (противником Я.Арафата выступала известная общественная деятельница С Халиль). В канун проведения выборов интегристские и национально-радикальные партии и движения отказались в них участвовать. ХАМАС не стал в этом случае исключением.

За четыре дня до даты проведения выборов Иерусалимский центр информации и коммуникаций провел опрос общественного мнения на территории обоих палестинских регионов. Его итоги подтверждали справедливость предположения об отсутствии жесткой связи между программными положениями ХАМАС и позицией его сторонников. Так, среди членов этой группы респондентов при ответе

на вопрос о том, «кому из палестинских лидеров вы доверяете», только 12,3% выразили свою поддержку шейху А.Ясину, а 13,5% – Я.Арафату. Однако при этом 9,5% членов этой группы поддержали одного из ведущих руководителей «независимых», бывшего главу палестинской делегации на палестино-израильских переговорах в Мадриде и Вашингтоне Х.Абдель Шафи, а 2,7% – официального представителя этой делегации христианку Х.Ашрави, выдвинувших свои кандидатуры в парламент.

Существенно и другое обстоятельство, – 62,8% сторонников ХАМАС заявили, что в ходе выборов они могут проголосовать за кандидатов, не являющихся представителями их партийной структуры. Для 40% из них были важнее «личные качества» кандидатов, а не партийная принадлежность. «Ошибочным» считали решение своего партийного руководства бойкотировать выборы 43,9% членов этой же группы (39,9% опрошенных поддержали это решение), а 62,8% из них заявили о том, что примут участие в выборах главы автономии (62,4% сторонников ХАМАС собирались поддержать Я.Арафата, а 16,1% – С.Халиль)[38]. В дальнейшем же, месяц спустя после проведения выборов немногим более 22% сторонников ХАМАС были полностью оптимистичны в отношении деятельности национального парламента. Одновременно 31,9% его сторонников выражали свой «осторожный оптимизм» в связи с началом работы Палестинского законодательного совета. Причем 15,3% приверженцев этого движения говорили, что депутаты Совета «выражают их мнение», а 31,3% – «в определенной мере выражают их мнение». Наконец, 26,4% всех участвовавших в опросе сторонников ХАМАС отмечали, что Палестинский законодательный совет «выражает интересы палестинского народа на Западном берегу и в секторе Газа, а ООП выступает как единственный законный представитель палестинцев, где бы они ни проживали»[39].

Это был действительно принципиально новый поворот. Портрет сторонника ХАМАС приобретал благодаря ему еще более четкие черты, доказывавшие, что речь идет о реальных людях, чаяния которых отнюдь не могут быть определены только лишь их религиозно нюансированными политическими убеждениями. Но эти новые черты вновь ставили вопрос о причинах активной поддержки сторонниками ХАМАС Я.Арафата (по крайней мере, на этапе формирования структур исполнительной и законодательной власти автономии). И они же заставляли размышлять о том, как сочетается их лояльность по отношению к собственным политическим лидерам с выражением доверия представителям «независимых», выходцам из среды традиционных «неонотаблей», становившихся опорой «национальной власти» на территории автономии. Регионализм, выступавший в качестве побудительного мотива поддержки ХАМАС, начинал, видимо, обретать иные формы своего проявления, приспосабливаясь к власти и тем, кто в новых условиях существования социума муватынун становился

ее опорой. Но, в таком случае имела ли администрация Палестинской автономии возможность инкорпорации своего противника, и как она действовала, решая эту задачу? Почему, в конечном итоге, палестино-израильский мирный процесс подвергся мощному противодействию интифады мечети аль-Акса.

3. ХАМАС: политическая практика оппозиции и власть

Развитие событий на территории обоих палестинских регионов неизбежно ставило ХАМАС перед необходимостью решения дилеммы, от которой едва ли не в решающей степени зависела возможность сохранения его влияния на сообщество муватынун. Речь шла о поиске наиболее адекватных методов сочетания провозглашавшейся этим движением и выглядевшей бескомпромиссной программы противостояния Израилю как инструмента, призванного изменить основное направление политики ООП, с одной стороны, и реальностью положения его сторонников и в целом национального социума, с другой. Иными словами, вопрос касался того, как и в какой мере его жесткое и, вне сомнения, догматическое видение ближневосточной ситуации (включая и ее основной компонент – палестино-израильский конфликт), предполагавшее всемерное использование насилия в качестве основного метода ее изменения, могло быть принято жителями Западного берега и сектора Газа, едва ли не полностью зависевшими от израильского рынка рабочей силы и стремившимися в этой связи к сохранению статус-кво, даже если оно и возникало как прямой итог оккупации.

ХАМАС действовал не в вакууме. Его окружали реальные люди, униженные поражениями прошлых лет. Многие из них становились беженцами, и это был лишь один из итогов создания еврейского государства. Годы, прошедшие после июньской войны 1967 г., превращали всех жителей обоих палестинских регионов в объект реквизиций, коллективных наказаний, экономических санкций, превентивных арестов и преследований. Но, тем не менее, существовала очевидная, пусть и горькая, действительность, когда тысячи палестинцев становились рабочими на израильских предприятиях и строительных площадках, когда палестинские ремесленники оказывались привязанными к израильской индустрии туризма, а крестьяне и страта торговцев – к израильской промышленности и внешнеторговым компаниям. Эта действительность, подкрепляемая реальными настроениями в среде муватынун, которые в силу складывающихся обстоятельств не могли быть адекватной программе ХАМАС социальной базой этого движения, в огромной степени воздействовала на его политическую практику. Его курс во время первой интифады лишь подтверждал это.

Конечно, пропагандистские документы ХАМАС (прежде всего листовки[40]) той эпохи содержали резкие и недвусмысленные призывы к организации взрывов и столкновений с израильскими военными и нападений на жителей еврейских поселений на территории Западного

берега и сектора Газа. Активисты ХАМАС подстрекали подростков и молодежь забрасывать камнями израильские патрули и блокпосты, строить баррикады, поджигать автомобильные покрышки и устраивать расправы над теми палестинцами, кого они называли «коллаборационистами». Пропагандировался полный разрыв экономических связей с Израилем, создание местных органов самоуправления, способных заменить сформированные оккупационными властями институты власти. Звучали призывы к гражданскому неповиновению, активизации действий, направленных на укрепление национальной солидарности. Но если эти пропагандистские лозунги движения занимали в начале первой интифады ведущее место, то уже в начале 90-х гг. они были сведены до минимума. Развитие событий доказывало их полную неэффективность.

ХАМАС менял тактику, заявляя, что отказ от работы в Израиле должен быть обязателен только в дни общенациональных стачек, подчеркивая, одновременно, что для палестинцев, занятых в некоторых отраслях израильской промышленности (например, переработке сельскохозяйственной продукции, производимой на Западном берегу и в секторе Газа), работа на предприятиях еврейского государства становится «национальным долгом». При этом выдвигавшаяся им первоначально идея джихада как всеобщего жертвенного восстания начинала оцениваться в документах конца первой интифады как всего лишь политический инструмент, использование которого связано с возникающей прагматической реальностью. Джихад превращался в «контролируемое насилие» и все больше заменялся призывом к «терпению» («ас-сабр»), понимавшемуся как признание невозможности изменить ситуацию сегодня, но и как надежда на будущую Божественную помощь в соответствии со ставшим едва ли не пословицей айятом «Всевышний вместе с терпеливыми» (*«Аллах маа ас-сабирин»*).

Разумеется, время первой интифады показывало, что ХАМАС обладает реальными возможностями установления тесных контактов с различными социальными стратами и возрастными группами внутри национального сообщества. Тем не менее, эти контакты с точки зрения длительной перспективы оказывались нестабильными и зыбкими. Экономическая и социальная реальность вносила в них серьезные коррективы. Сторонники политического ислама (что демонстрировали результаты опросов общественного мнения) постоянно превращались в «еретиков», стремящихся выйти из-под опеки своих лидеров. Более того, процесс становления национальной государственности при всех издержках его эволюции, включая, в том числе, и действия администрации, направленные на сокращение сферы влияния своего основного конкурента, лишь усиливал внутреннее размежевание в среде тех, кто провозглашал свою поддержку ХАМАС. И речь здесь шла не только о способности администрации автономии, как показывали события ноября 1994 г. в Газе, использовать вооруженную силу для разгрома своих

конкурентов, но и о последовательно проводимом ею политическом курсе, призванном содействовать эрозии уже завоеванных позиций.

Подготовленный в мае 1994 г. Конституционный документ (Ан-Низам ад-дустурий) Палестинской автономии, определявший деятельность ее институтов на время перехода к провозглашению государства, гарантировал «свободу формирования политических партий». Однако связанная с этим положением статья подчеркивала, что их создание возможно только при условии, что они должны исходить из «мирных методов» деятельности. Прокламируемая же Конституционным документом свобода прессы обуславливалась необходимостью признания «требований закона, предусматривающего уважение прав личности,… защиту национальной безопасности, общественного порядка и морали»[41]. Все эти положения несли в себе возможность их очень широкого толкования, юридически ограничивая перспективы деятельности оппозиции и, прежде всего, ХАМАС. В свою очередь, заявления его лидеров свидетельствовали, что это движение теряло позиции в палестинской среде Иордании, его военное крыло оказывалось менее мощным, чем подчиненные Я.Арафату палестинская полиция и служба безопасности. Введенный «национальной властью» финансовый контроль в отношении оппозиции существенно сокращал поступление предназначенной ХАМАС внешней помощи. Наконец, после создания автономии мировая общественность все более негативно оценивала его деятельность[42].

Но речь шла не только об этом. Организационный аппарат ХАМАС включал в себя, начиная с эпохи первой интифады, органы безопасности, руководства вооруженными формированиями, деятельности в гражданской среде и распространения системы религиозных взглядов (ад-дауа) и строился по принципу широкой автономии расположенных в каждом из двух палестинских регионов штабквартир движения. Каждая из них руководила более мелкими, региональными структурами – в семи районах сектора Газа и пяти районах Западного берега (в Дженине, Наблусе, Тулькараме, Рамалле и Хевроне), занимавшимися вопросами воспитания, информации, финансов и др. Региональным структурам были подчинены низовые организации ХАМАС – в городских кварталах, деревнях и лагерях беженцев[43]. Казавшаяся разветвленной и гибкой организационная система сторонников политического ислама подвергалась, тем не менее, серьезным ударам со стороны израильских оккупационных властей во время первой интифады. В дальнейшем же власти автономии смогли достаточно быстро установить над этой системой эффективный административный контроль. Попытки ХАМАС создать свои представительства за пределами автономии (в частности, в Дамаске и на контролируемой сирийскими вооруженными силами территории Ливана) не привели к сколь-либо существенным результатам. Сирийские власти легко превращали эти представительства, как и рабо-

тавших в них сотрудников, в инструмент собственной политики. Во всяком случае, они не могли оказать серьезного влияния на положение ХАМАС в среде муватынун[44].

Ведущая организация палестинского политического ислама оказывалась в сложной ситуации. Она не могла отказаться от основополагающих элементов своего политического дискурса (а также практики), что означало бы ее превращение в сателлита администрации и, как следствие развития событий в этом направлении, потерю влияния в среде муватынун. Но проводившиеся ХАМАС террористические акции на территории Израиля (апрель 1994 г. в Афуле и Хадере, октябрь того же года в Тель-Авиве, июль и август 1995 г. в Рамат-Гане и Западном Иерусалиме) не получали сколь-либо значимой поддержки в палестинском обществе. Напротив, новая политическая реальность, складывавшаяся в течение всего периода между 1993-1996 гг., свидетельствовала о снижении рейтинга ХАМАС и росте влияния ФАТХ. Более того, эти акции лишь ускоряли движение и палестинской, и израильской сторон в направлении реализации положений Декларации о принципах.

По данным Центра палестинских исследований в Наблусе, если уровень поддержки ФАТХ на территории обоих палестинских регионов составлял в 1993-1994 гг. 41%, то в 1996 г. он вырос до 45%, но в это же время симпатии к ХАМАС снизились с 15 до 8%. В секторе Газа (основном регионе влияния ХАМАС) рейтинг ФАТХ увеличился с 45 до 51%, а ХАМАС – упал с 17 до 7%. На Западном берегу показатели для ФАТХ составили 40 и 42%, а ХАМАС – 13 и 8%. Повышение симпатий к ФАТХ, как и падение престижа ХАМАС, было феноменом не только городов, но и деревень и лагерей беженцев. Если влияние ФАТХ в городах увеличивалось с 41 до 44% (для ХАМАС эти цифры составляли соответственно 12 и 8%), то в сельской среде оно вырастало с 39 до 50% (а ХАМАС падало с 16 до 8%), а в лагерях беженцев – с 45 до 46% (доля ХАМАС уменьшалась с 17 до 8%)[45]. Эти данные подтверждались и результатами опросов Иерусалимского центра информации и коммуникаций. В течение десяти месяцев 1996 г. поддержка ХАМАС снижалась с 12,3% (январь) до 9,3% (октябрь)[46].

Оценивая ситуацию ХАМАС, один из его лидеров заявлял: «Мы тщательно подсчитываем выгоды и цену продолжения вооруженных операций. Если нам не удастся достичь своих целей без насилия, то мы и в дальнейшем будем прибегать к нему. Однако насилие – средство, а не цель. Решение ХАМАС об ограничении применения насилия не противоречит нашей задаче создания Исламского государства на месте Израиля. … Мы никогда не признаем Израиль, но вполне возможно, что между нами и ним возникнет перемирие (мухадана), способное продлиться в течение дней, месяцев или лет[47]. Но речь шла не только и не столько об Израиле, сколько об администрации

Я.Арафата. Ранее непримиримая оппозиция протягивала руку своим, как казалось, безоговорочным противникам.

Триумфальное избрание Я.Арафата в январе 1996 г. на пост главы автономии (87% голосов всех участвовавших в выборах)[48] становилось лишь одним из доказательств сложности положения ХАМАС в контексте новой палестинской политической реальности. Но не менее существенным доказательством того же явилось присутствие (пусть и незначительное – 5 из 88 членов парламента, представлявших сектор Газа и Наблус[49]) сторонников ХАМАС в Палестинском законодательном совете, ставших его депутатами, несмотря на объявленный его лидерами бойкот выборов. Разумеется, эти депутаты называли себя «независимыми» сторонниками ХАМАС. Однако суть проблемы от этого не менялась, – внутреннее размежевание в рядах этого движения становилось все более ощутимым. И оно приобретало действительно опасные для ХАМАС оттенки.

Представлявшие ХАМАС депутаты Палестинского законодательного совета были выходцами из влиятельных семей, не игравших, однако, ведущей роли в своих регионах. Прямые контакты с администрацией трансформировали их положение, внося коррективы в традиционное регионально-клановое соотношение сил. Но вопрос касался не только законодательной, но и исполнительной власти. Часть депутатов от ХАМАС включалась в состав утвержденного парламентом совета министров автономии[50]. Создаваемая администрацией система клиентельных отношений распространялась и на сторонников ХАМАС, значительно усиливая позиции «национальной власти». Впрочем, к тому времени эта организация была вынуждена пойти на достаточно широкие контакты с кругом сторонников Я.Арафата, подтолкнувшие в дальнейшем его приверженцев на проведение курса трансформации движения в системную оппозицию. Итогом этих контактов становилось появление весной 1996 г. Партии национального исламского спасения Палестины (*Хизб аль-хулас аль-ватаний аль-ислямий фи Филистын*). Ее основателями выступали члены движения ХАМАС, сохранявшие свою прежнюю политическую принадлежность. Новая структура заявляла, что ее сторонники «отвергают несправедливые соглашения, заключенные с израильским противником, поскольку они не удовлетворяют минимальных чаяний палестинского народа». Но она и не отказывалась от участия в работе палестинского правительства, считая необходимым «внести свой вклад в созидание страны»[51].

Процесс последовательной и настойчивой интеграции ХАМАС в политическую систему автономии продолжался. Его итогом могло стать как углубление уже возникших в этом движении линий внутреннего разлома, так и попытка противостояния ему. Обе возможности развития событий отнюдь не противоречили друг другу, более того, они отвечали естественному ходу эволюции политических образова-

ний, испытывающих огромное воздействие процессов, происходящих внутри того социума, в котором они действуют и на выражение интересов которого претендуют. Палестинское национальное сообщество в конце 90-х гг. избавлялось от эйфории того времени, когда основанная на Декларации о принципах автономия становилась реальностью и когда казалось, что уже в обозримом будущем эта автономия обретет черты независимого и суверенного государства. Оно начинало задавать вопросы о том, почему это государство превращается в мираж.

Отвечая на них, жители сектора Газа и Западного берега подчеркивали, что основным препятствием на пути его создания становится Израиль, не желающий содействовать полномасштабной реализации достигнутых двусторонних соглашений. Так считали 27,4% всех участников опроса, организованного еще в декабре 1997 г. Иерусалимским центром информации и коммуникаций. Наиболее ярким проявлением «израильского упрямства» для 16,8% респондентов становилось существование еврейских поселений в обоих палестинских регионах, а для 6,4% – отсутствие сколь-либо заметных сдвигов в решении проблемы Восточного Иерусалима. 43,7% опрошенных считали, что годы развития процесса мирного урегулирования привели к ухудшению их материального положения, но подчеркивали, что изменение экономического положения на территории автономии станет возможно только при условии создания национального государства. Наконец, для 45,5% респондентов эти годы «разрушали доверие между палестинским и израильским народами»[52].

В течение всей второй половины 90-х гг. жители обоих палестинских регионов испытывали все больший пессимизм в отношении мирного процесса. По данным Иерусалимского центра информации и коммуникаций, степень их поддержки палестино-израильской нормализации имела постоянную тенденцию к снижению: если в июне 1995 г. она составляла 74,9%, то в августе 1998 г. – только 55,6% всех участвовавших в проводившихся этим Центром опросах общественного мнениям[53]. Существенно было и то, что это снижение затрагивало, в первую очередь, наиболее политически активные возрастные группы. Для респондентов в возрасте от 18 до 25 лет степень поддержки процесса нормализации палестино-израильских отношений снижалась с 71,9% в июне 1995 г. до 63,6% в июле 1998 г., а для респондентов группы от 26 до 40 лет – с 74,5 до 62,8%[54]. Если один из участников мирного процесса – Израиль – обвинялся в том, что он отказывается решать вопрос о Восточном Иерусалиме и намеренно расширяет сеть еврейских поселений на Западном берегу, – вопрос о районе Абу-Гунейм (Хар Хома) выдвигался здесь на первое место, – то другой участник - администрация Палестинской автономии – в том, что она, не решаясь провозгласить независимое государство, молчаливо потворствует действиям израильтян.

Поддержка ФАТХ как правящей партии в автономии также имела тенденцию к снижению (с 46,6% в июне 1995 г. до 32,9% в мае 1998 г.), что полностью соотносилось с тенденцией снижения уровня поддержки палестино-израильского мирного процесса. В равной мере это относилось и к Я.Арафату. Если в ноябре 1996 г. его рейтинг составлял 67,8% всех респондентов, то в сентябре 1997 г. – только 36,2%. Социум муватынун испытывал все большее разочарование в своих светских политических лидерах. Число опрошенных, заявлявших о том, что они не испытывают доверия ни к одному из них, постоянно увеличивалось – с 6,2% в феврале 1996 г. до 21,5% в мае 1998 г. Рост популярности лидера ХАМАС шейха А.Ясина на этом фоне был очевиден: 0,4% в феврале 1996 г. и 3,6% в мае 1998 г. В свою очередь, рост степени доверия к ХАМАС (и в целом к исламским партиям) проявлял себя не менее четко – 12,4% в ноябре 1996 г. и 18% в мае 1998 г.[55]

В апреле 1997 г. в ходе опроса, проводившегося Иерусалимским центром информации и коммуникаций, были впервые поставлены вопросы об отношении респондентов к возможности «возобновления вооруженных операций против израильских объектов». Тогда 39,8 % всех опрошенных заявили, что эти операции стали бы «подходящим ответом в нынешней политической ситуации», но 47,7% считали, тем не менее, что эти акции «нанесут ущерб национальным интересам». Вместе с тем большинство опрошенных в то время (54,5%) были против осуществления этих операций одиночками-самоубийцами (32,7% поддерживали идею их проведения). Одновременно 62,7% респондентов выступили в поддержку «эскалации палестинских выступлений протеста против Израиля», а 31,3% среди них считали, что «власть должна поддержать эти выступления» (37,5% предполагали, что администрация автономии не должна в них участвовать, а 23,1% – обязана воспрепятствовать их проведению)[56].

Конечно же, степень поддержки акций против израильских объектов (в той или иной форме их проведения) могла в дальнейшем снижаться. На мнение жителей обоих палестинских регионов влияли многочисленные факторы, определявшие ход процесса нормализации отношений с Израилем. В мае 1997 г. число их сторонников составляло 34,2% (23,6% респондентов одобряли действия террористов-одиночек)[57]. В августе 1997 г. число сторонников поддержки акций одиночек-самоубийц повысилось до 28,2%[58]. Вопрос, тем не менее, заключался в другом: в палестинском обществе постоянно существовало ощущение непоследовательности развития мирного процесса. Естественно, что оно возлагало вину за эту непоследовательность на Израиль (что было во многом обоснованно) и на руководство автономии, для которого решение проблем, связанных с реализацией основной цели – провозглашением государства, зависело от множества внутренних и внешних (как международных, так и региональных) обстоятельств. В свою очередь, эта ситуация создавала немалые возможности

для деятельности тех групп оппозиции, которые обосновывали собственную легитимность ссылками на реальные неудачи мирного процесса. Лишь используя эти возможности, они могли расширять свое влияние в среде муватынун, противостоя жесткому и последовательному давлению на них *«национальной власти»*. ХАМАС был едва ли не основной из этих групп. Он не мог не использовать взрыв массового недовольства во время интифады мечети аль-Акса. И он, и его союзники за пределами Палестинской автономии не могли не благодарить А.Шарона за повод для новой вспышки насилия и анархии.

4. ХАМАС: некоторые итоги размышлений. Вместо заключения

Итак, ХАМАС возникал в палестинском социуме сектора Газа и Западного берега как результат процессов, развивавшихся в его среде после июньской войны 1967 г. Иначе говоря, это движение – неотъемлемый элемент этого социума и сегодня – интегральный компонент его политического спектра. Но, быть может, самой существенной характеристикой ХАМАС с точки зрения пройденного им пути исторической эволюции является то, что он был наиболее весомой попыткой сообщества муватынун защитить собственные интересы от всеобъемлющей монополии, представленной ныне окружением Я.Арафата и сложившейся за пределами обоих палестинских регионов *внешней* элиты. Это обстоятельство лежало, в конечном итоге, и в основе выбора ХАМАС религиозно нюансированного политического дискурса, и в основе пропагандировавшейся им и реально осуществлявшейся практики действия. Его активное включение в события интифады мечети аль-Акса лишь подтверждает этот вывод.

Но насколько успешными с точки зрения их возможных результатов могут стать действия ХАМАС? Он не может предложить участникам нынешней интифады сколь-либо новых, принципиально иных методов борьбы и их идеологического обоснования, чем те, которые уже были использованы им как во время первой интифады, так и после возникновения «национальной власти». Но сегодня ситуация и в пределах обоих палестинских регионов, и вокруг них претерпела коренные изменения. Однако эти методы и орудия их легитимации все так же окрашены в цвета террора и насилия. И они все так же сталкиваются с реальностью отвергающей их жизни. Интифада мечети аль-Акса уже стала обычной рутиной (как когда-то ее предшественница) и инструментом политического торга, пусть и сопровождаемого показным неприятием обеими конфликтующими сторонами друг друга. Рано или поздно перед ее участниками встанет вопрос: «А что же дальше?».

Однако решение проблем (пусть частичное, пусть всеобъемлющее) будущего палестинского государства в итоге этой интифады не станет полным осуществлением чаяний национального сообщества и, конечно же, не

приведет к автоматическому исчезновению широкого комплекса палестино-израильских противоречий. И, разумеется, это решение не удалит ХАМАС с палестинской политической арены (хотя он и сможет подвергнуться значительному внутреннему размежеванию). Он все так же останется участником развивающихся и в Палестинской автономии, и в регионе процессов. Тем самым становится уместным вопрос о том, сможет ли ХАМАС в будущем подвергнуть реинтерпретации свои установки и отойти от практики деструктивной мобилизации своих сторонников (и многих жителей обоих палестинских регионов, недовольных тем, как складывается их жизнь) на их реализацию? Пример движения ФАТХ и части входящих в ООП групп политического действия показывает возможность движения в этом направлении. Одновременно этот же пример демонстрирует нестабильность такого развития событий: активными участниками нынешней интифады являются не только исламские активисты и радикальные националисты из рядов НФОП и ДФОП, но и слишком многие сторонники правящего ФАТХ, а также Партии народа и ФИДА. В силу этого все тот же вопрос приобретает дополнительные и действительно существенные оттенки.

ХАМАС не может оставаться вне круга происходящего на палестино-израильской арене, вне сомнения, мучительного диалога, который, видимо, в конечном итоге приведет к появлению уважающих интересы друг друга постсионистского Израиля и постконфронтационной Палестины. ХАМАС должен быть (сколь бы ни было это трудно) включен в этот диалог. Но ХАМАС должен быть в значительно большей мере, чем это делалось раньше, привлекаться к внутрипалестинской дискуссии о путях созидания национального государства. Этого требуют не только интересы формирования сбалансированного национального политического пространства, но и, на этой основе, сокращения потенциала возможных в будущем и, быть может, даже жестоких коллизий между палестинской властью и оппозицией. Но это проблема палестинской власти, это проблема ее действий, направленных на внесение ценностей демократии в социум, остающийся патриархальным и еще не залечивший нанесенных ему в прошлом и наносимых ныне ран. Это проблема изменения политической культуры палестинского национального сообщества при максимально широком использовании цивилизационных основ его жизни, одной из которых является ислам.

Слишком далекая перспектива? Несомненно. Однако отказ от движения в ее сторону или подмена этого движения паллиативными решениями способны лишь вновь и вновь вызывать насилие и нести смерть.

[1] Аббревиатура полного арабского названия этой организации – *Харакат аль-мукавама аль-ислямийя* – Движение исламского сопротивления.

[2] Направление, в котором мусульманин во время молитвы обращает свое лицо. Первоначально, до *хиджры* в Медину Мухаммад и его сподвижники обращались во время молитвы в сторону Иерусалима, а лишь затем – в сторону храма Кааба в Мекке. С Иерусалимом связано и ночное путеше-

ствие Мухаммада на крылатом Бураке из Мекки на Храмовую гору в Иерусалиме, где в дальнейшем была сооружена мечеть аль-Акса (Удаленная), одна из важнейших святынь ислама.

[3] Аль-Муджаннад Т.Шукран… Шарон (Спасибо, Шарон) // «Аль-Мустакбаль». – Бейрут, 7.10.2000.

[4] Для автора статьи очевидно, что нынешняя фаза палестино-израильского противостояния не вытекает лишь из действий как палестинской стороны в целом, так и отдельных палестинских групп политического действия. В равной мере ответственность за ее возникновение несут и израильские партнеры палестинцев по мирному процессу. Для него не вызывает также сомнения и факт роста религиозного интегризма в Израиле. Однако в своей статье он рассматривает только ту ситуацию, которая сложилась в границах палестинского политического поля. Анализ же израильской ситуации, включая и вопрос о местном варианте интегризма, заслуживает отдельного исследования.

[5] Перевернутая аббревиатура арабского названия крупнейшей организации палестинского сопротивления - *Харакат ат-тахрир аль-фалястыний* – Движение палестинского освобождения.

[6] ХАМАС ва аль-Джихад аль-ислямий ан аль-интифада аль-джадида: тастальхим аль-мукавама фи Любнан ва ат-тасъид афдаль аль-хиярат (ХАМАС и Исламский джихад о новой *интифаде*: сопротивление вдохновляется примером Ливана, а эскалация – лучший из выборов) // «Аль-Мустакбаль». – Бейрут, 7.10.2000.

[7] Здесь и далее см.: *Mishal S., Sela A.* HAMAS: A Behavioral Profile. – Tel-Aviv, 1997. – С. 10-12.

[8] Ibid., с. 17.

[9] Еврейское население подмандатной Палестины, а также совокупность созданных им к 1948 г. политических и общественных институтов самоуправления.

[10] Здесь и далее цит. по: Mishal S., Sela A., op. cit., с. 14-16.

[11] От реки Иордан до Средиземного моря.

[12] *Кассис М.* Илякат аль-фард биль муджтамаа ва баад кадая аль-муджтамаа аль-маданий фи Филистын (Взаимоотношения индивидуума и общества, а также некоторые проблемы гражданского общества в Палестине) // Дирасат тахлилийя лит тавадждухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаъийя фи Филистын (Аналитические исследования тенденций политического и социальною развития в Палестине). – Наблус, 1997. – С. 132.

[13] О коммунистическом движении в палестинской среде см.: *Gresh A.* Communistes et nationalistes au Proche-Orient: le cas palestinien depuis 1948 // Communisme. Revue d'édudes pluridisciplinaires. Université de Paris X, Nanterre. – 1984. – № 6. – С. 55-90.

[14] Текст Декларации независимости Государства Палестина цит. по: Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Филистын (Демократическое развитие в Палестине). Аль-Кудс (Иерусалим), 1999. – С. 13-14.

[15] Здесь и далее текст Декларации о принципах цит. по: Там же, с. 25-26.

[16] В ходе своих контактов с представителями ООП на этапе становления Палестинской автономии лидеры ХАМАС, ссылаясь на сыгранную их движением роль в годы первой палестинской *интифады,* заявляли о том, что их активисты должны получить не менее 40% мест в органах национального самоуправления // Аль-Джарбауи А., Абу Амру З., Абу Люгд И., Аш-Шаккаки Х. Аль-Муарада аль-филистинийя… идя айна? (Палестинская оппозиция… что дальше?). – Наблус, 1994. – С. 28-29.

[17] В 80-е гг. ежегодная финансовая поддержка ООП этими государствами (Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ) составляла не менее 1 млрд. долларов США. При этом, доля Саудовской Аравии в этом объеме безвозмездной помощи была не ниже 87 млн. долларов США. – Beck M. The External Dimension of Authoritarian Rule in Palestine // Journal of International Relations and Development. University of Ljubljana, Ljubljana. – 2000. – Vol. 3. – № 1. – С. 52.

[18] *Sheikh Jarrar B.* The Future of the Islamic Movement's Relation with the Transitional Authority // Challenges facing Palestinian Society in the Interim Period. Jerusalem Media & Communication Center. – Jerusalem, 1994. – С. 163.

[19] Здесь и далее см.: Хамами Р. Турас аль-интифада фи ас-сияса аль-филистынийя аль-муасыра (Наследие *интифады* в современной палестинской политике) // Дирасат тахлилийя лит таваджджухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаъийя фи Филистын. – С. 38-41.

[20] Натаидж аль-иститляа ас-сабиа хауля ар-рай аль-филнстыний баада амм мин ауда ар-раис Арафат иля ард аль-ватан. 21 хузейран 1995 (Результаты седьмого опроса палестинского общественного мнения по поводу первой годовщины возвращения президента Арафата на родину. Июнь 1995 г.) // Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC). Натаидж иститляат ар-рай хауля ара аль-филистынийин би аль-кадая ас-сиясийя аль-ания. 1993-1998. – С. 11 цит. раздела.

[21] *Хамами Р.*, цит. произв., с. 36.

[22] В течение 1994-1998 гг. финансовая помощь, оказанная Западом администрации Палестинской автономии, составила 428 млн. долларов США (в том числе Европейским сообществом – 277 млн., США – 65 млн., Японией – 62 млн. и Международным банком – 24 млн.), что составило 88% от общего объема предоставленной ей внешней помощи. В свою очередь, доля арабских стран Залива (исключая Кувейт) в объеме этой помощи равнялась 43 млн. долларов США или 9% // Beck M., op. cit., с. 57.

[23] *«Ас-Султа аль-ватанийя»* – обычное для политической речи в Палестинской автономии название ее национальной администрации.

[24] Выражение французского исследователя палестинской политики Ж.-Ф. Легрена. – Legrain J.-F. Autonomie palestinienne: la politique des néo-notables // Les partis politiques dans les pays arabes. 1. Le Machrek // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée. Aix-en-Provence, 1998. – № 81/82. – С. 153.

[25] Здесь и далее текст Палестинской национальной хартии (редакция 1968 г.) цит. по: Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Филястын (Демократическое развитие в Палестине). – Аль-Кудс (Иерусалим), 1999. – С. 11-12.

[26] Здесь и далее см.: Sheikh Jarrar B., op. cit., c. 161-162.

[27] *Mishal S., Sela A.*, op. cit., c. 15.

[28] *Аль-Джарбауи А., Абу Амру З., Абу Люгд И., Аш-Шаккаки Х.*, цит. произв., с. 25.

[29] *Шейх Хамами Дж.* Ан-Низам ас-сиясий аль-филистыний ва аль-интихабат: кираа ислямийя (Палестинская политическая система и выборы: мусульманское прочтение) // Аль-Интихабат ва ан-низам ас-сиясий аль-филистыний (Выборы и палестинская политическая система). Марказ аль-бухус ва ад-дирасат аль-филистыннийя (Центр палестинских исследований). – Наблус, 1995. – С. 107.

Шейх Дж. Хамами – выпускник факультета шариата и права Университета Аль-Азхар в Каире, заместитель декана факультета мусульманских наук Университета Бир-Зейт, член Высшего мусульманского совета Палестины. Подвергался арестам со стороны израильской оккупационной администрации за принадлежность к движению ХАМАС.

[30] Калимат аш-шейх Джамаль Салим (Выступление шейха Джамаля Салима) // Там же, с. 109-110.

Шейх Дж. Салим – магистр в области фикха и мусульманского права, преподаватель основ мусульманского воспитания в Исламском колледже Наблуса, имам-хатыб местной мечети им. хаджи Маазуза аль-Мысри, секретарь Ассоциации улемов Палестины, сторонник движения ХАМАС.

[31] Здесь и далее см.: Аш-Шаккаки Х. Аль-Интимаат ас-сиясийя байн аль-филистынийин (Политические предпочтения в среде палестинцев) // Дирасат тахлилийя лит таваджджухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаъийя фи Филистын. – С. 139-157.

[32] Перевернутая аббревиатура арабского названия этой организации – *Аль-Иттихад ад-димукратый аль-филистыний* – Палестинский демократический союз.

[33] Здесь и далее см.: Аш-Шаккаки Х., цит. произв., с. 139-157.

[34] Иорданский динар, как и израильский шекель, имеет одинаковое хождение на территории Палестинской автономии. Курс иорданского динара составляет 1,5 доллара США.

[35] Здесь и далее см.: Аш-Шаккаки Х., цит. произв., с. 139-157.

[36] Натаидж аль-иститляа ас-салис ашар хауля рай аль-филистынийин биль интихабат аль-филистынийя ва назахатиха, аль-маръа ва аль-Мисак аль-ватаний аль-филистыний. 8 шуббат 1996 (Результаты тринадцатого опроса палестинского общественного мнения по поводу палестинских выборов и их честного проведения, женского вопроса и Палестинской национальной хартии) // Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC). – С. 12 цит. раздела.

[37] Натаидж аль-иститляа ар-рабиа ашар хауля рай филистынийи аль-Кудс фи амалийят ХАМАС аль-ахира. Азар 1996 (Результаты четырнадца-

того опроса о мнении палестинцев Иерусалима по поводу последних операций ХАМАС. Март 1996 г.) // Там же, с. 3-5 цит. раздела.

[38] Натаидж аль-иститляа ас-сани ашар хауля рай аль-филистынийин биль интихабат аль-филистынийя. 16 канун сани 1996 (Результаты двенадцатого опроса палестинского общественного мнения по вопросу о палестинских выборах. 16 января 1996 г.) // Там же, с. 7-9 цит. раздела.

[39] Натаидж аль-иститляа ас-салис ашар хауля рай аль-филистынийин биль интихабат аль-филистынийя ва назахатиха, аль-маръа ва аль-Мисак аль-ватаний аль-филистыний // Там же, с. 2-6 цит. раздела.

[40] Здесь и далее см.: Mishal S., Sela A., op. cit., с. 18-20.

[41] Ан-Низам ад-дустурий. Ас-Султа аль-ватаннйя фи аль-мархаля аль-интикалийя (Конституционный документ. Национальная власть на переходном этапе). Ст. 14-16 // Аль-Интихабат ва ан-низам ас-сиясий аль-филистыний, с. 154-155.

[42] Заявление члена Политического бюро ХАМАС М.Абу Марзука корреспонденту печатного органа этой организации газете «Ар-Рисаля» от 21 апреля 1994 г. // Mishal S., Sela A., op. cit., с. 36.

[43] Mishal S., Sela A., op. cit., с. 59.

[44] См. об этом: Legrain J.-F., op. cit., с. 170-171.

[45] Аш-Шаккаки Х., цит. произв., с. 162.

[46] Натаидж аль-иститляа ас-сабиа ашар хауля рай аль-филистынийин биль кадая аль-ания. Тишрин авваль 1996 (Результаты семнадцатого опроса палестинского общественного мнения в связи с текущими проблемами. Октябрь 1996 г.) // Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC), с. 14 цит. раздела.

[47] Интервью М.аз-Захара иерусалимской газете «Аль-Кудс» от 12 октября 1995 г. // Mishal S., Sela A., op. cit., с. 22.

[48] Legrain J.-F., op. cit., с. 175.

[49] Council Member's Political Affiliation // The Palestinian Council. Jerusalem Media & Communication Center. – Jerusalem, 1998. – Fig. 2. – С. 224; а также данные о депутатах палестинского парламента: Ibid., с. 179-222.

Депутаты от ХАМАС представляют, прежде всего, север сектора Газа – 2 чел., один из них инженер, второй – художник, Газу – 2 чел. (бизнесмен и педиатр) и Наблус – 1 чел., экономист по профессии.

[50] Маджлис вузара ас-султа аль-ватаннйя аль-филистынийя (Совет министров Палестинской национальной власти) // Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Филнстын. – С. 92.

[51] Legrain J.-F., op. cit., с. 174.

[52] Натаидж аль-иститляа ар-рабиа ва аль-ишрун хауля рай аль-филистынийин би хусус амалийят ас-салям. Канун авваль 1997 (Результаты двадцать четвертого опроса палестинского общественного мнения о мирном процессе. Декабрь 1997 г.) // Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC), с. 3 и 5 цит. раздела.

[53] Palestinian Support for the Peace Process. Jerusalem Media & Communication Center. Jerusalem, 1999, с. 15.

[54] Ibid., с. 29.

[55] Ibid., с. 41-44.

[56] Натаидж аль-иститляа ат-тасиа ашар хауля рай аль-филистынийин биль кадая аль-ания. Нисан 1997 (Результаты девятнадцатого опроса палестинского общественного мнения в связи с текущими проблемами. Апрель 1997 г.) // Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC), с. 10-12 цит. раздела.

[57] Натаидж аль-иститляа аль-ишрун хауля рай аль-филистынийин биль кадая аль-ания. Айяр 1997 (Результаты двадцатого опроса палестинского общественного мнения в связи с текущими проблемами. Май 1997 г.) // Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC), с. 7 цит. раздела.

[58] Натаидж аль-иститляа ас-сани ва аль-ишрун хауля рай аль-филистынийин биль кадая аль-ания. Аб 1997 (Результаты двадцать второго опроса палестинского общественного мнения в связи с текущими проблемами. Август 1997 г.) // Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC), с. 4 цит. раздела.

Р.Г.Ланда

ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В АЛЖИРЕ

До сравнительно недавнего (лет 10-11 тому назад) времени само понятие «исламский терроризм» в применении к Алжиру казалось совершенно немыслимым. Безусловно, ислам всегда играл в Алжире роль не только религии, но также своего рода идеологическо-мировоззренческой основы местного общества, довольно пестрого в этническом, социальном, культурно-бытовом и даже языковом отношении. Арабские и берберские племена в пустыне Сахара и на плодородных землях побережья; недоступные в своей замкнутости горцы хребтов Атласа; постоянно менявшиеся по составу горожане, в жилах которых течет кровь чуть ли не всех народов Средиземноморья (а также Аравии и даже Кавказа); постоянно прибывавшие сюда в IX-XVIII вв. андалусийские мавры, бывшие, как правило, полуевропейцами (иберо-арабами, иберо-берберами, иберо-африканцами) или просто принявшими ислам европейцами и евреями; не менее интенсивно осваивавшие побережье с начала XVI в. османские турки и «потурченцы» (т.е. подданные Османской Империи из числа принявших ислам венгров, молдаван, славян, армян, грузин, черкесов, греков, албанцев); вынужденные стать мусульманами бывшие пленники из Испании, Италии, Франции, Голландии («Мевлед-руми», т.е. урожденные европейцы) или из Африки («генауа», т.е. гвинейцы) – такова была этнокультурная и социолингвистическая мозаика алжирского населения на протяжении многих столетий. Все эти группы и общины часто не понимали друг друга, ссорились, воевали, конкурировали в борьбе за землю, богатство и власть.

Но всех объединял ислам. Он уже свыше 1300 лет выполняет на земле Алжира функции регулятора экономических, социальных, межэтнических и бытовых отношений, охватывая всю сферу культурных, юридических и прочих жизненно важных связей алжирского общества. Во многом благодаря исламизации в Алжире арабский язык, т.е. язык Корана, хадисов, в которых изложены заветы пророка Мухаммеда, и шариата (мусульманского законодательства), одержал верх над ранее господствовавшей здесь латынью, а народный (суфийский) ислам с его культом марабутов (своего рода местных святых-дервишей) и многими элементами доисламских берберских верований стал эффективным средством мобилизации всех алжирских мусульман любого происхождения на борьбу с «неверными». Несмотря на опреде-

ленные расхождения между ортодоксальным исламом и его суфийской формой (марабутизмом), в глазах большинства верующих они воспринимались как взаимодополняющие и не противоречащие друг другу. Это было важно и с точки зрения максимального влияния ислама в стране и, особенно, в плане исламизации берберов.

Определенную роль сыграло и то обстоятельство, что ислам в Алжире стал господствовать после очень трудной многовековой борьбы с христианством, иудаизмом и анимизмом, которых придерживалось крайне сложное по своему составу местное население – берберы, греки, пунийцы (потомки финикийцев Карфагена), евреи (часть которых была иудаизированными берберами), потомки римлян. Все они в конечном счете были исламизированы и арабизированы, за исключением незначительного числа христиан (окончательно исчезнувших в XI-XII вв.) и иудеев, сохранившихся в виде небольших торгово-ремесленных общин предсахарских областей.

Однако с берберами дело обстояло сложнее. Они упорно сопротивлялись и не желали отказываться от своей самобытности, собственных традиций и древних законов. Даже принимая ислам, они сохраняли родной язык, специфику социальной организации, пра́ва и обычаев. Примерно с XI в. арабские и берберские племена совместно выступали под лозунгами защиты ислама от «неверных» – испанских и португальских конкистадоров, генуэзских и венецианских корсаров, норманнских королей Сицилии и анжуйских властителей Неаполя. Руководили этой борьбой обычно марабуты – своего рода мусульманские «святые», мистики-суфии, чаще всего совмещавшие предводительство военно-религиозными братствами (тарикатами) с духовным учительством. Они считались носителями ниспосланной на них Аллахом благодати («барака») и претендовали на непосредственное с ним общение. Им принадлежало наследственное руководство тарикатами, могущество которых зиждилось как на мобилизации «хванов» (рядовых «братьев»), так и на традиционных связях с племенами, которые чтили марабутов, считали их духовными наставниками, арбитрами в межплеменных спорах, высшими авторитетами в вопросах религии, морали, этики, судопроизводства и т.д. Фактически марабуты превратились в духовных феодалов, сидевших в укрепленных крепостях (рибатах) подобно средневековым сеньорам Европы в их замках. Но в отличие от всех прочих феодалов марабуты считались святыми отшельниками (а иногда и были таковыми) подобно странствующим дервишам Ближнего Востока, обладателями прежде всего духовного, религиозного авторитета.

Поскольку война с «неверными» в Магрибе была явлением постоянным, значение и роль марабутов лишь возрастали независимо от того, кому принадлежала светская власть. Включение Алжира в XVI веке в Османскую империю нисколько не ослабило марабутов. Они, как и родовая аристократия племен, быстро нашли общий язык с

османскими «гази» (борцами за веру). Помимо духовной власти, марабуты стали приобретать и власть экономическую, ибо стали пользоваться доходами с имуществ мусульманской общины (хабус), специально посвящавшихся тому или иному тарикату. В их пользу выплачивались традиционные мусульманские налоги «ушр» и «закят», поступали многочисленные подношения верующих при паломничестве к гробницам наиболее чтимых марабутов. Постепенно их рибаты превратились в «завии», т.е. комплексы крепости, мечети, гробницы марабута-основателя, хранилища рукописей (позднее – библиотеки) и школы (медресе). Тем самым они стали играть не только военную, религиозную и экономическую, но также культурно-воспитательную роль. Это способствовало и росту их чисто политического влияния. К началу XIX в. в Алжире насчитывалось около 400 таких завий[1].

В Алжире были, разумеется, и другие институты ислама, не связанные с марабутизмом: мечети, служители культа, корпорация богословов-улемов, различные учреждения мусульманского образования. Они даже не признавали «святости» марабутов, считая их мистицизм и претензии на божественную благодать отступлением от ортодоксального ислама. Однако большинство населения, не только берберов, но и арабов (вернее, арабизированных берберов, давно считающих себя арабами), все же шло за марабутами, как бы воплощавшими «народный» ислам, более близкий к традициям, обычаям и привычкам простых верующих. Марабуты постоянно угрожали зыбкой системе османской власти в Алжире в 1520-1830 гг. и более полувека (в 1830-1883 гг.) сопротивлялись французскому завоеванию. Даже одержав победу, французы вынуждены были считаться с марабутами, договариваться с ними и сохранять практически все их привилегии в обмен на лояльность по отношению к колониальным властям. В течение всего периода французского господства 1830-1962 гг. влияние марабутов оставалось значительным, особенно в труднодоступных горных и пустынных областях, населенных берберами. В Алжире действовали до 15 марабутских братств. Только в 1950 г. они объединяли до 500 тысяч хванов[2].

Колониальный режим, с одной стороны, консервируя некоторые феодальные и патриархальные традиции, социальные связи и обычаи средневековья (в частности, сохраняя марабутизм в качестве весьма опасного своей воинственностью и политизированностью, к тому же - наиболее мистического и глубоко укорененного в старинные суеверия варианта ислама), в то же время создавал в Алжире новое общество. Его костяк образовали иммигранты-переселенцы из Европы, меньше половины которых были французами, остальные - выходцами из Испании, Италии, Швейцарии, Греции, Германии, а также с Мальты и Корсики. Иногда эти «евралжирцы» сохраняли наряду с французским язык предков, во многих случаях добавляя к нему и знание арабского языка (особенно испанцы и мальтийцы). Составляя

примерно 10% населения к началу XX в., они стали привилегированной прослойкой жителей страны, а наиболее богатые из них («сотня сеньоров» колонизации) полностью хозяйничали в экономике Алжира и на деле навязывали Парижу угодную им линию алжирской политики. Европейские поселенцы стали, по сути, решающим фактором и орудием реализации выгодной «сеньорам» политической стратегии[3].

Это обстоятельство во многом ускорило вестернизацию страны, наиболее успешную в арабском мире. Французы даже пытались после 1870 г. провести «христианизацию» Алжира. Особенно берберов (главным образом кабилов – жителей труднодоступной горной области Кабилия) стремились крестить, указывая то на их внешнее сходство с южными европейцами, то на их обычаи патриархальной демократии, будто бы заимствованные у древних греков, то на их происхождение якобы от вандалов[4]. В основном все подобные попытки кончились крахом. Тем не менее, ныне в Алжире несколько тысяч кабилов и лиц смешанного происхождения являются католиками. Это – один из итогов «офранцуживания» страны. Но еще более важным результатом такого процесса следует признать широкую (как нигде в Африке и в мире ислама) распространенность французского языка, ставшего за 132 года колонизации страны фактически главным средством общения основной (т.е. учившейся во французской школе) части интеллигенции и бюрократии, а также – вторым (профессиональным) языком предпринимателей, учащихся, квалифицированных рабочих и инженеров. По данным ООН, до 50% алжирцев говорят по-французски. На деле их гораздо больше. Всесторонняя вестернизация алжирцев (особенно горожан) в колониальные времена, сопровождавшая внедрение в их жизнь новых типов хозяйства (промышленности, средств связи и транспорта) и формирование новых социальных групп (буржуазии, пролетариата) в их среде, наложила неизгладимую печать на быт и мировоззрение мусульман Алжира, определила даже полуассимиляцию их образованной прослойки, состоящей из людей двойной (а в ряде случаев – в основном французской) культуры[5].

Столь высокая степень европеизации была воспринята многими алжирцами и как потеря национальной самобытности, и как оскорбление религиозных чувств, и как подавление своей культуры. В результате ислам смог стать для большинства алжирцев не только знаменем джихада против «неверных», но также идеологией борьбы за национальное освобождение и социальную справедливость, попранную колонизаторами. К тому же он стал мощным фактором национального единства, сплочения разных этносов страны, прежде всего арабов и берберов. В течение всего периода господства Франции стирались грани не только между двумя основными группами мусульман, но также между ними и остальными этническими фракциями местного (главным образом в городах) населения – «хадри» (т.е. маврами), «терни» (потомками турок и кулугли, т.е. полутурок-

полуалжирцев), «мевлед-руми», «генауа». Все они, ранее не ладившие между собой, стали постепенно сливаться в единую арабоязычную нацию, идеологической основой которой стал ислам, впоследствии, по мнению ряда историков, породивший и «различные формы алжирского национализма»[6].

Ислам всегда был важнейшей частью этого национализма, хотя в начале XX в. движение «младоалжирцев» и попыталось придать ему абсолютно светский характер, направив эволюцию антиколониальных настроений в русло профранцузского ассимиляционизма[7]. Но этот модернизированный западнический вариант антиколониализма после двух-трех десятилетий все равно превратился в умеренно-либеральный национализм, так или иначе вынужденный учитывать роль ислама. Наиболее же преуспели в соединении национализма и ислама алжирские улемы-реформаторы во главе с выдающимся просветителем, теологом, публицистом и педагогом шейхом Абд аль-Хамидом Бен Бадисом. Лозунгом улемов было: «Алжир – моя родина, ислам – моя религия, арабский – мой язык»[8]. В полемике со сторонниками ассимиляции Бен Бадис сформулировал в 1936 г. свое знаменитое кредо: «Алжирская мусульманская нация – не Франция, не может быть Францией и не хочет ею быть»[9]. В годы алжирской революции 1954-1962 гг. ислам широко использовался Фронтом национального освобождения (ФНО) Алжира, выдвинувшим лозунг о возрождении страны «в естественных рамках арабизма и ислама». Бойцы ФНО назывались «муджахидами» (т.е. «участниками джихада», «борцами за веру»), а «Десять заповедей» руководства ФНО требовали от них «ведения борьбы в соответствии с принципами ислама»[10].

После завоевания независимости ислам в Алжире использовали и власть, и оппозиция. ФНО, став правящей партией и пользуясь до начала 80-х годов авторитетом в массах, без труда подавлял все попытки оппозиции спекулировать на религиозных лозунгах. Однако он упустил из виду рост религиозности горожан вследствие наплыва в города разоренной бедноты из деревни. До конца 70-х годов властям казалось, что они этот процесс контролируют: высокие доходы от нефти и газа позволили Алжиру не только развернуть «тройственную революцию» (индустриальную, культурную и аграрную), но и успешно справляться с социальными проблемами (организацией занятости, строительством жилья, здравоохранением, просвещением, выплатой различных пособий). Увеличение доли горожан к 1980 г. до 52 % населения (только в 1967-1977 гг. в города из деревни перебралось чуть менее 2 млн. чел.) само по себе должно было осложнить социальную обстановку[11]. Население страны росло стремительно – с 17 млн. чел. в 1975 г. до 25 млн. в 1990 г., а обеспеченность продовольствием столь же быстро уменьшалась – с 70% в 1969 г. до 30% в 1980 г. Это вынудило Алжир тратиться на импорт продовольствия, урезая расходы на социальные нужды, в 60 – 70-е гг. довольно высокие. С середины 80-х

годов пришлось сокращать и закупки продовольствия в связи с ростом внешней задолженности (4,6 млрд. долларов в 1975 г., 20 млрд. – в 1985 г., 26,7 млрд. – в 1987 г.). Сроки погашения внешних долгов также совпали со снижением цен на нефть на мировом рынке, вследствие которого только в 1985-1986 гг. доходы страны от экспорта нефти упали почти в 3 раза – с 3 млрд. до 1,2 млрд. долларов[12].

Общее ухудшение положения ощущалось особенно остро после относительного процветания 1975-1985 гг., когда производство на душу населения выросло с 850 до 2564 долларов. Увеличение доли рабочих (до 1/3 самодеятельного населения), рост грамотности и образованности алжирцев (в 1982 г. школу посещали 78 % детей до 13 лет, в высшей школе было 79 тыс. студентов, по удельному весу которых Алжир догнал многие страны юга Европы) сменились в дальнейшем резким сужением возможности получить работу (безработица охватывала к 1988 г. до 22 % трудоспособных алжирцев). Молодежью (т.е. до 58 % населения страны) все больше овладевало стремление свергнуть авторитарный режим, тем более что 80% безработных были моложе 30 лет[13].

Коррупция, фаворитизм и бюрократизм (высших чиновников открыто называли «господин десять» за регулярное взимание ими 10-процентной мзды с любой сделки) разъедали госаппарат Алжира и структуры ФНО. В то же время невозможность легальной деятельности загоняла оппозицию в подполье, но особенно – в привычные рамки религиозного протеста. Городские низы и не нашедшие себе места в городе разоренные крестьяне искали утешения в исламе, считая источником своих несчастий «безбожие властей», забывших Коран, шариат и заветы Пророка. Большинство этих бедняков было вчерашними поклонниками марабутов и склонялось не к официальному умеренному национал-исламизму в духе улемов-реформаторов, а к более понятному им упрощенному «народному» исламу, находившемуся вне контроля властей, а иногда – и связанного с ними духовенства. Поэтому они стали прислушиваться ко все чаще появлявшимся после 1979 г., т.е. после «исламской революции» в Иране, исламистам («братьям-мусульманам»), призывавшим к образу жизни «первых мусульман», изгнанию женщин из учреждений и предприятий, строгому выполнению всех предписаний ислама. Попытки властей обойти исламистов «справа» – путем усиления официальных обращений к исламу в речах, документах, системе обучения и воспитания, а также возведением новых мечетей (в 1960 г. их было 600, в 1982 г. – 5 тыс.) – не удались и лишь способствовали нагнетанию в обществе исламистских настроений[14].

Определенную роль сыграл и подъем движения «берберистов» как своего рода ответ исламистам. В Алжире берберов, знающих лишь свой язык, – не более 13% (по другим данным, около 18%). Но вместе с двуязычными (т.е. знающими еще и арабский) их – почти

30% населения. Их очень много среди буржуазии, бюрократии, квалифицированных рабочих и служащих (в том числе в армии), но особенно – среди интеллигенции, получившей образование на французском языке. Их - большинство среди постоянно живущих во Франции полуофранцуженных алжирцев и вообще среди наиболее модернизированной части общества. Поэтому они всегда поддерживали алжирский (а не панарабский, как у исламистов) национализм или такие «импортные», по мнению «братьев-мусульман», идеологии, как прозападный либерализм и даже марксизм (в разных его вариантах)[15].

Попытки властей противопоставить исламистов и берберистов ничего не дали, ибо корень всенародного недовольства лежал в ухудшении экономического и социального положения, в дискредитации ФНО и правящей бюрократии, в неспособности правителей найти альтернативу обанкротившейся политике разложившейся верхушки. «Политическая весна», т.е. начавшаяся с конца 1988 г. либерализация режима и введение на основе новой конституции в марте 1989 г. многопартийности, казалось, ознаменовали перелом в развитии страны. Однако было уже поздно. Из десятков мгновенно возникших партий четыре были исламистскими. Главной из них стал Исламский фронт спасения (ИФС). ИФС выступил против власти ФНО и за подчинение «требованиям шариата во всех областях жизни». По мере роста своего влияния лидеры ИФС высказывались все откровеннее, пообещав в мае 1991 г. «приостановить действие конституции» и «запретить светские партии», а в январе 1992 г. «восстановить в Алжире исламский халифат». Основатель и главный идеолог ИФС Аббаси Мадани выступил за «создание исламского государства, далекого от коммунистического Востока и капиталистического Запада»[16].

Победив на муниципальных выборах в июне 1990 г., ИФС, набравший 55,42% голосов (против 32% у ФНО), стал всюду навязывать свои порядки и «исламскую мораль»[17]. К этому времени под его контролем находилось уже свыше 10 тыс. мечетей и 3 газеты. Ему же досталась основная часть из полученных алжирскими исламистами в 1989-1991 гг. 100 млн. долларов, присланных главным образом иранскими и саудовскими фондами. В мае – июне 1991 г. ИФС с помощью приехавших из Туниса и Судана единомышленников организовал вооруженные выступления и бои на баррикадах. Власти ответили контрударом, арестовав вождей ИФС, хотя Аббаси Мадани угрожал правительству: «Если армия выйдет из казарм, мы призовем три миллиона наших сторонников в народную армию ислама, которая не оставит камня на камне от режима ФНО»[18].

Это не было блефом. Оставшиеся на свободе лидеры ИФС умело осложняли обстановку в стране, тем более что авторитет властей продолжал падать. В первом туре парламентских выборов в декабре 1991 г. ИФС завоевал 188 из 420 мандатов, а ФНО – лишь 16. Второй тур должен был, по всеобщему убеждению, завершиться полной по-

бедой ИФС и завоеванием им 2/3 всех мандатов, что позволило бы изменить конституцию и провозгласить Алжир «исламским государством» со всеми неизбежными последствиями.

Однако слишком влиятельные силы в стране не хотели такого исхода. Во-первых, около 40% населения не участвовало в голосовании, а из тех, кто голосовал, ИФС поддержали менее половины, т.е. фактически не более трети всех избирателей. Во-вторых, победы ИФС не желали (и опасались) верхушка армии, все решавшая в Алжире после 1965 г., госбюрократия, боявшаяся потери власти и ответственности за обанкротившуюся политику, не хотели такого исхода франкоязычная в своей основе технократия и интеллигенция, наконец, - преобладающая часть буржуазии, связанная с Западом деловыми контактами, образованием, рассчитывавшая на кредиты, технологию и помощь извне. Выражая настроения этих кругов, элита армии и госаппарата отменила результаты первого тура выборов и образовала Высший государственный совет (ВГС), который запретил политическую агитацию в мечетях и ввел в стране чрезвычайное положение. Сотни активистов ИФС были арестованы и преданы суду за незаконное хранение оружия. Тогда ИФС ушел в подполье и развязал открытый террор против сил порядка. Ответные репрессии лишь ожесточали исламских террористов, которыми в первые же дни стычек были убиты 40 и ранены 300 чел. Вскоре около 20 тыс. исламистов, включая многих депутатов от ИФС, были арестованы и высланы в Сахару[19].

Первое время казалось, что боевики ИФС будут быстро изолированы, тем более потому, что против них было настроено большинство берберов, всегда враждебно относившихся к панисламизму и панарабизму. К тому же первый глава ВГС Мухаммед Будиаф был бербером и проводил весьма взвешенную политику, проявляя готовность кончить дело компромиссом. Однако после убийства Будиафа в июне 1992 г. был взят курс исключительно на военное подавление мятежа. Но он не дал результата: если в 1991 г. у исламистов было около 2 тыс. боевиков, то к ноябрю 1993 г. их насчитывалось уже 6 тыс. чел., хотя к тому времени, по официальным данным, 1800 боевиков были убиты, а около 9 тыс. из них (или подозревавшихся в принадлежности к ним) были задержаны[20].

Причин подобной живучести исламского повстанчества было много. Прежде всего экономическая и социальная ситуация в стране оставалась крайне тяжелой: сохранялась и продолжала расти, особенно среди молодежи, огромная безработица, необходимость хотя бы частичного погашения внешней задолженности не давала возможности хоть как-то облегчить положение быстро растущего населения, зависимость от иностранной помощи (в основном - Франции) стала абсолютной. Эти обстоятельства воздействовали на все группы населения, в том числе и на берберов, ранее негативно относившихся к исламистам. Не меньшую роль сыграли исторические особенности Алжира, где, как выяснилось за последнее время, всегда активно

действовала в подполье, начиная еще с 30-х годов, группировка ваххабитов. В 40-е годы они выступали против алкоголя и за утверждение «исламской морали», в годы революции 1952-1962 гг. делили всех алжирцев на «Партию Аллаха» и «Партию Сатаны», а в 60-е годы стояли за спиной дважды запрещавшейся ассоциации «Аль-Кыям» (Ценности), целью которой было «создание халифата, охватывающего все мусульманские страны, и основание исламского государства в Алжире». Не без их участия в 70-80-е годы в Алжире действовали известные во многих арабских странах международные исламские группировки «Ат-Такфир ва ль-Хиджра» (Обвинение в неверии и исход), «Ахль ад-Даава» (Люди призыва) - филиал опирающейся на Пакистан организации «Даава ва Таблиг», «Братья-мусульмане»[21].

Эти силы вели, как недавно выяснилось, идеологическую подготовку торжества исламизма не без помощи близоруко рассчитывавшего использовать их в своих интересах президента Шадли Бенджедида (1979-1992 гг.). Однако еще более важную роль сыграла конкретная подготовка исламистов к чисто вооруженной борьбе. Жестокое подавление французами в 1945 г. первого всенародного восстания на востоке Алжира, затем девятилетнее преследование ими алжирских партизан в горах и нелегалов в городах, кровопролитная революционная война 1954-1962 гг., вооруженное оппозиционное движение в Кабилии в 1963-1964 гг. сформировали в стране крайне негативные традиции «культа силы», по мнению известного алжироведа О.Карлье, превратившие в сознании алжирцев политическое насилие в «революционную законность», а решение любой проблемы – в «разрыв, очищение, искоренение»[22]. Инерция подобного мировоззрения сохранилась и после обретения Алжиром независимости. Именно поэтому в стране и после 1964 г. формировались нелегальные отряды и подпольные группы антиправительственной направленности и обычно происламской ориентации. Одним из организаторов подобных групп был Мустафа Буяли, чиновник, уволенный из партаппарата ФНО. Он создал в 1979-1981 гг. вооруженное подполье, выступавшее против «безбожного государства» и «общественных пороков». Буяли и 300 его бойцов вели настоящую войну с властями, вплоть до гибели многих из них, включая Буяли, и ареста остальных в 1987 г. Хотя Аббаси Мадани и другие лидеры ИФС всегда осуждали Буяли, надеясь добиться своих целей мирными средствами, среди низового актива ИФС Буяли стал своего рода легендой, «исламским Робин Гудом». Вместе с освобожденными в 1990 г. его соратниками активисты ИФС продолжили «дело Буяли». Арест всего руководства ИФС в июне 1991 г. – феврале 1992 г. не стал особым ударом для Исламского фронта спасения. Переход к вооруженной борьбе был партией давно подготовлен морально, организационно и технически, а арест руководителей лишь развязал ИФС руки.

Столкнувшись с невозможностью реально противостоять профессионалам армии и сил безопасности, исламские боевики разде-

лились (примерно на 650 групп, около 10 человек в каждой) и стали практически неуловимы для 17 бригад и сотни отдельных батальонов брошенной против них 120-тысячной армии. Эти группы образовали множество самостоятельных организаций («Армия пророка Мухаммада», «Джихад 54», «Верные клятве», «Мировые исламские силы бойцов Аллаха», «Объединенный совет исламского действия», «Движение исламского джихада», «Организация исламских офицеров» и другие). На первых порах среди них доминировало «Вооруженное исламское движение» (ВИД), возникшее тайно еще в мае-июне 1991 г. Однако постепенно контроль ВИД над боевиками стал эфемерен. В июне 1994 г. остатки ВИД реорганизовались в «Исламскую армию спасения» (ИАС), официально – военное крыло ИФС, хотя оно и не во всем было согласно с «консерваторами» из политического руководства ИФС. Но ныне ИАС, очевидно, не представляет собой самую мощную силу исламистов Алжира. На эту роль претендует образованная в январе 1993 г. Вооруженная исламская группировка (ВИГ)[23].

Ядром ВИГ стали 600-900 алжирцев, посланных в Пакистан международной исламистской организацией «Ат-Такфир ва ль-Хиджра» и впоследствии сражавшихся в Афганистане против советских войск. Их военная подготовка финансировалась из фондов борьбы с коммунизмом в США и Саудовской Аравии, как и их оплата (не менее 1500 долларов в месяц). Ставшие в числе 30 тыс. арабов-добровольцев профессиональными «солдатами удачи», они затем участвовали и в межафганских конфликтах после 1989 г., в боях на юге Ливана, а также (по не всегда проверенным данным) в столкновениях в Таджикистане, Йемене, Боснии. Большинство вернулось в Алжир, где вступило в ВИГ, с самого начала не подчиненную ИФС. Их экстремизм во многом питается извне противопоставлением Запада мусульманам Ирана, Ирака, Ливана, Ливии, Палестины, Сомали и Судана. С другой стороны, в Алжире ходят слухи о тайной поддержке исламистов (как и в Боснии или Косово) со стороны США, теснящих Францию в Алжире. В любом случае бесспорно, что без иностранной помощи экстремисты долго бы не продержались. Они выступают за восстановление халифата путем физической ликвидации в Алжире «евреев, христиан и всех неверующих на мусульманской земле». Именно ВИГ отличает крайняя жестокость в расправах с интеллигенцией, иностранцами, женщинами без хиджаба (покрывала), а также при организации актов террора во Франции и на международных авиалиниях. Именно по ВИГ, наиболее активной и непримиримой, армия и спецслужбы Алжира стараются нанести самые тяжелые удары. В частности, в марте 1995 г. армия истребила сразу 160 командиров ВИГ, узнав об их совещании на западе страны[24].

Тем не менее ВИГ, хоть и понесла огромные потери, возросла за 1993-1998 гг. почти вдвое. По некоторым данным, ВИГ в 1994 г. насчи-

тывала около 10 тыс. боевиков. Учитывая достаточную эффективность действий армии и спецслужб Алжира, общую усталость населения от войны, рост рядов ВИГ можно объяснить лишь поддержкой со стороны Ирана, Судана, Саудовской Аравии, фактическим содействием со стороны США (13 исламских организаций имеют банковские счета и коммерческие интересы в США) и использованием в Алжире в рядах ВИГ профессиональных наемников неалжирского происхождения (из Афганистана, Боснии, Ирана, Судана, Марокко, Туниса, Ливии). Известно, что стратегический центр ВИГ с 1998 г. располагается в Лондоне, а его филиалы – в Албании, Боснии, Германии и Хорватии[25].

Более 100 тыс. чел. погибло в Алжире за последние 9 лет. За это время все упомянутые группировки террористов сливались, раскалывались, теряли своих вождей (иногда весь свой актив), отходили от вооруженной борьбы, постепенно (и обычно частично) превращаясь во фракции давно действующих в Алжире легально умеренных исламистских партий – ХАМАС («Харакат аль-муджтамаа аль-исламий», т.е. Движение исламского общества), «Ан-Нахда» (Возрождение) и других. На выборах в парламент в июне 1997 г. ХАМАС получила более 1,5 млн. голосов и 69 мандатов, «Ан-Нахда» около 915 тыс. голосов и 34 мандата. При этом у правительственного Национально-демократичес-кого объединения (НДО) было 3,5 млн. голосов и 155 мандатов. Иными словами, разрыв не так уж велик: легальные исламисты уступают НДО всего треть голосов и, блокируясь с другими оппозиционными фракциями, способны проводить свои решения[26]. Судя по тому, что происходит в Алжире в последние годы, большинство исламистов (в том числе почти весь уцелевший актив ИФС и его многочисленных фракций, да и часть живущего в эмиграции руководства) хотело бы прекращения войны и перехода к чисто политической борьбе. Однако в целом НДО и примкнувший к нему сегодня ФНО обладают большинством голосов в парламенте и вряд ли уступят оппозиции. Тем более, что вся полнота власти в Алжире – не у парламента, а у президента[27].

Избранный 15 апреля 1999 г. новым президентом Алжира Абд аль-Азиз Бутефлика – ветеран революции 1954-1962 гг., был в 1963-1978 г. министром иностранных дел страны. Опытный дипломат и политик с мировым именем, он умело продолжил линию своего предшественника Мухаммеда Зеруаля на дальнейший раскол исламистов и достижение соглашения с умеренной их частью. В результате этого сотни боевиков к началу 2000 г. сложили оружие. С другой стороны, крайне обострилось соперничество в стане главарей боевиков, в ходе столкновений которых между собой многие из них погибли. В то же время возвращение к политической активности таких сторонников модернизации ислама как Ахмед Талеб аль-Ибрахими, позволяет надеяться на то, что в рядах алжирских исламистов в конце концов одержат верх умеренные и ответственные идеологи, чуждые терроризму и экстремизму, дискредитировавшим себя в Алжире и существующим лишь благодаря подпитке извне.

[1] Ислам и исламизм. – М., 1999. – С. 136.

[2] Трамингэм Дж. Суфийские ордены в исламе. – М., 1989. – С. 206.

[3] Азия и Африка сегодня. – 1989. – № 9. – С. 6; Алжир: Справочник. – М., 1997. – С. 70.

[4] Ageron Ch.-R. Les Algériens musulmans et la France (1871-1919). – P., 1968; Revue Historique. – P., 1960. – № 2. – С. 313-314.

[5] Страны Ближнего Востока (актуальные проблемы современности и истории). – М., 1998. – С. 85; Language Problems of Developing Nations. – New York, 1968. – С. 134.

[6] Биро П. и Дреш Ж. Средиземное море. – М., 1960. – Т. 1. – С. 370; Саадаллах А. Аль-харака аль-ватанийя аль-джазаирийя (Алжирское национальное движение). – Бейрут, 1969. – С. 140; Pečar Z. Aižir do nezavis-nosti. – Beograd, 1967. – С. 139.

[7] Etudes sur la Région Méditerranéenne. – Szeged (Hongrie), 1987. – С. 18-23.

[8] Noushi A. La naissance du nationalisme algérien. – P., 1962. – С. 68.

[9] Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane 1920-1961. – P., 1962. – С. 319.

[10] Аль-Мукавама аль-джазаирийя (Алжирское сопротивление). – Тунис, 03.12.1957; Teguia M. L'Algérie en guerre. – Alger [1983]. – С. 297.

[11] Восток. – М., 1993. – № 1. – С. 140.

[12] Eveno P. L'Algérie. – Sarthe, 1994. – С. 70, 86, 92; Labat S. Les islamistes algériens. – P., 1995. – С. 29-31.

[13] L'Algérie en quelques chiffres. – Alger, 1982. – С. 3; Eveno P. Op. cit., с. 92, 100; Labat S. Op. cit., с. 30.

[14] Balta P., Rulleau C. L'Algérie des Algériens. – P., 1981. – С. 146-148; Islam: State and Society. – L.-Riverdale, 1988. – С. 191.

[15] Dejeux J. Identité nationale, idéologie arabo-islamique et revendication berbérophone en Algérie. – Turku, 1983. – С. 29.

[16] Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 12. – С. 27; Roy O. Généalogie de l'islamisme. – P., 1995. – С. 79-90.

[17] El Moudjahid. Alger, 25.06-01.07.1990.

[18] Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 12. – С. 29; Восток. – 1993. – № 1. – С. 146; Компас. – 1992. – № 88. – С. 12.

[19] Ислам и исламизм.., с. 146-147.

[20] Eveno P. Op. cit., с. 128; El Moudjahid, 23.11.1993.

[21] Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. – М., 2000. – С. 93-96.

[22] Carlier O. Entre Nation et Jihad. – P., 1995. – С. 18-28.

[23] Labat S. Op. cit., с. 90-97, 227-231; Le Monde diplomatique. – 1994. – № 479. – С. 1.

[24] Ислам и исламизм.., с. 152-153; Burgat F. L'Islamisme en face. – P., 1995. – С. 161-162.

[25] Бабкин С.Э. Указ. соч., с. 28-158.

[26] Ислам и исламизм.., с. 154.

[27] Сапронова М.А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999). – М., 1999. – С. 104-154.

З.Т.Набиев, М.Р.Арунова

ТАЛИБСКИЙ АФГАНИСТАН КАК ОПОРНАЯ БАЗА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Современный исламский экстремизм выступает под флагом общей радикальной идеологии, проповедующей геополитический передел мира через инспирирование названного столкновения цивилизаций. Демонстрируя неприкрытую враждебность существующему миропорядку, признанным демократическим и общечеловеческим, в том числе и традиционным исламским, ценностям, он превратил терроризм в один из основных инструментов реализации своих замыслов. Международный терроризм сегодня существенно отличается по своим целям, социальным ориентирам и методам от террористической активности 60-80-х годов. Новая волна терроризма на международной арене в 90-е годы поднята группировками, возникшими в мусульманском мире. Особую опасность представляют те из них, которые, опираясь на значительный материальный и людской потенциал, стремятся к установлению контроля над уязвимыми районами мира, разжигают сепаратистские настроения, провоцируют внутренние конфликты.

Стержневой установкой их идеологии является борьба за распространение ислама в их собственном понимании и интерпретации. Из исламской теологии выдергиваются элементы, допускающие двойное толкование, и с их помощью обосновывается линия на насильственную исламизацию с применением террористических методов. Религиозная подпорка эффективна при воздействии на низы мусульманского общества, среди которых широко распространены ультрарадикальные настроения, вызванные нищенским социально-экономическим положением.

Этот воинственный экстремизм с трансграничными амбициями пустил корни на афганской почве и стремительно обрастает организационно-политическими и силовыми структурами. Закреплению Афганистана в качестве опорной базы международного терроризма и исламского экстремизма способствовали фактический распад афганской государственности, социально-экономическая и духовно-культурная деградация афганского общества, истощенного более чем 20-летней гражданской войной.

Ситуация, сложившаяся в Афганистане и вокруг него, придала затяжному внутриафганскому конфликту широкое региональное и

международное измерение. Теперь можно со всей определенностью утверждать, что мировой центр терроризма, по существу, переместился в талибский Афганистан, в котором активно формируется плацдарм для трансграничной экспансии религиозно-политического экстремизма. Афганский кризис прочно вписался в глобальную дугу нестабильности, простирающуюся от Косово и Македонии через Ближний Восток, Кавказ, Центральную и Южную Азию вплоть до Филиппин.

В качестве ближайшей стратегической цели обосновавшимися в Афганистане исламскими радикалами выдвигаются задачи по насильственному изменению под религиозными лозунгами политических режимов в Центральной Азии и перекройке геополитической карты региона с целью создания «халифата» и последующим распространением этого процесса на другие районы мира, в том числе и российские. Процесс развивается в направлении консолидации этих сил под единым политико-идеологическим и организационным началом, создания общих военизированных формирований, своеобразных террористических «интербригад». Ключевую координирующую и мобилизующую роль в этом деле играют возглавляемые Усамой бен Ладеном организации «Аль-Каида» и «Всемирный фронт джихада» (ВФД), к которому примыкает большинство других обосновавшихся в Афганистане экстремистских организаций, в том числе «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), лидер которого Т.Юлдашев является одним из заместителей У. бен Ладена по ВФД.

За последние несколько лет на контролируемой Движением талибов (ДТ) территории Афганистана возникла расширяющаяся интернациональная сеть из примерно 80 опорных баз, тренировочных центров и лагерей по идеологической и военно-диверсионной подготовке боевиков различных радикальных исламских организаций, включая выходцев из самого Афганистана, Пакистана, арабских и центральноазиатских государств, Бангладеш, Филиппин, Синцьзян-Уйгурского автономного района Китая и российского Северного Кавказа.

Свыше 20 из них расположены в Кабуле и его предместьях. Только на крупнейшей базе в казармах Ришхор под руководством Кари Сайфуллы Ахтара (пакистанский соратник Усамы бен Ладена) более 100 инструкторов обучают несколько тысяч боевиков. В тренировочном центре, расположенном в самом населенном пункте Ришхор, проходят подготовку порядка 600 чел. В другом лагере, размещенном в Чарасьябе, тренируются несколько сотен арабов, уйгуров и филиппинцев. В центре подготовки в населенном пункте Мессе-Айнак (провинция Логар) наряду с арабскими «курсантами» методы диверсионно-подрывной практики постигает небольшая группа граждан Чехии и Болгарии. Боевики ИДУ и чеченцы проходят подготовку как в лагерях с интернациональным, так и моноэтническим составом. Наиболее

крупные чеченские и узбекские базы сосредоточены в Мазари-Шарифе.

Значительное число тренировочных центров расположено в провинциях Нангархар, Кандагар, Хост, Пактия, Гильменд, Логар, Кундуз и Балх, около 15 из них действуют в провинциях Герат, Джаузджан, Заболь, Урузган, Газни и Вардак. В дополнение к имеющимся командным пунктам У.бен Ладена в Кандагаре (по соседству с резиденцией лидера ДТ М.Омара), Джелалабаде (гостиница «Спингар»), Урузгане и Хосте (пещеры в районе Жавара) в настоящее время ведется строительство его новой подземной штаб-квартиры в районе Спинбулдак.

В августе 2000 г. в пакистанском г. Музаффарабад состоялось закрытое совещание представителей «Аль-Каида», пакистанских «Харакат-уль-Ансар», «Хезбе ислами», «Харакат-уль-моджахеддин», «Джамаат таблиг ва даава», «Лашкаре Таиба» и «Аль-Бадр» с участием лидера ИДУ Т.Юлдашева и эмиссара чеченских сепаратистов. Было принято решение **об** усилении материальной помощи и создании штаба содействия ИДУ, которое рассматривается как единственная сила, способная вести вооруженную борьбу против центральноазиатских правящих режимов.

На аналогичных совещаниях в Урузгане и Кандагаре в январе 2001 г. исламских экстремистов с участием У.бен Ладена, лидеров ИДУ и пакистанцев было решено активизировать подрывные акции против инициаторов и сторонников антиталибских санкций. Создан разведорган («СААХИ») для сбора информации, проведения диверсионно-террористических актов против граждан и объектов США, РФ и стран Центральной Азии (ЦА), организации вербовочной работы среди служащих правоохранительных органов СНГ. Сокращены сроки обучения боевиков в ряде спецшкол в провинциях Кандагар, Нангархар, Лагман, Балх, Кундуз, в городах Мазари-Шариф, Кабул и Хост с упором на практические занятия по узкой специализации. Так, лагеря «Аль-Фаррухи» и «Бадр-2» переориентированы на подготовку диверсантов, специалистов по ведению боевых действий в горных условиях и вербовке наемников. Центр «Имам Бухари» (провинция Газни) специально выделен для выходцев из государств ЦА и Закавказья.

На совещании пакистанских исламских радикалов в поддержку ДТ 10 января 2001 г. в медресе «Хакания» в Пешаваре с участием руководителей «Джаамте улемаи Пакистан», «Джамааате исламийе Пакистан», «Сепахе сахаба», «Джамиате ахль аль-Хадис», «Аль-Ихван», «Тахрике ислами», «Тахрик-е нафаз-е шариат», «Харакат-уль-джихад», «Харакат-уль-моджахедин», «Аль-Бадр», «Джамиат-уль-моджахедин» (боевики некоторых из них воюют в Афганистане на стороне талибов) сформирован «Совет в поддержку Движения талибов», который принял решение о бойкоте американских товаров. Ряд участников высказывался за проведение вооруженных акций против стран Запада.

Руководство ДТ приняло решение о передаче одной из крупнейших баз подготовки «Спина Шага» в провинции Пактия «Джамаате улемайи Пакистан». На базе начата военная подготовка добровольцев из числа выпускников пакистанских медресе, которых затем планируется задействовать как с началом весенней кампании на севере Афганистана, так и для действий в самом Пакистане.

В январе 2001 г. М.Омар и У.бен Ладен направили совместное обращение к радикальным исламским группировкам Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии с призывом ответить на введение санкций против ДТ проведением диверсионно-террористических акций против военных объектов и дипломатических представительств США и ряда других государств. В числе адресатов этого обращения «Джихаде ислами» и «Джамаат исламийя» (Египет), йеменские исламские оппозиционные группировки, вооруженные исламские группы Алжира, «Аль-Амсар», «Джихаде ислами», «Лашкар-е тайиба» (Пакистан и Кашмир), организация Абу Саяфа (Филиппины). В качестве объектов диверсий указаны американские объекты в Исламабаде, Дели, Сингапуре, Маниле и Джакарте, Саудовской Аравии и других странах Персидского залива, Иордании, Египте, Йемене, Алжире, Тунисе и Марокко.

В том же месяце талибами и представителями «Аль-Каида» в Кандагаре подписан протокол о совместных действиях с двумя египетскими вооруженными радикальными группировками «Джихад исламий» и «Джамаат-исламийя».

Эти террористические структуры сращиваются и взаимодействуют с международным наркобизнесом и другими разновидностями трансграничной организованной преступности, включая контрабанду товаров и оружия, нелегальную эмиграцию и т.п. Быстро растущие наркодоходы превратились в основной источник финансовой подпитки военно-подрывных формирований.

В 1999 г. в Афганистане было произведено 4580 т опиума (75% общемирового объема), что адекватно примерно 460 т героина. «Лидерами» по занятым под маковые посевы площадям являются провинции Гильменд и Нангархар (соответственно 44552 га и 22990 га), где находятся 3/4 существующих в Афганистане плантаций. Здесь же расположено большинство лабораторий по изготовлению героина и морфина. Другими основными производителями опиумного мака считаются провинции Кандагар, Урузган, Балх, Бадахшан и Баглан. Вместе с тем в 2000 г. из-за беспрецедентной за последние 30 лет засухи в Афганистане производство опиума сократилось до 3 тыс. т.

На юге страны производство и переработка опия-сырца приобрели промышленные масштабы, чему способствуют регулярные и прочные связи афганских и пакистанских наркобаронов с международной наркомафией. Об этом свидетельствуют, в частности, и факты централизованных поставок в Афганистан семян высокопродук-

тивных сортов опиумного мака и практика закупки на корню урожая будущего сезона.

ДТ взимает 10-процентный шариатский налог («закят») с производства и продажи опиума-сырца, а также морфина и героина (от 500 до 2300 пак. рупий за кг). В контролируемую талибами наркосеть входит порядка 35 основных наркогруппировок, возглавляемых преданными талибам людьми. Одним из них является руководитель кандагарской группировки Джами Башир Нурзай (мулла Башир), который имеет своих доверенных представителей в различных провинциях страны. ДТ установило контакты с некоторыми европейскими наркоструктурами. Их основными партнерами по транспортировке наркотиков в Европу в последнее время стали албанские наркодельцы, оттеснившие в этом бизнесе итальянские и турецкие криминальные кланы. Переработка сырья осуществляется более чем в 200 лабораториях, оснащенных современным оборудованием, большинство которых расположено в провинциях Нангархар, Хост, Пактия, Гильменд, Кунар, Балх и Кундуз.

У.бен Ладен при поддержке ДТ превратил наркобизнес в один из главных источников финансирования. Им закупается современное оборудование, приглашаются специалисты-химики, в том числе из Европы. Основные его лаборатории и склады находятся в подземных убежищах в районе г. Хост. Специалистами джелалабадской лаборатории по переработке опиума-сырца в сильнодействующие наркотики разработана методика маскировки героина под чай и сахар. Создан новый жидкий вид героина под названием «слезы Аллаха», отличающийся более высокой концентрацией (из 50 кг опиума-сырца вырабатывается около 1 литра) и степенью привыкаемости. В ближайшее время ожидается ввод в строй финансируемых У.бен Ладеном новых производственных мощностей в провинции Кандагар.

Программа ООН по контролю над незаконным оборотом наркотиков (ЮНДКП) полагает, что от продажи только опиума, произведенного в 1999 г., талибы выручили 200 млн. долл. США (стоимость 1 кг опиума колеблется от 27 до 72 долл.). Афганские наркоплантаторы проводят эксперименты с целью получения наиболее высокоурожайных и стойких к климатическим изменениям сортов опиумного мака.

Под давлением мирового сообщества лидер ДТ М.Омар был вынужден 27 июля 2000 г. подписать указ, запрещающий выращивание опиумного мака. Однако с учетом накопившихся на складах партий героина (по некоторым оценкам, свыше 200 т), произведенного в предыдущие урожайные годы, вряд ли следует рассчитывать на существенное сокращение наркопотока из Афганистана на мировой «черный рынок».

Наряду с традиционными транзитными путями доставки наркотиков (через Пакистан, Иран и далее Турцию и Балканы) в последнее время заметно растет объем наркотрафика через страны СНГ (Та-

джикистан, Киргизия, Туркменистан, Россия) и оттуда – через Балтию в Восточную и Западную Европу. По оценкам ЮНДКП, до 65% валового объема афганского опиума, морфина и героина перевозится через территории центральноазиатских стран (в 2000 г. только силами российской погрангруппы в Таджикистане задержано 3130 кг наркотиков, в том числе 801 кг героина). Эксперты предсказывают возможную диверсификацию маршрутов транзита наркотиков из Афганистана. В частности, высказываются опасения, что завершение строительства киргизского участка Каракорумского шоссе, которое свяжет 8 государств (Китай, Киргизию, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Афганистан, Пакистан и Иран), будет способствовать активизации незаконного оборота наркотиков в регионе. Около 90 % героина и опиума на российском «черном рынке» имеет афганское происхождение (в Западной Европе — 70%, в США — 20-30%). Количество героина и других видов наркотиков, доставляемых наркоторговцами для продажи в России, других странах СНГ и Европы, неуклонно возрастает. Причем география ввоза афганских наркотиков в российские регионы расширяется.

Другим значительным источником финансовой подпитки международных террористических структур в Афганистане, включая ДТ, остаются многочисленные исламские благотворительные фонды. Среди них: саудовские «Аль-Игаса» («Спасение»), «Международная организация исламской помощи», «Исламский комитет благочестия», «Фонд двух святынь» («Al-Haramein Foundation»), «Фонд согласия» («Muwaffaq Foundation»), «Лига исламского мира», кувейтские «Общество социальных реформ», «Общество возрождения исламского наследия» («Revive of Islamic Heritage Society»), «Объединенный кувейтский комитет спасения», йеменские «Исламское объединение в защиту реформ» («Ислах»), «Джихад ислами», эмиратская «Благотворительная ассоциация», суданское «Агентство исламской помощи» («Islamic Relief Agency»), турецкое религиозное объединение «Нурджулар», фонд «Ихлас», пакистанские «Всемирный исламский комитет благотворительности» (в Афганистане известен под названием «Исламский институт Абу Ханифа»), «Благотворительный фонд двух святынь и мечети Аль-Акса» («Al-Haramein And Al-Masjid Al-Aqsa Charity Foundation»), «Служба оказания экстренной помощи Афганистану» («Emergency Relief Services For Afghanistan»), «Ар-Рашид траст», «Фонд джихада». Этот перечень можно было бы дополнить названиями еще десятка-другого аналогичных структур.

Складывающаяся картина свидетельствует о формировании на территории Афганистана агрессивного интернационального сообщества религиозных экстремистов, сращивающегося на почве общих интересов с международным наркобизнесом. Острие этой опасности направлено прежде всего против безопасности Центральной Азии, рассматриваемой экстремистами в качестве «наиболее слабого зве-

на». Насколько известно, и в Пекине растет озабоченность в связи с продолжающейся подготовкой боевиков уйгурских сепаратистских организаций в афганских тренировочных лагерях. Весьма остро проблема ползучей «талибанизации» стоит для Пакистана, поскольку отдельные обширные районы Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистана фактически оказались за пределами юрисдикции федеральных властей этой страны.

Мировому сообществу во имя собственной безопасности и стабильности необходимо предпринять решительные коллективные меры по противодействию этой общей угрозе, не допустить того, чтобы это деструктивное явление приобрело неконтролируемые формы и масштабы. И если это не будет сделано в экстренном порядке, рецидивы кризиса в Чечне, ставшие регулярными вооруженные вылазки экстремистов в Узбекистане и Киргизии, взрывы американских посольств в Африке и эсминца в аденском порту, напряженность в Македонии станут заурядными эпизодами непредсказуемой по размаху нестабильности на обширнейших территориях.

В международном сообществе начинает возобладать осознание серьезной опасности, исходящей из афганского очага напряженности. Это нашло отражение в принятии резолюций СБ ООН 1267 от 15 октября 1999 г. и 1333 от 19 декабря 2000 г., в соответствии с которыми в отношении руководства ДТ введены адресные санкционные меры, ни в коей степени не затрагивающие гуманитарные интересы афганского народа. На состоявшейся в сентябре 2000 г. в Нью-Йорке встрече на уровне министров иностранных дел стран-членов «Группы друзей и соседей Афганистана» (Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Россия и США), известной как «Группа 6+2», принят Региональный план действий по борьбе с афганской наркоугрозой, являющийся шагом в направлении создания вокруг Афганистана антинаркотического «пояса безопасности».

Прогресс в деле формирования широкого международного политического взаимодействия на антитеррористическом и антинаркотическом треках обозначился довольно отчетливо. В 2000 г. были созданы российско-американская и российско-индийская рабочие группы по противодействию терроризму и наркоугрозе, исходящим из Афганистана, в рамках которых определены совместные и параллельные шаги, призванные добиться демонтажа созданных талибами опорных баз и других инфраструктур международного терроризма. Заинтересованность в налаживании такого многостороннего сотрудничества демонстрируют некоторые европейские и арабские государства, Китай и др.

Разумеется, без разблокирования внутриафганского конфликта задача подавления очага терроризма и наркоугрозы в Афганистане представляется трудноразрешимой. Главным препятствием на этом пути является неукротимое стремление талибов силой решить афганскую проблему в свою пользу. ДТ отказывается от достижения

конструктивного компромисса с Объединенным фронтом («Северный альянс»), состоящим в основном из непуштунских сил во главе с А.Ш.Масудом, который выступает от имени официально признанного правительства Исламского Государства Афганистан (ИГА).

Вполне очевидно, что процесс урегулирования внутриафганского конфликта под эгидой ООН зашел в тупик. Не выполняются соответствующие резолюции СБ и ГА ООН, игнорируются неоднократные призывы «Группы 6+2». Специальной миссии ООН в Афганистане пока не удается разработать план действий, способных обеспечить прорыв в деле перевода внутриафганского противоборства в результативное политическое русло. Принципиальные расхождения в рамках «Группы 6+2» вызвали затяжной застой в ее работе на афганском миротворческом треке.

Военная машина талибов имеет свободный доступ к источникам оружия, боеприпасов и нефтепродуктов (Пакистан, Туркменистан). На стороне ДТ воюют 15-20 тыс. неафганцев, в основном пакистанские «добровольцы», арабские и иные боевики из исламских экстремистских организаций. Талибы беспрепятственно рекрутируют живую силу в Пакистане через многочисленные медресе и радикальные религиозные организации. Нередко пакистанские кадровые военнослужащие фиктивно увольняются в запас из рядов вооруженных сил, вливаются в талибские войска и осуществляют общее руководство планированием и координацией военных операций ДТ. Поступают сообщения и о прямом участии в боевых операциях подразделений регулярной пакистанской армии, включая ВВС.

Эскалация талибами военных действий и поразившая Афганистан в прошлом году беспрецедентная засуха значительно обострили и без того сложную гуманитарную ситуацию в стране. В северо-восточных районах, охваченных активными боевыми действиями и поэтому менее доступных для доставки международной гуманитарной помощи, положение вплотную приблизилась к катастрофическому. По некоторым оценкам, бои в провинции Тахар вызвали исход свыше 100 тыс. местных жителей, часть которых сконцентрировалась в афгано-таджикском приграничье.

Положение дел в области соблюдения прав человека в зоне контроля ДТ остается удручающим. На захваченных территориях талибы зачастую прибегают к насильственному перемещению местного непуштунского населения, разрушению жилья, хозяйственной инфраструктуры и реквизиции продовольствия. Резня хазарейцев в начале этого года в Бамиане и обнаружение в районе Талукана массового захоронения убитых талибами таджиков и узбеков, включая значительное число детей и женщин, свидетельствуют о том, что этнические чистки остаются весьма характерными для внутренней политики ДТ. В провинциях с преобладающим таджикским, узбекским и хазарейским населением ДТ пытается укрепить свое присутствие путем

переселения туда пуштунов из других районов, предоставляя им лучшие земельные участки, различные льготы и пособия. Не намного лучше обстоят дела и в пуштунских районах страны, особенно в вопросе доступа женщин к образованию, медицинскому обслуживанию и трудоустройству.

С 1998 г. талибские власти допускали дискриминацию в отношении приверженцев индуизма, некоторое число которых продолжает проживать в ряде районов Афганистана. Так, в частности, их обязали носить на одежде особые отличительные знаки (напрашивается прямая аналогия с обязательной для евреев звездой Давида при немецких фашистах. Разрушение же талибами статуй Будды в Бамиане и уничтожение отдельных всемирно известных экспонатов Кабульского музея вообще не нуждаются в комментариях.

Несмотря на заметное военно-экономическое превосходство ДТ, «Северный альянс» устойчиво удерживает свои позиции к северу от Кабула в провинциях Парван, Каписа, Бадахшан, Тахар, Баглан. Очаги сопротивления ОФ существуют также в провинциях Сариполь, Джаузджан, Герат, Фарах, Лагман, Нангархар. В феврале этого года отряды шиитов-хазарейцев во главе с Каримом Халили сумели временно взять под свой контроль города Бамиан и Яковланг. В том же месяце возглавляемые пуштунским полевым командиром Ата Мохаммадом формирования бывшего губернатора Герата Исмаил-хана установили практически полный контроль над провинцией Гор.

Главной слабостью антиталибских сил является не столько ограниченность военно-материальных ресурсов, сколько отсутствие в их рядах должного организационно-политического единства и твердого структурного единоначалия. Медленно идут процессы восстановления военного потенциала узбекских и хазарейских компонентов вооруженного сопротивления, интеграции в него оппозиционных талибам пуштунских элементов. Эти факторы существенно сдерживают перерастание очагового противодействия ДТ в общенациональное движение сопротивления.

Руководство талибов стремится максимально использовать имеющиеся преимущества и в текущем году, судя по всему, постарается нанести силам А.Ш.Масуда решительное военное поражение. На основном театре военных действий на северо-востоке Афганистана ДТ сосредоточивает 15-тысячную ударную группировку (в том числе 5 тыс. неафганцев), располагающую 50 танками, тысячами реактивных снарядов, 7 боевыми самолетами. Известно, что десятки представителей ДТ во главе с губернатором Нангархара А.Кабиром выезжали в Саудовскую Аравию и под предлогом совершения хаджа занимались там сбором финансовых средств и вербовкой «моджахедов». Выделены специальные денежные средства на подготовку ряда пакистанских госпиталей для приема раненых талибов. В Афганистан прибыли иностранные специалисты для налаживания производства боеприпа-

сов и ремонта стрелкового оружия в районе Дар-уль-Аман (Кабул), под Кандагаром и в провинции Пактия.

Важно отметить, что верхушка талибов не монолитна, однако существующие в их стане определенные разногласия по региональным, племенным, клановым и иным признакам имеют пока в целом латентный характер. Ее радикальная часть во главе с муллой М.Омаром жестко подавляет малейшие проявления внутренней оппозиции в руководстве ДТ, особенно со стороны тех, кто выступает за более умеренные подходы к принципам построения талибского режима. При этом насаждается атмосфера тотального недоверия, инспирируются мнимые заговоры с целью устранения нелояльных «эмиру» функционеров и военачальников. В январе 2001 г. был издан указ муллы М.Омара, оставляющий за ним исключительное право единолично решать вопросы назначения командиров воинских соединений и частей, высшего и среднего звена аппарата ДТ. Находящиеся на этих должностях лица обязаны в месячный срок отчитаться перед специальными шариатскими комиссиями по знанию Корана и сдать обязательные экзамены для получения духовного сана муллы (кстати, до сих пор не предъявлены убедительные документальные свидетельства об окончании самим М.Омаром 12-летнего курса обучения в медресе, дающего право на этот сан). По причине «служебного несоответствия» от своих постов были освобождены более 25 военачальников и чиновников, в том числе начальник штаба погранвойск, начальник тыла вооруженных сил ДТ, начальник управления дорожного строительства и ряд других.

Как представляется, у экстремистской части руководства талибов есть серьезные основания «закручивать гайки» в собственном стане. Провозглашаемый ею тезис о контроле ДТ 90% афганской территории не безупречен, поскольку талибская администрация действительно контролирует основные города и соединяющие их дороги, в то время как тысячи селений периферийной части провинций, где, как правило, отсутствуют гарнизоны ДТ, живут по своим законам (в 80-х годах схожая ситуация давала основание моджахедскому сопротивлению утверждать, что просоветский режим в Кабуле контролирует только 20% территории страны).

Последние два года администрация ДТ сталкивается с серьезными трудностями при наборе рекрутов в пуштунских племенах и вынуждена в нарастающей степени пополнять свои формирования за счет привлечения неафганцев. На этой почве в 2000 г. имели место серьезные инциденты, вплоть до вооруженных стычек, между отдельными племенами и талибскими эмиссарами в провинциях Хост, Пактия, Урузган и Фарах. Это объясняется общей усталостью населения от войны, недовольством вождей племен узурпацией их традиционных прерогатив верхушкой талибов, а также обострением межклановых разногласий.

Другой серьезной причиной этого является растущее среди пуштунов разочарование резким расхождением между изначально популярными в народе лозунгами ДТ о стремлении обеспечить социальную справедливость и реальным положением в стране. У «правоверных» пуштунских националистов вызывает протест неуклонное превращение Афганистана при талибах в вотчину иностранных пришельцев – исламских радикалов, особенно «пенджабцев» (пакистанцев). Далеко не все пуштуны разделяют шовинизм руководства ДТ по отношению к национальным меньшинствам в Афганистане.

Многим в стране трудно согласиться с утверждениями о том, что ДТ, дескать, выполняет роль «собирателя афганских земель», реставратора централизованного афганского государства на основе однозначного пуштунского доминирования. Отметим, талибские идеологические установки отрицают многие принципы неписаного кодекса поведения пуштунов («Пуштунвалай»), рассматривая их как языческие и антиисламские. Это, в частности, затронуло некоторые нормы, регулирующие внутрисемейные и межродовые отношения, выразилось в запрете на празднование традиционного для афганцев, иранцев и центральноазиатских народов нового года («ноуруз»), в ряде других актов. От тотальной «чистки» в этой области талибов удерживают опасения за возможный взрыв общего протеста в пуштунской среде. Да и сам М.Омар не прочь, когда это выгодно, апеллировать к устоям пуштунской традиции, ссылаясь, например, на невозможность выдачи У.бен Ладена без нарушения принципа гостеприимства. Как только религиозные установки ДТ перестают восприниматься пуштунскими ополченцами талибского войска, в оборот запускается тезис об угрозе общепуштунским интересам и ценностям со стороны инородцев, и этот испытанный прием, видимо, все еще срабатывает.

Не случайно негативным остается отношение верхушки ДТ к идее созыва традиционной для пуштунов ассамблеи – Лойя джирги как инструмента внутриафганского политического урегулирования. Требуемая представительность такого форума может оставить в основной своей массе «непородистых» М.Омара и его ближайшее окружение в меньшинстве по отношению к обделенным властью пуштунским вождям и представителям прежней афганской элиты, которые всегда играли ключевую роль в этих ассамблеях.

В случае установления полного господства ДТ на всей территории Афганистана угроза расширения афганского плацдарма терроризма и экстремизма существенно возрастет. Дальнейшая эволюция экстремизма на афганской почве может окончательно превратить режим талибов в придаток международного терроризма, который напрочь лишит талибов возможности отстаивать национальные интересы афганского народа. Таким образом, от конечного исхода внутреннего противоборства в Афганистане во многом зависит будущее

этой страны и общерегиональная стабильность, включая безопасность приграничных Афганистану стран СНГ и России.

В условиях отсутствия реальной альтернативы представляется разумным искать выход из патовой ситуации во внутриафганском конфликте в русле его политического урегулирования под эгидой ООН, ведущего к общенациональному примирению и формированию многоэтнического правительства на широкой основе. Международному сообществу важно добиваться подключения к этому процессу возможно более широких слоев афганского общества, в том числе такого его потенциально значимого и обширного сегмента, как афганская диаспора (около 5 млн. человек). В начале этого года по инициативе личного представителя генерального секретаря ООН по Афганистану Ф.Вендрелла в Женеве состоялись консультации представителей США, Италии, Франции, Германии и Ирана, в ходе которых обсуждались возможные варианты консолидации афганской диаспоры в интересах содействия политическому урегулированию в Афганистане.

В настоящее время наибольшую активность проявляют так называемые «римская» и «кипрская» инициативные группы афганской эмиграции, пытающиеся сформировать на национально-патриотической основе некую «третью силу». «Римская» группа, объединяя вокруг себя главным образом представителей промонархических и либеральных кругов, ориентирующихся на экс-короля Захир-Шаха, выступает за решение афганской проблемы через созыв Лойя джирги. В качестве ее внешних спонсоров выступают итальянцы и американцы, которые хотят трансформировать эту группу в своеобразный общеафганский координационный центр диаспоры. «Кипрская» группа, поддерживаемая иранцами, стремится вовлечь в орбиту своего влияния представителей бывших моджахедских и мелкобуржуазных слоев афганского общества. Она также выступает за поиск выхода из нынешнего афганского тупика на путях достижения консенсуса через проведение всеафганского форума.

О.В.Плешов

ПАКИСТАН НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Отдельные страны, в силу тех или иных причин попадая в водоворот исторических катаклизмов, испытывают большие трудности, тщетно пытаясь выбраться из них и ступить на ровную дорогу стабильности. К числу таких государств относится Пакистан. За 50 с небольшим лет он пережил минимум радостей и максимум разочарований. Он перенес три войны с Индией, последняя из которых стоила ему потери восточной провинции, ныне самостоятельная Бангладеш. Созданный усилиями просвещенной мусульманской элиты южноазиатского субконтинента в главе с М.А.Джинной как секулярное демократическое государство, сегодня, спустя полвека, Пакистан скорее средоточие исламской теократии, особенно если учесть преобладающие здесь общественные настроения и мощь исламских партий и группировок. Достаточно сказать, что за последние 15 лет страна трижды (в 1985, 1992 и 1999 гг.) стояла на пороге замены конституции как основного закона страны сводом законов шариата. Разум пока что одерживает верх, но именно *пока что.*

Два разных начала

Первые шаги Пакистана как независимого государства показывают, насколько важен сам старт государственного строительства. Конституционная ассамблея, созданная еще до раздела колониальной Индии на два государства, тоже была разделена на две ассамблеи по принципу принадлежности депутатов к индийской или пакистанской территориям. Обе ассамблеи сразу же приступили к разработке соответствующих конституций. Разница была в том, что индийцы сосредоточили свое внимание на том, какой должна быть демократия в Индии, в то время как в Пакистане стали думать, а соответствует ли вообще демократия как система управления и совокупность жизненных ценностей гению южноазиатских мусульман. В результате в Индии конституция была принята еще в 1949 г., а в Пакистане – спустя 24 года, в 1973 (конституции 1956 и 1962 гг., полагаем, не «в счет», так как они были «дарованы» правителями и всенародно одобренными основными законами считаться не могут).

Но еще до их принятия из-под пера законотворцев обеих ассамблей вышли два любопытнейших документа, проливающих свет на то, как представляли себе жизнь в современном мире граждане двух

только что обретших независимость государств. Оба назывались одинаково - «Резолюция о целях». Обе резолюции отражали философию, лежавшую в основе каждого из государств.

Индийская «Резолюция о целях», разработанная Джавахарлалом Неру и принятая, кстати, еще в январе 1947 г., т.е. до предоставления независимости, утверждала, что вся власть и полномочия суверенной, независимой Индии исходят от народа. Индийскому народу были гарантированы, в частности, свобода мысли, выражения мнений, вероисповедания и культов, а также гарантии для меньшинств.

Преамбула конституции, составленная на основе «Резолюции о целях», провозглашала: «Мы, народ Индии, торжественно решив учредить Индию как суверенную, социалистическую (более позднее добавление - О.П.), светскую, демократическую республику и обеспечить всем ее гражданам социальную, экономическую и политическую справедливость, свободу мысли, выражения мнений, убеждений, вероисповедания и культов... настоящим принимаем, устанавливаем и даем себе настоящую Конституцию»[1]. В случае различных юридических толкований конституции, если язык ее статей представляется кому-то неясным или двусмысленным, именно преамбула играет особенно важную роль. В ней своего рода квинтэссенция лозунгов и гарантий декларируемых путей развития страны на будущее.

Спустя два года, в марте 1949 г. в Пакистане была принята своя «Резолюция о целях». Она родилась в результате общенациональной дискуссии о роли ислама в жизни Пакистана. Авторами ее были лидеры основных религиозных партий, главным образом маулана А.А.Маудуди - амир созданной им исламской фундаменталистской партии «Джамаате ислами». Участвуя в разработке основных принципов документа, которые должны были лечь в основу конституции демократического Пакистана, Мусульманская лига не могла откровенно игнорировать требования исламистов: после смерти М.А.Джинны в сентябре 1948 г. баланс сил изменился не в ее пользу. Этот факт нашел соответствующее отражение в резолюции.

Признавая, что суверенитет над вселенной принадлежит Всевышнему, авторы резолюции констатировали, что верховная власть всего лишь делегирована государству Пакистан через посредство его народа. Резолюция декларировала уважение принципов демократии, свободы, равенства, терпимости и социальной справедливости, но с важным добавлением - «как это предусмотрено исламом». Цель государства Пакистан, как явствовало из резолюции, состояла в предоставлении мусульманам возможности строить свою жизнь согласно предписаниям ислама. Гарантировалось право религиозных меньшинств свободно исповедовать свою религию и развивать культуру. Провозглашались также гражданские права и независимая судебная система[2].

Документ представлял собой попытку прагматического подхода к проблеме государственного строительства. Авторы резолюции стара-

лись побыстрее удалить со своего пути случайное, как им тогда казалось, препятствие в виде нереалистического требования исламистов о провозглашении исламского государства. Желая сохранить все демократические институты, присущие английской системе правления - гражданские права, независимую судебную систему (пусть в несколько усеченном виде), – они были готовы сделать шаг-другой навстречу исламистам, исходящим в своих требованиях из принципиально иных установок. Для секуляристов-демократов, которые выступали против каких-либо уступок исламистам, резолюция предопределила оборонительную позицию на годы вперед. Практически целиком она вошла в преамбулу к конституции, а при Зия уль-Хаке даже была включена в основной текст.

Настоящее значение резолюции для исламистов, вопреки распространенной точке зрения, состояло не в том, что она в какой-то мере способствовала осуществлению их представлений об идеологических устоях государства Пакистан, а в том, что она создавала прецедент совмещения исламского и гражданского законодательства, образовывала в законодательстве нишу «истинно исламских» положений, которые в будущем, при изменении соотношения сил в пользу исламистов могли бы бесконечно расширяться, пока вовсе не поглотят гражданское законодательство и не проложат путь торжеству законов шариата. Во всяком случае, такова была стратегическая линия исламистов и, надо сказать, они придерживались ее скрупулезно.

Нельзя не обратить внимания на еще один документ, вызвавший острейшие споры и в конце концов тоже одобренный правительством, но уже в 1951 г. - о конституционных принципах государства Пакистан. Он также делает акцент на исламских положениях, в деталях определяя структуру государственной системы и компетенцию отдельных ветвей власти. Последний, 22-й пункт документа гласит: «Толкования конституции, противоречащие положениям Корана и Сунны, не будут иметь силы»[3]. Следует уточнить, что документ был разработан и принят Всепакистанской конференцией улемов, представлявших все школы и направления ислама, а также все провинции.

Таковы были первые шаги двух независимых и теперь уже даже враждебных государств, еще вчера представлявших собой единое целое.

От диктатуры к диктатуре

Логика описанных событий во многом определяла направления деятельности законодательных органов. В то время как в Индии шло живое, порой непростое обсуждение проблем совершенствования демократической системы, в соседнем Пакистане столь же живо продолжали обсуждать меры по исламизации жизни. Голос демократов был слышен далеко не всегда. Соответственно и направленность законодательных актов отражала эту тенденцию.

Происходившее в Пакистане подтвердило еще одну закономерность. Религиозные силы, однажды получив возможность диктовать

свою волю в политике, то есть противопоставлять себя остальной части общества, обязательно доведут дело до прямого конфликта, конфронтации с тяжелейшими последствиями. Так и получилось: кампания террора и убийств в отношении синкретической исламской секты ахмадийя, начавшаяся еще в 1953 г., дезорганизовала жизнь сначала в Пенджабе, а затем во всей стране. А дело было так.

Столкнувшись с серьезной оппозицией в Конституционной ассамблее, улемы решили перенести борьбу из законодательного органа на улицу. Главным лозунгом здесь стало требование объявить секту ахмадийя неисламской и удалить всех ее представителей с ответственных постов и вообще от государственных дел.

Духовный отец и основатель секты Мирза Гулам Ахмад жил в Пенджабе в 1835-1908 гг. Его учение носит синкретический характер, то есть вобрало в себя некоторые элементы неисламской веры и обращено как к мусульманам, так и к представителям других религий, в том числе и индусам. Ахмад объявил именно себя носителем последнего божественного откровения, чем вызвал гнев и возмущение улемов, принадлежащих к другим суннитским сектам. Это было расценено как отрицание того факта, что пророчество Мухаммеда было окончательным. В соответствии с общепринятым пониманием шариата позиция Ахмада была вероотступничеством.

Учение Ахмада выдвигало целый ряд положений, которые ортодоксы считали крамольными. Оно, например, отрицало джихад в отношении англичан, «закят» рассматривало как налог с капитала, а не как налог с доходов, объектами хаджа считало не Мекку, а селение Кадиан в Пенджабе, где родился Ахмад, и Сринагар в Кашмире, где по ахмадийским поверьям, был похоронен один из пророков ислама Иисус Христос. К числу пророков ислама был отнесен и бог индусов Вишну.

Ортодоксальные мусульмане предали анафеме ахмадийцев не только за то, что те считают Мирзу Гулама Ахмада мессией, воплощением Иисуса Христа во втором пришествии, а также носителем конечного божественного откровения, но и за то, что община ахмадийцев существует также в Израиле. И сколько бы ни говорилось, что община эта обосновалась там задолго до создания государства Израиль, все бесполезно: ортодоксы рассматривают ахмадийцев как врагов ислама, отщепенцев и предателей, требуя их немедленного изгнания с государственных постов. Мишенью фанатиков стал, в частности, первый министр иностранных дел Пакистана Чоудхри Зафрулла-хан.

Традиционалистская партия «Маджлис-и-Ахрар», улемы деобандской и барелвийской школ богословия, боевики «Джамаате ислами» (ДИ) – все внесли свою лепту в антиправительственную, антиахмадийскую истерию. Обвинения в адрес правительства за нежелание принять исламскую конституцию стали обязательным местом в речах на антиправительственных митингах.

Идеологическое обоснование для преследований кадиани[4] дал амир ДИ А.А.Маудуди. В отличие от других сект, говорил он, кадиани создали своего пророка и объявили всех, кто не признает его, кафирами. Они проникают в мусульманскую среду, прикидываясь мусульманами, агрессивно ведут свою пропаганду, стремясь увеличить число своих сторонников за счет истинных мусульман. Требования отделения кадиани от мусульманской уммы выдвигаются большинством мусульман, поскольку в данном случае именно большинство оказалось жертвами. С одной стороны, подчеркивал Маудуди, кадиани пользуются всеми привилегиями меньшинства, с другой - захватывают все льготы, предназначенные большинству, рядясь в одежды мусульман. Они захватили гораздо больше, чем им положено. Поэтому на требовании отделения их настаивает не меньшинство, а большинство[5].

Беспорядки быстро нарастали, и в действие вступила другая закономерность, часто проявляющая себя в нестабильных странах в преддверии полного хаоса, - введение военного положения. Впервые в Пакистане власть взяла в свои руки армия. Правда, только в Лахоре. Резня ахмадийцев уже началась, и если бы не вмешательство армии, превратилась бы во всеобщую трагедию. К проблеме ахмадийцев мы еще вернемся позже, в другом контексте.

Введение военного положения в Лахоре было репетицией более широкомасштабной акции со стороны вооруженных сил. Такая акция была предпринята в 1958 г., когда военное положение было введено во всей стране. Начался длительный период правления военных, который не поддается однозначной оценке, однако в целом был, безусловно негативным для развития демократического процесса. Он закончился только в декабре 1971 г. - с поражением Пакистана в очередной войне с Индией. Закончился катастрофически - потерей восточной провинции, которая провозгласила себя государством Бангладеш. Долгая полоса военной диктатуры, сначала открытой, откровенной, потом прикрытой фиговым листком «базовой демократии», отодвинула развитие Пакистана на многие годы.

Шанс взять новый, демократический старт страна получила только с приходом к власти З.А.Бхутто. Однако его эксперименты с «исламским социализмом», нетерпимость и склонность к авторитаризму привели к тому, что период этой весьма условной демократии был кратким - всего шесть с половиной лет. А дальше снова военная диктатура - на этот раз на долгих 11 лет.

Послужной список «демократических» правительств

Если образно сравнивать системы правления в Индии и Пакистане после раздела, то демократию в Индии можно было бы назвать дочерью, а в Пакистане - падчерицей. А если подходить к этому явлению с научно-аналитическими мерками, то демократии в Пакистане вообще не было, и если мы все же употребляем это слово по отно-

шению к Пакистану, то с обязательным добавлением определения «номинальная». Период после Зия уль-Хака дает прекрасную иллюстрацию этого феномена.

Беназир Бхутто и Наваз Шариф, дважды сменявшие друг друга на посту премьер-министра страны, несмотря на многочисленные заявления о намерениях самым решительным образом искоренить коррупцию, ничего не сделали, чтобы избавить страну от этого зла. Напротив, их имена сегодня ассоциируются со злоупотреблениями, говорящими о прямо-таки раблеанских аппетитах по части присвоения государственных средств. В печати мы находим данные, согласно которым семейство Бхутто (Беназир и ее муж Асиф Зардари) присвоило 1,5 млрд. долларов, а Наваз Шариф – 1 млрд.[6]

Но дело не только в коррупции. Не было сделано ничего, чтобы укрепить демократические институты и создать хоть какие-то предпосылки для того, чтобы воспрепятствовать новому захвату власти военными. Скорее злоупотребления, совершенные обоими режимами, несмотря на искусственную атмосферу и присутствующий в заявлениях руководства пафос демократии шаг за шагом прокладывали путь к власти наиболее амбициозным военачальникам. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим несколько более внимательно последний период правления Наваза Шарифа. Не секрет, что первым и формально наиболее важным мерилом демократии является разделение властей - исполнительной, законодательной и судебной. Смысл этого разделения состоит в том, чтобы ни одна из этих ветвей власти не подмяла бы под себя функции другой и не сосредоточила бы в своих руках не предусмотренные законом полномочия. Баланс сил - вот гарантия гармонии в верхнем эшелоне власти. Наваз Шариф был человеком, который, не колеблясь, нарушил этот баланс сил в угоду личным, корыстным интересам.

Исполнительная власть считается сильной, когда ее осуществляет спаянная команда единомышленников, каждый представитель которой хорошо знает, что и как надо делать. Эта ответственная работа предполагает и принятие (делегирование) решений в рамках соответствующих компетенций. Если же член кабинета министров не уверен в том, получит ли то или иное направление его работы одобрение премьера, то, как правило, он уклоняется от принятия каких-либо решений, т.к. боится вызвать неудовольствие сверху и потому предпочитает реальной деятельности симуляцию рабочего процесса. Именно так случилось во время последнего правления Наваза Шарифа. Реально делами в правительстве занимались два-три человека, включая его самого. Плюс его родной брат, главный министр Пенджаба Шахбаз Шариф, представлявший интересы премьера на важных переговорах за рубежом. Остальным он либо не доверял, либо считал их посредственностями, не способными выполнять ответственные поручения. При нормальном течении событий организационные и прочие аномалии может подправить законодательная власть,

которая осуществляет контроль за деятельностью правительства. Но Наваз Шариф за какие-то месяц-другой превратил законодательную и судебную власти в исполнителей своих капризов.

Таким образом, и без того несовершенная демократическая структура правления в мгновение ока превратилась в карикатуру. В руках премьер-министра были сосредоточены все мыслимые полномочия. В этом смысле он мало чем отличался от своего кумира, диктатора Зия уль-Хака, правда с одной существенной разницей. Генерал худо-бедно контролировал ситуацию в стране, а у Наваза Шарифа при всех его безграничных полномочиях все валилось из рук. В Синде беспорядки коснулись всех сфер жизни провинции, и уже без помощи армии устранить их было невозможно. Немногим лучше было положение и в других провинциях.

Деловая империя семейства Шарифов разрасталась настолько неуемными темпами, была окутана таким количеством мелких и крупных скандалов и даже установленных фактов, свидетельствовавших о грандиозной коррупции, что ропот, возникший среди определенной категории пакистанских и зарубежных бизнесменов, быстро перерастал в раскаты грома и грозил вот-вот разразиться крупной бурей. Среди пакистанской общественности, во всяком случае, среди ее значительной части идея возврата военной диктатуры больше не вызывала особой аллергии. Когда 12 октября 1999 г. диктатура нагрянула, многие встретили ее с распростертыми объятиями. Но через год эйфория закончилась. Восстановление законности и порядка оказалось более сложной задачей, чем захват власти. А наведение порядка в экономике – и вовсе непосильной. Но оставим на время проблемы армии и П.Мушаррафа: в конце концов год с небольшим - недостаточный срок, чтобы делать окончательные выводы и давать оценки. Посмотрим на то, что за страна сегодняшний Пакистан и как в ней живется людям.

За полвека существования Пакистан, как и другие, в том числе соседние страны, переболел своей порцией идей-фикс, псевдонаучных концепций, которые, по мысли их авторов, должны были ускорить наступление эры процветания и всеобщего благоденствия. У одних планов переустройства «жизнь» была короткой и принесла минимум неприятностей для пакистанцев, другие оказались, ко всеобщему сожалению, более живучими.

Теория двух наций

К числу таких идей-фикс можно отнести так называемую теорию двух наций. Теория исходит из постулата, что индусы и мусульмане - две различные нации со своими религиями, традициями и обычаями, что они должны жить каждая в своем государстве в соответствии с требованиями тех совершенно различных цивилизаций, к которым каждая нация принадлежит. Может возникнуть впечатление, что теория эта как таковая, может быть, и не апофеоз человеческого разума, но на практике довольно безвредная. Впечатление глубоко ошибочное.

Если вспомнить все перипетии раздела в 1947 г. с перемещением миллионов людей из Индии в Пакистан и в обратном направлении, гибелью от 100 до 300 тысяч человек в результате случайных и планировавшихся стычек индусов и мусульман в ходе этого раздела, то небезвредность идеи станет очевидной. Волосы встают дыбом, когда читаешь воспоминания очевидцев о том, как все это было. Изощренность человеконенавистнических методов истребления невинных людей только за то, что они принадлежат к другой религии, вызывают ужас и отвращение. Горькая память об этом запечатлелась не только в умах и сердцах смертных, но и в анналах истории. Справедливости ради надо отметить, что жестокость и беспричинную ненависть демонстрировали все - и индусы, и сикхи, и мусульмане.

Теперь самое время сделать важную оговорку. Отец пакистанской нации М.А.Джинна, творец теории двух наций, с самого начала не считал свою концепцию теорией, т.е. совокупностью идей, дающих целостное представление о взаимоотношениях и важности самосознания религий. Как либеральный демократ и гуманист он был далек от того, чтобы добиваться создания государства мусульман методами средневековых халифатов. То, что произошло на практике, так же болезненно было воспринято им, как и непосредственными участниками трагедии. Для Джинны теория двух наций была чисто тактическим приемом, преследовавшим одну-единственную цель – создание самостоятельного государства южноазиатских мусульман. Что касалось его личных представлений, то по достижении этой цели теория двух наций теряла силу. Он ни в коей мере не считал ее долгосрочной основой государственного строительства.

Другое дело улемы, вернее те из них, кто главным делом своей жизни считал создание на территории Пакистана «истинно исламского государства». Что для них, как не теория отторжения от индусов, могло быть более пропагандистски ценным? Что, как не она должна была стать основой идеологии, изображавшей соседа-врага чудовищем, повинным не только в прошлых трагедиях, но и будущих несчастьях? Сколько для этого слезных историй о несправедливости со стороны индусов в отношении беззащитных мусульман было опубликовано. Сколько впечатляющих историй и цифр о материальных потерях последних в результате переезда из Индии в Пакистан было пущено в пропагандистский оборот. Посмотрим, что на эту тему говорит известный литератор, историк и уважаемый в Пакистане человек К.К.Азиз:

«… Девять из десяти мусульман-беженцев, прибывших сюда (в Пакистан - *О.П.*), рассказывали нам сказки о тех богатствах, которые они вынуждены были бросить в Индии - дома, земли, процветающий бизнес. Все это были выдумки, не соответствующие действительности. В одной компании с ними оказались и местные мусульмане, которые, по всей видимости, никогда и не бывали в Индии, но которые тоже хотели получить свою долю при дележе собственности. Я помню, что во всем Анаркали (огромный рынок в Лахоре - О.П.) было все-

го две мусульманские лавки, а на всем протяжении Мелла (главная, в том числе и торговая улица Лахора -О.П.) – не более десяти мусульманских магазинов. Каждый второй оставленный дом был полностью обставлен. Было несколько случаев, когда местные жители, какое-то время пожив в домах, полученных по распределению, потом продавали их и получали новые. Я думаю, что как раз с этого началась в Пакистане коррупция в особо крупных размерах. Одновременно наблюдались и такие явления, как моментальные повышения в административном аппарате и армии в связи с освобождением вакансий. Люди перепрыгивали через несколько служебных ступенек и становились крупными деятелями. Это тот путь, который мы проделали с 1947 г. по сегодняшний день и который, я думаю, еще не закончен...»[8]

«Исламская демократия»

После смерти М.А.Джинны в кругу некоторых его последователей время от времени возникала и приобретала немалую силу идея «исламской демократии». Это было обусловлено тем, что среди людей, воспитанных в исламских культурных традициях, общепринятое в буржуазном обществе понятие демократии воспринималось как декларативное и лишенное практического смысла. (Точно так же воспринималось ими и понятие «социалистической демократии», при которой демократические права и свободы якобы не только провозглашаются, но и гарантируются государством и распространяются не на отдельных представителей общества, а на все общество).

Либеральные демократы во главе с М.А.Джинной не отвергали с порога идею «исламской демократии». При этом они подчеркивали: парламентская система должна стать ключевой опорой государства Пакистан. Поскольку каких-либо ясных предписаний насчет содержания исламской конституции в Коране и Сунне нет, а известные точки зрения исламских юристов, факихов на этот счет безнадежно устарели, конституцию нового государства следует составлять с учетом исламских традиций, моральных ценностей и веры граждан. Короче, следует совмещать лучшее в исламе с демократическими принципами и современной конституционной теорией с тем, чтобы получить «исламскую демократию». Тезис о совмещении ислама с современностью дал в руки исламистов ценный козырь, пользуясь которым они торпедировали все попытки либеральных демократов дать стране современную, передовую конституцию. В итоге действующая ныне конституция Пакистана была принята только в 1973 г.

Сторонники «исламской демократии» и сегодня утверждают, что ислам - это особая идеология, образ жизни, система ценностей, которая соединяет преимущества западной и социалистической моделей демократии, избегая их недостатков. Это, по их мнению, некий средний путь, который устраняет возможность конфликта, столкновения разнонаправленных идеологий.

Конкретизируя эту концепцию, маулана Маудуди, создатель южноазиатского исламского фундаментализма называет ее «теодемократией». Это – как подчеркивали в свое время идеологи «Джамаате ислами», партии Маудуди, – и есть «исламская демократия» в самом совершенном ее проявлении. Напомним, что конституционная концепция Маудуди была ориентирована на воссоздание исламского государства времен Мухаммеда. В соответствии с ней суверенитетом обладает один лишь Всевышний, и смертные никак не могут претендовать на право суверенного законотворчества. Они - всего лишь вице-регенты со строго ограниченными полномочиями в законодательных делах. Из чего следует, что особой нужды в законотворчестве силами простых смертных, а следовательно, и парламентом - нет. Божественное откровение, нашедшее отражение в Коране, - это и есть свод главных законов, дарованных мусульманам Всевышним. Парламент, конечно, может принимать законы, но это всего лишь интерпретация верховной воли, реализация права законодателей на иджтихад, самостоятельное, но основанное на принципах писания суждение, не более. До тех пор, пока эта версия будет иметь право на существование, говорить о демократии (предполагающей участие народа, «демоса» в государственной политике в качестве субъекта этой политики) будет не более, чем благим пожеланием.

Это лишний раз показало, что любые попытки «осовременить» ислам, по-иному интерпретировать его основополагающие принципы, сделать их более привлекательными порождают конфликтные ситуации.

«Исламский социализм»

Эта эгалитарно звучащая концепция автоматически привлекает к себе внимание всех, кто считает, что люди от природы равны и имеют одинаковые шансы на счастливую жизнь. Однако тут же выясняется, что отдельные идеологи ислама понимают его не как систему, нацеленную на благосостояние всех членов общества независимо от их принадлежности к той или иной конфессии, а как социализм для мусульман. А если так, то где разница, скажем, с национал-социализмом (фашизмом)?

Что это может означать на практике, показывает судьба уже знакомой нам секты ахмадийя, которая во время правления З.А.Бхутто была законодательно объявлена немусульманской. Решение Национального собрания на этот счет в 1974 г. практически совпало с объявлением «исламского социализма» доктриной, пользовавшейся статусом официальной. Реформы З.А.Бхутто, продиктованные его стремлением к «исламскому социализму», поначалу были с восторгом восприняты частью среднего класса, терпящей материальные лишения. Однако они быстро охладели к этой идее, когда убедились, что ислама в этой концепции нет совсем, а предлагаемый им социализм был настолько непривлекателен, что кроме добавочных тягот не

давал им ничего. Идеология «Джамаате ислами», ее программа выглядели в их глазах гораздо более обещающими. С этого времени собственно и началось падение политического рейтинга Бхутто и возглавляемого им режима.

В 1984 г. Зия уль-Хак издал Указ XX, запрещающий ахмадийцам называть себя мусульманами и пользоваться исламской терминологией и ритуалами. Каждое из этих решений стоило страданий, лишений и даже жизни тысячам ахмадийцев. Время Бхутто и Зия уль-Хака давно закончилось, а проблемы ахмадийцев становятся все более острыми. Только ширма, которой прикрываются репрессии, меняется. Теперь - это Закон о богохульстве (предусматривающий, кстати, смертную казнь за наиболее «тяжкие» преступления) и Закон об антитеррористической деятельности.

Начиная с 1985 г. только международными организациями (включая ООН) было принято восемь документов, обличающих официальные власти Пакистана в настоящем геноциде против ахмадийцев. «Ахмадийская мусульманская ассоциация» в Великобритании опубликовала недавно меморандум для ооновской Комиссии по правам человека. Мы видим в нем убедительные факты преследований ахмадийцев в сегодняшнем Пакистане[9].

Дополнением к этим примерам могут служить сообщения уважаемого и хорошо известного журналиста Ирфана Хусейна, который писал 25 ноября, что не далее как 30 октября 2000 года суннитские фанатики застрелили 5 и ранили 12 ахмадийцев в деревне под Сиалкотом. Десятью днями позже были убиты еще 5 ахмадийцев в деревне Тахт-Хазари недалеко от Саргодхи. Как водится в таких случаях, никаких арестов произведено не было[10].

До раздела Индии в 1947 г. центром ахмадийской общины была деревня Кадиан в индийском Пенджабе, место, где в XIX в. родился основатель общины Мирза Гулам Ахмад. После раздела центр секты был перенесен в городок Рабва в пакистанской части Пенджаба. Здесь до 1983 г. проходили ежегодные конференции ахмадийцев. Проходили тихо и мирно, без каких-либо эксцессов или сенсаций. Тем не менее в 1984 г. эти конференции были запрещены на том основании, что они якобы представляли собой угрозу спокойствию и правопорядку. Одновременно наиболее фанатичным противникам ахмадийцев разрешили шествия, митинги и конференции все в том же г. Рабва. Разрешили, разумеется, негласно. Чтобы представить, что говорится на таких сборищах, послушаем выступающих на одном из них, состоявшемся 7 и 8 октября 2000 года.

Белуджский мулла Ашраф Али: афганские талибы и пакистанские клерики - не террористы. Подобно Афганистану Пакистан скоро будет иметь исламское правительство талибов.

Политик Кари Аджмал в предложенной (и принятой) резолюции: сенаторы, которые выступают против шариатского законопроекта

(предложенного еще правительством Наваза Шарифа, имеющего целью вместо конституции объявить верховным законом страны шариат и отклоненного высшей палатой парламента - О.П.), должны быть приговорены к смертной казни.

Маулана Юсаф Лудхианви: Национальная ассамблея не должна была ограничиваться лишь объявлением ахмадийцев немусульманами. Она должна была удовлетворить требования улемов объявить их вероотступниками и приговорить к смертной казни.

Маулана Абдул Рахим: ахмадийцы не просто вероотступники, но зиндики (атеисты, еретики). Вероотступники имеют право на три дня, чтобы отказаться от своих убеждений. Зиндики же должны быть казнены немедленно.

Мулла Сайфулла: если исламское правительство Пакистана окажет нам поддержку, мы немедленно убьем всех евреев и христиан[11].

Вот такие «милые» люди выступают сегодня от имени мусульман Пакистана не только в г. Рабва, но повсюду, где устраиваются какие-либо религиозные сборища. И, что характерно, мероприятия, на которых произносятся такие речи, скрыты под благозвучными лозунгами «единства всех мусульман», «предотвращения сектантской розни», против «происков антиисламских сил» и пр.

Последствия геополитических перемен

Распад Советского Союза и последовавшее за ним крутое изменение в политике Соединенных Штатов в значительной степени способствовали распространению исламского фундаментализма. Государства-сателлиты США после этого распада испытывают синдром сиротства. Примером этого явления может служить Пакистан.

Фундаменталистские группы, возникавшие на территории Пакистана с поощрения пакистанской Межвойсковой разведки в основном на американские деньги и служившие пополнением афганского Альянса семи, оказались без кормильца и попечителя. Они выполнили свою миссию, и США более не считали нужным снабжать их финансовыми средствами и оружием. Менталитет фанатиков не позволил моджахедам взглянуть на новое положение дел с позиции изменившихся геополитических реалий. Еще вчера считавшие Америку своей надеждой и опорой, они в одночасье стали ярыми антиамериканцами. Пакистанская политическая и военная элита, верой и правдой служившая США с 50-х годов, тоже испытала унижение в связи с безразличием Вашингтона к судьбам вчерашнего союзника и тоже стала проникаться несколько более мягкими, но все же антиамериканскими настроениями. Этим, в частности, объясняется их отношение к формирующимся на территории Пакистана террористическим группам и организациям как респектабельным освободительным силам, к вопросу выдачи США саудовского террориста Усамы бен Ладена и продолжающейся помощи режиму Талибан в Афганистане.

Уход в прошлое двухполярного мира вызвал к жизни в самой стране и нечто более опасное - распространение системы образования, рассчитанной на подготовку моджахедов (талибов), пушечного мяса для перемалывания в афганской мясорубке. Речь идет о медресе, сеющих в умах молодежи семена перманентной ненависти, настраивающих ее на войну с «неверными», обращающих особое внимание на идеологическую индоктринацию попавшей в их руки молодежи. Индоктринацию, естественно, исламско-фундаменталистскую. Таких «учебных заведений» насчитывается в Пакистане свыше 40 тысяч. Раньше на содержание медресе шла часть американских денег из сумм, передаваемых заокеанскими спецслужбами Межвойсковой разведке Пакистана. Времена изменились, американские деньги вместе с сотрудничеством разведок двух стран ушли в небытие, но связка с разведкой улемов из партий «Джамиатул улемае ислам» и «Джамаате ислами», в основном ответственных за подготовку моджахедов, осталась. Трудно сказать, какова зависимость медресе от средств, получаемых из рук разведки сегодня, но, похоже, они особенно не бедствуют. Наивные представления, что у разведки нет собственных средств и что она пользуется исключительно деньгами, выделяемыми ей по бюджету, были развеяны скандалом с подкупом кандидатов еще на выборах 1990 г.

Сейчас другие времена. Изменилась идеологическая ориентация будущих воинов ислама (к числу врагов ислама добавились США), но если быть до конца объективными, в основном все осталось по-старому. Именно поэтому передовая часть пакистанского общества предлагает правительству строго ограничивать и контролировать деятельность медресе, где главный контингент учителей - полуграмотные муллы, передающие своим подопечным свое, зашоренное сектантскими представлениями и примитивным восприятием мира видение Корана и долга мусульманина. До тех пор, пока медресе заменяют собой принятую во многих странах систему академического образования, Пакистан будет продолжать катиться в пропасть невежества, а процент неграмотных (сейчас он составляет три четверти населения) увеличиваться.

Как ни серьезна проблема безграмотности и невежества, но есть и нечто гораздо более опасное для судеб страны. Это наркомания. Если раньше (лет 15 назад) о численности населения, попавшего в эту беду, никто не говорил, поскольку она была ничтожно мала, то после афганской эпопеи подсчеты предлагают нам пугающие цифры. Сказать точно, сколько в сегодняшнем Пакистане лиц, регулярно употребляющих наркотики, невозможно. Приводятся разные данные, одни страшнее других. Известно только, что это миллионы. Причем многие из них «сидят на игле», употребляют героин, то есть обречены на довольно быструю деградацию и смерть. Лаборатории же, производящие «белую смерть» из опиума, выращиваемого в труднодоступ-

ных горных районах системы Гиндукуш, и расположенные главным образом в так называемой Зоне племен, управляемой непосредственно центром, а также в Афганистане, продолжают работать и приносить наркодельцам фантастические прибыли.

Исламская умма и Пакистан

Ошибочные представления о том, что ислам - это некий монолит, противостоящий современным идеям развития и гармоничной жизни, исходящим от других цивилизаций, других религий, часто препятствуют пониманию процессов, происходящих в исламской мировой общине, умме. Между тем внутри нее идет интенсивная дискуссия о будущем мира ислама, его взаимоотношениях с остальной частью человечества: должны ли мусульмане отвергнуть все западные представления о диалектике жизни и межнациональных, межконфессиональных отношений? Должны ли они замкнуться в коконе «исламской модели» или попытаться найти общий язык с вчерашними противниками, отказавшись от традиционной конфронтационной аргументации, пытаясь выработать общие подходы к проблемам гуманитарного свойства с тем, чтобы прийти, наконец, к необходимости объединения всех усилий в борьбе с общим для человечества злом – нищетой, социальным и экономическим неравенством, невежеством, безграмотностью и болезнями? Или все еще продолжать размахивать мечом нетерпимости и насилия в тщетных атаках на секуляризм и современность, технологический прогресс и гражданские свободы. С особенной остротой эти вопросы встают сегодня перед такими странами, как Афганистан, Алжир, Египет, Индонезия, Нигерия, Судан, Сомали, Пакистан, где склонность к насилию и религиозная нетерпимость часто определяют отношение к наиболее острым и актуальным проблемам.

Показательно, что число ответственных представителей мусульманской уммы, выступающих за конструктивный диалог с немусульманами, постоянно растет. Не так давно в Катаре начало работать независимое радио «Аль-Джазира», передающее беспристрастную информацию о событиях в арабских странах и вообще вокруг мусульманского мира. Похоже, что радио свободно от какого бы то ни было контроля со стороны официальных кругов и демонстрирует высокую ответственность при обсуждении проблем, касающихся отношений уммы с другими странами мира, в том числе Запада и России. Оно обращается к таким вопросам, как отсутствие демократии в арабских странах, недостаток прозрачности в их политике, бесконтрольность власти и коррупция.

К сожалению, в Пакистане такую же ответственность демонстрирует только узкая прослойка интеллигенции, видящая реальный вектор развития их страны в случае продолжения политики, корнями идущей из Эр-Рияда. Каков же наиболее вероятный вариант развития Пакистана, что будет с улемами, демократией и армией?

Исторический опыт говорит о том, что события вряд ли пойдут, в конечном счете, по сценарию «Талибан». Даже если апологеты исламской идеи наберут столько сил, что будут в состоянии кардинальным образом изменить государственное устройство Пакистана, сделать его чем-то вроде Ирана (на суннитской, разумеется, основе), то весь более чем 50-летний опыт государственного строительства здесь окажется ненужным и даже вредным, поскольку противоречит всем известным концепциям исламского государства. Надеждам землевладельческо-бюрократической олигархии и верхушки предпринимательской прослойки удержать ведущие позиции в стране будет положен конец. Армия как госструктура тоже окажется в подчиненном положении, но не в четких юридических рамках, определенных конституцией, а в качестве послушного орудия халифа, склонного, весьма вероятно, к эмоциональным, непродуманным шагам. Предположить, что такое может произойти в Пакистане, десятилетиями жившем в соответствии с конституцией, весьма и весьма трудно.

В равной степени трудно представить себе, что здесь утвердится западная (американская или одна из европейских) модель демократии. Она здесь не приживется именно в связи с тенденцией к исламизации. Попытки преодолеть ее сопряжены не просто с возможностью конфликтов, но с риском гражданской войны.

Скорее всего, в Пакистане будет господствовать номинальная демократия, при которой формально функционируют независимые ветви власти и институты демократии, но в которой ислам будет играть роль важного, а возможно, и определяющего элемента.

[1] Дурга Дас Басу. Основы конституционного права Индии. – М., 1986. – С. 57-58.

[2] Leonard Binder. Religion and Politics in Pakistan. – University of California Press. – С. 142-143.

[3] Maryam Jameelah. Who is Maudoodi? – Lahore, 1973. – С. 11-13.

[4] Другое распространенное название ахмадийцев. Кадиан - место рождения М.Г.Ахмада. На самом деле кадиани - одна из двух подсект ахмадийцев, другая - лахори (от г.Лахор).

[5] Abul Ala Maududi. The Qadiani Problem, Jama'ate Islami. – Karachi, 1953. – С. 22-23.

[6] Dawn, 17.12.2000.

[7] Восток. – 2000. – № 4. – С. 91-104.

[8] Herald. Karachi, 1997, Annual. – С. 80.

[9] Memorandum for Commission on Human Rights, Persecution of Ahmadiyya Muslims in Pakistan. Ahmadiyya Muslim Association, UK. – London, March 2000. – С. 11-13.

[10] Dawn, 25.10.2000.

[11] Memorandum… с. 14.

К.И.Поляков

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В АРАБСКИХ СТРАНАХ

В последней трети XX века на политическую обстановку в целом ряде арабских государств все сильнее стал воздействовать рост религиозного экстремизма. Связанные с ним террористические проявления поставили в число приоритетных задачу организации противодействия исламистам. В результате скоординированных действий арабов на национальном, региональном и международном уровнях исламские экстремисты частично утратили свои позиции на Ближнем Востоке. Наиболее активные элементы из числа «непримиримых» были вытеснены за пределы большинства стран этого региона. Некоторые из них стали перемещаться в государства Центральной Азии, а также в районы традиционного распространения ислама в Российской Федерации.

Опыт арабских стран представляет интерес для России не только в целях предупреждения и локализации внешних угроз со стороны зарубежных исламских организаций экстремистской направленности, но и для анализа внутренних социально-экономических условий зарождения религиозного экстремизма. В 90-е годы для России, значительная часть населения которой исповедует ислам (около 12,5%), во многом стали характерны проблемы социально-экономического порядка, которые ранее считались специфичными лишь для стран «третьего мира». Соответственно, острее проявлялись присущие некогда только «развивающимся странам» некоторые типичные черты своеобразной религиозно-политической ситуации: обострение межконфессиональных противоречий, проявление религиозной нетерпимости, усиление фундаменталистских тенденций и др.[1]

Проблема религиозного экстремизма и терроризма затронула не только Арабский Восток, но и многие другие мусульманские страны. В настоящее время более чем в 70 странах мира насчитывается около тысячи групп и организаций, прибегающих в своей деятельности к методам террора. По экспертным оценкам, около 200 из них используют ислам в качестве идеологической основы своей деятельности. Существенно возрос уровень технической оснащенности террористов, и укрепилось финансирование. Согласно секретному докладу, ЦРУ около 120 «террористических исламских группировок» по всему миру получили в 1998 г. финансовую помощь на сумму 4,5 млрд. долларов[2]. Заметно усилилась их связь с наемничеством и наркобизне-

сом. Отмечавшиеся до недавнего времени попытки политических кругов США связать понятия «исламский экстремизм» и «международный терроризм» претерпели изменения.

В 80-е годы проблема «терроризма ближневосточного происхождения», по существу, стояла в числе важнейших угроз в первую очередь для США и некоторых их союзников. Уже в наши дни, когда американцы переориентировались на поддержку албанских мусульман (события в Косово), ситуация стала меняться. В то же время в России 90-х годов (главным образом в электронных СМИ) стали проявляться рецидивы времен «холодной войны» западных подходов к исламу. Уже в нашей стране наметилась тенденция увязать «арабо-мусульманский фактор» с «исламским терроризмом» или «исламским экстремизмом». Такого рода попытки усилились в связи с проведением контртеррористической операции на Северном Кавказе, но они не получили широкой поддержки среди научных кругов и практических работников-арабистов. Как отмечал заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России А.Подцероб, «арабские государства не поддерживают терроризм в России. И у арабских правительств, и у нас один общий враг – это экстремизм, который на данном этапе прикрывается исламскими лозунгами»[3].

В минувшее десятилетие в разных странах Арабского Востока проблеме борьбы с религиозным экстремизмом придавалось бóльшее или меньшее значение в зависимости от конкретных условий. Это можно выборочно проиллюстрировать на примере некоторых арабских стран. Так, в Арабской Республике Египет в 90-е годы в силу ряда причин социально-экономического и политического характера вопросы борьбы с исламским экстремизмом стали в разряд приоритетных. В этот период руководство АРЕ начало оценивать исламский экстремизм как одну из основных угроз национальной безопасности. Это связано с намерениями исламистов заменить существующий конституционный строй формой государственного устройства, основанного на предписаниях Корана и шариата.

Созданная в 90-е годы в АРЕ система борьбы с экстремизмом включала в себя большинство органов законодательной и исполнительной власти. Важное значение в Египте придавалось налаживанию взаимодействия в этой сфере всех государственных органов. Для этих целей при правительстве страны была образована Межведомственная рабочая группа по координации деятельности правоохранительных органов, учреждений пропаганды и просвещения, министерств и ведомств социального и экономического блоков правительства. Значительная роль в этой системе отводилась Высшему суду безопасности, членами которого назначались армейские офицеры. Приговоры суда обжалованию не подлежали. По характеру действий и полномочиям он был подобен чрезвычайному трибуналу. Ос-

новной мерой наказания за преступления террористического характера стали каторжные работы или смертная казнь.

После покушения в 1995 г. в Аддис-Абебе на президента АРЕ Хосни Мубарака в Египте была разработана комплексная программа борьбы с терроризмом. В рамках ее реализации в 1997 г. были приняты дополнительные меры по усилению противодействия исламскому экстремизму. В частности, увеличена численность и усовершенствована программа подготовки кадров, расширены полномочия Главного управления государственной безопасности МВД. Новый глава этого ведомства Х.Албери, который занял пост в 1998 г., сумел заметно активизировать в стране антитеррористическую деятельность. В частности, по его приказу было усилено патрулирование египетско-ливийской границы для ограничения возможностей передвижения подозрительных лиц. Кроме того, в морских портах и аэропортах АРЕ была установлена закупленная в США аппаратура для обнаружения взрывчатых веществ.

Одновременно был усилен государственный надзор за религиозными учреждениями страны. Для противодействия использованию исламистами мечетей в своих целях египетскими властями в 1996 г. был принят рассчитанный до 2000 г. план перевода под контроль Министерства вакуфов около 30 тыс. небольших мечетей. Тем самым устанавливался контроль над сбором пожертвований, которые служили одним из источников финансирования исламских группировок. Кроме того, были проведены аудиторские проверки финансовой деятельности Ассоциации «Братья-мусульмане», профсоюзов врачей, адвокатов, инженеров, фармацевтов, которые, по данным властей, поддерживали экстремистов. К августу 1996 г. благодаря соглашениям о сотрудничестве в области безопасности, подписанным Египтом с рядом стран, МВД АРЕ во многом удалось решить проблему перехвата поступлений из-за границы средств, предназначенных исламистам[4]. Из-за резкого сокращения в результате таких действий финансовой базы многие исламские организации Египта были вынуждены отказаться от участия в выборах в местные органы власти.

В последние годы власти Египта продолжали проводить жесткую линию в отношении исламских экстремистов. При этом игнорировались как их призывы к перемирию с властями, так и угрозы в их адрес. Руководство АРЕ считало, что заигрывание с экстремистами только спровоцирует активность их намерений по захвату власти. Такой курс египетского правительства позволил к 1998 г. добиться определенного снижения деятельности экстремистов внутри страны. Вместе с тем, признавая заметные тактические успехи египетских властей в борьбе с религиозным экстремизмом, нельзя не отметить, что в стратегическом плане силовые акции в отношении исламистов зачастую давали обратный эффект. Они способствовали росту их популярности в своей среде и авторитета среди тех слоев населения, которые можно отнести к со-

циальной базе исламистов. Более того, военные и полицейские методы увеличивали напряженность в египетском обществе, вызывали критику со стороны правозащитных организаций.

В создавшихся условиях исламские фундаменталисты получали возможность не только критиковать режим за проводимую им прозападную политику, идущую, по их мнению, вразрез с местной культурой, традициями, образом жизни и т.п., но и приобретали имидж борцов за «подлинную независимость» страны. Показательно в этой связи высказывание верховного наставника «Братьев-мусульман» в Египте Мухаммеда Хамида Абу ан-Насера, который заявил, что члены этой организации не только «требуют введения шариата как гарантии свобод и защиты имущества граждан», но также «прилагают все свои душевные и физические силы в интересах независимости страны, освобождения ее от любых форм иностранного проникновения или вмешательства во внутренние дела»[5]. При этом исламисты использовали недовольство части египетского населения значительным американским присутствием в стране (включая большое количество американских советников и специалистов в министерствах и ведомствах АРЕ).

Не имея возможности на данном этапе кардинально решить весь комплекс проблем, ограничивающих влияние исламских экстремистов, египетские власти ищут наиболее оптимальные варианты действий. Так, в последние годы наряду с жесткими репрессивными мерами в отношении исламистов, осуждением к длительным срокам тюремного заключения и каторжным работам время от времени проводились амнистии, сопровождавшиеся выдачей денежных средств осужденным на обустройство после выхода из мест заключения. Например, только в 1998 г. из египетских тюрем было освобождено около 50 тыс. человек, осужденных по Закону «О чрезвычайном положении». В мае 1999 г. было освобождено около 1200 членов «Аль-Гамаа аль-исламия». Кроме того, осознавая, что проблема экстремизма имеет глубокие экономические и социальные корни, власти АРЕ, в том числе и для ослабления влияния исламских экстремистов среди населения провинций юга Египта, реализуют комплексную программу социально-экономического развития этой части страны.

На сегодня власти АРЕ считают, что основная угроза для национальной безопасности страны исходит от зарубежных руководящих структур исламских экстремистов, которые в своей деятельности опираются на многочисленные египетские общины за рубежом (в том числе, в странах Западной Европы и США). В этой связи египетские правоохранительные органы рассматривают взаимодействие со своими иностранными коллегами как один из факторов, способствующих успешному противодействию этим зарубежным структурам. Однако не всегда попытки египетских властей добиться арестов и депортации в страну находящихся за границей наиболее радикально настроенных

руководителей основных исламских организаций находят поддержку у зарубежных партнеров. В этом плане у египетских властей иногда возникают серьезные проблемы, как например, с Великобританией.

В 90-е годы необходимость борьбы с религиозным экстремизмом особенно остро встала перед руководством Алжира. Его власти прибегли к самым крайним мерам подавления экстремизма и терроризма, вплоть до введения в законодательном порядке режима чрезвычайного положения. Как известно, в результате предпринятых правительством АНДР в 1992 г. радикальных мер по недопущению к приходу к власти исламистов в стране фактически началась гражданская война. На первом ее этапе (1992 г. – середина 1996 г.) между двумя сторонами развернулись боевые действия в обширных районах, подконтрольных исламистам. Масштаб противоборства свидетельствовал о том, что армия и силы безопасности ни в техническом, ни в тактическом плане оказались не готовы для ведения борьбы с исламским терроризмом. В дальнейшем постоянное и скоординированное давление со стороны армии и сил безопасности, использование сил самообороны, хорошо знающих местность в районах боев, позволили локализовать очаги сопротивления исламистов. На втором этапе войны (с середины 1996 г. до конца 90-х годов) действия исламских экстремистов стали носить более ограниченный характер. Закрепившись в труднодоступной гористой местности, они осуществляли отдельные террористические акции. В этих районах правительственные подразделения продолжают проводить военные операции, в том числе с применением авиации и тяжелой техники.

В рассматриваемый период главной силой в борьбе с терроризмом в Алжире выступала армия. Министерство обороны имеет специальное подразделение по борьбе с терроризмом, оснащенное самым современным вооружением, включающим вертолеты и бронетехнику, приспособленные для ведения боевых действий в пустыне. Для координации борьбы с исламскими экстремистами в Алжире был создан специальный Руководящий межведомственный комитет, который принимает решения, обязательные для исполнения всеми силовыми структурами. В зависимости от конкретных условий власти Алжира применяли различные силы. Так, в крупных городах борьба с экстремистами велась силами спецподразделений национальной полиции, в пригородных зонах и сельских местностях использовалась национальная жандармерия, а в лесных и горных массивах страны привлекались армейские подразделения. В непосредственном подчинении указанного комитета находится группа специального назначения, которая проводит операции по освобождению заложников, ликвидации террористов на их базах и т.д.

В свою очередь, правоохранительные органы АНДР осуществляли мероприятия по перекрытию каналов поступления экстремистам финансовой поддержки. Одновременно ими проводились операции по

борьбе с наркобизнесом, которым занимаются исламисты для получения денежных средств. Власти Алжира стремились также использовать недовольство населения нападениями террористов и поощряли инициативы жителей ряда городов и населенных пунктов по созданию групп самообороны, обеспечивая в отдельных случаях ее участников оружием. За каждого выявленного боевика заявителю выплачивалось денежное вознаграждение в местной валюте, эквивалентное примерно 50 американским долларам. В целях дискредитации исламистов в глазах алжирской и мировой общественности активно используется в пропагандистских целях тот факт, что вопреки исламским нормам террористы усиливают свою активность в период священного для мусульман месяца Рамадан. Одновременно в этот период во всех населенных пунктах ожесточаются меры безопасности. Проводятся массовые превентивные аресты выявленных экстремистов, силами антитеррористических подразделений устраиваются облавы исламистов.

Кроме этого, власти АНДР проводили соответствующую профилактическую работу с руководителями религиозных учреждений и проповедниками. В частности, в сентябре 1997 г. имамам столичных учреждений культа властями было вынесено предупреждение о том, что они несут уголовную ответственность за порядок внутри вверенных им помещений. Кроме того, проповедников предостерегли от каких-либо попыток трансформации мечетей в оплоты подрывной деятельности. Одновременно в качестве одной из штрафных санкций, направленных на недопущение использования мечетей экстремистами, алжирские власти стали практиковать перевод частных учреждений культа в государственную собственность[6].

При этом алжирские власти отдавали себе отчет, что невозможно стабилизировать обстановку и блокировать террористическую деятельность экстремистов в стране только репрессивными и административными мерами. В этой связи они прибегали к переговорам с лидерами исламистов, сомневающимися в возможности захвата власти вооруженным путем, пошли на объявление амнистий. Однако такие акции не давали ожидаемых результатов из-за отсутствия единства в правительстве по критериям возможного освобождения от судебной ответственности членов экстремистских организаций. В Алжире действует положение, согласно которому от такой ответственности освобождаются лица, не причастные к преступлениям против гражданского населения. Что касается активных боевиков, то они должны привлекаться к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Тем не менее, комплексное применение в Алжире мер по противодействию исламскому экстремизму принесло определенные результаты. Среди наиболее значимых из них – самороспуск Исламской армии спасения (вооруженное крыло Исламского фронта спасения – ИФС), завершившийся в январе 2000 г. Большинство ее боевиков и полевых командиров во главе с Мадани Мезрага сложили оружие и

были амнистированы. Исламисты частично утратили имевшиеся у них внутри страны возможности для организации борьбы за захват власти, многие были вынуждены выехать за границу. Указанное обстоятельство побудило алжирское правительство активизировать многостороннее и двустороннее сотрудничество с другими странами по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

В Саудовской Аравии проблема исламского экстремизма в 90-е годы также была весьма актуальной[7]. Для борьбы с ним власти королевства использовали весь арсенал имевшихся средств. Наряду с принятием соответствующих политических решений государство продолжало создавать законодательную базу для использования мер полицейского, административного и уголовно-процессуального характера. Они разрабатывались с учетом особенностей применявшихся исламскими экстремистами форм и методов распространения своих идей и проведения антиправительственных акций в предыдущий период (70-80-е годы). Вслед за подавлением экстремистских выступлений, связанных с вооруженной попыткой захвата мекканского храма в ноябре 1979 г., король произвел значительную реорганизацию руководства полиции и армии, сменил чиновников в Западной и Восточной провинциях, а также пригласил французских и западногерманских специалистов для укрепления службы безопасности. Власти потребовали от религиозных лидеров взять под контроль исламских радикалов, запретив последним чтение проповедей в мечетях.

Однако королевская семья отдавала себе отчет в недостаточности запретительных и репрессивных мер в борьбе с религиозным экстремизмом. Социально-экономические и политические трудности побудили правящую династию пойти на определенные уступки в вопросе о власти. Прежде всего Саудиды прибегли к консультациям со своими подданными. Это было необходимо для снижения социальной напряженности путем расширения участия рядовых саудовцев в управлении страной. Тем самым, с одной стороны, частично удовлетворялись требования части саудовского общества, вовлеченной в процесс модернизации, либерализации и реформирования жизни в стране, а с другой, как бы делалась уступка мусульманским традиционалистам, возглавляемым улемами, которые выступали за возврат к принципам демократизма уммы. Сторонники либерализации настаивали на учреждении парламента в рамках существующего монархического режима, а улемы добивались ужесточения борьбы за чистоту ислама и возврат к его первоосновам[8].

В результате было принято компромиссное решение: в марте 1992 г. король Фахд внес ряд изменений в политическую систему страны, подписав три декрета. В соответствии с одним из них он учредил Консультативный совет (Маджлис аш-шура), который стал прообразом представительного органа. В его функции входило обсуждение деятельности правительства и выработка рекомендаций

для короля. Учреждение такого органа означало некоторое отступление от абсолютизма. В состав Консультативного совета вошло 60 человек, которые представляли академические круги, предпринимателей и умеренных улемов. Все члены Консультативного совета были назначены королем Фахдом. При этом приоритет был отдан сторонникам прозападной ориентации. Так, 32 члена совета являлись выпускниками различных западных университетов. Представительство улемов-традиционалистов было весьма ограниченно[9]. Следует отметить также, что в общественно-политической системе большую, хотя и опосредованную роль играет Совет улемов, являющийся совещательным органом при короле.

В 90-е годы исламская оппозиция в Саудовской Аравии получила пополнение в лице так называемых неоваххабитов-проповедников. На защиту традиционных исламских ценностей и ваххабитского аскетизма встали представители интеллигенции – учителя школ, преподаватели и студенты теологических факультетов вузов. Занимая антизападную и антишиитскую позицию, неоваххабиты развернули активную деятельность под радикальными лозунгами. Все возрастающей симпатией это движение стало пользоваться среди молодежи. Зарождение неоваххабизма относится к 1991 г., когда некоторые преподаватели – сторонники традиционализма в своих университетских лекциях подвергли критике политику официального Эр-Рияда при проведении операции «Буря в пустыне», а также осудили определенную либерализацию, допущенную правящим режимом в отношении женского вопроса, в частности по поводу разрешения женщинам водить автомобили.

Кроме того, неоваххабиты резко раскритиковали действующую в стране банковскую систему, построенную, по их мнению, на ростовщическом проценте, что, как известно, противоречит предписаниям Корана. Радикалы выступили также против распространения западной видеопродукции в стране, считая, что через этот канал в стране насаждаются порочные социальные и иные стандарты Запада. Одновременно они призвали правоверных к бдительности в связи со «всемирным иудейско-христианским заговором против мусульманских народов». Наконец, в своих выступлениях неоваххабиты назвали проводимую домом Саудидов внешнюю политику неисламской. В 1992 г. власти Саудовской Аравии провели кампанию арестов наиболее активных сторонников новой ваххабитской оппозиции.

Меньшим влиянием в 90-е годы в саудовском обществе пользовались сторонники либерального крыла религиозной оппозиции. Они выступали за устранение наиболее одиозных пережитков прошлого, смягчение норм шариата в повседневной жизни. К исламской оппозиции их можно было отнести в значительной мере условно и только в той степени, в какой любое движение политического протеста может существовать в исламизированном саудовском обществе. Либералы

были представлены Комитетом защиты законных прав (The Committe for the Defense of the Legitimate Rights), который возглавил саудовский диссидент Мухаммед аль-Масари, по специальности профессор-физик. Комитет был создан в 1993 г. в Эр-Рияде, однако затем запрещен властями, после чего его штаб-квартира была перенесена в Лондон. Оттуда поддерживалась постоянная связь со сторонниками Комитета в Саудовской Аравии. Эта группировка обвиняла королевский режим в коррупции, недемократических методах управления, игнорировании требований проведения реальных политических реформ. Комитет активно критиковал жесткие меры саудовского правительства против оппозиционно настроенных деятелей[10].

Шиитская часть религиозной оппозиции в минувшее десятилетие также представляла предмет беспокойства для саудовских властей. Это было связано с тем, что шиитская община в Саудовской Аравии состоит главным образом из рабочих и служащих на нефтяных месторождениях в Восточной провинции. Вследствие этого их политическая лояльность к правящему режиму имеет огромное значение. Исламисты, выступающие от имени шиитского меньшинства, заявляли об ущемлении прав на свободное отправление священнослужения, а также на замещение шиитами руководящих постов в армии и государственном аппарате.

В 90-е годы правительство Саудовской Аравии продолжило меры по снятию социальной напряженности в Восточной провинции (реализация экономических проектов, увеличение расходов на здравоохранение, образование и пр.). Осенью 1993 г. король Фахд вступил в контакт с шиитскими диссидентами, которые вели активную антисаудовскую пропаганду за рубежом, призвав их вернуться домой и обещая разрешить строительство шиитских мечетей и создать новые рабочие места специально для шиитской общины. Эти шаги позволили Эр-Рияду значительно ослабить напряженность в Восточной провинции, но не сняли окончательно с повестки дня шиитский вопрос в Саудовской Аравии[11].

Присутствие многотысячного контингента западных войск в районе Персидского залива продолжало вызывать негативную реакцию исламских радикалов. В ноябре 1995 г. экстремистами на улице в Эр-Рияде была взорвана автомашина, груженная взрывчаткой. Теракт произошел возле Центра военных коммуникаций, используемого военными советниками США, в результате чего погибли семь американских военнослужащих. Второй, более мощный взрыв такого же рода произошел в июне 1996 г. на базе ВВС в Хубаре (Восточная провинция), также используемой американцами. Погибли 19 американских военнослужащих и 64 человека были серьезно ранены[12]. В ответ на новый вызов исламских экстремистов власти Саудовской Аравии в конце 90-х годов активизировали действия сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, были приняты меры по усилению служб безопасности и органов правопорядка, главным образом путем привлечения западных специалистов. Одновременно саудовцы интенсифицировали свое участие в межарабском переговорном процессе по выработке соглашений о борьбе с международным терроризмом. Во-вторых, были разработаны программы социально-экономического развития, реализация которых способна, по мнению правительства, сбить волну исламских оппозиционных настроений в обществе. В-третьих, значительное внимание саудовские власти стали уделять последовательному и целенаправленному формированию в общественном сознании через государственные средства массовой информации идеи саудовской нации[13]. В-четвертых, правящий режим начал демонстрировать свой отказ от практики поддержки различных исламских движений за рубежом.

В Республике Судан в 90-е годы исламский экстремизм не считался превалирующей угрозой среди других видов экстремизма и терроризма. Противодействие религиозному экстремизму здесь имело ряд специфических особенностей, связанных с общественно-политической ситуацией в этой стране и ее международным положением. В частности, это было вызвано обвинениями США в адрес Судана о якобы осуществляемой им поддержке международного терроризма, что как бы автоматически вытекало из сути господствующей в стране идеологии исламского фундаментализма. Руководство Судана категорически опровергало эти утверждения. Оно заявляло, что на государственном уровне поддерживает (наряду с другими вероисповеданиями) умеренный традиционный ислам маликитского толка, который, по его мнению, наилучшим образом сочетается с многонациональным составом суданского общества.

Лидеры исламского движения в стране отвергали обвинения в экспансионистской направленности своих взглядов. «Суданцы, – отмечал в 1999 г. генеральный секретарь Национального конгресса Судана (правящей партии) Хасан ат-Тураби, – не занимаются экспортом исламской революции. Для них ислам – это одна из составляющих национальной идеологии наряду с патриотизмом, принадлежностью к арабскому и африканскому сообществу». В то же время суданцы осуждали любые проявления экстремизма, в том числе религиозного (исламского, христианского и т.п.). По этому поводу ат-Тураби не так давно заявил: «Религия призывает нас, чтобы мы исповедывали ее в доброжелательном диалоге, чтобы мы на равных взаимодействовали с теми, кто не согласен с нами, и убеждали их работать вместе»[14].

С середины 90-х годов власти Судана начали принимать меры по борьбе с отдельными проявлениями исламского экстремизма, в том числе с деятельностью радикально настроенных группировок ханбалитского толка (как их называют в Судане,— ваххабитов). Правоохранительные органы страны были ориентированы на противодействие незаконной деятельности любых религиозных группировок

экстремистской направленности, использующих методы террора, а также оппозиционных сил, ведущих вооруженную борьбу против режима. Под последними подразумевалась, главным образом действующая на Юге страны Национально-освободительная армия Судана во главе с Дж.Гарангом. В настоящее время в Судане осуществляется разработка Закона «О борьбе с терроризмом», фактически завершен процесс присоединения страны к международным и региональным конвенциям по борьбе с терроризмом. В то же время в рассматриваемый период суданское руководство придерживалось дифференцированного подхода к оценке деятельности исламских движений и групп, часть из которых США обвиняют в проведении международного терроризма.

Суданцы разграничивают понятия «терроризм» и «национально-освободительное движение», считая правомерным выражать свою политическую поддержку народам, борющимся за независимость. В частности, суданцы признают право ХАМАС на ведение национально-освободительной борьбы за создание независимого палестинского государства на основе шариата. Однако они считают, что борьба должна вестись прежде всего политическими методами, исключающими терроризм, и подчеркивают недопустимость смешения понятий «ислам» и «терроризм». В свое время суданская сторона осудила деятельность египетской Ассоциации «Братья-мусульмане» и возникших на ее основе экстремистских группировок «Аль-Гамаа аль-исламия» и «Аль-Джихад аль-исламий», ставших в 70-е годы на путь сектантства в исламском движении и прибегнувших к использованию террористических методов борьбы.

Во второй половине 90-х годов суданцы начали прилагать значительные усилия для организации контрпропагандистской кампании на региональном и международном уровне, включая ООН. Они делали акцент на том, что за обвинениями Судана в поддержке международного терроризма проглядывает недовольство американцев внешней и внутренней политикой Судана, включенного США в «зону своих жизненных интересов». Суданская сторона признавала, что в первой половине 90-х годов в интересах укрепления внешнеполитических позиций страны пошла на неоправданно широкую трактовку принципа «исламской солидарности», в результате чего был ослаблен контроль за въездом в страну граждан из мусульманских стран Арабского Востока. Отменой визового режима для данной категории лиц воспользовались для въезда в Судан отдельные исламисты, в том числе и Усама бен Ладен. Это и дало повод западным странам развернуть пропагандистскую кампанию, обвиняя правительство Судана в поддержке международного терроризма. Позднее суданское руководство пересмотрело свой прежний подход, снова введя практику визового въезда для всех иностранных граждан. Кроме того, в целях дальнейшей нормализации отношений с западными странами суданцы выдали французским вла-

стям международного террориста Карлоса, а в 1996 г. предложили Усаме бен Ладену покинуть территорию Судана. До этого бен Ладен занимался в Судане бизнесом, являясь владельцем строительной компании «Аль-Хиджра» и ряда объектов недвижимости.

Несмотря на последовавшее за этим улучшение суданских отношений с рядом западных государств, США продолжили оказание давления на Судан. Используя для критики проблему международного терроризма, США стремились облегчить приход к власти в этой стране проамерикански настроенных сил. В ответ суданские власти активизировали шаги по нейтрализации этих обвинений. В частности, в начале 1999 г. они приняли решение о приостановке деятельности Народной исламской конференции («Аль-Муатамар аш-шаабий аль-исламий») – международной организации, объединяющей представителей общественных, религиозных, научных и журналистских кругов. По первоначальному замыслу суданской стороны эта организация должна была способствовать повышению международного авторитета Судана. Однако в западных средствах массовой информации была развернута пропагандистская кампания с целью дискредитации этой организации, и суданцы были вынуждены отложить на неопределенное время проведение намечавшейся на февраль 1999 г. очередной сессии этой организации.

Следует отметить, что после неудачной попытки США дестабилизировать хартумский режим, оказав военную помощь противникам Судана в лице Эритреи, Эфиопии и Уганды, в апреле-мае 1999 г. Соединенные Штаты приняли решение о частичной отмене санкций против Хартума. Налаживанию отношений с США, обвинявшими Судан в производстве компонентов химического оружия на фармацевтической фабрике «Аш-Шифа» (Хартум), способствовало также заявление МИД Судана о том, что Судан подпишет вскоре Конвенцию о ликвидации и запрещении химического оружия. В свою очередь правительства европейских стран, за исключением Великобритании, стали обмениваться с Хартумом визитами на уровне министров[15].

Возникающие между арабскими странами в этой сфере проблемы нагляднее всего можно проиллюстрировать на примере разногласий между Суданом и Египтом. Следует напомнить, что приход к власти в Судане исламских фундаменталистов в 1989 г. оказал негативное влияние на суданско-египетские отношения. Руководство АРЕ стало обвинять суданские власти в поддержке исламских экстремистов в Египте и на межарабской арене. Вместе с тем объективный анализ такого рода обвинений требует учета особенностей интересов Египта в Судане, в том числе зависимость египетского сельского хозяйства от суданских соседей, которые в силу своего географического положения (гидротехнические сооружения), традиционно обладали преимуществом на распределение вод Нила. В этой связи египетское руководство всегда бы-

ло заинтересовано в приходе к власти в Судане сил, лояльно настроенных в отношении Египта. Однако курс нынешнего суданского режима, предусматривающего проведение независимой от Египта политики, создает известные трудности для египтян.

Отношения между двумя странами существенно осложнились во второй половине 90-х годов в связи с требованием Египта к суданским властям о выдаче египетских мусульманских экстремистов из организации «Аль-Гамаа аль-исламия». Последние предприняли якобы при содействии суданских исламистов попытку покушения на президента АРЕ Хосни Мубарака в Аддис-Абебе в июне 1995 г. Террористы, по заявлениям египетских официальных лиц, прошли подготовку в лагерях исламских боевиков, расположенных в Судане. По их мнению, главным их покровителем был не кто иной, как Хасан ат-Тураби. Несмотря на то, что Судан продолжал отрицать обвинения в своей причастности к попыткам убийства президента Х.Мубарака, Совет Безопасности ООН наложил на него частичные международные санкции (сокращение числа и ранга диппредставительства Судана за рубежом, запрет на проведение международных форумов в Судане и др.).

В последние годы президенту Судана Омару аль-Баширу удалось в значительной мере нормализовать отношения с Египтом. В частности, 22 мая 1999 г. в Каире состоялись переговоры между министрами иностранных дел двух стран. Накануне суданские власти передали Египту часть принадлежавшей ему собственности, конфискованной за пять лет до этого, в том числе 17 домов отдыха, находившихся в ведении министерств ирригации и обороны Египта. Всего на первом этапе реализации этого соглашения предусматривалось возвращение 20 домов отдыха египетских ирригаторов, а на втором этапе – возвращение зданий египетских школ, отделения Каирского университета и др.[16] Возвращение имущества и прекращение поддержки «террористов» являлись ключевыми требованиями Египта в вопросе улучшения отношений с Суданом.

В последние годы большинство северосуданских оппозиционных группировок дислоцировалось в Каире и пользовалось негласным покровительством египетских властей. Это обстоятельство было использовано суданской дипломатией для оказания соответствующего нажима на Каир. При этом суданцы умело обыграли так называемую проблему внутреннего терроризма, совпавшую, кстати, с новой волной антитеррористической кампании в мире. В Судане 19 сентября 1999 г. на нефтепроводе в районе г.Атбара был совершен акт диверсии. В результате взрыва была на некоторое время прервана подача нефти на терминалы в г.Порт-Судане. Ответственность за эту акцию (не повлекшую гибели людей) взяла на себя так называемая «Группировка объединенной оппозиции» (состоит в основном из представителей светской оппозиции). По мнению властей, эти действия были инспирированы некоторыми зарубежными странами, не заинтересо-

ванными в развитии нефтедобычи в Судане и стремящимися дестабилизировать внутриполитическую обстановку в стране.

В последовавшем официальном заявлении государственный министр МИД Судана Али Абд ар-Рахман Нимейри охарактеризовал инцидент со взрывом нефтепровода как террористический акт, расследование которого и выдача преступников должны проводиться в рамках международного сотрудничества, в частности, в соответствии с положениями межарабской Конвенции по борьбе с терроризмом, участником которой является Судан. В этой связи он призвал все арабские государства к активизации антитеррористического сотрудничества: к отказу от участия в подготовке или финансировании любой террористической деятельности на своих территориях, предоставления террористам убежища, аналогичного тому, которым пользуются на законных основаниях политические беженцы, к расширению обмена информацией в соответствии с национальным законодательством и международными соглашениями, взаимодействию по решению административных и правовых вопросов для предупреждения терактов и усиления международного правового порядка для борьбы с терроризмом.

Кроме того, Судан потребовал от государств-участников упомянутой Конвенции оказать содействие в выдаче Абд ар-Рахмана Саида и Абд аль-Азиза Халя, обвиняемых по делу о взрыве нефтепровода и взявших на себя ответственность за эту акцию. В свою очередь, Генеральный прокурор Судана, возглавивший следственную комиссию по факту взрыва, советник юстиции Абд ан-Насер Ваннан направил соответствующее требование в комитет Интерпола о международном розыске и аресте этих двух лиц на случай, если обвиняемые покинут территорию Египта[17].

В сложившихся условиях для отвлечения внимания мировой общественности от навязываемой США проблемы исламского терроризма суданского происхождения суданские власти намерены и дальше использовать любые акты оказания поддержки соседними странами суданской оппозиции, прибегающей к террору.

Несмотря на достигнутые во второй половине 90-х годов арабскими государствами результаты в развитии двустороннего и многостороннего сотрудничества в сфере борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом, им приходилось преодолевать существующие в этом вопросе противоречия, основанные, в первую очередь, на разнице оценок приоритетов в обеспечении безопасности. Так, многие арабские страны продолжали считать, что постоянную угрозу для них представляет Израиль, а борьба с исламским терроризмом навязывается США и некоторыми их союзниками по НАТО. Другие, прежде всего Саудовская Аравия (отвергая в принципе наличие у себя какой-либо исламской оппозиции), вообще отрицали связь между терроризмом и религиозным экстремизмом. По мнению саудовцев, последний носит интеллектуальный и духовный характер и поэтому якобы не

может деградировать до терроризма, представляющего из себя преступную деятельность. Несмотря на имеющиеся расхождения в оценках тех или иных проявлений религиозного экстремизма, растущая в минувшее десятилетие угроза терроризма потребовала от арабских стран поиск путей координации совместных усилий по противодействию этим явлениям.

Большое значение для выработки общей позиции по этим вопросам имели прошедшие в 90-е годы встречи на высшем уровне. В ходе проведенных на них консультаций экспертами соответствующих силовых ведомств арабских стран были скоординированы мероприятия, направленные на пресечение деятельности исламских экстремистов. В частности, саммит в Шарм аш-Шейхе (март 1996 г.) способствовал укреплению сотрудничества в этой сфере, прежде всего в рамках Лиги Арабских Государств (ЛАГ). В 1996 г. странами ЛАГ был принят Кодекс поведения в борьбе с терроризмом, а в 1997 г. – одобрена общая стратегия борьбы арабских стран с терроризмом.

Качественно новый уровень сотрудничества был достигнут после подписания на состоявшемся в апреле 1998 г. в Каире совещании министров внутренних дел стран-членов ЛАГ Конвенции о борьбе с терроризмом. В ней впервые было дано общеарабское толкование терроризма, оговаривалось право народов на борьбу за независимость, в том числе и вооруженным путем против иностранной агрессии или оккупации их территорий. Конвенция вступила в силу в мае 1999 г., и к настоящему времени ее ратифицировали 8 государств. В документе, в частности, предусматривается выдача заинтересованным государствам преступников, причастных к террористической деятельности на их территории. Конвенция также позволяет ее странам-участницам в связи с террористическими действиями требовать проведения на территории друг друга: получения свидетельских показаний, передачи материалов, осуществления обысков и арестов с составлением соответствующих протоколов, получения документов, расписок и прочих записей или их заверенных копий. Соглашение также предусматривает оказание друг другу взаимной помощи в проведении расследований и других юридических процедур, связанных с дознанием по террористическим акциям.

В конце января 1999 г. в г.Аммане (Иордания) прошла 16-я сессия Совета министров внутренних дел стран-участниц ЛАГ. На ней впервые в арабском мире была принята совместная декларация, осуждающая терроризм. Совет министров внутренних дел ЛАГ подтвердил свою заинтересованность в созыве международной конференции по борьбе с терроризмом под эгидой ООН, декларировал обязательства арабских стран вести борьбу с терроризмом в рамках единой межарабской стратегии, кодекса поведения и других документов, призвал государства, на территории которых находятся террористические группировки, не допускать их деятельности в сфере фи-

нансирования, вооружения, проведения любых преступных акций и агитации, ведущих к подрыву безопасности сторон.

Следует подчеркнуть, что межарабское сотрудничество в вопросах борьбы с экстремизмом не ограничивается только уровнем правоохранительных органов. В ряде случаев к этой работе подключаются и другие заинтересованные министерства и ведомства. Например, в конце ноября 1998 г. в Каире прошла встреча министров по делам религии (вакуфов) из Египта, Саудовской Аравии, Иордании и Ирака. В ходе консультаций были достигнуты договоренности о необходимости использования возможностей этих министерств, в том числе для выявления источников и каналов финансирования исламских группировок, мобилизующих на свои цели сбор мусульманских пожертвований (закята). Кроме того, арабские страны принимают участие в межафриканских договорах по борьбе с терроризмом. В частности, 3 июня 1999 г. министры внутренних дел и юстиции стран-участниц Организации Африканского Единства (ОАЕ) подписали в Алжире проект межафриканского соглашения по борьбе с терроризмом, содержащий как их общий подход к этой проблеме, так и регламентирующий конкретную деятельность и вопросы взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с этим явлением.

Вместе с тем эффективное использование подписанных документов по вопросам противодействия религиозному экстремизму порой наталкивается в рамках ЛАГ на различия в подходе входящих в организацию государств к данной проблеме. Поэтому ряд арабских государств стремится к еще большему расширению международного сотрудничества в деле борьбы с экстремизмом. Инициатором такого подхода чаще всего выступает Арабская республика Египет. Именно египтяне наиболее последовательно отстаивают идею созыва всемирной конференции по вопросам борьбы с терроризмом на уровне глав государств под эгидой ООН. Конечной целью египтяне видят создание организационной структуры, которая будет осуществлять координацию международных усилий в борьбе с терроризмом, включая совместный мониторинг перемещения подозреваемых лиц, оружия, банковских переводов и т.п. По мнению египтян, развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества должно подготавливать условия и базу для созыва указанной всемирной конференции.

Этим же целям служат различного рода локальные соглашения в дополнение к документам ЛАГ. Так, в апреле 1998 г. было подписано четырехстороннее соглашение между Алжиром, Бахрейном, Египтом и Тунисом о совместном противодействии исламскому экстремизму. Кроме того, арабскими странами предпринимаются шаги по использованию возможностей западных партнеров. В частности, в ходе состоявшейся в июне 1999 г. конференции министров внутренних дел стран Западного Средиземноморья между Францией и Алжиром было подписано двустороннее соглашение по безопасности, предусматри-

вающее их взаимодействие в борьбе с исламским экстремизмом. Оно предполагает обмен информацией по подозреваемым лицам, проведение совместных мероприятий по нейтрализации террористических групп, действующих на территории обеих стран.

Арабская республика Египет активно развивает сотрудничество с США. Об этом свидетельствуют совместные мероприятия правоохранительных органов этих стран по аресту членов экстремистских группировок «Аль-Гамаа аль-исламия» и «Аль-Джихад аль-ислами». Со своей стороны США предпринимают усилия по развитию под своей эгидой многостороннего сотрудничества с арабскими странами в данной области. В июне 1999 г. Госдепартамент США организовал «круглый стол» по теме «Источники религиозного терроризма в Южной Азии и на Ближнем Востоке» с участием представителей спецслужб 22 стран указанных регионов. Целью совещания являлось исследование политических, религиозных и социальных истоков политического и религиозного экстремизма и терроризма.

Рассматривая опыт арабских стран в борьбе с религиозным экстремизмом, не следует абсолютизировать возможность его успешного применения в российских условиях. В этой связи можно вспомнить удачное выражение Л.Р.Сюкияйнена, отметившего, что «чужой опыт, решения, найденные и доказавшие свою эффективность в других государствах, в России могут не подойти и даже скорее всего не подойдут из-за слишком большой разницы «места, времени и условий», по принятой в мусульманско-правовой доктрине терминологии»[18]. Это не означает, однако, что подходы арабских стран неприемлемы для российских реалий. Известно, что заимствование иностранного опыта всегда сопряжено с необходимостью его критического осмысления. В целом анализ опыта борьбы арабских стран с религиозным (исламским) экстремизмом показывает необходимость выделения, как минимум, двух основных направлений противодействия этому опасному явлению – тактического и стратегического.

Безусловно, в тактическом плане опыт арабских стран свидетельствует, что наиболее эффективным подходом к решению этого вопроса является недопустимость каких-либо уступок экстремистам. В силу специфики условий и политических традиций Ближнего Востока исламисты рассматривают уступки как слабость центральной власти и, соответственно, усиливают свои действия для достижения поставленных целей. В то же время в стратегическом плане, как показывает опыт арабских государств, наиболее активно противодействующих исламскому экстремизму, только силовыми методами добиться надежных результатов в борьбе с ним нельзя. Серьезным недостатком в подходах руководства отдельных арабских государств к решению данной проблемы является стремление их правящих кругов вести борьбу с экстремизмом главным образом силами правоохрани-

тельных органов и спецслужб, преимущественно без решения политических и социально-экономических проблем, которые служат главным источником воспроизводства экстремистских проявлений, в том числе и под религиозными лозунгами.

Более углубленный анализ арабского опыта противодействия религиозному экстремизму свидетельствует также о том, что руководством части арабских стран упускается из вида принципиально важное обстоятельство. Попытки механического перенесения зарубежного опыта социально-экономического развития на национальную почву нарушают традиционный уклад хозяйственной жизни и тем способствуют расширению социальной базы исламских фундаменталистов за счет маргинальных слоев общества, что ведет в конечном счете к ослаблению национального иммунитета к иностранному культурному и духовному влиянию.

Из этого следует, что предпосылками для появления практически тупиковых вариантов программ борьбы с религиозным экстремизмом (в том числе в рамках национальных концепций государственной безопасности) служат методологические ошибки властей в определении причинно-следственных связей этого явления. Ошибки закладываются главным образом на этапе выявления причин возникновения экстремистских тенденций в религиозной жизни общества, условий, способствующих (или препятствующих) их развитию, а также факторов, влияющих на экстремизм и его дальнейшую эволюцию. Наиболее часто встречающимися ошибками являются: поверхностное понимание разработчиками концепции национальной безопасности сути процессов модернизации в современном мире, их соотносимости с формационной (или цивилизационной) принадлежностью данного социума; а также некритическое заимствование (полностью или частично) иностранных методов противодействия религиозному экстремизму, разработанных для иных социально-экономических и общественно-политических условий.

Как представляется, указанные выше ошибки возникают, в том числе, как результат недостаточно активного в арабских странах привлечения к разработке программ борьбы с религиозным экстремизмом академических кругов, способных предложить комплексное научно обоснованное решение данной задачи. Очевидно, этот вывод можно распространить и на ситуацию, которая сложилась в настоящее время в сфере противодействия распространению религиозного (в перспективе, возможно, не только исламского) экстремизма в России.

Таким образом, данный обзор подходов отдельных арабских стран к решению проблемы религиозного экстремизма и организации борьбы с террористическими проявлениями на этой почве показывает следующее. В целом в указанных странах проблема радикального ислама возникает в контексте неразрешенности политических противоречий. Исламский экстремизм как явление подпитывается социаль-

но-экономическими причинами, и переход его носителей на позиции терроризма во многом предопределяется неспособностью правящих режимов устранить эти причины. Вместе с тем проведение комплексных мер, включая политические, экономические, социальные, религиозно-профилактические, законодательные и правоохранительные позволяет существенно снизить возможность обострения ситуации в этой сфере. При прочих равных условиях исламский успех достигается в случае проведения взвешенной внутренней и внешней политики, основанной на адекватной оценке уровня угроз безопасности государства, общества и личности.

1. См.: *Поляков К.И., Хасянов А.Ж.* Арабский Восток и проблемы терроризма // Независимая газета. 7.10.1999.

2. Терроризм в России как авантюра и политическая практика: Материалы семинара в Московском центре Карнеги 30.09.1999. – М., 1999. – С. 7.

3. Там же, с. 31.

4. *Бабкин С.Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. / Ин-т изуч. Израиля и Бл. Востока. – М., 2000. – С. 51.

5. *Асакир, Абд аль-Фаттах.* Аль-Хакаик би аль-васаик ан джамаат аль-Ихван аль-муслимин (Документальные свидетельства о группировке «Братьев-мусульман»). – Каир, 1996 (на араб. яз.). – С. 72.

6. *Бабкин С.Э.* Ук. соч., с. 110.

7. См.: *Поляков К.И.* Король Фахд между улемами и капитализмом (Оппозиция правящему режиму Саудовской Аравии готова распространить по миру идеи самого радикального фундаментализма) // НГ-Религии. 27.01.1999.

8. The Economist. – 1995. – Vol. 334. – № 7906. – С. 22.

9. *Gaus G.F.* Desert Storm and After. // The Middle East After Iraq's Invasion of Kuwait. – Galnesvllle, 1993. – С. 222–223.

10. См. подробнее: *Яковлев А.И.* Саудовская Аравия: Пути эволюции. – М., 1999. – С. 175-233.

11. The Economist. – 1995. – Vol. 334. – № 7906. – С. 27.

12. Современная Саудовская Аравия (справочник) / Ин-т изуч. Израиля и Бл. Востока. – М., 1998. – С. 119.

13. *Яковлев А.И.* Ук. соч., с. 132.

14. Аль-Анба. Хартум, 08.10.1999.

15. ИТАР-ТАСС, 11.06.1999.

16. Ахбар аль-Яум. Хартум, 26.05.1999.

17. Ан-Нашра аль-яумийя. Аль-Муатамар аль-ватаний. Аль-муатамар аль-каумий ат-таасисий. (Ежедневный информационный бюллетень работы общенационального учредительного съезда Национального конгресса Судана) / Суданское агентство новостей – СУНА. 07.10.1999. – № 1. – С. 7-9 (на араб. яз.).

18. *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманско-правовая культура. – М., 1997. – С. 30.

Е.Д.Пырлин

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ПОЛИТИКЕ США НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XX ВЕКА.

Влияние исламского фактора на некоторые стороны внешней политики западных государств, прежде всего США, - отнюдь не новое явление в международных отношениях, к тому же явление неоднозначное и не одномерное, в разные исторические периоды сказывавшееся по-разному. Еще в начале прошлого века отечественный исследователь В. Череванский подчеркивал: «Тенденции корана и шариата таковы, что где живет мусульманин, там поселяется с ним и мусульманский вопрос»[1]. Другими словами, исламский фактор подлежит «учету» в политике там и тогда, где и когда создается очаг мусульманства, пусть самый малый, ограниченный небольшой группой лиц, исповедующих ислам. Разумеется, приобретение исламом статуса государственной религии в государствах Ближнего, Среднего Востока, Африки, Юго-Восточной и Центральной Азии неизмеримо повысило его значимость и, как следствие, его влияние на мировую политику, на весь комплекс международных отношений. Ни одно государство не может не учитывать исламский фактор при проведении своей политики в отношении мусульманских государств. Игнорирование этого фактора, его недооценка ведут к серьезным провалам и трагическим просчетам в политике.

В отличие, скажем, от Великобритании и Франции Соединенные Штаты напрямую столкнулись с исламским фактором при проведении своей политики только в середине XX века, во время и после Второй мировой войны, когда экспансия США приобрела глобальный, вселенский характер, когда Вашингтон стал недвусмысленно претендовать на роль вершителя судеб всего несоциалистического мира.

Изменения качественного характера в отношениях США и исламских государств начались в тот момент, когда на международные отношения, особенно в мусульманских регионах, начал оказывать влияние процесс так называемого возрождения ислама. Этот процесс прежде всего способствовал изменению политического климата в регионе Ближнего и Среднего Востока. Он оказал заметное влияние на политическую ориентацию стран, имевших значительные исламские общины, существенно усилил роль исламского фактора в процессе формирования и проведения внешней и внутренней политики му-

сульманских государств, более отчетливо выявил противоречия между исламскими странами, внес серьезные изменения во взаимоотношения между мусульманскими странами и развитыми капиталистическими странами, прежде всего США. Стало предельно ясно, что нельзя не учитывать исламский фактор при анализе проходящих в регионе геополитических процессов.

Американские политологи-практики и ученые сделали довольно быстрый выбор - они откровенно «поставили» на панисламистские устремления ислама, посчитав (как показало дальнейшее развитие событий, без достаточных к тому оснований), что в борьбе панисламизма и коммунизма панисламизм будет постоянно нуждаться в американской поддержке.

В противопоставлении панисламизма и коммунизма многие американские политологи усматривали живительную среду для консервации и укрепления традиционных исламских институтов, для более глубокого внедрения ислама в государственно-правовые структуры стран Ближнего и Среднего Востока, что должно было повести к укреплению политических позиций США в этом регионе. При этом откровенный антиамериканизм и антивестернизм фундаменталистского толка ислама, который вышел на передний план в процессе возрождения ислама, до поры до времени не смущал американских политологов. Они видели неизбежные «издержки», которыми можно пренебречь во имя главного - ослабления и «отбрасывания» коммунизма и которые не должны, по мнению американских политологов, служить препятствием на пути установления «Пакс Американа».

По мнению мусульманских идеологов, успешное наступление вестернизации на исламское общество может и должна отразить «исламская волна». Еще двадцать лет назад немецкая «Ди Цайт» указывала, что такая волна практически неизбежна, приводя следующее прогностическое высказывание известного арабского политолога Бассама Тиби: «Нормы и представления о политических и моральных ценностях у арабской интеллигенции XX столетия, преклоняющейся перед Западом, больше не носят исламского характера. Это им обязан исламский мир привнесением таких понятий, как арабский национализм, панарабизм и различные варианты «арабского социализма». Но ни одна из этих современных идеологий не выполнила своих обещаний. Ни арабский национализм, ни панарабизм не могут воссоздать основанное пророком Мухаммедом общество верующих, восстановить его как универсальную политическую силу. «Арабскому социализму» всех оттенков не удалось также преодолеть недоразвитость, отсталость и прогрессирующую бедность исламских народов. Вестернизация мусульманской элиты в области культуры привела не к модернизации, а к отчуждению людей друг от друга. Ислам остался единственной связующей силой и единственной надеждой на будущее»[2].

В этих словах содержится косвенное свидетельство серьезности воздействия западных ценностей на мусульманскую элиту. Правда, когда дело коснулось выбора пути, определения вектора развития исламского мира в условиях, создавшихся в результате социально-политического и экономического прогресса общества, многие представители этой же элиты поспешили прикрыться исламскими лозунгами и традиционными исламскими ценностями, чтобы как-то дистанцироваться от «безбожного и растленного» Запада. Такая линия поведения оказалась в известной степени оптимальной: с одной стороны, демонстрировалась верность исламским ценностям, а с другой, - достигалась большая заинтересованность Запада в сохранении у власти режимов и политических деятелей, придерживавшихся такой линии поведения. Пожалуй, наиболее характерным примером здесь может служить послесадатовский Египет и деятельность египетского руководства и прежде всего самого президента Х. Мубарака, который находится у власти без малого двадцать лет и успешная деятельность которого способствовала не только укреплению внутреннего единства, экономического положения и международных позиций египетского государства, прежде всего в области межарабских отношений, но и признанию несомненных заслуг Египта и его президента в организации палестино-израильского переговорного процесса, правда, пока не приведшего к столь желанной нормализации палестино-израильских отношений.

Противоборство с чуждым проникновением и влиянием на исламское общество всегда было одной из важнейших задач руководства мусульманских государств. Однако вплоть до начала процесса «возрождения ислама», возникшего в первой половине 80-х годов истекшего века и связанного с исламской иранской революцией, такое противоборство зачастую носило во многом нормальный характер и ограничивалось некоторыми мероприятиями на чисто бытовом уровне, вроде запрета на подачу спиртных напитков в ресторанах и кафе, расположенных в непосредственной близости от мечетей. Администрация США, привыкшая действовать за рубежом, в том числе и в мусульманских государствах, исходя из принципа «моему нраву не препятствуй», сначала удивилась, а затем серьезно встревожилась и обеспокоилась, когда стало ясно, что прежние, привычные, неоднократно апробированные методы внешнеполитической деятельности не срабатывают и даже приобретают контрпродуктивный эффект. Как грибы после дождя, в США стали возникать многочисленные центры и институты по изучению влияния ислама на политику государств «третьего мира», по анализу и прогнозированию положения в мусульманских странах в свете процесса возрождения ислама, по формулированию тех корректив, которые может внести и уже вносит этот процесс в политику США. Рост «сопротивляемости» ислама западному проникновению западные, а вслед за ними и отечественные исследо-

ватели объясняли усилением фундаменталистского течения в исламе, сторонники которого требуют нового государственного устройства в соответствии с положениями шариата. Однако сами исламисты считают, что «шариат не может вводиться жестко, он может быть введен только в том обществе, которое на протяжении многих веков жило по законам ислама… Шариат, как и весь ислам, может быть использован в новых социумах, где старые отношения исчерпали себя, где светские регламентирующие акты не могут управлять жизнью общества»[3].

Существует довольно распространенная точка зрения, что исламский фундаментализм и его боевое крыло обязаны своим рождением… американской администрации, которая активно поддерживала (начиная с 50-х годов) одно из самых экстремистских мусульманских движений того периода - египетских «Братьев-мусульман»[4]. Однако на наш взгляд, такая точка зрения страдает некоторым преувеличением, поскольку американская сторона проявляла готовность оказать такую помощь «Братьям-мусульманам» только в том случае, если их намерения и действия отвечали интересам США, что бывало не всегда и не носило «обязательного» характера[5].

Американская сторона широко использовала исламский фактор в событиях вокруг Афганистана, наводнив эту страну американским оружием и создав целую сеть учебных центров по подготовке исламских боевиков. С осени 1994 г. США сделали ставку в Афганистане на движение «Талибан», они «сквозь пальцы» смотрели на бурную активность базирующегося в Хартуме Исламского агентства помощи и Исламского фонда спасения, созданного Усамой бен Ладеном, за голову которого США сейчас обещают 5 млн. долларов. Эти организации оказывали широкую материальную помощь (деньгами и оружием) боснийским мусульманам и чеченским сепаратистам. Джинн был выпущен из бутылки; с расширением войны в Афганистане «в Западной Европе резко участились случаи террористических актов, захватов заложников, разбойных нападений, ограблений банков с применением всех видов оружия, вплоть до противотанковых гранатометов. Тогда на борьбу с мусульманским экстремизмом были брошены элитные подразделения полиции, жандармерии, спецслужб ведущих стран мира. Борьба развернулась не на жизнь, а на смерть. Сообщения СМИ о захватах или ликвидациях исламских боевиков скорее напоминали сводки из зоны боевых действий, чем обычные криминальные новости[6].

Слова о джинне, выпущенном из бутылки, - отнюдь не преувеличение. Усама бен Ладен, проходивший, по некоторым данным, специальную подготовку в одном из секретных центров ЦРУ, постепенно превратился для американской администрации в столь серьезную проблему, что Вашингтон был вынужден принять самые серьезные меры. Еще до теракта во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке, до взрыва американских посольств в Кении и Танзании президент

Клинтон в конце 1995 г. подписал секретный приказ (предварительно одобренный и во многом инициированный комитетами по разведке Сената и Палаты представителей) о проведении ЦРУ операции с целью ликвидации сети террористических ячеек бен Ладена и его самого, названного в вышеупомянутом приказе «врагом Америки номер один».

С 1994 г. США ведут открытую борьбу против деятельности исламистов непосредственно на американской территории, где при полной поддержке ЦРУ и на деньги ЦРУ в свое время были созданы такие организации, как «Бюро борцов священной войны» (которое, как впоследствии оказалось, было американским филиалом широко известной ХАМАС), «Исламская ассоциация за Палестину» и др. Американское ФБР, занимавшееся этими организациями, в ходе обысков в домах мусульманских активистов обнаружило 7 ящиков с важными документами, среди которых были и подробно разработанные схемы теракта во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке. Однако нежелание делиться информацией с ЦРУ привело к тому, что указанные документы, написанные на арабском языке, не были прочтены вовремя. Один из дознавателей ФБР М.Черкасский признавал впоследствии: «Необходимая информация была перед нашими глазами, но мы не увидели ее», объясняя этот «феномен» плохим знанием арабского языка сотрудниками ФБР[7].

Стремление максимально использовать антикоммунистическую, а впоследствии антироссийскую «составляющую» в деятельности ряда мусульманских организаций привело к серьезным просчетам и провалам в политике США на Ближнем и Среднем Востоке. Глобальная ошибка Вашингтона заключалась в уверенности во всесилии американской политики и дипломатии после злосчастной «Бури в пустыне», в том, что исламский фактор на Ближнем Востоке отныне не будет иметь того значения, как в недавнем прошлом. Это оказалось фатальным заблуждением, антиамериканизм и «антивестернизм» исламских организаций и движений после «Бури в пустыне» получил серьезную «подпитку».

Увлекшись этой стороной вопроса, американские компетентные органы явно ослабили внимание к другой стороне, а именно: к разработке мусульманских организаций (число которых непрерывно растет) непосредственно в Штатах. Западная (но не американская!) печать дает во многом отвечающее подлинному положению дел объяснение постоянных неудач американских спецслужб по проникновению в американские исламские центры, фонды и иные общественные организации, являющиеся - это общепризнано - не только центрами распространения ислама как вероучения и образа жизни, но и зачастую представляющие собой замаскированные и прикрывающиеся «гуманистическими» целями центры по вербовке наемников для непосредственного участия в боевых действиях в «горячих точках», коих на

нашей планете более чем достаточно. Так, итальянская «Панорама» в конце 2000 года писала, что в том «плавильном тигле», который представляет собой американское общество, где довольно быстро стирается разница между немцами и итальянцами, евреями и японцами, где их всех объединяет и сплачивает понятие «американец», наиболее неподдающимся, «тугоплавким» элементом являются мусульмане, не допускающие, чтобы в их ряды «затесался» чужак, пусть даже исповедующий ислам и следующий правилам поведения мусульманина в быту[8]. Американское руководство повторяет ошибку советских руководителей: если в Москве «таяли» от удовольствия, когда президент (вчерашний племенной вождь) какой-нибудь забытой Богом африканской страны говорил о намерении построить у себя в стране социализм, то американская администрация готова предоставить необходимые средства любой исламской организации, провозглашающей своими целями борьбу против «российской экспансии» на Кавказе или в каком-либо другом районе.

Американская сторона не принимает во внимание очевидный факт: антироссийская направленность исламских международных организаций не встретит поддержки среди мусульман, если не будет сочетаться с откровенным и последовательным антиамериканизмом указанных организаций. Неуправляемость исламских радикальных организаций, их раздробленность и зачастую сложные, даже враждебные отношения между собой ставят перед американской администрацией, по сути дела, невыполнимую задачу по их сплочению и по нейтрализации их антизападной (прежде всего антиамериканской) направленности. Не случайно, официальные представители США открыто поднимают вопрос (не только на двусторонних переговорах, но и в СМИ) о «единстве целей» России и США в борьбе против «мусульманского экстремизма», где бы он ни проявлялся - в Чечне или Палестине, Таджикистане или Афганистане. Достойно сожаления, что нынешнее российское руководство слишком часто «клюет» на такую примитивную «приманку», видимо, забывая при этом, что Россия – даже в нынешнем «усеченном» виде – является многонациональным православно-мусульманским сообществом наций, народов и народностей.

В области межгосударственных отношений американская сторона надеется «приручить» ислам, опираясь на поддержку таких прагматически настроенных государств, как Египет и Иран, столь опасная для Запада «революционность» которого постепенно исчезает, как исчезает и привлекательность исламской революции и исламского образа жизни, что обычно связывается с иранскими реалиями. Плохую услугу оказали Соединенным Штатам и их союзники - афганские талибы, установившие в своей стране «исламский режим», носящий откровенно обскурантистский характер. Но от попыток использования «иранской карты» в противодействии антиамериканизму мусульманских организаций США отказываться не намерены, поскольку

понимают, что, несмотря на прагматизм нынешнего руководства Ирана, эта страна остается идейно-политическим центром всей политической активности ислама в регионе. Отсюда и резкие высказывания и шаги американской стороны с целью противодействовать развитию российско-иранского военного и технического (особенно в области ядерной энергетики) сотрудничества, которое идет вразрез с интересами американских и транснациональных (с преобладанием американского капитала) монополий, весьма заинтересованных в емком иранском рынке (с его спросом на инвестиции и новейшие технологии), затрудняет американское политическое маневрирование в отношении Ирана. Следует отметить, что в Вашингтоне всегда с повышенной подозрительностью относились к послешахскому Ирану не только как к источнику воинствующего исламского радикализма, но и как к реальной угрозе стабильности и безопасности нефтедобывающих монархий зоны Персидского залива.

Феномен «выпущенного из бутылки джинна» сработал против американских интересов и в афганском вопросе. Американские пропагандистские центры активно проталкивали лозунг «защиты ислама в Афганистане», видя в этом реальное средство борьбы против «советского влияния». Однако вывод советских войск из Афганистана не принес объединения правомусульманских сил ни в этой стране, ни в масштабах всего исламского мира или хотя бы в рамках Организации исламская конференция. Американской стороне спутало карты опять же движение «Талибан», его непосредственная связь с «террористом № 1», каковым для США является Усама бен Ладен, а не сидящий во Французской тюрьме строгого режима Карлос Рамирес Ильич, след которого на Ближнем и Среднем Востоке остается весьма заметным. Действия по повышению политического статуса движения «Талибан» (ДТ), к которым активно прибегала американская сторона, имели в конце концов контрпродуктивный эффект: дипломатического признания ДТ добилось только от Пакистана, да и то потому, что Афганистан под властью талибов может стать реальной угрозой пакистанской безопасности и стабильности. Поэтому не случайны проводимые по американской и пакистанской «подсказке» действия руководства талибов по приданию более «презентабельного вида» своему движению в глазах мирового и исламского общественного мнения. США откровенно рассчитывают направить экспансионистский потенциал талибов на север, в направлении молодых среднеазиатских государств, что вписывается в идею создания пропагандируемой Зб.Бжезинским «дуги нестабильности» вдоль южных границ Российской Федерации. Не желая как-то «раздражать» неуправляемых талибов, США, по сути дела, отказались от разделения Афганистана с выделением из его состава шиитского государственного образования с центром в Герате и под протекторатом Тегерана.

Идеи «исламизации сверху», исходящие от аналитических американских центров, призванные смягчить действие «исламского фактора», часто оказываются, как свидетельствует практика их применения, откровенно ошибочными, поскольку не учитывают многих особенностей стран, где эти идеи пытаются внедрить. «Исламизация сверху», проводившаяся президентом Египта Садатом, в конечном итоге окончилась его гибелью от рук исламских фундаменталистов. Та же участь постигла и пакистанского президента Зию уль-Хака, которому, как опрометчиво посчитали в Вашингтоне, удалось методами «исламизации сверху» нейтрализовать религиозную оппозицию. Действуя методом «проб и ошибок», американская администрация активно поощряет и щедро финансирует различные центры и институты по изучению ислама и его влияния на политику государств Ближнего и Среднего Востока. Можно с полным основанием считать, что ряд проблем этого региона вызвал интерес американских политологов - ученых и практических работников - тогда, когда стали более четкими их исламские «составляющие», когда американской администрации пришлось напрямую столкнуться с исламской стороной этих проблем. Остается фактом, что повышение интереса американской администрации к палестинской проблеме, например, произошло тогда, когда явственно наметилась поддержка палестинского дела со стороны влиятельных исламских организаций, когда террористические акции палестинских экстремистов, проводящиеся, как правило, под исламскими «знаменами», стали угрожать интересам не только американского «стратегического союзника» – Израиля, но и самих США.

Американское руководство во многом рассчитывает на воздействие мусульманских организаций, их лозунгов и практической деятельности на новых лидеров Сирии и Иордании - Асада-младшего и Абдаллу I. Эти последние, в отличие от своих покойных отцов, многоопытных, умелых и авторитетных не только в своих странах политиков, пока еще ищут свой путь и подвержены влиянию с разных сторон, не могут не учитывать позиции исламистов любого толка и не решаются (пока?) на четкие действия по пресечению их влияния. Как известно, от позиции Сирии и Иордании в серьезной степени зависит позиция палестинцев и их лидера Арафата в вопросах ближневосточного урегулирования в целом и решения палестинской проблемы, в частности. Американская сторона убеждена (между прочим, совершенно напрасно), что в этих важнейших для всего Ближнего Востока проблемах будет найдено решение, соответствующее американским интересам и выстроенное на основе американских предложений.

Проникновение в исламские организации, особенно экстремистского толка, с целью ослабления их антизападной (антиамериканской) направленности и подрыва их изнутри остается одной из самых насущных задач американских спецслужб. Деятельность ЦРУ в этом вопросе покрыта завесой максимальной секретности, поскольку

именно режим строжайшей секретности может создать оптимальные условия для установления контактов с мусульманскими организациями на различных уровнях и для внедрения в них американской агентуры из числа местных граждан. Такое направление работы в ЦРУ считается наиболее перспективным и доказавшим свою эффективность. Правда, американцы признают, что в этом вопросе они явно проигрывают российским коллегам; в американской прессе приводится «хрестоматийный» пример, когда в ответ на похищение четырех сотрудников совпосольства в Бейруте неожиданно стали бесследно пропадать активисты и руководители исламских экстремистских организаций, причем эти исчезновения, как по команде, прекратились, когда наши люди были освобождены.

В последнее время американцы стали уделять повышенное внимание обмену конфиденциальной информацией и расширению сотрудничества со спецслужбами таких стран, как Египет, Иордания, Пакистан, Саудовская Аравия; сотрудничество с израильскими спецслужбами в вопросах борьбы с исламским экстремизмом у американской стороны налажено достаточно надежно и давно. Поэтому, как кажется, можно расценить как явно провокационный призыв некоторых наших «независимых» СМИ установить и развивать сотрудничество российских и израильских, российских и американских спецслужб «по вопросам, жизненно важным для обеих сторон». Такое сотрудничество с нашей стороны должно ограничиваться, как представляется, дозированным обменом «процеженной» информации. Ведь ни США, ни Израиль не горят желанием снабжать нас какими-либо конфиденциальными данными, тем более полученными агентурным путем. Россия и в советское время, и сейчас остается для США геополитическим противником.

В американской администрации не учитывают одного важного момента, имеющего прямое отношение к росту влияния и усилению антизападного (антиамериканского) воздействия исламского фактора на позицию некоторых государств региона. Речь идет о действиях американского руководства по усилению своего политического, военного, экономического, идеологического присутствия в странах региона, поскольку широкие массы населения этих стран считают именно США и их тесные отношения с Израилем одним из факторов, ведущих к расширению кризисных явлений в политике и экономике своих стран. Судя по всему, американскую администрацию ничему не научил пример Ирана, где «усиленное» присутствие США и их действия привели к падению шахского режима и к необратимым потерям и провалам в американской политике, к просчетам стратегического характера. Общественное мнение государств Ближнего и Среднего Востока в целом склоняется в сторону антиамериканизма. Такие настроения можно с полным основанием считать константой общеполитической обстановки в регионе, и поэтому Вашингтон усиленно до-

бивается одобрения своих действий со стороны Москвы, справедливо рассчитывая на их большую «проходимость», если общественное мнение проникнется сознанием того, что эти действия производятся с одобрения и согласия России. Конкретные выводы предоставляю сделать нашим ближневосточникам-практикам, к числу которых ныне - при всем желании! – уже не могу себя причислять.

К нежелательным для Запада и, прежде всего, США последствиям ведет настойчивое стремление американской администрации отстранить Россию от участия в процессе ближневосточного урегулирования, в решении палестинской проблемы, или к ограничению такого участия сугубо предлагаемыми американским «сценарием» рамками. Не случайно многие весьма авторитетные государственные и общественные деятели региона приветствуют любые действия российской стороны, которые могут расцениваться как «возвращение» России в регион, обретение «второго дыхания» российской ближневосточной политикой.

Отметим и еще один немаловажный аспект разбираемой проблемы. Стремление США активно «эксплуатировать» исламский фактор в целях корректировки и сбалансирования своего политического курса в отношении стран и проблем региона неизбежно усиливает политические амбиции и влияние исламских организаций, политических группировок, имеющих влияние на формулирование и формирование политики своих стран. Однако конкретные политические акции многих исламских государств, подсказанные или инициированные мусульманскими кругами, зачастую носят, в конечном итоге, антизападный (антиамериканский) характер; другими словами, можно и здесь говорить о контрпродуктивном (для США) эффекте повышенной политико-военной и экономической активности Вашингтона.

Политическое маневрирование американской администрации в связи с исламским фактором, несомненно, усилится с приходом в Белый дом Дж.Буша-младшего, ближневосточные проблемы для которого являются одними из приоритетных. Очевидно также, что новый президент намерен проводить более жесткую политику в отношении России, чем его предшественник. Следовательно, уже в ближайшее время можно ожидать от администрации Буша-младшего инициативных шагов (по локализации возможных негативных сторон пренебрежения исламским фактором, которые, подчас, демонстрировали США) на сближение с теми мусульманскими государствами (Сирия, Иран, даже Ирак), которые вплоть до настоящего времени предпочитали политически дистанцироваться от Вашингтона, а руководство некоторых из них считало США «Большим сатаной» и «врагом № 1» исламского мира.

Из вышеизложенного можно сделать достаточно четкий вывод: исламский фактор во все возрастающей степени влияет на политику США на Ближнем и Среднем Востоке и, соответственно, должен

непременно учитываться американской администрацией в практической политике. Однако, судя по всему, он явно недооценивается Вашингтоном как одно из главных препятствий на пути реализации далеко идущих американских целей в регионе – создание необходимых условий для осуществления на практике «Пакс Американа». Средства, которыми США пытаются как-то «приручить» исламские государства, использовать в своих целях исламский фактор, слишком отдают гегемонизмом и ложно понятым великодержавием, в силу чего неизбежно срабатывает «комплекс сверхдержавы», проявляется извечная болезнь всех американских администраций - переоценка собственных сил и возможностей, излишняя самоуверенность и повышенная, «имперская» амбициозность. Такой подход применительно к исламскому фактору явно не подходит. Проистекающие отсюда ошибки американской администрации могут привести Вашингтон к поспешным, необдуманным выводам.

[1] *Череванский В.* Мир ислама и его пробуждение. – С-Пб., 1901. – Т. 2. – С. 253.

[2] Die Zeit. – August 1981. – № 34. – С. 14.

[3] Интервью с заведующим отделом науки и связей с государственными службами Духовного управления мусульман Европейской части РФ Ф.Асадуллиным // Слово, 28-29.04.1999.

[4] См., например, отлично аргументированную и солидно «фундированную» статью А.Юрина (псевдоним?) в газете «Правда-5» от 26 октября 1996 г.

[5] О конкретном совпадении точек зрения египетских правых, египетских «Братьев-мусульман» и американского руководства в отношении отстранения от власти Насера см.: Пырлин Е.Д. Ближний Восток между двумя войнами, 1967-1973 // Дипломаты вспоминают. – М., 2000. – Т. 4. – С. 205-206.

[6] См. примечание 4.

[7] L'évenement du Jeudi, 15-21.12.1994. – С. 42.

[8] Panorama, 2.11.2000. – № 33-34. – С. 31.

Ю.Н.Рахманинов

О ПРЕСЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА КАК ОПАСНОГО ВЫЗОВА МИРУ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время международный терроризм превратился в одну из наиболее острых проблем, серьезно дестабилизирующую обстановку не только в отдельных странах и регионах, но и в мире в целом. Как выразился В.Путин, «от Филиппин до Косово» формируется зона возрастающей многоуровневой нестабильности. Жертвами террористических актов становятся как государственные и общественные деятели, военные, дипломаты, так и простые граждане, включая женщин и детей.

Одним из главных источников современных конфликтов, питающих международный терроризм, продолжает оставаться растущее проявление агрессивного национализма и религиозного экстремизма, расизм, шовинизм, русофобия и антисемитизм.

Международный терроризм проистекает из целого комплекса причин, являясь формой проявления планетарного кризиса цивилизации. Существует взаимосвязанная сеть терроризма, наркобизнеса, незаконных поставок оружия, торговли людьми и других видов теневой экономики.

Почвой для вовлечения в сети терроризма некоторых слоев, населения является обострение неравенства среди социальных групп, провоцирование недовольства людей на этой почве с раздуванием этнической, националистической и религиозной вражды. Это оборачивается варварскими «этническими чистками» и возрастающим ростом числа страдающих беженцев. Размеры капиталов «теневой экономики» достигают сотни миллиардов долларов. В связи с этим, как отмечалось в годовом докладе о работе ООН за 1998 год, «Во многих странах преступные организации и наркосиндикаты с транснациональными связями создают серьезную угрозу как правительству, так и населению.» (с. 65). Эта угроза усиливается при современной глобализации, которая, как отмечается в докладе, открывает «возможность выхода на международный уровень и перед террористическими организациями, преступными синдикатами, торговцами наркотиками и лицами, участвующими в «отмывании» денег», (с. 59). Это относится и к «Интернету», который, облегчая популяризацию норм защиты прав человека, стал в то же время каналом про-

паганды нетерпимости и тиражирования информации, требующейся для изготовления оружия террора.

Поэтому для устранения совокупности причин, порождающих «теневую экономику» и терроризм, необходимо применять комплексные меры, прежде всего направленные на решение проблем социальной справедливости, демократизации и гуманизации общества и международных отношений.

Для восстановления исторической правды и показа роли выдающегося советского дипломата А.А.Громыко в борьбе с международным терроризмом следует напомнить, что он еще в 1972 году с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН поставил вопрос о мерах по предотвращению международного терроризма. К сожалению, инициатива не получила адекватного ее значимости отклика, что явилось одной из причин расширения актов международного терроризма в последующие годы.

Возникает вопрос: почему на эту инициативу не было должной реакции? Видимо, это можно объяснить наличием двух подходов к проблеме в правящих кругах ряда стран. Одни отдают себе отчет, оценивая угрозу роста международного терроризма, другие же предпочитают использовать террористов в своих узких внешнеполитических целях. Примером этому служат планы главного географа Госдепартамента США Б.Буд, его помощников и некоторых американских профессоров относительно нового передела границ в мире и образования свыше 100 новых государств. При сохранении США своей государственной целостности предлагается расчленить Россию, Китай, Индию, Канаду, Молдову, Грузию и другие. Подобный замысел весьма созвучен намерениям международных террористов. Затрагивая этот вопрос, И.С.Иванов на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН заявил 22 сентября 1998 года, что воинствующий сепаратизм нередко смыкается с терроризмом и религиозным фанатизмом.

В целом наблюдается проявление двойного стандарта в поведении ряда государств Запада, о чем свидетельствует их выборочное отношение к террористам и сепаратистам. Однако в связи с расширением терроризма во всех частях мира, реакции на это и воздействия общественного мнения и здоровых сил мирового сообщества в правящих кругах целого ряда стран берет верх линия на борьбу с международным терроризмом. Это нашло свое выражение в деятельности ООН, в организации «восьмерки», СНГ, Европейского союза, ОБСЕ, а также в различных двусторонних документах, принятых Россией и рядом государств.

В концепции национальной безопасности РФ 2000 года организованная преступность приравнена к одному из видов угроз безопасности, и сконцентрировано особое внимание на отпоре международному терроризму, которым «развязана открытая кампания в целях дестабилизации ситуации в России». В концепции внешней политики

РФ 2000 года также говорится, что борьба с международным терроризмом и экстремизмом имеет приоритетное значение.

Вопросы борьбы с организованной преступностью во всех формах ее проявления занимают одно из центральных мест в деятельности ООН. 9 декабря 1985 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о мерах по предотвращению международного терроризма, который угрожает жизни невинных людей. В документе подчеркивается, что в последние годы терроризм приобрел формы, которые могут «поставить под угрозу саму территориальную целостность и безопасность государств». 9 декабря 1994 г. Генеральная Ассамблея одобрила Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма. В ней отмечается наличие возрастающих и опасных связей между террористическими группами и торговцами наркотиками. В декабре 1997 г. Генеральная Ассамблея приняла Конвенцию о борьбе с бомбовым терроризмом, а в сентябре 1999 г. – документ о борьбе с международным терроризмом, который «представляет угрозу всему человечеству». 27 сентября 1999 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН И.С.Иванов выступил за завершение конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, предложил разработать и принять декларацию принципов взаимодействия государств в целях укрепления борьбы с терроризмом, а также поддержал инициативу проведения под эгидой ООН антитеррористической конвенции или спецсессии Генассамблеи.

9 декабря 1999 г. Генеральная Ассамблея приняла Международную Конвенцию о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Конвенция имеет весьма актуальное значение в контексте борьбы с чеченскими террористами и их зарубежными пособниками. В ООН созданы Управление по контролю над наркотиками и Центр по международному предупреждению преступности, который в марте 1999 г. развернул три глобальные программы: по борьбе с транснациональной организованной преступностью, торговлей людьми и коррупцией. Была завершена разработка текста Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и трех протоколов к ней, посвященных борьбе с торговлей людьми, контрабандным провозом мигрантов и незаконным оборотом огнестрельного оружия. Российская делегация сыграла важную роль в подготовке этого документа.

Весомый вклад в разработку конкретных совместных действий против террористов вносят страны «восьмерки», включая Россию, ставшую ее полноправным членом. 18-20 июня 1999 г. происходил саммит «большой восьмерки». В коммюнике глав государств и правительств «восьмерки» отмечалось, что организаторы международного терроризма используют «политическое манипулирование межэтнической напряженностью, экономическое и социальное неравенство и крайнюю бедность, а также отсутствие демократии, верховенства за-

кона и надлежащего политического и экономического управления». Была высоко оценена работа Лионской группы экспертов по разработке практических мер по решению актуальных вопросов борьбы с терроризмом.

19-20 октября 1999 г. в Москве прошла созванная по инициативе России Конференция министров юстиции и внутренних дел стран «восьмерки» по борьбе с транснациональной организованной преступностью. В принятом коммюнике содержится комплекс мер по укреплению сотрудничества в указанных областях.

Ее участники приветствовали прогресс, достигнутый в ходе работы над проектом Конвенции ООН о борьбе с актами ядерного терроризма. 16-17 декабря 1999 г. в Берлине состоялась встреча министров иностранных дел «Группы восьми», посвященная предотвращению и урегулированию конфликтов. Было признано – и это имеет принципиальное значение, – что путь к прекращению и урегулированию конфликтов лежит через укрепление роли ООН, и прежде всего ее Совета Безопасности. Не был обойден вниманием и такой вопрос, как дестабилизирующая роль международного терроризма, наркобизнеса и оргпреступности. Пример их сочетания – ситуация на Северном Кавказе, где эти факторы проявились в полной мере. В Коммюнике совещания «Группы восьми» от 23 июля 2000 г., которое состоялось на Окинаве, были одобрены результаты Московской министерской конференции по борьбе с транснациональной организованной преступностью, где этот криминал характеризовался как «вызов основополагающим нормам наших социальных, экономических и политических систем».

На отношениях России с Советом Европы и Европейским Союзом сказывалась эволюция позиций Запада по чеченскому кризису. Дело в том, что в США, некоторых странах Западной и Центральной Европы есть экспансионистские круги, которые стремятся посягнуть на территориальную целостность России и ослабить ее позиции на Кавказе. Главную роль в этой антироссийской кампании играют определенные представители США, желающие усилить влияние НАТО на Кавказе. На заседании Парламентской ассамблеи НАТО 11-13 ноября 1999 г. именно США предложили принять резолюцию по Чечне. В предложенном ими проекте была игнорирована угроза международного терроризма, но зато предусматривалось «гуманитарное вмешательство» НАТО на Кавказе в обход ООН и ОБСЕ. В середине января 2000 г. представители масхадовской Чечни были приняты ответственными сотрудниками Госдепартамента США.

Действительно, что же происходит на самом деле в Чечне и за ее пределами? Даже в иностранной печати дают правильный ответ на этот вопрос, который разоблачает так называемых защитников «независимости Чечни». Так, в передовой статье февральского номера 2000 года французского ежемесячника «Ле Монд дипломатик»

отмечается, что представители нынешнего режима в Чечне вопреки воле населения навязали народу использование искаженных норм, прописанных в шариате, при попустительстве этой власти в республике процветает бандитизм и грабеж хозяйств, контрабанда, похищение людей. Из Саудовской Аравии и некоторых других арабских стран, а также Афганистана нахлынули боевики и миссионеры для привлечения на сторону террористов обездоленных людей. К этому следует добавить, что Хаттаб и Басаев установили связи с «террористом № 1» Усамой бен Ладеном, который передал им 25 млн. долларов для продолжения войны с Россией. Стремясь осуществить замысел У.бен Ладена по созданию на Северном Кавказе исламского государства в августе 1999 года Басаев со своими боевиками совершил агрессию против Дагестана.

Этот террористический акт сопровождался стремлением его вдохновителей развязать широкую клеветническую кампанию против так называемого «русского империализма», который якобы стремится «истребить мусульман» на Кавказе. Однако эта клевета не получила ожидаемого отклика. Религиозные исламские круги, которые считают ислам не религией меча, а религией мира, осознали на примере Дагестана и самой Чечни, что действия экстремистов и террористов наносят удар по их историческим интересам, направлены против сохранения единства России.

Позитивное влияние на сдвиги позиций западных государств оказали выступления Президента РФ В.В.Путина и министра иностранных дел И.С.Иванова на международных форумах. Выступая на сессии ПАСЕ 27 января 2000 г. в Страсбурге, И.С.Иванов заявил, что, проводя в Чечне антитеррористическую операцию, «Россия, по существу, защищает сегодня общие границы Европы от варварского нашествия международного терроризма, который последовательно и настойчиво выстраивает ось своего влияния: Афганистан – Центральная Азия – Кавказ – Балканы». В отличие от мирового сообщества террористы уже сплотились и действуют. Костяк многих их банд в Чечне составляют наемники. А талибы установили с чеченскими экстремистами так называемые дипломатические отношения. 10-11 мая 2000 г. И.Иванов принял участие в сессии Комитета министров Совета Европы. Произошел сдвиг: в целом в конструктивном ключе прошло обсуждение «чеченской темы». Была отмечена важность сохранения суверенитета и территориальной целостности России, ее неотъемлемое право на борьбу с международным терроризмом, необходимость сотрудничества с Россией в улучшении гуманитарной ситуации на Северном Кавказе.

Такой же позитивный сдвиг в развитии отношений России с Францией и Европейским Союзом произошел в ходе визита российского Президента в Париж 30 октября – 1 ноября 2000 г. В итоге состоявшихся переговоров президент Франции и другие лидеры ЕС

признали право России принимать меры по борьбе с терроризмом и по обеспечению своей территориальной целостности. По мнению наблюдателей, чеченская тема в отношениях России с ЕС и Францией закрыта. В Совместном заявлении Президента РФ В.В.Путина, председателя ЕС Ж.Ширака было зафиксировано: «Относительно Чечни мы согласились в том, что необходимым и неотложным является нахождение политического решения при уважении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации».

* * *

Получая отпор в Чечне, международный терроризм стал перемещаться к южным рубежам СНГ. Центром международного терроризма в Азии стал Афганистан, куда в 1996 г. перебрался У.бен Ладен, где к тому времени победили его духовные братья «талибы». Под командованием У.бен Ладена создана «Бригада 055». Он также курирует экстремистские организации в арабских и среднеазиатских странах, а также финансирует уйгурских боевиков в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Известный террорист вынашивает крупномасштабный план возрождения бывшего средневекового «исламского халифата», который превзошел бы по размерам своего предшественника и включал бы около 50 стран Азии, Африки и Европы. В феврале 1998 г. на пресс-конференции в одном из пакистанских городов У.бен Ладен заявил, что он с рядом других экстремистских исламских организаций создал «Всемирный исламский фронт борьбы против иудеев и крестоносцев» (под словом «крестоносцы» имелись в виду США). Было определено, что целью фронта является ведение джихада (священной войны) против США, Израиля и иудеев в любой точке земного шара. В начале сентября 1999 г. в Кабуле происходило совещание представителей афганского «Талибана», «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), а также представителей чеченских, уйгурских и иных экстремистов[1].

Религиозное студенческое движение «Талибан» было создано в свое время в Афганистане на основе замыслов США установить свой контроль над Афганистаном и оказать давление на Иран и Индию. Но талибы, овладев значительной частью Афганистана, переиграли своих американских покровителей и сблизились с Усамой бен Ладеном, который объявил джихад США и организовал взрывы в американских посольствах в Кении и Танзании.

В настоящее время «Талибан» пользуется поддержкой части военного руководства Пакистана, хотя официальный Исламабад внешне дистанцируется от талибов. Тем не менее именно на территории Пакистана были расположены основные учебные лагеря талибов, и оттуда они начали при содействии пакистанских военных свое продвижение в Афганистан. Талибов поддерживают также Саудовская Аравия и Арабские Эмираты. Когда 26 сентября 1996 г. талибами был взят Кабул, то

эти страны вместе с Пакистаном тотчас признали правительство «Талибана». Основная этническая база талибов – пуштуны, составляющие примерно половину численности населения Афганистана и крупное национальное меньшинство в Пакистане, где они занимают доминирующее положение в армии. В этом заключается определенный риск для территориальной целостности Пакистана, поскольку среди пуштунов сохраняется стремление к объединению и созданию независимого пуштунского государства – Пуштунистана. Это могло бы привести к отторжению от Пакистана районов проживания пуштунов.

Пока для талибов национальный фактор не имеет первостепенного значения, но этот вопрос может возникнуть в будущем. В настоящее время приоритетом является верность суннитской религиозной догматике, осложнившей отношения талибов с Ираном после убийства ими шиитских проповедников на западе Афганистана, что привело к демонстративному развертыванию 300 тыс. иранских войск на границе. События в Афганистане беспокоят также и Индию, в северной части которой проживают пуштунские племена.

Сегодня Афганистан превратился не только в полигон международного терроризма и религиозного экстремизма, но и в центр мирового наркобизнеса, по объему производства наркотиков он опередил Колумбию: 90% наркотиков, поступающих в Европу, имеют афганское происхождение, а их наплыв в Россию угрожает генофонду населяющих ее народов.

Намереваясь обеспечить продвижение наркотиков из Афганистана в Россию, страны СНГ и Европу, наркобизнес предпринимает усилия по созданию подконтрольного себе государства в Центральной Азии. В этих целях поддержку экстремистским замыслам оказывают такие партии, как «Хизб ут-тахрир аль-исламия» (Партия возрождения ислама), «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), Объединенная таджикская оппозиция (ОТО), которая на 70% содержится за счет продажи наркотиков, Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), которое включает в себя и уйгурских сепаратистов. ИДВТ пытается сделать ставку на диаспору уйгуров, проживающих в Казахстане, Киргизии и Узбекистане. Большинство из них бежало в свое время из Китая. В начале 2000 года уйгурскими боевиками была проведена серия террористических актов против работников и военнослужащих Синьцзян – Уйгурского автономного района Китая (СУАР)[2]. Подготовка боевиков для названных выше партий и организаций из граждан Киргизстана, Таджикистана, Узбекистана и России происходит в лагерях Афганистана. В составе вооруженных формирований, которые вторглись в августе 1999 и в 2000 гг. на юг Киргизии и в Узбекистан и были разгромлены, сражались боевики ИДУ, ОТО и Партии возрождения ислама. В трудном положении оказалось и руководство Таджикистана, которое не смогло ликвидировать на своей территории базы экстремистов, совершающие набеги на Киргизию и Узбекистан.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что исламский экстремизм, исходящий из Афганистана, угрожает безопасности республик Центральной Азии, России, Казахстана, Китая, а также Западной Европы. Дуга нестабильности от Филиппин до Косово превращает Центральную Азию в прифронтовой регион. Это требует скорейшего завершения работы над программой СНГ по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 года. Эта задача определена в Концепции внешней политики РФ 2000 г.: «Затяжной конфликт в Афганистане создает реальную угрозу безопасности южных рубежей СНГ, напрямую затрагивает российские интересы. Во взаимодействии с другими заинтересованными государствами Россия будет прилагать последовательные усилия в целях достижения прочного и справедливого политического урегулирования афганской проблемы, недопущения экспорта терроризма и экстремизма из этой страны».

Президент Киргизии А.Акаев заявил в октябре 2000 г., что он еще четыре года до этого предлагал провести в Бишкеке миротворческую конференцию под эгидой ООН по урегулированию внутреннего противостояния в Афганистане с участием всех заинтересованных государств и сторон. К сожалению, этот призыв не был услышан[3]. Генеральный секретарь ООН Кофи А.Аннан в годовом докладе о работе Организации за 1999 год напомнил, что в октябре 1998 г. и в марте 1999 г. представители ООН провели переговоры с властями стран, соседних с Афганистаном, а также с руководителями движения «Талибан» и Объединенного фронта. Однако после начала своего очередного наступления движение «Талибан» заявило, что не будет участвовать в переговорах под эгидой ООН.

5 октября 1999 г. в Москве состоялись очередные консультации представителей государств-участников Договора о коллективной безопасности (ДКБ), заключенного 15 мая 1992 г. в Ташкенте. В ходе консультаций было отмечено, что в связи с обострением событий в Афганистане Договор подтвердил свою необходимость для его участников. Документу принадлежит важная роль в локализации внутреннего конфликта в Таджикистане и в его разрешении путем создания преграды для любого вмешательства извне. Примером востребованности Договора стала оперативная разработка и осуществление государствами-участниками ДКБ и Узбекистаном экстренных совместных мер, в результате чего удалось пресечь действия вооруженных формирований международных террористов, проникших на юг Киргизии осенью 1999 г. В заключение участники консультаций продемонстрировали единство позиций «по объединению усилий в борьбе против международного терроризма как одной из наиболее серьезных и опасных угроз национальной и региональной безопасности и стабильности государств в современной геополитической обстановке». 10 марта 2000 г. в Москве при участии Президента РФ проходило экстренное заседание Совета глав МВД СНГ

по созданию антитеррористического центра. 20 августа 2000 г. в Бишкеке состоялась встреча президентов Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, подписавших Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью. Во встрече принял участие специальный представитель Президента РФ – секретарь СБ РФ С.Иванов. Было подписано Заявление, в котором содержалось обращение к Совету Безопасности ООН, ОБСЕ, ОИК, ко всем государствам мира не только решительно осудить международный терроризм и экстремизм, но и «перейти от деклараций к выработке практических мер, направленных на искоренение этой глобальной угрозы». Одновременно участники Договора о борьбе с терроризмом обратились к РФ с предложением присоединиться к этому Договору[4].

Для устранения угрозы международного терроризма в Азии, видимо, было бы важно завершить усилия по обеспечению безопасности и сотрудничества в этом регионе созданием системы общей и всеобъемлющей безопасности в Азии с учетом позитивного опыта деятельности Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), государств-участников Договора о коллективной безопасности, Договора о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, а также Договора об образовании Евроазиатского сообщества.

* * *

Следы международного терроризма просматриваются также в Европе, в частности, он активно проявил себя в развитии кризиса на Балканах. Этот вопрос обстоятельно исследован в монографии института Европы «Европа и Россия: проблемы южного направления» (М., 1999 г.) в разделе «Балканы». Поэтому можно ограничиться лишь новыми данными, подтверждающими выводы и оценки, содержащиеся в монографии, а также характеристикой ситуации, которая сложилась в этом регионе Европы. В частности, косовский опыт подтвердил на практике, что так называемая доктрина «гуманитарного вмешательства» или «гуманитарной интервенции» представляет серьезную угрозу для европейской безопасности.

В конце февраля 2000 г. лондонская газета «Санди таймс» поместила сенсационные данные о том, что агрессия НАТО против СРЮ была тайно подготовлена Госдепартаментом и ЦРУ США на основе сговора с руководителями албанских сепаратистов-боевиков, которые не имеют югославского гражданства, занимаются наркобизнесом и международным терроризмом, сделки прежде всего с главой так называемой Освободительной армии Косово (ОАК) Х.Тачи. Началом осуществления этого заговора явилось вторжение из Албании боевиков ОАК, которые в деревне Рачек убили четырех югославских полицейских. Это вызвало, как заявил в интервью Би-би-си Х.Тачи, ответную реакцию правительства

Белграда по очистке территории Косово от сепаратистов ОАК, что было использовано Вашингтоном для вовлечения европейских членов НАТО в военные действия против СРЮ. Многие европейские дипломаты, работавшие в Косово в составе международной миссии, были шокированы фактами, приведенными «Санди таймс»[5].

Как сама агрессия НАТО против СРЮ, так и использование Вашингтоном террористов ОАК является грубым нарушением международного права, в том числе ряда международных конвенций и деклараций о мерах по ликвидации международного терроризма и по борьбе с использованием, финансированием и обучением наемников.

Интересные данные привел известный французский политолог и журналист Поль-Мари де ля Коре в ежемесячнике «Ле монд дипломатик» за март 2000 г. в статье «Юго-Восток Европы, захваченный НАТО». Военные действия НАТО в этом регионе, отмечает автор статьи, означали расширение сферы деятельности НАТО за пределы североатлантического района на другие «зоны интересов США», в частности на Кавказ и Центральную Азию в соответствии с решением американского Конгресса от 1997 года. Развязав военные действия против СРЮ, говорится в статье, Вашингтон стремится установить «своего рода протекторат» Североатлантического союза над Косово, вытеснить Россию с Балкан и помешать ей в будущем «возродить свое влияние» в этом регионе.

Однако в отличие от агрессии США против Вьетнама, которая продолжалась в течение длительного периода времени, военные действия НАТО в СРЮ относительно быстро вызвали осуждение большинства населения Земли, в том числе и в самих странах НАТО. Сказалось и сопротивление самих сербов. Все это привело, – заключал П.-М. де ля Корс, – к «возникновению кризиса доверия» в рядах НАТО, что вынудило Вашингтон согласиться с мнением своих европейских союзников привлечь ООН к разрешению кризиса на Балканах. Это стало свидетельством фиаско экспансионистский линии НАТО на Балканах.

10 июня 1999 г. Совет безопасности ООН принял резолюцию 1244 по Косово, в которой декларировалось уважение суверенитета и территориальной целостности СРЮ, предусматривалось формирование Миссии ООН по делам временной администрации в Косово и Силы для Косова, призванных нормализовать обстановку в провинции; осуществить демилитаризацию ОАК и других вооруженных групп косовских албанцев; содействовать безопасному возвращению в свои дома всех перемещенных лиц и беженцев, разрешить вернуться в Косово согласованному числу югославских и сербских военнослужащих для несения службы на границах, обеспечения охраны сербских святынь и выполнения других функций.

24 августа 2000 г. постоянный представитель РФ при ООН С.В.Лавров на заседании Совета Безопасности заявил, что резолюция

1244 СБ ООН далека от своего выполнения. Более того, она по-прежнему нарушается в своих важнейших положениях: не решаются задачи обеспечения безопасности косовского населения, прежде всего сербского и турецкого населения края; не решаются задачи политического статуса Косово в составе СРЮ; не обеспечивается уважение суверенитета и территориальной целостности СРЮ. Боевики ОАК не разоружены, а продолжают безнаказанно бесчинствовать и притеснять меньшинства под вывеской Корпуса защиты Косово, что означает лишь их легализацию. Не встречая должного отпора, косовско-албанские экстремисты за последнее время занялись и поддержкой международных террористов, что представляет собой вызов безопасности многих стран, в том числе участников косовского урегулирования.

Вопреки возражению представителей России и многих международных экспертов Временная администрация Косово, созданная под эгидой ООН, приняла решение о проведении 28 октября 1999 г. выборов. Оценивая такую акцию, журналист Ж.-А.Деренс писал в журнале «Ле Монд дипломатик» от октября 2000 г., что «порочный протекторат» Косово организует выборы, которые станут «капканом». В него могут попасть мирные усилия по выходу из косовского кризиса. Несмотря на все эти предупреждения, выборы состоялись.

Результаты этих выборов, участники которых высказались за отделение Косово от Югославии, являются явным нарушением решения Совета Безопасности, принципов международного права, в том числе и права народов распоряжаться своей судьбой, игнорированием положения, предусматривающего уважение территориальной целостности государств.

Такой оборот событий в Косово ведет к блокированию выхода из косовского кризиса и грозит вновь превратить Балканы в пороховую бочку, взрыв которой имел бы непредсказуемые последствия.

Поэтому необходимо продолжать наращивать усилия для урегулирования и нормализации обстановки в балканском регионе как по линии ООН, ОБСЕ, так и по другим каналам. Надо актуализировать инициативу Греции о созыве межбалканской конференции с участием СРЮ. В этом же ключе было бы целесообразно вдохнуть жизнь в Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы, вновь вернуться к идее восстановления в той или иной форме единства Югославии. Следует напомнить, что до действий администрации Клинтона и некоторых правительств стран НАТО бывший президент США Д.Буш выступал за сохранение единства Югославии. Такая позиция разделялась тогда и Россией, Великобританией и Францией.

Если же придерживаться стремления повернуть историю вспять, что нашло свое проявление в замене права народов распоряжаться своей судьбой правом нации на самоопределение вплоть до создания государств исключительно на национально-этнической основе, то это породит лишь хаос и конфликты в международной жизни. Более того, такая установка может вызвать эффект бумеранга и для США –

привести к расколу американского народа и государства. А ведь этого и добиваются некоторые группировки международных террористов!

Уроки Косово показали несостоятельность и опасность политики как сговора, так и попыток умиротворения международных террористов. Позитивные свидетельства понимания этого находят свое отражение в развитии двухсторонних отношений России с другими государствами. По завершении визита Президента РФ В.Путина в Китай была подписана Пекинская декларация от 19 июля 2000 г., в которой говорится: «Национальный сепаратизм, международный терроризм, религиозный экстремизм и трансграничная преступность представляют серьезную угрозу безопасности суверенных государств, миру и стабильности во всем мире. Россия и Китай полны решимости на двусторонней и многосторонней основе предпринять активные и эффективные конкретные шаги по борьбе с вышеуказанными явлениями». Вопрос о блокировании возможностей оказания помощи преступным силам извне И.Иванов обсуждал в ходе визитов в ряде других стран. В соответствии с решением президентов РФ и США создана и работает на регулярной основе российско-американская группа по сотрудничеству в правоохранительной области. На ее заседании в мае 2000 г. в Вашингтоне обсуждались вопросы борьбы с организованной преступностью во всех ее проявлениях.

Международный терроризм – деструктивный вызов обществу и демонстративное игнорирование принципов международного права и общечеловеческой морали. Имея в виду масштаб террористической угрозы в мире, ее трансграничный характер, эффективно противостоять этому злу в одиночку не под силу, пожалуй, ни одному государству. В борьбе с терроризмом необходимо сплотить усилия всего мирового сообщества. В этой связи было бы целесообразно принять Кодекс государств по борьбе с терроризмом, который включал бы обязательства стран по всему спектру совместного и индивидуального противодействия и искоренению угрозы терроризма. Немаловажное значение имеет и идейно-пропагандистский аспект борьбы против терроризма, разоблачение его аморальности, полной неразборчивости в средствах, показ его смычки с такими угрозами демократическому обществу, как организованная преступность, незаконный оборот оружия и наркотических средств, легализация доходов от преступной деятельности, воинствующий сепаратизм и разжигание вражды и конфликтов между народами и этническими группами населения.

[1] Независимая газета, 11.11.2000.
[2] Независимое военное обозрение. – 2000. – № 37.
[3] Независимая газета, 10.10.2000.
[4] Дипломатический вестник. – 2000. – № 9.
[5] Независимое военное обозрение. – 2000. – № 10.

В.С.Романов

ПАНИСЛАМИСТСКИЕ СТРУКТУРЫ: МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ПРИЗЫВ К ДЖИХАДУ?

В последние годы Россия стала объектом пристального внимания исламских организаций, стремящихся использовать большой мусульманский потенциал страны в своих собственных политических целях. Столь откровенный интерес не может не вызывать обеспокоенности с российской стороны, поскольку подобного рода внимание не всегда может быть квалифицировано как доброжелательное, имеющее положительный эффект для культурного возрождения народов России, приверженных исламу.

Между тем религиозный фактор в жизни российского государства приобретает все большее значение для придания глубины общественному сознанию, для сохранения, развития и сплочения населяющих Россию народов. В этих условиях навязывание России конкуренции со стороны зарубежных миссионерских организаций различной конфессиональной направленности едва ли может быть терпимо. Тем более в случаях, когда деятельность подобных структур не совпадает с их целями, декларируемыми ранее.

В силу неоднородности существующих в мире направлений ислама говорить о какой-либо четкой его идеологической концепции затруднительно. Более того, нередки случаи, когда высокоморальные и категоричные декларации с позиции «самого истинного» ислама на практике служат маскировке узкокорыстных и эгоистических интересов. Анализ идеологических установок позволяет реконструировать своего рода «идеологическое кредо» так называемых исламистов. Политической целью их по сложившейся уже традиции объявляется полная исламизация государства и общества на уровне отдельно взятой страны, региона и даже мира. Именно из этого положения исходили великие мусульманские реформаторы – «отец» панисламизма Д. Аль-Афгани и его ученик и последователь Мухаммад Абдо, которые видели принципы «упадка исламской цивилизации и немощи ее политической власти не в самом исламе, а в пренебрежении и отходе мусульман от их вероучения». Из этого вытекает, что истинность ислама сохраняется по-прежнему, а, вне всякого сомнения, причины отсталости и упадка мусульман кроются в них самих, но не в религии как таковой. Поэтому нужен призыв (даава) к исламу вновь, но в очищенном от всего привнесенного в него извне.

При этом небезуспешны попытки внедрения в мусульманские регионы России догм ислама в их крайнем толковании, которые в ряде самих исламских государств запрещены или ограничены законом.

Данное обстоятельство особенно актуально для сегодняшней России с учетом происходящих событий на Кавказе, а также существования на границах России бывших среднеазиатских республик, в которых идут неоднозначно трактуемые политические процессы с явно исламской направленностью и где лидерами многих исламских организаций уже созданы и действуют пропагандистские центры. Очевиден их соблазн развернуть активную и массовую миссионерскую деятельность на территории России, включающую в качестве необходимого и мобилизацию сторонников, функционеров и боевиков. При этом одной из наиболее острых форм ортодоксального ислама является деятельность ваххабитских организаций, представляющая реальную опасность для суверенитета и целостности России.

В российском обществе среди политологов, исламоведов, общественных и религиозных деятелей, представителей правоохранительных органов в настоящее время не существует единой точки зрения в отношении ваххабизма, а также благотворительных исламских организаций, которые проповедуют в России его постулаты. Тем не менее, видимо, необходимо четко разграничивать ваххабизм как течение ислама и как прикрытие для проведения экстремистской деятельности. В этой связи следует также определить, чем являются многочисленные исламские благотворительные организации, действующие на территории нашей страны. В качестве примера можно рассмотреть организацию «Зам-Зам», в отношении которой, как известно, правоохранительными органами России недавно были проведены определенные мероприятия. Указанные события широко освещались в отечественных средствах массовой информации и получили неоднозначные оценки как среди специалистов – востоковедов, так и у общественности.

Эмиссары «Зам-Зам» появились в России в 1995 г. Возглавлял эту структуру гражданин Египта Эль-Лаббан, который попадал в поле зрения правоохранительных органов своей страны как лицо, причастное к экстремизму. Организация активно развивалась, имела свои филиалы в Узбекистане и на Украине, приобрела в собственность несколько квартир в Москве, участвовала в исламских форумах и семинарах. Эль-Лаббан не скрывал своих связей с лидерами исламских благотворительных организаций Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов и Кувейта, откуда получал значительные средства наличными для реализации проектов «Зам-Зам» в России. Примечательно, что при внешней независимости Эль-Лаббан был подотчетен в своей деятельности сотрудникам посольства Саудовской Аравии в Москве. Регулярно им направлялись письменные отчеты о развитии внутриполитической обстановки в России, Украине, Узбекистане, а также проводились много-

часовые консультации с сотрудниками посольства Саидом аль-Амри и Сулейманом аль-Могоши. Даже имели место факты получения от них благодарности за проделанную работу. Указанные случаи и являются вопиющим нарушением международного права, так как конвенция о международных сношениях 1961 г. запрещает участие сотрудников дипмиссий в коммерческих или гуманитарных проектах в странах пребывания. Само по себе это нарушение может не расцениваться как прямая угроза Российской Федерации, но существует один нюанс. В архивах «Зам-Зам» наряду с многочисленными документами об осуществлении гуманитарной деятельности имелась инструкция «Соблюдение мер безопасности при проведении исламской работы», которая не может быть расценена иначе, как пособие по подпольной работе. Этот документ был подготовлен и направлен своим филиалам за рубежом благотворительной саудовской организацией «Международная исламская организация спасения», больше известной в мире как «Аль-Игаса».

В этом контексте отношения Эль-Лаббана с сотрудниками посольства Саудовской Аравии в Москве приобретают совершенно другой оттенок. При этом, естественно, возникает вопрос: «Зачем благотворительной организации, которая официально провозглашает своей целью оказание благотворительной помощи, инструкция такого рода?». Полезно привести текст указанной инструкции целиком, чтобы читатель имел возможность сам сделать выводы относительно ее характера и целей.

«СОБЛЮДЕНИЕ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИСЛАМСКОЙ РАБОТЫ»

В учении ислама есть понятия духовной и физической безопасности. Ислам обеспечивает физическую безопасность человека, его родных и имущества. Борьба между справедливостью и несправедливостью непрерывна и вечна, что требует постоянной готовности верующего встретить противника достойно, с использованием всех мер для срыва его планов и намерений. Обеспечение безопасности исламской работы - это спокойная, рациональная и секретная деятельность. Знание основ безопасности необходимо для того, чтобы предпринять необходимый комплекс конспиративных мер при наступлении чрезвычайных обстоятельств.

1. Понятие безопасности.

Безопасность исламской работы - это система мер, предусматривающих преодоление всех препятствий, сдерживающих эту работу. Обеспечение безопасности может подразумевать защиту от действий: а) отдельного человека, б) конкретного учреждения, в) государства.

Сказано в Коране: «Любой человек, который живет осторожно, имеет свой хлеб и имеет весь мир». Пророк говорил: «Все, кто верит мне и делает добро, - все они мои последователи, и я обеспечу их

безопасность в жизни, и пусть они будут осторожными в ней»; «Если вы посылаете кого-то с новостями, чтобы никто не знал об этом».

2. Виды безопасности.

а) Личная безопасность предусматривает защиту жизни конкретного человека от различных посягательств на нее или предотвращение захвата его противником.

б) Безопасность руководства требует обеспечения безопасности местоположения, передвижения и проживания руководства.

в) Безопасность документации, передачи информации и офисов – крайне важный аспект в обеспечении исламской работы. Прежде всего здесь предусматривается защита передачи информационных сообщений, которая осуществляется с использованием следующих средств:

– по телефону; сообщение по телефону должно быть предельно лаконичным и кратким, без подробностей, долгие разговоры нецелесообразны. Важно иметь в виду, что противник осуществляет прослушивание телефонных переговоров;

– письменное сообщение; переправка письменного сообщения через почту категорически запрещена (оно может быть вскрыто противником). Передача возможна только через курьера, который должен быть абсолютно надежным и иметь информацию о содержании письма и о его получателе. Курьер действует только по приказу руководства и в установленное руководством время. В письменном сообщении не должно содержаться сведений, которые позволили бы противнику взять курьера с поличным.

– аудио- и видеокассеты; все аудио- и видеокассеты необходимо дублировать в официальных музыкальных салонах. Курьер должен иметь только дубликат, что позволит ему в случае опасности сослаться на то, что он приобрел указанную кассету на рынке, в магазине и т. п.

3. Безопасность документации и печатной продукции.

Черновики и документы уничтожаются в предельно сжатые сроки только путем сожжения. Наиболее важные материалы надлежит хранить только в надежных местах при наличии условий для их немедленного и быстрого уничтожения в случае опасности. Библиотека должна состоять из большого количества разнообразных книг, не только на исламскую тематику (соотношение: одна нужная книга, десять - ненужных).

Очень важно, чтобы документы и книги не были доступны жене и детям и чтобы они не догадывались о деятельности мужа и отца.

4. Безопасность собраний и встреч.

Пророк выбрал дом Аль-Аркама для встреч со своими сторонниками потому, что его соплеменники не знали, что Аль-Аркам - последователь пророка.

Сбор приглашенных должен проходить поодиночке, незаметно для окружающих, растянут по времени, осуществляться разными

маршрутами и, желательно, по немноголюдным улицам. Обязательно наблюдение за собирающимися со стороны для выявления слежки. Исключается приход группами. Исключаются встречи группами более 10 человек. Выбор времени и места встречи очень важен: он должен быть обоснован с точки зрения посещаемости конкретного места. Выбор одежды должен отвечать соответствующим условиям: если встреча в клубе - должен быть костюм и галстук, если в мечети - исламская одежда. Исключается разговор при встрече на повышенных тонах.

Необходимо проведение членами группы предварительного наблюдения за местом встречи с целью выявления наблюдения со стороны противника. Автомобили необходимо оставлять вдалеке от места встречи. При малейшем сомнении в надежности места встречи необходимо его срочно заменить. Необходимо учитывать надежность места встречи с точки зрения возможности его прослушивания противником. Семья хозяина места встречи не должна знать о встрече, предпочтительно отправить ее на время встречи в другое место.

Исключаются встречи с курьерами у отделений милиции или важных госучреждений, недопустимо опоздание на встречу, время встречи со связником должно быть строго регламентировано, отработан отход по времени.

Необходим четкий контроль за оценкой действий противника: любая информация о противнике и его действиях в отношении группы, полученная из гласных и негласных источников, должна своевременно передаваться руководству. Важна любая информация, даже если кажется, что она незначительна.

5. Ошибки в конспирации. Причины.

1) Индивидуальное поведение. Отсутствие личной дисциплины.

2) Недопустимость несанкционированных действий, даже если они вызваны наилучшими побуждениями.

3) Запрещение выполнения заданий, если они поручены другому лицу.

4) Несвоевременное информирование руководства о значимых событиях, что приводит к резкому снижению эффективности принимаемых решений.

5) Несанкционированное хранение и перевозка писем, печатной продукции, аудио- и видеокассет.

6. Поведение в случае ареста.

Необходимо четко представлять, что противник стремится создать впечатление, что он знает все о вас и ваших товарищах. Важно не подтверждать (даже косвенно) утверждений, которые звучат в его вопросах. Отвечать односложно только на вопросы, самостоятельных рассказов избегать. Следует учитывать, что противником широко применяется методика запугивания в сочетании с обещанием материальных и моральных благ.

7. Дезинформация противника.

Сейид Кутб говорил: «Среди людей исламского лагеря есть те, которые недооценивают дезинформацию противника. А ее использование крайне важно для его ослабления и направления по ложному следу».

Требования к дезинформации.

- Дезинформация должна согласовываться с руководством.
- Дезинформация не должна нанести ущерба исламской работе.
- Дезинформация не должна поселить вирус недоверия у товарищей.
- Дезинформация должна быть достоверной.
- Доведение дезинформации поручается только абсолютно надежному человеку. Об этом не знают ни товарищи по группе, ни семья.

8. Правила конспирации.

1. Вера в бога, отказ от греховного поведения.
2. Полное доверие руководству. Его приказы не обсуждаются.
3. Четкое определение возможностей исполнителя. Нельзя поручить ему задачу, с которой он не может справиться в силу своего психологического или физического состояния.
4. Секретность.
5. Болтливость - главный враг.
6. При организации работы с людьми необходимо учитывать возможность утечки информации: каждый знает только то, что должен знать.
7. Запрет на конспектирование задач, которые ставит руководство.
8. Самообладание и спокойствие при встречах с милицией.
9. Твердость, мужество и скрытность. Постоянная тренировка этих качеств.
10. Осторожность при выведывании необходимой информации: лучше получить меньше информации, чем вызвать подозрение противника.
11. Абсолютная легальность документов, удостоверяющих личность.
12. Отказ от исламских атрибутов в одежде и поведении (ношение бороды, исламской одежды, снятие обуви перед входом в помещение и т. п.).
13. Постоянная работа с членами своей семьи на предмет сохранения в тайне своей деятельности.

(При составлении указанной инструкции использовались следующие труды: 1. Фатхи Яким. «Основы исламской деятельности». 2. Сейид Кутб. «В свете Корана», «Путь к братьям». 3. Хусни Адхам Дирар. «Вызов к исламу».)

Таким образом, документ свидетельствует о том, что признаваемое в цивилизованном мире право способствовать развитию ислама для людей типа Эль-Лаббана – лишь легальное прикрытие деятельности, а реальная работа этих «проповедников» от ислама предполагает неукоснительное соблюдение мер безопасности, секретность и скрытность. Основываясь на установках Сейида Кутба, Фатхи Якима и Хусни Адхама Дирара (труды которых, кстати, запрещены на терри-

тории большинства арабских стран), руководящие панисламистские структуры разработали целую систему обеспечения безопасности «исламской работы» в виде «комплекса мер для преодоления всех препятствий, сдерживающих эту работу». Как видно, эта инструкция включает в себя разделы, раскрывающие не только понятие и виды безопасности, но и основные правила конспирации, связанные с хранением документации и печатной продукции, порядком подготовки к проведению собраний и встреч, получением информации о противнике из гласных и негласных источников. Действительно, как сказано в Коране: «Любой человек, который живет осторожно, имеет свой хлеб и имеет весь мир». Главенствующая роль во всей этой деятельности, осуществляемой под прикрытием исламского миссионерства, как уже говорилось, принадлежит «Международной исламской организации спасения», члены которой ранее неоднократно выдворялись за пределы России. Поэтому с учетом притягательности региона, даже если не учитывать чеченских событий, ее «проповедники», стараясь не повторять допущенных ошибок, решили тщательно конспирировать свою явно антиконституционную и противозаконную деятельность. Иначе для чего включать в инструкцию разделы о поведении «миссионеров» в случае ареста, а также о подготовке дезинформации для противника. Авторы также анализируют причины допущенных провалов и ошибок и дают рекомендации по их недопущению, предусматривающие, ко всему прочему, отказ, при необходимости, от исламских атрибутов в одежде и поведении.

Не может не вызывать сомнения, что подобные действия подрывают веру людей в чистоту ислама и отталкивают потенциальных верующих, стремящихся найти свой праведный путь к Аллаху.

В.И.Сажин

ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ - ПОРОЖДЕНИЕ НАРКОБИЗНЕСА И ТЕРРОРИЗМА

Международный комитет ООН по контролю над наркотиками (МККН) опубликовал устрашающие данные за 2000 г. по своему ведомству. В настоящее время в мире насчитывается около 180 млн. человек, нелегально потребляющих наркотики, что составляет 4,2% населения планеты старше 15 лет. С проблемами наркомании сталкиваются около 130 стран мира. В странах Запада 70% преступлений связаны с наркотиками. Ежегодно в СНГ от отравления наркотиками погибает до 20 тыс. человек. В России за 2000 г. выявлено 244 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, изъято 47,6 т наркотических веществ на общую сумму более 55 млн. рублей. Например, сегодня по сравнению с 1996 г. (кстати, это год начала укрепления движения «Талибан» в Афганистане) количество изъятых наркотиков в России возросло в 60 (!) раз. В Иране в прошлом году спецслужбы этой страны перехватывали ежемесячно более 21 т наркотиков, уничтожив или задержав при этом сотни наркокурьеров. Если принять во внимание, что вскрывается в среднем лишь порядка 10-15% преступлений, связанных с наркотиками, то можно представить моральный, гуманитарный, экономический и финансовый урон, который наносит человечеству наркобизнес.

Хорошо известно, что баснословные прибыли от наркобизнеса создают мощную финансовую базу для глобальной преступности. Причем губительная деятельность наркокартелей прослеживается в двух направлениях. Во-первых, наркотики напрямую убивают сотни тысяч людей по всему миру, обогащая наркобаронов. Во-вторых, наркобизнес, выросший на преступности, использует ее для обеспечения своих сверхприбылей. В последнее время наркобизнес вышел за рамки банальной и вульгарной преступности и стал субъектом политики. Ныне по его каналам финансируются террористические организации различного толка, которые являются главным детонатором вооруженных конфликтов во всем мире. В последнее время это преимущественно исламистские организации.

В истории XX века терроризм имел два разных цвета - коричневый и красный, причем с различными оттенками. Сегодня основной его цвет - зеленый. Это не случайность. Просто в определенные исторические эпохи терроризму выгоднее маскироваться и прикрывать-

ся различными радикальными идеологическими доктринами, которые в конкретный исторический момент имеют наибольшее распространение среди маргинальной части общества любой страны. Именно на такой маргинально-радикальной почве способны произрастать семена терроризма. Однако темпы и масштабы роста терроризма определяются интенсивностью подпитки его финансовыми ресурсами. Понятно, что здесь основную роль берут на себя преступные кланы вне зависимости от того, насколько близко стоят они к так называемым респектабельным слоям общества или даже к власти. Порой (и история подтверждает это) нередко сама власть, будучи, по сути, преступным картелем, является основным спонсором терроризма.

По подсчетам экспертов по борьбе с терроризмом, наркобизнес только в отдельно взятом Афганистане приносит ежегодный доход порядка 8 миллиардов долларов, большая часть из которых идет на нужды террористов и боевиков.

Упомянув талибский Афганистан, нельзя не отметить, что сегодня - это уникальная страна, где с особой наглядностью прослеживается неразрывная связь наркобизнеса и исламистского терроризма. В этих криминальных сферах задействованы миллионы людей, от руководителей движения «Талибан» до неграмотных крестьян и безработных. Талибские власти, несмотря на все свои заверения в необходимости борьбы с наркотиками, поощряют этот преступный вид деятельности, поскольку только наркобизнес в условиях талибского Афганистана является финансовой основой режима. Наркотики выступают в качестве главной валюты, обеспечивающей его существование и террористическую деятельность. Афганистан уже давно обогнал такие наркопроизводящие страны, как Бирма, Лаос, Таиланд, Колумбия и Пакистан, вместе взятые. Известно, что наркотики запрещены и осуждаются исламом: по Корану, ни наркоман, ни наркоделец правоверными мусульманами быть не могут.

Однако это не волнует «борцов за истинный ислам». Из районов Афганистана, занятых талибами, растущими темпами наступает наркоэкспансия. Эта страна вышла на первое место в мире по производству героина - 70-75% его общемирового производства. В 1999 г. Афганистан произвел почти 5 тыс. т опиума-сырца. И это по сравнению с 1600 т во всех других странах. В 2000 году в Афганистане, несмотря на сильную засуху, собран богатый урожай опия-сырца - 3,3 тыс. т. Из этого объема может быть произведено более 250 т высококачественного героина.

По данным специалистов по борьбе с наркобизнесом, около 60% полученного в Афганистане урожая опиума перерабатывается на предприятиях, расположенных вдоль границы с соседними странами. Оттуда героин и оставшийся опиум переправляется хорошо вооруженными и оснащенными современной техникой наркокурьерами на рынки сбыта. Так, часть наркотиков контрабандными путями поступа-

ет через страны Центральной Азии и Казахстан на запад - в европейские районы Российской Федерации, а оттуда - на Украину, в Белоруссию, Молдавию, Прибалтику и далее - в Восточную и Западную Европу, а также на север и восток - в Сибирь, на Дальний Восток. Другая часть - в Пакистан, Иран и далее через Иран несколькими маршрутами: в Турцию и далее - в Европу; на Кавказ и далее - в Россию; на север и далее – «везде»; на юг - в страны Персидского залива и далее - «везде». Эти разветвленные пути нарекли «Золотым полумесяцем». Рекордный выброс афганских наркотиков на «черные рынки» сбыта резко снизил их розничную цену. Почти двукратное удешевление наркотиков и одновременно увеличение их производства делает их более доступными даже для малообеспеченных людей. Это, по сути, наркотическая интервенция талибов против соседей, против региональных государств, против всего мира. Это аналог войны с применением оружия массового поражения.

Таким образом, наркобизнес по всей его цепочке - выращивание, переработка, производство, хранение, транспортировка, поиск и охрана коммуникаций к рынкам сбыта - стал, можно сказать, государственной отраслью талибской экономики. Весь этот сложный механизм афгано-талибского наркокартеля создан для того, чтобы получать сверхдоходы и финансировать власть талибов, одурманенную отнюдь не опиумом, а идеей создания мирового исламского государства. Для этого необходимо лишь захватить полностью Афганистан, а затем распространить свое влияние на весь регион. Афганистан сегодня - это главная база, центр исламистских экстремистов, а Чечня - их плацдарм на Кавказе. План исламистов после оккупации Чечни предусматривал дальнейшую экспансию в Дагестан и далее на другие регионы Кавказа. Еще одним плацдармом на территории бывшего СССР должна была стать Киргизия (Ошская область). По замыслу террористов и их покровителей, на первом этапе планировалось не только вторжение в Киргизию, но и отторжение Ферганской долины от Узбекистана, воссоздание исламского Кокандского ханства.

Для осуществления этих планов международным экстремистским исламистам требовались исполнители. Их-то и стали активно готовить на талибской территории Афганистана сотни специалистов. Эта страна превратилась в мировой всеисламский призывной пункт мусульманских радикалов, исламистских фанатиков, оппозиционных собственным правительствам. На его территории проходят подготовку 15 (по другим данным, до 60) тысяч экстремистов из 20 стран мира, которые под покровительством и при участии «террориста № 1» - Усамы бен Ладена отрабатывают приемы кровавой борьбы с «мусульманами-отступниками» и «неверными». Наемники, прошедшие спецподготовку в лагерях на территории талибского Афганистана, орудуют в российской Чечне, в Иране, индийском Кашмире, китайском Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Сегодня направление их

главного удара - Чечня и государства Центральной Азии: Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, куда в прошлом году вторглось около 1,5 тыс. боевиков. Расползаясь по территориям этих государств, они ведут своеобразную разведку боем перед грядущим броском на север.

Как сообщают немецкие разведывательные службы, исламистские террористы готовят весной 2001 г. массовое вторжение в государства Центральной Азии. А затем - на юг? или на запад? или на восток? Известно, что боевики-террористы, ученики бен Ладена, добрались до Северной Америки. Канадские спецслужбы сообщили, что территория этой страны используется бен Ладеном «для нанесения ударов по США». Теперь «воспитанники» афганских инструкторов могут угрожать американцам не только из-за океана, а непосредственно на территории США. Террористы бен Ладена планировали взорвать атомную электростанцию в австралийском городе Сиднее перед началом Олимпийских игр. Активно действуют исламистские террористы и в Западной Европе. В начале 2001 г. в Германии и Великобритании были арестованы две группы исламистских боевиков. Они готовили теракты против американских учреждений по всей Западной Европе. Во Франции состоялся суд над группой исламских экстремистов из Алжира, которые занимались преступной деятельностью во Франции. Эти исламистские группировки были напрямую связаны с бен Ладеном. Как заявил заместитель секретаря Совета Безопасности РФ Олег Чернов, «терроризм превратился в одну из более острых проблем современности, в фактор, серьезно дестабилизирующий обстановку не только в отдельных странах и регионах, но и во всем мире в целом». То есть весь мир становится мишенью фанатиков, исповедующих самые экстремистские средневековые идеи, глубоко чуждые и враждебные современному человеку.

Безусловно, истинный ислам здесь не при чем. Международные исламистские радикалы лишь спекулируют на исламских ценностях, прикрывая свои совсем не религиозные цели зеленым знаменем ислама. Известно, что мусульманский мир объединяет почти 1,5 млрд. человек, проживающих в огромном ареале от Австралии до Западной Африки. Каждая страна, каждый регион, где проживают мусульмане, имеет свои особенности, свои характерные черты, свои судьбы и свои пути развития. Подавляющее их большинство, основываясь на учении Пророка Мухаммада и действуя в русле общечеловеческих ценностей, вносит существенный вклад в мировой прогресс. Примером этого могут быть Малайзия, Турция, Египет, Иран и многие, многие другие. Но радикалы от ислама выбрали другой, внецивилизационный путь, отвергнув все общечеловеческие ценности, близкие и мусульманам, и христианам, и иудеям, и индуистам, и буддистам. Объясняется это тем, что лидерам международного исламистского экстремизма нужны власть и деньги.

Для финансирования международного исламистского движения используется разветвленная система различных коммерческих предприятий, фондов, оперирующих большими суммами денег и имеющих

связи с сетью организованной преступности в Европе и США. Отмытые ими наркоденьги вместе с оружием возвращаются назад и поступают исламским боевикам по всему миру. Те, в свою очередь, инициируют региональные конфликты. Как заявил недавно один из руководителей Федеральной пограничной службы России генерал-майор Александр Шайкин, «торговля наркотиками является одним из «двигателей» ряда региональных вооруженных конфликтов… Взять войну в Афганистане, там боевые действия ведутся во многом через покупку оружия в Пакистане в обмен на гашиш и героин. Этот «мотив» присутствует и в армяно-азербайджанском конфликте, и в событиях в Таджикистане, в Чечне». Следы деятельности наркобаронов можно увидеть также в вооруженных конфликтах в самом Пакистане, в Индии, Китае, Киргизии, Узбекистане, Дагестане.

По данным Совета безопасности России, в мире сейчас насчитывается более 500 формирований разного толка, использующих терроризм для достижения своих целей. Сегодня исламистские организации и группировки, финансируемые не в последнюю очередь за счет наркобизнеса, разбросаны по всему миру. Это отделения «Братьев-мусульман», «Джихад» и «Исламская группа» в Египте, «Сторонники шариата» в Великобритании, «Партия исламского освобождения» - во всем мире, включая постсоветские государства, «Исламская нация», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Исламские правительственные силы» - в Чечне, «Аль-Каида» - со своими отделениями по всему миру и многие другие. Однако, как считают специалисты, ядро этого исламистско-террористического интернационала, взращенного наркобизнесом, составляет недавно созданный «Исламский международный фронт борьбы с евреями и крестоносцами» (ИМФБЕК). Его политическое крыло возглавляет шейх Омар Бакри Мухаммад, проживающий в Лондоне, где и находится штаб-квартира организации. Лидером военного крыла ИМФБЕК является Усама бен Ладен, признанный всем цивилизованным миром как террорист и преступник номер один. Он же возглавляет свое детище - уже упомянутую организацию «Аль-Каида».

Все исламистские экстремистские организации можно разделить на три условные группы: политические, боевые и финансовые. (Иногда одна организация имеет эти три структуры). Первые определяют стратегию и тактику движения, обеспечивают идеологическое прикрытие и проводят пропагандистскую работу, вторые осуществляют кровавые акции, а третьи - финансируют всю деятельность. Такие «благотворительные» (в кавычках) организации, как «Общество социальных реформ», «Живое наследие Ислама» (Кувейт), «Катар», «Хаятуль-Игаса», «Исламский конгресс» (Саудовская Аравия), а также международная организация «Аль-Харамейн» собирают и напрямую или через третьи инстанции переводят на счета террористических группировок миллионы, в том числе и наркодолларов. Например,

организация бен Ладена «Аль-Каида», взращенная и питаемая наркодолларами, собирает средства для чеченских боевиков по всему миру и централизованно направляет их по назначению. Если остановиться на Чечне, то по данным экспертов, конфликт в этой российской республике поддерживается более чем 80 различными исламистскими фондами и организациями почти из 25 стран мира. Их основной источник, как всегда, доходы от наркобизнеса.

Таким образом, прослеживается логическая цепочка: наркобизнес - наркодоллары - террористы - оружие - вооруженные конфликты. То есть наркотики - это не только смерть для наркоманов, но и мина огромной мощности, подведенная под безопасность всей планеты. Именно поэтому борьба с наркобизнесом ныне преследует не только гуманистические цели, но и является важнейшей военно-политической и экономической задачей всего мирового сообщества. Как подчеркнул заместитель секретаря СБ РФ Олег Чернов, «нельзя говорить о том, что международное сообщество не принимает мер противодействия этой смертоносной чуме XXI века, однако масштабы террористической деятельности пока не снижаются».

Как решить эту важнейшую задачу? Как противостоять разгулу исламистского терроризма и нарконашествию?

Ответ один - только ответной консолидацией мирового сообщества. В 30-40-х годах ушедшего столетия общей угрозой цивилизации был фашизм. Великие державы, осознав это, преодолели глубочайшие идеолого-политические противоречия и создали антифашистскую коалицию, победившую в итоге главное зло. Сегодня мировое сообщество постепенно освобождается от идеологических оков. Оно способно объединиться перед лицом нынешней угрозы. В этой связи было бы логичным создание под эгидой ООН и Совета Безопасности международного Центра по борьбе с экстремизмом и терроризмом, который имел бы самые широкие полномочия и взаимодействовал с аналогичными национальными и региональными центрами. Настало время создать Всемирную специальную антитеррористическую службу, охватывающую своим воздействием все «терророопасные» точки планеты.

Аналитики многих стран пришли к единому мнению, что на рубеже веков международный наркобизнес и терроризм, окрашенные в зеленые цвета ислама, концентрируются в талибском Афганистане. Безусловно, ответ цивилизованного мира должен быть адекватен угрозе. И не следует идти на поводу у пропаганды исламистов, заявляющих, что борьба с исламистскими террористами - это война против ислама. Ведь всем уже ясно, что до тех пор, пока в Афганистане не будет установлен признанный международным сообществом государственный порядок, ориентированный на нормы международного права, а не на обычаи и порядки средневековья, борьба против терроризма, наркоэкспансии будет вестись не с первопричинами, а со следствиями, что не даст весомого успеха.

Специалисты считают, что в настоящий момент для устранения афгано-талибской угрозы необходимы решительные меры как превентивного, так и активного характера. Под первыми понимаются мероприятия по укреплению границ по периметру Афганистана, создания как бы «железного занавеса» вокруг талибов. Причем и в плане технического совершенствования пограничной зоны, и в плане ужесточения самого пограничного контроля. Недавно Тегеран принял проект создания на границе с Афганистаном системы защитных сооружений, оснащенных современными электронными средствами, спецоборудованием, а также программу подготовки высококвалифицированных специалистов. Планируется построить своеобразную 940-километровую «Великую иранскую стену» с целью пресечения любого вида контрабанды от восточного соседа. Есть договоренность о российской помощи в деле обустройства специальных пограничных сооружений. Россия, тысячью нитями связанная с государствами Центральной Азии, также стремится перекрыть дорогу афганским террористам и наркокурьерам на территорию СНГ и дальше в Европу. Российские пограничники, находясь в сложных условиях на таджикско-афганской границе, демонстрируют в борьбе с исламистским экстремизмом и наркобизнесом исключительно высокие результаты. Позиции России и Ирана в борьбе с «экспортом» исламистского терроризма и наркотиков - это примеры для других соседей Афганистана и, по всей вероятности, приглашение к сотрудничеству всех антиталибских сил.

Активные меры предполагают, во-первых, оказание помощи Северному альянсу, ведущему войну против талибов, в борьбе с этим режимом. Во-вторых, требуется нейтрализовать Пакистан, военнослужащие которого воюют на стороне талибов. В-третьих, активные меры предполагают также осуществление специальных операций с целью ликвидации или нейтрализации лидеров международного терроризма и наркобизнеса, уничтожение их баз, опорных пунктов, учебных центров. Опыт США по нейтрализации генерала Норьеги - панамского диктатора и одновременно «крестного отца» центральноамериканской наркомафии - мог бы пригодиться и в борьбе против исламистского террора и наркобизнеса. Когда Америка поняла, какую угрозу ее безопасности несет наркобарон Норьеги, она не стала рефлексировать по поводу законности или незаконности предпринимаемых мер. Была проведена решительная операция по захвату главы государства - наркогенерала. Интересно, что бы предприняли США, если бы экстремистский, талибский Афганистан граничил с ними, при этом пытался оторвать от Штатов Флориду или Калифорнию, развязав там исламистскую партизанскую войну? Хотя, как известно, исламистские боевики, выученные талибами, уже сейчас готовятся к «священной войне» против американцев, создавая свои опорные пункты в Канаде.

Конечно, было бы неправильным отрицать возможности и политического давления на талибов. Тем более, что они почти полностью

зависят от определенных кругов Пакистана. Именно через Исламабад следовало бы усилить дипломатический натиск на Кандагар. И вот здесь, по всей вероятности, кроется главная проблема. Что бы ни говорили пакистанские официальные лица, Пакистану не нужен мирный Афганистан. Пуштунский вопрос уже многие десятилетия, со времен искусственно созданной афгано-пакистанской границы по «линии Дюрана», дамокловым мечом висит над двумя странами. Есть сомнения, что пуштунский вопрос вновь не будет поднят Кабулом, когда в Афганистане наступит мир. И это может привести к этническим проблемам внутри Пакистана.

У другого игрока на политическом поле Западной Азии - Соединенных Штатов - также есть причина не спешить с урегулированием афганского кризиса. Талибы для американцев - это мощный и безотказный инструмент военно-политического воздействия на Россию, центральноазиатские республики бывшего СССР, Иран, Индию, да и Пакистан в том числе. Слишком хорош и универсален этот инструмент, чтобы отказываться от него даже ради головы так ненавистного США бен Ладена. Поэтому, на словах осуждая «Талибан» и инициируя принятие позитивных антиталибских документов в ООН, американцы не готовы сегодня принять решительные и конструктивные меры по ликвидации рассадника исламистского наркобизнеса и терроризма в регионе Западной Азии. А без активного, действенного и эффективного участия США и Пакистана решить проблему Афганистана невозможно. В связи с этим невозможно в настоящее время хоть както нейтрализовать девятый вал исламистского наркобизнеса и терроризма. Значит, угроза разрастания региональных конфликтов и возникновения новых остается.

И еще один важный вывод. Исламистский терроризм в значительной степени подпитывается деньгами наркобизнеса. И без прекращения потоков наркодолларов в структуры, связанные с исламистским терроризмом (основные русла этих потоков известны заинтересованным кругам), нельзя победить наркобизнес, поддерживающий терроризм, и тесно связанный с ним.

[1] *Сажин В.И.* Афганистан сегодня - угроза международной безопасности // Ближний Восток и современность. Вып. 8. - М.: Ин-т изуч. Израиля и Бл. Востока, 1999. – С. 140.

[2] *Сажин В.И.* Материалы радиопередач «Голоса России», 2000-2001 гг.

[3] Проблемы, события, люди. – Издание Государственной российской радиокомпании «Голос России», 1999-2001 гг.

[4] Сегодня в мире. Издание Государственной российской радиокомпании «Голос России», 1999-2001 гг.

[5] Материалы информационных агентств - ИТАР-ТАСС, РИА Новости, «Рейтер», «Ассошиэйтед-Пресс», «Франс-Пресс» за 1999-2001 гг.

А.Ю.Умнов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ НА БЫВШЕМ СОВЕТСКОМ ЮГЕ

Среди важнейших проблем, с которыми наша страна сталкивается во внешней и внутренней политике, одно из первых мест занимает исламизм (стремление создать новые государственные образования на базе мусульманской религии). Во времена советско-американской конфронтации эта тенденция рассматривалась главным образом как объективно работающая на один из двух полюсов тогдашней биполярной системы международных отношений. Хотя инерция подобных подходов нередко проявляется и сегодня, магистральным направлением анализа исламизма все больше становится выявление его особого места на мировой арене.

Разлом цивилизаций

Хотя отдельные очаги этого религиозно-политического явления можно встретить в самых разных уголках планеты, его основной географической базой выступает протянувшаяся от Балкан на западе через китайскую провинцию Синьцзян и Кашмир до Филиппин на востоке «дуга нестабильности». Даже при беглом взгляде на карту нетрудно заметить, что эта «дуга» охватывает как Ближний и Средний Восток, так и бывший советский юг, частично заходя за нынешние границы России (Северный Кавказ), частично не доходя до них (Центральная Азия).

В целом все эти районы исторически всегда составляли особый регион. Именно здесь в цепи пустынь и полупустынь более частые, чем где бы то ни было, миграции народов и вторжения завоевателей веками, а то и тысячелетиями создавали такую зависимость человека от внешних обстоятельств, от родственных (клановых) связей, которой не было ни в одном другом регионе мира. Именно здесь ислам с его символом веры («Нет Бога кроме Аллаха, а Мухаммед – его пророк»), отойдя от своей арабской первоосновы, окончательно сложился как мировая религия, жестко не связанная с конкретными этническими группами и тем более политическими режимами. Проповедуя непреодолимую границу между Богом и человеком (который в лучшем случае может выступать глашатаем божественного откровения, но никак не божественным воплощением), ислам изначально радикально отличался от христианства и буддизма, утверждающих возможность соединения Бога и человека в одном лице (будь то Христа или Будды).

Выйдя за пределы своего региона, и утрачивая адекватную базу, ислам, как правило, становился составной (хотя и особой и не самой бесконфликтной) частью иных, неклановых цивилизаций. Именно это произошло с исламом в России (Татария, Башкирия) и в Юго-Восточной Азии (Индонезия). Противоположный процесс произошел с христианством, которое, чтобы окончательно не быть вытесненным с Ближнего и Среднего Востока, было вынуждено приспосабливаться к тамошним реалиям. Так в европейском христианстве (католицизме, протестантизме и православии) Христос рассматривается в равной степени и как Бог, и как человек. В то же время у трех крупнейших христианских общин Ближнего и Среднего Востока (армян-григориан, арабов-маронитов и арабов-коптов) Христос трактуется как личность, в которой человеческое поглощается божественным.

В целом и в христианстве, особенно его господствующем европейском направлении, и буддизме сама религиозная традиция создавала базу для самоограничения (секуляризма) и даже самоотрицания (атеизма). В исламе же религиозная традиция действовала в обратном направлении. Изначально гораздо более заземленный, чем другие мировые религии, ислам в своей географической нише весьма долго сохранял теснейшую связь со всеми сферами жизни своих последователей, в том числе в области политики. Правда, начиная примерно с XVIII века, его «ниша» начала, во-первых, территориально сокращаться в результате экспансии европейских держав (прежде всего Британской, Французской и Российской империй), а во-вторых, «врастать» в становящуюся одновременно и все более секулярной и глобальной европейскую цивилизацию.

Первый процесс был сначала остановлен, а затем повернут вспять в середине XX века, когда рухнули Британская и Французская империи. Откат же второго, начавшийся в последней четверти прошлого столетия, получил сильнейший стимул в связи с распадом Советского Союза – преемника Российской империи. На этом фоне резко возросла напряженность между региональной (ближне-средневосточной, в основе исламской) цивилизацией и глобальной (европейской, в основе христианской) цивилизацией. И палестинская проблема на Ближнем и Среднем Востоке, и чеченская проблема в России объективно выступают лишь вершинами этого огромного и большей частью еще невидимого айсберга.

Как известно, построенная по принципу религиозной общности Организация Исламская Конференция (ОИК) объединяет в своих рядах 55 стран и Организацию освобождения Палестины (ООП). Правда, среди членов ОИК есть и такие, где мусульман относительно немного. Но в их подавляющем большинстве (т.е. примерно в четверти всех государств мира) приверженцы ислама действительно доминируют. В то же время лишь Иран, Афганистан, Пакистан, Мавритания и Коморские острова официально объявили себя исламскими. Осталь-

ные этого не сделали. Безусловно, свою роль здесь сыграла возможность резкого ухудшения межконфессиональных отношений там, где проживает немало немусульман. Но главное в другом.

Ислам, как и любая другая мировая религия, может и санкционировать, и отрицать существующую власть. Не случайно вскоре или сразу после обретения независимости страны с мусульманским населением официально себя не провозглашали исламскими (исключение, лишь подтверждающее правило, – Пакистан, Мавритания, Коморы). Обострение внутренних противоречий в дальнейшем, естественно, закрепляло такое положение. Лишь Иран и Афганистан, где грубое вмешательство извне (в первом случае США, во втором – СССР) чрезвычайно политизировали местный ислам, нарушили это правило.

В других же государствах борьбу за такое переименование ведут оппозиционные силы. Считая это предпосылкой не только резкого усиления религии, но и перераспределения власти и собственности в свою пользу, они прибегают к различным средствам: от мирной пропаганды до терроризма, от парламентской до вооруженной борьбы. Отношение властей к ним также варьируется от заигрывания до репрессий, от легализации до запрета. Причем, как показывает опыт Алжира, даже в случае победы исламистов на всеобщих выборах их претензии на власть могут быть отвергнуты. Подавляя или контролируя исламистов у себя дома, мусульманские страны нередко объективно заинтересованы в направлении их энергии вовне. Важнейшим (хотя отнюдь и не единственным) традиционным направлением здесь выступает противостояние с Израилем.

Советское наследство

Особенно сложна и противоречива проблема исламизма в Центральной Азии, а также на Южном и Северном Кавказе. Оказавшись к концу XIX века в составе Российской империи, эти районы в XX столетии стали составной частью СССР. Внешнее воздействие на местные традиционные структуры, на Кавказе частично, а в Центральной Азии почти полностью санкционированные исламом, оказалось здесь долговечнее и глубже, чем в Северной Африке или на Ближнем и Среднем Востоке. Советский Союз в отличие от Британской, Французской, да и Российской империй, их целенаправленно разрушал.

Это ярко проявилось в Центральной Азии, где место Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, которые опирались на союзы кланов разной этнической принадлежности, заняли построенные на базе отдельных этнических групп национальные республики. Цель операции - создать образования, не способные прочно стоять на собственных ногах и поэтому всецело зависимые от имперского центра. Таким образом, глубина внутренней ломки Центральной Азии при советской власти на порядок превышала разрушение традиционных связей в ходе инициированной Вашингтоном «белой революции» в

Иране и поддержанного Москвой коммунистического переворота в Афганистане. Ведь, несмотря на все потери и сотрясения, обе страны сохранили и санкционированную исламом межэтническую основу государственности, и территориальную целостность.

В Центральной Азии и то, и другое ушло безвозвратно. Поэтому после распада СССР противодействие дезинтеграционным тенденциям стало важнейшей задачей вчерашних советских республик – Казахстана, Туркмении, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. В принципе, такая же политика в советское время проводилась по отношению к примыкающей с севера к Кавказскому хребту преимущественно мусульманской части Северного Кавказа (оставшейся в составе России). Однако здесь она не имела столь глубоких последствий. Этому способствовали два главных фактора. Во-первых, осуществленный Москвой насильственный «развод» по «этническим квартирам» не сталкивался здесь со столь прочными традициями межклановой государственности. Во-вторых, местные национальные образования (Чечено-Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея) получили статус автономий в составе России, гораздо более формальный, чем статус союзной республики в рамках СССР. К тому же их большинство базировалось не на одной, а на двух этнических группах. На Южном Кавказе (ставшем независимым после распада СССР) советская политика по отношению к местным мусульманам была, пожалуй, наиболее благоприятной. Дело в том, что здесь в силу более высокого социально-экономического развития этнический принцип как основа государственности имел местные, а не внешние корни. После развала Российской империи в районе вполне самостоятельно появились независимые государства – Грузия, Армения, Азербайджан. В ходе их насильственной советизации, целью которой было создать наиболее безопасное для Москвы соотношение внутренних сил, территорию исторически христианской Армении максимально урезали, а в преимущественно христианской Грузии создали три автономии, в том числе две мусульманские. Населенные главным образом армянами Карабах и Нахичевань утвердили в качестве автономий в составе мусульманского Азербайджана.

В то же время целенаправленное манипулирование этническим принципом государственности, имевшим здесь внутренние корни, нанесло сильнейший удар по традиционно санкционировавшему межэтническую структуру общества местному исламу. Поэтому советская политика репрессий по отношению к нему здесь в отличие от Северного Кавказа и Центральной Азии оказалась более результативной.

В целом мусульманская религия во всех этих районах в разной степени сохранилась (правда, главным образом на уровне образа жизни). Что же касается теологии, то крайне ослабленная, она уцелела лишь в виде отдельных богословов-самоучек либо включенного в советскую структуру власти «официального духовенства». Долгое

время придавленный имперской атеистической властью ислам, казалось, был обречен если не на исчезновение, то на оцепенение. Но обострение внутренних противоречий (в частности, не обеспеченный земельными и другими ресурсами рост численности этнических мусульман), наложившись на кризисные, застойные явления в рамках всего Советского Союза, разбудило оппозиционный потенциал мусульманской религии. Причем произошло это не столько в официальной (тогда просоветской), сколько в неофициальной (тогда антисоветской) форме. Свою роль, безусловно, сыграли исламская революция в Иране и борьба моджахедов против коммунистов и советских солдат в Афганистане, - двух странах, расположенных на южных границах СССР.

Мифы и реалии

После распада СССР оппозиционный ислам в Центральной Азии и на Кавказе неожиданно встретил если не прямую поддержку, то понимание со стороны Москвы, которая теперь начала рассматривать его как чуть ли не союзника в противостоянии наследникам коммунистического режима на постсоветском пространстве. Это, естественно, не могло не осложнить ситуацию во вчерашних союзных республиках, и без того дестабилизированных развалом империи.

С особой силой это проявилось в Таджикистане, где российские солдаты, которых вполне хватило бы, чтобы радикально изменить положение в республике, бесстрастно наблюдали за началом гражданской войны между светскими силами и сторонниками исламской государственности. Правда, по мере развития событий все более явным для всех, в том числе и самих исламистов, становился тот факт, что их окончательная победа знаменует не возникновение новой исламской республики, а полный развал Таджикистана. То, что оказалось возможным в Иране и Афганистане, сохранивших традиционную, санкционированную исламом межэтническую структуру власти, оказалось невозможным в безвозвратно утратившем эту структуру Таджикистане, «скроенном» в советское время из частей Бухарского эмирата и Кокандского ханства.

В принципе та же опасность подстерегает и другие ставшие суверенными центральноазиатские республики и оставшиеся в составе России бывшие северокавказские автономии. Причем на Северном Кавказе в отличие от Центральной Азии исламу как объединяющей силе противостоит и начавшийся в двунациональных республиках (запрограммированный еще в советское время) процесс этнического дробления. Распад в недалеком прошлом единой Чечено-Ингушетии на Чечню и Ингушетию здесь, видимо, лишь «первая ласточка».

Особняком на общем фоне стоит, пожалуй, только южнокавказский Азербайджан, который как самостоятельное государство возник еще в досоветское время. Однако более высокий уровень секуляри-

зации местных мусульман по сравнению с Центральной Азией и Северным Кавказом, региональные и этнические противоречия в их среде делают перспективу его исламизации весьма отдаленной.

Объективно обусловленная принципиальная слабость исламизма на бывшей территории СССР делает здесь возможности его сторонников несопоставимыми с потенциалом исламистов в Северной Африке или на Ближнем и Среднем Востоке. Не имея базы своих зарубежных соратников, постсоветские исламисты разделяют их слабости. Как известно, приверженцы исламской государственности в Афганистане – моджахеды и талибы – уже давно воюют друг с другом. Причем отношения между Исламской Республикой Иран и контролирующими 90% территории Афганистана талибами также далеко не дружественны. Полагать, что на этом фоне объединительный потенциал постсоветского исламизма окажется значительно сильнее, нет никаких оснований.

Констатируя слабость и утопичность сторонников исламской государственности на бывшем советском юге, следует признать, что в отдельных районах мусульманских республик исламизм, смягчая местные противоречия, видимо, может сыграть локальную стабилизирующую роль. Именно так дело обстоит сегодня в Таджикистане, где не без содействия России светские силы пошли на раздел власти с исламской оппозицией. Но для других, стремящихся к сохранению жесткой централизации центрально-азиатских светских режимов подобная уступка исламистам представляется крайне нежелательной, если не вообще неприемлемой. В то же время позиция Москвы, интересы которой должны быть «привязаны» не к сохранению конкретного режима (в том числе и внутри собственной страны), а к стабильности на постсоветском пространстве, думается, может быть иной.

Ведь с учетом конкретных условий исламизм (независимо от субъективных устремлений) объективно способен выступать не только орудием криминальных элементов, но также проводником назревших перемен и необходимейшей подпоркой существующей государственности.

А.Ж.Хасянов

«ИСЛАМСКАЯ УГРОЗА» ЗАПАДУ И МЕРЫ ПО ЕЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ

Проблема исламской угрозы странам Запада, будь то США или государства Западной Европы, уже давно и широко обсуждается. В качестве аргументации ее обоснованности приводятся многие факты и рассуждения, вплоть до теории «столкновения цивилизаций». Конечно, трудно не признать того обстоятельства, что выдвигаемая многими на Западе доктрина непосредственной опасности, исходящей из мусульманского, прежде всего арабского мира, не лишена стройности и логичности. Более того, было бы ошибкой исключать вероятность исламской угрозы применительно к Западной Европе и Северной Америке. Однако еще большей ошибкой можно считать абсолютизацию этой во многом потенциальной на сегодняшний день угрозы.

В основе опасности внешнего воздействия ислама, а точнее сказать, мусульманского сообщества, в том понимании, которое демонстрирует Запад (речь идет о проявлении политического экстремизма и совершении актов террора), лежат главным образом внутренние причины, связанные с развитием самого исламского мира. Это можно отчетливо проследить на примере арабских государств, которые вступили в XXI век отягощенные острыми социально-экономическими, политическими, идеологическими, религиозно-этническими и культурными противоречиями. Сложность сложившейся ситуации на Арабском Востоке усугубляется тем, что практически ни одна попытка реформирования или модернизации государств региона и существующих в них общественных связей не только не была успешно завершена, но и не доведена до конца. В этих условиях правящие режимы в этих странах зачастую предпочитают силовой путь решения стоящих перед государством проблем, отвергая на деле, но не на словах альтернативу длительного поэтапного, объективно болезненного процесса трансформации общества. Одновременно с этим на внутренние противоречия арабского мира в целом и каждой его части в отдельности накладываются проблемы внешнего характера, связанные с вопросами геополитического соперничества различных государств или групп государств за доминирование в этом регионе земного шара. В большинстве случаев это соперничество сопряжено с экономической, политической и культурной экспансией Запада в отношении арабских стран. Естественной реакцией значительной части их

населения на неспособность местных режимов преодолевать многочисленные внутренние трудности и противостоять вмешательству Запада в политические процессы в регионе стал не только поиск новых моделей развития общества и государства, основой для которых является идеализируемый опыт прошлого Арабского Востока, связанный прежде всего с возвратом к исламской традиции, но и нетерпимость и даже враждебность к внешнему диктату, которые проявляются через рост антизападных настроений.

Тем не менее, вряд ли можно говорить о том, что все эти факторы ведут к формированию конкретной угрозы для стран Запада. Более логичным представляется, что Запад является для многих исламских деятелей, в частности в арабском мире, в том числе для сторонников жестких антизападников, всего лишь символом, призванным консолидировать мусульманскскую умму перед лицом «внешней опасности» в образе все тех же США и западноевропейских демократий для решения ее внутренних проблем. В то же время нельзя исключать вероятных эксцессов со стороны отдельных радикальных исламских групп, которые воспринимают символ «западной угрозы» слишком буквально. Яркой иллюстрацией этого может служить серия взрывов, устроенных боевиками выступающей за свержение светского режима в Алжире Вооруженной исламской группы (ВИГ) в Париже в июле-сентябре 1995 г. Однако следует отметить, что эти террористические акты, повлекшие за собой человеческие жертвы, должны были стать предостережением для Франции против ее прямой вовлеченности в алжирский конфликт. Вместе с тем следует указать на то обстоятельство, что последующие события продемонстрировали несогласие большинства оппозиционных алжирскому режиму исламских организаций с тактикой действий ВИГ во Франции и их нежелание следовать ее примеру[1]. Это объясняется тем, что западноевропейские страны рассматриваются исламистами, включая алжирских сторонников политического ислама, не столько как «территория противника», сколько в качестве их тыловой базы, призванной создать относительно комфортные условия для зарубежной поддержки антиправительственной деятельности, направленной на утверждение своих идей на своей родине, в том числе силовыми методами, и с этой целью обеспечить «борцов за веру» всем необходимым, включая оружие.

В связи с этим вполне оправданными представляются действия отдельных стран Запада и тем более их скоординированные усилия по предотвращению проявлений политического экстремизма и террористической деятельности со стороны исламских организаций и движений на их территории. Однако анализ итогов противодействия западных демократий исламской угрозе заставляют задуматься о степени ее серьезности. С этой целью достаточно рассмотреть широкомасштабную антитеррористическую операцию, проведенную в пяти странах Западной Европы накануне открытия Чемпионата мира по футболу 1998 г. во Франции.

Согласно сообщениям западноевропейских СМИ, предлогом для проведения этой операции, в которой участвовали силы правопорядка Франции, Германии, Бельгии, Италии и Швейцарии, стала информация о якобы готовившихся террористических актах, которые должны были быть осуществлены мусульманскими боевиками, прежде всего из ВИГ, в дни мирового первенства по футболу в различных французских городах. Однако нельзя исключать того, что антитеррористическая операция, готовившаяся в течение нескольких месяцев в условиях полной секретности, носила не столько упреждающий характер, сколько была попыткой продемонстрировать международным экстремистам, включая мусульманских, готовность правоохранительных органов Франции и соседних с ней стран к самым решительным мерам по недопущению каких-либо серьезных провокаций в период крупных международных соревнований. Координация всех действий в рамках этой акции и общее руководство над ее осуществлением на территории пяти вышеназванных государств были возложены на французского судью Жана-Луи Бругейра. Этот выбор был неслучаен, так как в его компетенцию входило расследование дел, связанных с терроризмом. Примечательно, что в ходе операции были задействованы каналы международной полицейской организации «Интерпол», штаб-квартира которой также расположена во Франции[2].

Проведение операций было начато одновременно на рассвете 26 мая 1998 г. во всех пяти странах. Во **Франции** в ней было задействовано около 400 полицейских и сотрудников спецподразделений по борьбе с терроризмом вооруженных автоматическим оружием. Полицейские рейды были проведены в 43 районах Парижа, Лиона, Марселя и на острове Корсика. Острие специальных мероприятий было направлено против алжирской Вооруженной исламской группы, члены которой подозревались в проведении терактов на территории Франции и создании законспирированной сети по всей стране, занимавшейся контрабандой оружия и взрывчатых веществ. В течение нескольких часов французская полиция задержала 53 человека, в основном алжирцев, в том числе одного человека, который находился в международном розыске по подозрению в участии в организации неудавшегося взрыва в Париже в апреле 1998 г. Однако шесть человек из числа задержанных были освобождены в тот же день после проведения допроса, так как органы правопорядка страны не имели каких-либо доказательств их противоправной деятельности на ее территории, хотя по французскому законодательству полиция имеет право задерживать граждан на период до четырех суток без предъявления им обвинения. На следующий день, 27 мая, полиция задержала еще двух выходцев из Северной Африки. Спустя несколько дней, 8 июня, французские правоохранительные органы провели арест еще девяти человек, которые подозревались в том, что они являлись помощниками или доверенными лицами одного из лидеров ВИГ Хасана

Хаттаба. Семеро из них были задержаны в Париже, а остальные двое - в Карпантре на юге страны и в Рубее на севере Франции. В ходе этих рейдов французская полиция изъяла видеокассеты, компьютерные дискеты, поддельные удостоверения личности, различные документы и крупные суммы денег наличными и банковскими чеками на общую сумму 500 тыс. франков. В то же время полиции не удалось обнаружить никаких следов взрывчатки или арсеналов оружия. За все дни проведения антитеррористической операции был изъят всего лишь один пистолет[3].

По схожему сценарию проводилась специальная операция и в **Германии.** Территориально она охватила земли северной части Рейн-Вестфалии, Бонн и Карлсруэ, где были осуществлены полицейские рейды и обыски. Как отмечалось в прессе, германской части совместной антитеррористической операции уделялось особое внимание в силу проживания в этой стране большого числа эмигрантов из арабских стран. В ходе ее проведения германская полиция конфисковала в семи районах Карлсруэ видеокассеты, компьютерные дискеты и листовки. В числе арестованных в Германии лиц называли 27-летнего Аделя Мешата и 29-летнего Омара Сейки, которые подозревались в том, что, являясь доверенными лицами Хасана Хаттаба, выполняли его конфиденциальные поручения в странах Западной Европы. Примечательно, что сразу после их ареста, который произошел в первый день операции, ее генеральный координатор Ж. -Л. Бругейр немедленно вылетел в Германию для участия в их допросе. Одновременно с этим тогдашний министр внутренних дел Франции Жан-Пьер Швенеман выступил на специальной пресс-конференции с заявлением о том, что его ведомство приступило к оформлению всех формальностей, необходимых для выдачи А. Мешата и О. Сейки французским властям[4].

В **Бельгии** зона проведения операции была ограничена несколькими районами Брюсселя и южным городком Шарлеруа. Однако сами организаторы полицейских рейдов признали, что ее эффективность на бельгийской территории была весьма низкой. Предполагалось, что именно в Бельгии располагалась «фабрика» ВИГ по производству бомб, использовавшихся для проведения террористических актов, на базе одной из фармацевтических лабораторий. Однако все усилия по ее обнаружению не принесли никаких результатов. Кроме того, в Бельгии не было произведено никаких громких задержаний, а один из известных властям сторонников Х. Хаттаба, действовавший в этой стране, Фарид Мелук уже отбывал семилетний срок в бельгийской тюрьме[5].

Несколько более успешными по результатам были полицейские акции, предпринятые в **Швейцарии.** Так, федеральная прокуратура этой страны задержала несколько человек, которые подозревались в причастности к контрабанде оружия из Восточной Европы в Алжир. В

отношении двух задержанных в Цюрихе лиц была начата процедура экстрадиции во Францию[6].

Наибольшая удача выпала на долю правоохранительных органов **Италии**, на территории которой операцией руководил заместитель прокурора Милана Стефано Дамбруосо. Основные усилия итальянской полиции были сконцентрированы на городах, расположенных на севере страны. В ходе специальных мероприятий в Милане, Болонье, Наполи и Бергамо органам правопорядка удалось вскрыть подпольную сеть, которая занималась контрабандой оружия по маршруту Братислава - Цюрих - Милан -Наполи и далее в Северную Африку, прежде всего в Алжир. В связи с этим полиция арестовала 22 алжирца, подозреваемых в принадлежности к этой раскрытой сети. Все они являлись членами радикальной исламской организации «Т-Такфир ва-ль-Хиджра», поддерживавшей тесные связи с ВИГ[7].

В результате этой крупномасштабной международной операции, в подготовке и проведении которой принимали участие пять государств, а также «Интерпол», полицией было задержано около 120 человек. Основанием для их задержания послужили подозрения в их причастности к деятельности исламских экстремистских организаций и группировок, использовавших в своей практике методы террористического устрашения. Кроме того, были изъяты крупные суммы денег и различные документы, включая поддельные удостоверения личности. По заявлению швейцарской федеральной прокуратуры и итальянской полиции, удалось перекрыть незаконные каналы доставки оружия из восточноевропейских стран исламским боевикам, которые вели вооруженную борьбу против алжирских властей. Тем не менее правоохранительные органы Франции, Германии, Бельгии, Италии и Швейцарии не смогли обнаружить каких-либо арсеналов оружия и взрывчатки на территории своих стран, а также подтвердить свои версии о связях мусульманских, прежде всего алжирских радикалов с исламскими группировками в Иране, Судане, Афганистане, а также с итальянской мафией[8].

Было бы опрометчивым делать глубокие обобщения по результатам какой-либо одной, пусть и крупной международной полицейской операции. Вместе с тем представляется возможным констатировать, что опасения Запада относительно исламской угрозы не лишены оснований, но слишком преувеличены. Бесспорным фактом является то, что многие радикальные исламские организации и движения используют территорию западноевропейских государств в качестве своей тыловой базы, осуществляя там незаконную деятельность, связанную с контрабандой оружия и другими преступлениями. Естественно, что такая противоправная практика должна четко преследоваться и пресекаться. Однако в этом контексте нельзя говорить об «исламской угрозе», понимая под этим термином целенаправленные усилия исламистов, как из числа постоянно проживающих на территории западных

стран, так и временно находящихся там лиц, по дестабилизации политического положения в этих государствах с применением силового давления, включая проведение террористических актов. Кроме того, следует учитывать богатый опыт Запада по мирному сосуществованию с «исламскими диссидентами», находящими там убежище от преследования со стороны правящих режимов некоторых мусульманских стран. Примеры этого не столь уж редки. Достаточно вспомнить традиционную практику Великобритании, той же Франции, Испании, Италии и других государств Западной Европы в данном вопросе[9].

Значительно более актуальной и, главное, реальной опасностью для Запада является ситуация с многочисленными выходцами из стран Африки и Азии, прибывающими в развитые государства в поисках лучшей жизни. В своем большинстве они в силу различных объективных и субъективных причин не в состоянии адаптироваться к незнакомым для них реалиям жизни на новой родине, найти там работу и жилье, превращаясь в отверженных в западном обществе. Столкнувшись с трудно решаемыми социальными проблемами, они часто вынуждены искать выход из положения, находя его в разнообразной незаконной деятельности, особенно характерной для молодежи. Тем самым создается питательная среда для пополнения рядов радикальных экстремистских организаций и групп, в том числе исламской ориентации. Не решая кардинально и целенаправленно этот комплекс проблем и концентрируясь только на борьбе с их последствиями, включая преступность, экстремизм и терроризм, рано или поздно Запад действительно может столкнуться с исламской угрозой, которая примет конкретные очертания.

[1] *Бабкин С. Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. - М., 2000. – С. 147, 155.

[2] The Economist. – London, 1998. – Vol. 347. – № 8070. – C. 52; Le Figaro. Paris, 27. 05. 1998; International Gerald Tribune. Paris, 27. 05. 1998; Le Monde. Paris, 27. 05. 1998; La Republica. Roma, 27. 05. 1998.

[3] The Economist. – London, 1998. – Vol. 347. – № 8070. – C. 52; Le Figaro. Paris, 27. 05. 1998; International Gerald Tribune. Paris, 27. 05. 1998, 28. 05. 1998, 09. 06. 1998; Le Monde. Paris, 27. 05. 1998; La Republica. Roma, 27. 05. 1998.

[4] Le Figaro. Paris, 27. 05. 1998; International Gerald Tribune. Paris, 27. 05. 1998, 28. 05. 1998; Le Monde. Paris, 27. 05. 1998; La Republica. Roma, 27. 05. 1998.

[5] Le Figaro. Paris, 27. 05. 1998; International Gerald Tribune. Paris, 27. 05. 1998.

[6] Le Figaro. Paris, 27. 05. 1998; International Gerald Tribune. Paris, 27. 05. 1998, 28. 05. 1998.

[7] Le Figaro. Paris, 27. 05. 1998; International Gerald Tribune. Paris, 27. 05. 1998, 28. 05. 1998; La Republica. Roma, 27. 05. 1998.

[8] International Gerald Tribune. Paris, 28. 05. 1998: La Republica. Roma, 27. 05. 1998.

[9] *Поляков К. И.* Религиозная оппозиция в Саудовской Аравии. // Арабский сборник. Вып. 2. - М., 2000. – С. 55.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".
19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
55. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
59. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
60. **Аль–Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
66. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов** "Алжир: кризис власти".
69. **Зеэв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World". In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)

42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The Middle East: Problems of regional Security" № 9, (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
56. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
59. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
60. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Poljakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
66. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
67. "The contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИСЛАМИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
(сборник статей)

Составитель сборника доктор геополитики, действительный член Академии геополитики и безопасности **М.Р.Арунова**

Подготовка к печати **В.В.Хуторская**

Подписано в печать 14.05.2001 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 16,25. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 131

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»
103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5